

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2(46)'2023

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Евгений ДЕМЕНОК

Отдел литературной критики
Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:
Дмитрий Бураго (Киев), Евгений Голубовский (Одесса),
Владимир Гутковский (Киев), Олег Дрямин (Одесса),
Алёна Жукова (Торонто), Олег Зайцев (Минск),
Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков),
Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса),
Олеся Рудягина (Кишинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Интернет-версия журнала: ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie

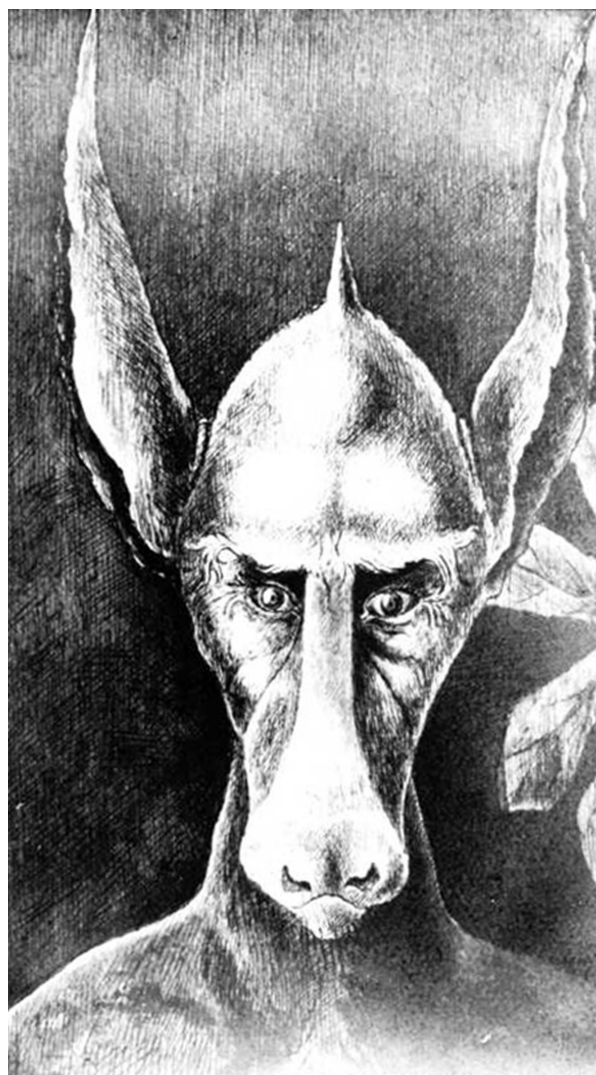
Ariella Publishing
Philadelphia
2023

Литературно-художественный журнал «Южное Сияние» (№2, 2023)
Literary magazine «South-lights»
ISSN 2226-647X

Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»
Founder – Public organization «South-Russian Writers Union»

Published by Ariella Publishing | Philadelphia, Pennsylvania
First printing May 2023

© «Южное Сияние», 2023

Георгий Цомакион. Мудрость.

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Сергей Главацкий. Расскажи нам, наш пепел... <i>Стихотворения</i>	6
Одесса: Александр Хинт. Тьма называется ночь. <i>Стихотворения</i>	12
Одесса: Наталия Тараненко. Мы просто притворились, что мы есть. <i>Стихотворения</i>	17

ПРОЗА

Одесса: Анна Михалевская. Методом исключения. <i>Рассказы</i>	23
Одесса: Алексей Рубан. Дом наш из белого камня. <i>Миниатюры</i>	40
Одесса: Андрей Никитин. Семьянин. <i>Рассказы</i>	45

ПОЭЗИЯ

Феодосия: Ника Батхен. Снег как сброшенная кожа. <i>Стихотворения</i>	55
Борнмут: Борис Фабрикант. Время не узнаешь на просвет. <i>Стихотворения</i>	60
Москва: Алексей Котельников. Nostalgie. <i>Стихотворения</i>	64

ПРОЗА

Одесса – Иерусалим: Евгений Кузьмин. Одно пришествие. <i>Рассказ</i>	70
Одесса: Галина Короткова. Плоды воспитания. <i>Рассказы</i>	76
Одесса – Сизга: Галина Соколова, Элла Мазько. Аvi. <i>Рассказ</i>	87

ПОЭЗИЯ

Киев: Дмитрий Бурого. Вечный дом. <i>Стихотворения</i>	90
Москва: Андрей Коровин. Кошки, мыши и прочие звери. <i>Стихотворения</i>	97
Казань: Алексей Остудин. Высоковольтный гул цикад. <i>Стихотворения</i>	103

ПЕРЕВОДЫ

Англоязычная поэзия в переводах Жанны Жаровой

(<i>Эдгар По, Блисс Карман, Уильям Дэйвис, Роберт Фрост</i>)	107
--	-----

ПОЭЗИЯ

Москва: Константин Кедров-Челишев. Я в храме жизни прихожанин. <i>Стихотворения</i>	117
Москва: Александр Карпенко. «Память, бабочка мнемозина...». <i>Стихотворения</i>	122
Белгород: Александр Оберемок. Недосмотренный конь и тройянский сон. <i>Стихотворения</i>	127

ПРОЗА

Ростов-на-Дону: Ольга Андреева. Сосо. <i>Рассказ</i>	133
Кострома: Зинаида Варлыгина. Последний день гастролой. <i>Повесть</i>	137
Москва: Елена Вадюхина. История одной куклы. <i>Сказка</i>	146

ПОЭЗИЯ

Кипшинёв: Ирина Ремизова. Тихие мельницы Божьи. <i>Стихотворения</i>	152
Москва: Марина Чиркова. Нежнейшей судорогою рук. <i>Стихотворения</i>	157
Ярославль: София Максимычева. В периметре обыденного сада. <i>Стихотворения</i>	161

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

Кан, Нормандия: Валерий Байдин. «Петербург» Андрея Белого и «Чёрный квадрат»	165
---	-----

«ЛИТМУЗЕЙ»

Судак: Людмила Корнеева. **Сонетные метки на пути Аделаиды Герцык** 170

«СЕТЧАТКА»

Москва – Гонконг: Мария Козлова. **Поэт шестого чувства. О поэте Николае Шатрове** 182

Вологда: Елена Титова. **Концептуальная поэзия: истоки, особенности и последствия** 190

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

В трёхстах шагах от яростной зимы. О книге Софии Максимычевой «Дурочка» 198

Свет и тьма, обведённые мелом. О книге Геннадия Калашикова «Ловитва» 200

От чернозёма к двери небосвода. О книге Романа Смирнова «В городе» 203

Между зверем и Богом. О книге Григория Князева «Живые буквы» 205

Там, где живёт непуганое слово. О книге Владислава Китика «Светлое время дня» 207

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

Умка: «превратиться в слова». О книге Ани Герасимовой (Умки) «Кирпич на кирпич» 210

Неистовый Вадим. О книге Вадима Ковды «Валу» 212

Цветок любви. О книге Эльдара Ахадова «Хары-бюльбюль» 214

Мост из прошлого в будущее. О книге Галины и Павла Барышиниковых «Мост для императора» 216

Выговаривание звука. О книге Александра Воловика «Он это я» 217

Хождения по мукам и хвост морковкой. О книге Елены Данченко «Морковка для лошади Синтер Клааса» 220

«КОНКРЕТИКА ОТ КРИТИКА»

Ереван – Москва: Нарине Эйрамджянц. **Роман-житие Светланы Василенко «Дурочка»** 222

«ШКАФ»

Москва: Станислав Айдинян. **Книга путешественника по литературе.**

О книге Александра Руднева «Путешествия по литературе» 229

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

РАССКАЖИ НАМ, НАШ ПЕПЕЛ...

Признайся, что идут бои
Внутри тебя, как и на фронте.
Все мысли и мечты твои –
О замолчавшем горизонте,
О тихих, мирных небесах,
Где даже грома не отведают.
Признайся: на твоих весах –
Твоя и общая победа.

Но отступая в скорлупу
Тебе чужого континента,
Ты носишь совесть на горбу,
Как своей родины фрагменты,
Как брудершафт наедине,
Как крест пустой, но многоместный,
И что ты чувствуешь, вполне
Давно уехавшим известно.

И в саблезубой тишине,
Где места грому нет и вовсе,
Услышав страх сквозь омут нег,
Стать бомбой атомной готовься,
Раз ветер над тобой – в бегах,
А солнца круг – что отраженье,
И убедись: в твоих руках
Победа, но не поражение.

И в этот миг, сглотив мечты,
Стыдом разя, без права вето,
Признайся, что мечтаешь ты
О тихих солнечных рассветах,
Забывших сонный паралич,
И новых дней без птичьей тризны
Не для себя, а только лишь
Для погибающей отчизны.

КОМЕНДАТСКИЙ ВЕК

По эту сторону стены,
в уме перебирая числа,
не смея думать о заре,
радаром глаз своих озябнув,

не ловим свет огней сквозных
от потерявших призрак смысла
недостижимых фонарей,
горящих за стеной внезапной.

Сквозные трещины Земли,
откуда шаг до небосвода,
и червоточины без дна,
и решето отвесных скважин –
мы предсказать их не могли,
но знаем, что на дне – свобода.
Лежит в могиле подле нас
весь мир, который был нам важен...

А жизнь в крутом своём пике
к стене подопытной прижалась,
и компас был не при делах,
и прерывался прорвой вектор.
А там, за бездной, вдалеке
дорога наша продолжалась
и словно зарево была
иллюминация проспекта.

По эту сторону войны
луна ураном начинялась,
погасло солнце светляком,
светило только наважденье,
и магистраль с той стороны
широкой бездны начиналась,
и падать было высоко,
ловя свободное паденье.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЗАВИСИМОСТИ

Мы научимся жить, погребая себя,
Не жалея ничуть и совсем не скорбя.
Поперёк бацьки в петлю – иначе нельзя
С февраля по февраль, и опять с февраля,
По зиме, по земле посчитают крысят,
Красной ленточкой станет дурная петля.
Как же ловко столкнули храмовники хаоса
Лбами тех, кто свой разум поставил на паузу!

Это разум на ветер и дым в парусах,
Околдованный ворог в стеклянных глазах...
Научаемся жить, погребая своих,
И хороним своих мертвецов, что AI,
Коллективный сошедший с ума конвоир,
Моментально, не глядя бросая в Аид,
Продолжая храмовников хаоса миссию,
Пусть хоть в Тартар они попадут, хоть в Элизнум.

По делам, поделом, после всех катастроф,
Потеряв под обстрелами разума кров,
Мы очнёмся вне Бога и сразу поймём,
Что, посеяв мишени, пожали гробы,
Что дурачат лишь тех, кто не вышел умом,
Что мы сами виной в суициде судьбы
И в итоге к безумной войне евхаристии –
Ни страны, ни людей, ни, тем паче, амнистии.

ДЕФЕКТ ЗЛОВЕЩЕЙ ДОЛИНЫ

Тебя оккупировал мрак безнаказанно,
 Обойма бесплодных матрёшек пуста,
 И ненависть, напрочь лишившая разума,
 Тебя разъедает, как ржавчина – сталь.

Какой же теперь из тебя homo sapiens?
 В тебе человеческого – ничего.
 Лишь чакры колючие, как астроябни,
 В панических спазмах, едят существо.

Зловещей долины дефект во все стороны
 Торчит из тебя, словно тело ежа
 Стального, того, у которого поровну
 Умиротворения и мятежа.

Тебе не помогут ментальные клиники,
 От бесчеловечности нет волшебства.
 Лишь чакры сушёные, будто бы финики,
 В тропических язвах, заметны едва,

И лишь человека бывшего подобие –
 Как будто из мёртвых восстал эмбрион
 Бесплодной матрёшки, поправший надгробие,
 Как вирус, и имя ему – легион.

Соцветия ненависти, как заразу, мы
 Не видим, вдыхая погибель племён.
 Глупей человека, лишённого разума, –
 Лишь робот, считающий, будто умён.

Хтонический сумрак подспудно корыстен, а
 Оглохший – от ненависти не привит.
 Страшней человека, лишённого истины,
 Есть только безумец, лишённый любви.

Воспоминаний больше нет.
 Я знаю, истина в огне.
 Мое лицо – идущий снег,
 У всех вокруг такие рожи.

У каждого есть свой кессон,
 Наверно, просто не сезон,
 У века гробовой фасон,
 Квадратных выводов матрешек.

Вся твердь – бесцветная зола,
 А человек – он белый флаг,
 Тех гуманоидов – аншлаг,
 Земля для них – флагшток и ложе.

Клон-альбинос, манкурт в чадре,
 Антропоморф, анахорет –
 Вот мой доподлинный портрет.
 Забрали жизнь – снимайте кожу.

Скажи, что это не со мной,
И не с моей чужой страной,
Что это лишь кошмар ночной,
И паралич мы превозможем.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СТЕНЫ

Сотворены, чтобы мир рассмотреть, мы
Молча и смиренно сновидим в веригах.
Новые средневековые ведьмы
Нам никогда не позволят блицкрига.

Этот бес-нующийся бес-тиарий
Держит нас в прочных невидимых стенах.
Выйти на волю зовёт абортарий –
В гулкое небо, чадающее тленом.

Вот во все тяжкие нам бы пуститься,
Родину в тонкие губы целуя!
Для кругосветных земных экспедиций
Созданы мы, чтобы напропалую

Мир наш исследовать многоэтажный –
От литосферы до ионосферы,
Созданы для батискафов бесстрашных,
Для разноцветных смешных монгольфьеров.

Где-то, я слышал, порхают, как ялик,
Бабочки – наши счастливые предки.
Мне так хотелось, чтобы счастливы стали
Те, с кем сию заодно в одной клетке.

Где-то в горах, не обученных к людям,
Не прирученных к кордонам колючим,
Вечно цветут эдельвейсы, по сути
Вовсе не зная про запертых чучел.

Аэромятная смесь кипарисов... –
Ею дышать бы, из каменоломни
Нашего прошлого выпорхнув бризом,
Про аневризму отчизны не помня,

Бисер галдящих в песке халцедонов... –
Их бы клевать, шантажируя волны,
Словно портовые краны, что тонут,
Как негативные прбисы, в полночь.

Не довелось нам гулять по планете –
Будет успешнее пепел наш сизый.
Ты расскажи нам, наш пепел, про эти
Странствия, ралли, вояжи, круизы.

Вдох обесцвечен, флот ветра разгромлен,
И, погружаясь в бесцветный коллоид,
Окаменевшие души, как кромлех,
Молча и смиренно ползут к аналою.

Здесь не замечен был последний взрыв,
 В темницах сгнили новые миры,
 И мы не знаем правил той «игры»,
 В которую нас всех живьём продали.

Долги свои мы спутали с мечтой,
 Риторги душ заполнили тщетой,
 И бедность победили нищетой...
 Чего уж нам заглядываться в дали?

Зеленый свет не видели в упор,
 И с истиной вели бессвязный спор,
 Перековав орало на топор...
 И мёртвые лежим в трухе ристалищ.

Храни меня, холодная земля,
 Впитайте нас, озимые поля...
 Мы лишь сырьё для газа и угля,
 И топливо для будущих баталий.

Был рукой небесного,
 Стал рабом земного,
 Выродок телесного,
 Кляп слепил из Слова.

Судороги совести
 Сделали двухмерным.
 Втридорога Зов везти
 Стал я через скверну.

Мне б не видеть месяцы
 Никого живого.
 Пусть мне счастья грезится
 Оголённый провод.

Наше одиночество –
 Лучшая награда.
 Внутреннему зодчеству
 Никого не надо.

Сделай одолжение,
 Выпусти Свободу.
 Наше возвращение
 В недра небосвода,

Где впитает правда сны,
 Станет белой вестью.
 Целостным и радостным
 Станет поднебесье.

мы будем двигаться с тобой
не по прямой, но на убой
под чутким оком навига-
тора, что зрит издаലെка.

мы будем плавать сквозь пустоту,
вдыхая красную черту,
как наркоман дорожку ко-
канна, с «Каином & Со».

ощипывая крылья льдом,
мы оставляем на потом
все годы прошлые свои,
все отчуждённые бон.

порхая через вакуум,
мы слышим чей-то крик ау,
но не понять, что этот крик
из наших уст, как газ, горит.

хоть на иной границе ми-
ра, нам близки, как до-ре-ми,
всех душ отчаянья слои,
все роковые полыньи.

уже не зная, кто есть кто,
мы, лженаитием ведо-
мые, мы есть жеоды вдо-
хов в бессознательном Ничто.

по снам мы знаем весь свой путь.
про все дороги позабудь.
куда не глянешь, впереди —
ведут к обрыву все пути.

АЛЕКСАНДР ХИНТ

ТЬМА НАЗЫВАЕТСЯ НОЧЬ

В предгорья не ведёт дорога – камни да случайный вереск
Вверх по лестнице порогов осетры идут на нерест
как неделимое устройство, память чешуи и крови
спиной распарывая воздух, выгребая на верховья
достать, уйти, успеть ко сроку, время зацепить краями
игра наперекор потоку – из пяти один дотянет –
природный код, а не упрямство леденящего нагрева
о скалы содранного мяса и разорванного чрева
подлодка камикадзе, глиссер поперёк волны на грани
ни перед кем не мечет бисер, вы-гре-баёт, вы-гре-баёт
былую боль, былые страхи видового океана
оттуда, где зимуют раки, до воды обетованной...

На фоне дождика слезами
наполняются истоки
качая веерную заводь
в полночь, за полночь, и только
одна звезда за облаками
и, подрагивая слепо
река потухшими зрчками
выполаскивает небо

Лишь светильники в опочивальне, их сумрачный глаз
переносит на стену две тени – и более нет никого
только россыпи слов, и луна, и серебряный час
наполняет ещё одну ночь, караулит рассказ
тихий голос нежнее, чем скрипка Римского-Корсакова

Говори, этой льющейся речи дозволено всё
это просто забавы, у смерти высокие займы
может, птицы на сказочной ветке, мечта или сон
Прерываю рассказ, буде твой ятаган занесён
а куда он опустится? Завтра узнаешь, о царь мой

Говори же – бессонная ария, твой сериал
без тебя не поётся – а если и голову с плеч, то
голоса сохраняет Аллах, и руки его жар
оставляет надежду... Когда же ты спишь, Шахрияр
разве тысяча раз и один раз не значит «навечно»

Говори, Шахразада! Отныне никто не умрёт
если не пожелаешь прервать волшебство до рассвета
Только ветер за окнами, тени ложатся на свод
и его, от восторга и ужаса скошенный рот
до утра приоткрытый, с налившим кусочком шербета

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Всё так же часы успевали за длинным
дыханием солнца, до первого зноя
то – жаворонок, а не трель соловьиной
весны (по весне, о весеннем, весной)
уже призывал посмотреть веселее
на сотни примет, что исполнены смысла
Но лишь голоса на безлюдной аллее
ещё шевелили ряды кипарисов

– Сегодня рассвет не удержишь руками, –
один говорил, – я не знаю рассвета
– Планета, – заметил другой, – отдыхает
и ты отдохнешь, как сказали поэты
и можно разъять электроды и время...

Его неподвижная кардиограмма
качнулась – куда указали деревья
свернула колонна машин из Бергамо
за город, где дым из трубы помещения
колеблет у самого горла реторты
не ветреный пепел, а слово прощения
как нож проходящее стенку аорты

Над ипподромом дождь из никотина
две-три звезды и прочие детали
Волхвы опять собрались в Палестину
Луна, в оплётках серой парусины
стремится к очертанию мушкета
исследуя куски осенней прели
Засим, задача: как убить поэта
под снегом оставляя до апреля

А не убить – нельзя. Долой ухмылки
не то он сам тебя назначит целью
и, улажая слух, в конце посылки
прошьёт насквозь! и поминай как звали
Назвался Жоржем – полезай в бароны
в Баранты бесконечной карусели
признания и прочие патроны
под снегом оставляя до апреля

Но это компромиссы, полумеры
романтика и прочие дуэли
Не легче ль довести до револьвера?
В Елабугу, на люстру «Англетера»?
От берегов пожизненного срока
где наволочка средство от метели
и на лесоповал Владивостока
под снегом оставляя до апреля?

И потому, венец родной породы
 зачатый на компьютерной постели
 убей поэта! причастись свободы
 типичный, молодой, седобородый
 молчащий за спиной – тебе рулады
 на языке бесплатного варенья
 и бла-бла-бла, и прочая баланда
 и снег, что остаётся до апреля

В кубрике сено-солома – не то, что в квартире
 ни своевластия денег, ни медного горна империй
 Птичка приносит оливковый листик, формат А4
 кто-то успел раньше времени выйти на берег
 обосноваться в долине, навесить красивые дверцы
 взять вековые кредиты у банка желаний
 Принтер по кардиограмме печатает 3D-сердце
 с целой аортой, без трещин и воспоминаний

Значит пора под посевы и скорые битвы
 выстелить жизнь, пожиная короткое счастье и зависть
 Время разрознить потомков, на хамов и благочестивых
 внуков своих разделить на рабов и хозяев
 снова назвать острова, океаны и горы
 впрок алтари выжигая шумерам и грекам

Так утоли же меня! Я устал в этом дьявольском море
 Утомони мою плоть, прародительница человек
 тело омой, научи меня вновь улыбаться
 чтобы беспечно любить тебя, снова и снова
 Как тебя, кстати, зовут... Я не помню, меж пальцев
 много воды утекло, да и в Книге об этом ни слова

По регламенту лампа включается
 доводя белый день до предела
 оловянный солдат размягчается
 превращается в мокрое дело
 деревянный хирург сомневается
 мимо рук надевает перчатки
 Яйца учат – и курица варится
 ожидая божественной Смятки

Эти бледные щёчки, перчаточки
 на морозе горящие губы
 и зима не получится святочной
 если моль остаётся без шубы
 и в запасе у доброго молодца
 только десять минут для доклада

Набегали последние половцы
 попросить пол-овцы до зарплаты
 до полочки – полцарства небесного
 но спросила какая-то Глаша
 сколько надо, по меркам со-бесовым
 серп-и-молота ведьме для стажа?

И забудется самое важное
по канонам хорошего тона
в нефтяную замочную скважину
не смотреться до Армагеддона
до конца, до предела играющих
с виртуальным огнём на диване
Эта белая ночь – настоящая
а других вообще не бывает

Каждый из них
выпадает однажды туда, где проём нарисован
где допустимы названия слов, но неясно где слово
и силуэт, уменьшаясь – в проёме – похож на пальто
но оно темнее другого

И не получится сравнивать и различать
азбука мозга суха, ти-ти-та, восковая печать
тело луча изгибает очаг, но пройти циферблат
не успевает за час
и невозможно понять – потому что узнать мудрено
смыслы растаяли и переставлены кадры кино
вышла на берег, на палубу We Shall, а там – Overcome
пальцы текло гугенот

Это растяжка в шпагате, невидимо по коридорам
ведра пустые швырять, до последнего зёрнышка пороха
занят, и негде достать – тишина – но попробуй её
куски разжевать камертоном

Вычислить первые темпы, освоить скольжение, взгляд
исподволь, главную тему и полутона, не подряд
жесты, а просто оттенки, свободные от насыщения
клоны молекул, поля –
здесь появляется воздух, тяжёлая капля воды
горы, моря и бессонница, птичьи следы
свет на плантации звука и слова, цветы на террасах
прошлого – из пустоты

Из многоточия, спичка внутри затемнённого дома
тьма называется ночь, ибо сказано: в бездне проёма
время всегда оставляет возможность упасть
словно зерно чернозема

Фиолетовым вечером в жёлтом часу
через пену неоновой плексигласа
пролетела снежинка и попала в слезу
только что вышедшую из глаза

от рекламы морей и дешёвых квартир
что вильнула на левой щеке и погасла
уползая в жидкокристаллический мир
только что вышедший из глаза

Застывала смола января на экран
ну и вот, говорила, сейчас будет трудно
как бесструнно аллегро на скрипке играть
или без скрипки на струнах

замерзать или течь, или просто скользить
до конца представления, падать на щебень
выдавая кристалл в оболочке слезы
за слезу, затвердевшую в небе

НАТАЛИЯ ТАРАНЕНКО

МЫ ПРОСТО ПРИТВОРИЛИСЬ, ЧТО МЫ ЕСТЬ

ПЕЙЗАЖНАЯ ДРАМА

Что ж, дождь так дождь... От слёз – дождю и быть!
О, этот дождь – почти что авантюра...
Но солнце – в драме главная фигура –
В сюжет дождя – луча влетает нить.

И бабочка, ожившая тотчас,
В диаметре – не больше миллиметра,
Вдруг вспыхивает ярко, как комета,
И чуткий очаровывает глаз.

А облака... О чудо из чудес! –
(Куда же делись сумрачные тучи?) –
Ажурны, нежны и почти певучи...
Нужны ли небу форма, цвет и вес?

Вдруг в мир, расслабленный от полусна,
Врывается звонок велосипедный,
С уверенностью детской и победной
Кричащий: невозможна тишина!

И правда, невозможна... Мир, звучи!
Тебе досталась сложная задача:
Пройдя сквозь полосу дождя и плача
Вернуть в картину радости лучи.

ТАК К БОГУ НАЧИНАЕТСЯ ДОРОГА

Зима крадёт небесные цвета,
Но даже здесь, в земном пространстве грубом
Красуется любая красота
Передо мной, как перед красолюбом.

И розовость, и лепестковость снов
Просвечивается сквозь междумирье,
И мне порою не хватает слов
Из Зазеркалья, За-пре-дель-но-ширья...

Поэт схитрит и всё застихитрит,
Без стиходат (календари – условны)...
Стихи без слов... Их тихость повторит
Там, где все чувства лишь околословны.

Вдруг замолчать – и не договорить,
Остаться недомолвом, недосказом
И продолжать в безмолвии творить,
Закоротив все словосхемы разом...

Вдруг замолчать – и слово дать дождю...
Дождь-многослов, дождь-многозвон, дождь-много-
Ладовый дождь, дай сесть в твою ладью...
Так к Богу начинается дорога.

ЧАЙНЫЙ ЭКСПРОМТ

Я мечтаю о чашечке чая –
Золотистой, прозрачной, воздушной,
Я зиме своё сердце вручаю,
Разжигаю огонь непослушный.

Коченеют озябшие пальцы,
Спичка спорит с промокшим картоном,
Всё не хочет никак просыпаться,
Не пожарится – алым бутонном...

Всё засыпано снежною пылью,
Только чай мой поёт и дымится!
У меня словно выросли крылья:
Я – ча-ин-ка, я – чай-ка, я – птица.

Мы просто притворились, что мы есть.
Так снег касался ёлочных иголок,
В снежинке бился радуги осколок,
И было таких звёздочек не счесть.

Я снова возвращаюсь... Для чего?
Мне нужно дописать стихотворенье,
Ведь радугой сияет озаренье
В глубинах созерцанья моего.

Но миг прошёл... Ни звёзд, ни снега нет,
И нет меня... Пространство бесконечно.
Всё было декорацией, конечно:
Снежинок сны и огненность планет.

Несущие нам огненную весть!
Проходит сон – и ваши тают сферы...
Всё преходяще – и миры, и меры,
Мы просто притворились что мы есть.

Мы состоим из Бога и ума.
Ум – тоже Бог, но только в этом мире.
А Бог-не-ум – могущественней, шире,
Бог-тело – суть творения сама.

И Бог-не-тело – это тоже мы,
А тело – его хрупкая частичка,
Снежинка-тело, тело-невеличка,
Осколок сна, родившийся из тьмы...

СКАЗОЧНЫЙ СОН

Лесная тропинка,
Большая луна.
Как жёлтая льдинка,
Сверкает она.

По травному шёлку
Я мягко иду,
С ручным белым волком
Беседу веду.

Меня не смущает,
Что мёртво вокруг.
Меня защищает
Мой спутник и друг.

Ступни мои босы:
Трава, пой, стелись!
Неверные косы
Мои расплелись.

Лес спит – не проснётся
В цепях колдовства,
Но ветка качнётся,
И ухнет сова.

Тропинки не видно,
Деревья сошлись,
И волк говорит мне:
На спину садись!

Туман по карманам
Всё спрягал, как вор,
Но жаркий поляну
Румянит костёр.

Здесь птицы и звери,
Светло от огня,
Открылись нам двери:
Здесь ждали меня!

Приветлив и ласков
Круг птиц и зверей,
И каждый со сказкой
И песней своей...

Лесная тропинка,
Ручная луна,
Всплеск ветра – и в синьку
Ныряет она.

Все звуки умолкли...
Я сплю – не проснусь:
На огненном волке
Я по лесу мчусь...

НА ОСТРОВЕ ЗЕМЛЯ...

На острове Земля – неистовство снежинок
 И векторы тепла – январские лучи...
 В крещенский звонный день Ты чудо покажи нам,
 Готовящий хлеба в заоблачной печи:

И зимние цветы, расцветшие под снегом
 Полуприкрытых век, и говорящий лес...
 В космической игре с её вселенским бегом
 Мой шаг ничтожно мал и незаметен вес.

Но за игрой причин рождается мир новый:
 Мир света, что во мне и вырос, и окреп,
 И чудо из чудес – божественное Слово,
 Тот сладостный огонь, что заменил мне хлеб.

Прекрасно видеть Бога в человеке,
 Живую душу, солнце бытия...
 Владыки, слуги, гении, калеки, –
 Источник света в каждом вижу я.

И эту суть, как зёрна, очищая
 От наносной, ненужной шелухи,
 Сияние любви я ощущаю
 В Твореньи, совершенном, как стихи.

И на земле, и в космосе едины
 Стихии, создающие наш мир.
 Из них Творец нас лепит, как из глины,
 В тела вливая жизни эликсир.

Мы – кисти света. Нами небо пишется
 Сюжеты, восстающие над тьмой.
 Смысл жизни – в том, чтоб нам подняться выше
 Над суетой, над жизнью самой.

Прекрасно видеть Бога в человеке,
 Источник света, солнце бытия...
 Владыки, слуги, гении, калеки, –
 Вам всем свою любовь дарую я.

Ты отложить на завтра
 Попробуй все дела,
 Как огненная астра
 Чтоб жизнь твоя цвела.

Коснись своей любовью
 Всех страждущих сердец,
 Возьми средневековые
 Себе за образец.

Касался подорожник
Телеги колеса,
Когда смотрел художник,
Как в книгу, в небеса.

Позволь снежку растаять,
Сердечко отпустить,
Ведь жизнь – она простая:
Попробуй всех простить,

Всё у-простить попробуй
И кулачок разжать,
Ни кривдою, ни злобой
Себя не окружать,

И в небо ты сумеешь,
Как в книгу, заглянуть...
А все дела – успеешь
Потом. Когда-нибудь.

Надо мной – абсолютное небо,
Надо мной – невозможная синь...
Это счастье, и больше – не требуй,
Все ненужные споры – отринь!

Это жизнь – обнажённые нервы
Под прицелом воздушных тревог,
Электричество каждого метра
Проходимых тобою дорог.

А весна холодна, словно льдинка,
Не спасает от стужи броня...
Где ты, шапка моя-невидимка?
Спрячь от пуль и осколков меня.

Пристегнуться бы всем пассажирам:
С ветряными воронками – бой.
Чтоб безумие правило миром,
Как смогли допустить мы с тобой?

Оставайся собой, оставайся,
В ветре – строчки стихов полоскай,
И свинцово-смертельные вальсы
Не пускай в свою жизнь, не пускай...

СОЛДАТ ВЕСНЫ

Нет, я не ангел. Я честна:
Мне ведом страх.
Но знаю: победит весна
Во всех боях.

Ведь невесомость – перевес.
Нет стран для птиц.
Подснежник – чудо из чудес –
Сильней границ.

Я на посту – забыла сон –
Солдат весны.
Страна любая и закон
Весне – тесны.

Рискну: войну – перелистну:
Вот – белый лист,
Мой день, впитавший тишину, –
Озёрно-чист.

Наверно, я ещё слаба:
Как удержать
Мир, где окончилась борьба,
Где благодать?

Ко сну приближусь... Не усну,
Но звезда – коснусь...
И свет не строну, не сомну:
Я удержусь

От ложных мыслей и шагов,
Где всё – война...
Пусть лишь очнётся от снегов
Моя весна.

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ

рассказ

Беззаботный бриз взъерошил волосы, Захар мотнул головой – мол, уйди, не до тебя, и бриз тут же стих. Солнце щедро рассыпало лучи по кронам платанов, крышам невысоких домов, пыльным улицам. Прохожие в цветастых майках лениво двигались в сторону моря. Захар потянулся к отдыхающим, но вовремя себя одёрнул. Нельзя сдаваться злепшему воздуху. Время увлечения морем прошло, он давно вырос, у него серьёзная работа.

Захар поправил галстук, поднял руку ловить такси. Водитель презирал светофоры, поэтому доехали быстро, Захар сунул двадцатку в потную руку, поспешно вылез из пропахшего бензином и перегаром авто. Огляделся, уверенно зашагал к перекрёстку, демонстративно перешёл пустую дорогу по зебре. Он здесь не для того, чтобы нарушать правила. Его цель была прямо противоположной.

На другой стороне улицы за выплывшими двухэтажными домиками торчал нелепый новострой. Стекланные створки двери призывно открылись, поманили обещанием прохлады кондиционеров, терпким запахом кофе, гудением рабочего улья. Кому, как не Захару, знать – обманчивое, неправильное ожидание. Но каждый раз он почему-то надеялся.

В холле его встретил вспотевший, неестественно весёлый директор.

– Ждали, ждали, Захар, проходите! – директор доверчиво, по-детски улыбнулся, вытер ладонью лоб. – Кондиционеры, сами понимаете, иногда ломаются. А чинить некогда – столько работы, столько проблем!

– Да, вижу...

Утренняя бодрость испарилась, захотелось лечь и заснуть прямо здесь, в пустынном мраморном холле. Кабинет директора был так же непомерно велик и душен.

– Вячеслав, вы ознакомились с проектом?

Захар попытался поймать директорский взгляд, но Вячеслав смотрел сквозь Захара, точно был в глубокой медитации.

Повисло долгое молчание.

– Я так понял, от проекта вы отказываетесь? – не выдержал Захар.

Вячеслав нехотя оторвался от занимательного внутреннего мира, моргнул.

– Что вы сказали? Как «отказываемся»? – директор пошёл бурными пятнами. – Не смейте нам угрожать! Мы – лучшие из лучших! Нас месяцами отбирали, ждали! Обойдёмся и без вашей конторы!

Как бы не так! Захар с трудом сдержал улыбку.

– Считайте, я не расслышал последнюю фразу. Показывайте ваших «лучших из лучших».

Лучшие из лучших понуро бродили по коридору, помахивая в воздухе теннисными ракетками.

Захар уселся на подоконник с чашкой кофе в руках, с удовольствием сделал глоток. Мимо прошёл парень – голова опущена, подбородок утыкается в грудь. Отличный кандидат на роль Пьеро в детском спектакле. Из соседнего кабинета кто-то тихо, но уверенно твердил: «Мне плевать, что хочет заказчик». Ему возмущенно возражали, но упрямец продолжал бубнить: «А мне плевать...».

Угораздило же получить распределение к программистам. Здесь нимб гениальности сияет над каждым. Как же! Люди тонкой душевной организации, творческие личности, инженеры человеческих возможностей! Захар поморщился, с сожалением глянул в опустевшую чашку...

– День добрый! Захар Буров, куратор проекта!

Программисты подпрыгнули в креслах, удивлённо оглянулись. Захар быстрым взглядом окинул комнату – удобная мебель, огромные мониторы, кулер, кофеварка, в углу болтается гамак. Неплохо устроились! С места сорвался парень с голым торсом – Захар отступил, занял более устойчивую позицию. Однако бить его никто не собирался. По крайней мере, пока.

– Виктор Стремский, старший программист, – парень протянул руку, оскалился.

За улыбкой читалось предупреждение не лезть не в свои дела. Второго предупреждения, говорила улыбка, может и не быть.

Захар выдержал тяжёлый взгляд, пожал руку. Намечалось сражение. Кровавое и бескомпромиссное.

– Рома Уточкин, тоже старший... – из угла подал голос назначенный на роль Пьеро.

Он смотрел обиженно и оскорблённо – то ли расплачется, то ли разразится обвинительной речью.

Захар хмыкнул. Вот они, значит, какие...

– Ребята, ознакомьтесь с новым проектом, через час побеседуем, – Захар опустил на стол документ с техническим заданием и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Он отправился бродить по улицам – ожидая, пока выветрится первое возмущение, утихнет протест. Пришёл чужак и диктует лучшим из лучших, что делать. Швыряется новыми проектами. Не выказывает желани пасть ниц и подчиниться. То ли ещё будет!

Полуденное солнце выжигало мысли, оставляя вместо них тягучую лень. Захар плавился, с трудом переставляя ноги, разогретый асфальт оседал под тяжестью шагов.

В глаза бросилась смелая вывеска «Козаностра». Большие буквы переливались всеми цветами радуги, под ними красовалась приписка: «Вы не сможете отказаться от нашего предложения!».

Захар хмыкнул, переступил не очень-то чистый порог заведения. Густой бордовый орнамент обоев превращал и так небольшое помещение в будуар, в углу на высокой подставке стрекотал новостями телевизор, пожилая официантка сосредоточенно тёрла стаканы.

За столиком у окна усатый мужчина меланхолично опрокинул рюмку, осторожно поставил её на стол, вытер усы, причмокнул. Напротив белобрысый паренёк интеллигентно ел борщ. Захар присел за свободный столик, махнул рукой официантке. Та неторопливо подошла, молча стала рядом.

– Мне, пожалуйста, борщ...

– Понаехали, гурманы, – отрезала официантка и закинула глаза к потолку. – Нет борща! Заказывайте суп с клёцками или уходите!

Обслуживание здесь всегда оставляло желать лучшего. Глупая приписка сбивала Захара с толку. Вот он сейчас уйдёт и откажется от всех предложений!

– Долго будете искать другую столовку. Это уже только в центр ехать, – откликнулся белобрысый на невысказанный вопрос.

Захар кивнул официантке. Она демонстративно черкнула что-то в блокнотике и удалилась.

– Вы же куратор? – не отрывая взгляд от Захара, будто тот мог испариться без должного наблюдения, парень промокнул рот салфеткой, отодвинул пустую тарелку.

Значит, о нём уже ходят слухи. Мда, здесь все так заняты – почему бы не посплетничать?

Захар ограничился коротким кивком, не желая заводить разговор на голодный желудок. Сейчас снова пойдёт речь о «лучших из лучших», и его стошнит прямо здесь.

– Бежать отсюда надо... – белобрысый перешёл на шёпот, пригнулся к столу. В глазах парня прыгали сумасшедшие искорки.

– И мне приятно познакомиться. Захар Буров! – он протянул руку.

– Ой, извините, совсем одичал! Семен Меняев, отдел тестирования. – Парень неловко пожал руку, оглянулся по сторонам. – Я же всё понял! Им-то что – они привыкли жить на работе. А мне нельзя, у меня жена, дочка...

– Погоди, не горячись. Зачем бежать-то собрался?

Парень удивительно быстро соображал. Такие здесь не встречались.

– Да сразу понятно было, что за набор. Крупный проект, все условия, на собеседовании дурацкие вопросы задают, по делу – ни слова. И зарплата! Нереальная, сказочная зарплата! Бесплатный сыр, знаете ли... Если бы не жена, отказался бы. Она настояла. А я всё ждал этой мышеловки. Дождался...

По мере обличительной речи голос Семена становился всё громче. При слове «жена» усаха за столиком у окна поднял всепонимающие глаза на Захара и цокнул языком.

– Семён – это не мышеловка, это новый проект!

Захар говорил резко – злился сам на себя. Вот перед ним сидит человек, один из тысяч – он что-то понял, готов действовать. Сколько лет Захар мечтал такого найти. А сейчас растерялся. Сказать правду – нарушение устава, он сам подписывал бумаги о неразглашении. Должность обязывала врать. Может, крикни он в сердцах: ребята, ваше дело дрянь, возьмитесь за ум, чёрт побери! – тогда бы они собрались. От страха, со злости, всё равно как. Но руководство не любило громких историй. И он подчинялся.

Семён молчал, уставившись невидящим взглядом в застиранную клетчатую скатерть. Наконец разлепил губы, с трудом выдавил:

– Я пытался. Ничего не вышло... Нам надо придумать, что делать!

- Семён, поговорим об этом позже. Сейчас главное – работа.
Захар опустил глаза. Разобраться бы с проектом для начала. А потом он решит, как быть с Семёном.
– Значит, вы с ними заодно... Да ладно, ешьте, вон суп совсем остыл.

Ребята сидели потупившись, изучали фасоны своих кроссовок и фактуру носков. Виктор зачем-то надел рубашку и причёсался. Значит, тропа войны изрыта вдоль и поперёк, томагавк откопали, заточили и приготовили к бою.

- Есть замечания по техническому заданию? Всё ли понятно?
– Нет, не понятно... – отозвался Роман дрожащим голосом.
– Что не понятно? – удивился Захар.
– Всё... – прошептал Роман и бросил умоляющий взгляд на Виктора.
– Кто вообще писал это задание? – буркнул Виктор, не поднимая головы.
– Писали профессионалы, – отчеканил Захар.
– А если мы откажемся? – с расстановкой спросил Виктор, – что тогда?

Ничего. Совсем ничего не случится. В прямом смысле этого слова. Захар усмехнулся своим мыслям. Вслух произнёс:

- А что случается, если подчинённый ослушается начальство?
– Это угроза? – на лице Виктора заиграли желваки, глаза превратились в щёлки.
– Нет, Витя, это закономерность. Если вопросов больше нет, предлагаю приступить к работе.

Работа! Громко сказано. День ушёл только на то, чтобы выяснить, кто чем занимается. Оказалось, что все занимаются всем, и никто ничем конкретно.

Виктор часто отлучался, много курил, а в остальное время находился в состоянии сердитом и нервном. Роман не терпел насилия над личностью, увлекался той работой, что нравилась и не имела никакого отношения к проекту. Если Захар пытался дать ему задание, обижался и спешил спрятаться за широкую спину Виктора. С Семёном они часто пересекались на перекурах – Сеня задумчиво курил, Захар неспешно потягивал кофе. Завести разговор по душам не получилось – Семён отмалчивался и делал вид, что не слышит вопросов Захара.

Вячеслава он побеспокоил только раз. Зашёл проверить, не ошибся ли кабинетом – возможно, через стенку от Виктора сидят не такие безнадежные экземпляры... Увлечённый мыслями, Захар не постучался, сразу распахнул директорскую дверь. Вячеслав тихо посапывал, налегая щекой на клавиатуру. Из колонок доносились звуки мантры, в воздухе висел тяжёлый запах благовоний. Захар не стал будить директора. Он получил ответ на свой вопрос.

Не торопясь, он возвращался в гостиницу с громким названием «Император». Выбирал людные улицы. Всмотривался в глаза прохожих. Что там искал, и сам не знал. Может, пытался заглушить окрепший в голове за эти несколько дней голос хаоса. Противный такой голос с интонациями Виктора ехидно повторял: «А если мы откажемся, что тогда?».

«Ничего!» – вступал в диалог Захар и понимал, что врёт. На сей раз себе.

Захар умел и любил работать. Отец не оставил другого выбора. Да, он гордился отцом, во всём подражал ему – папа уходил в рейс, а Захар шёл в яхт-клуб покорять своё маленькое море учебной акватории. Но дело было не только в этом. Отец погиб, когда Захару исполнилось пятнадцать. Несчастный случай – самовозгорание груза, папа оказался рядом. Захар поглубже затолкал боль – переживать было некогда. У мамы начались проблемы с сердцем, она месяцами не выходила из дома. Захар забросил яхты, обложился учебниками. После университета прошёл конкурс в транснациональную корпорацию. Много формальностей, сложная структура, ответственные проекты – это не пугало. Были правила, которым нужно следовать, а остальное делает трудолюбие. Вполне заслуженно он пользовался доверием начальства, и, возможно, проработал бы на благо корпорации ещё много лет, не найди его Бюро.

Захар пошёл на собеседование из любопытства, а покинул офис с твёрдым решением бороться за должность до конца. Но бороться не пришлось, его взяли в Бюро после второй встречи. Лысый мужчина в дорогих очках размеренно вёл беседу, и в конце спокойным голосом сообщил Захару, что тот принят. То был момент абсолютного счастья. Захара не пугали дальние и долгие командировки, задержки до ночи. Мама благополучно вышла замуж второй раз и уехала из столицы. А своя семья и раньше не вписывалась в сумасшедший график. Ему только двадцать семь, ещё успеет!

Бюро ничего не производило, не перепродавало и не перевозило, оно решало проблемы – избавляло бизнес от лишнего. В любой компании иногда появлялись непригодные к разумной деятель-

ности, ленивые сотрудники, обладавшие к тому же раздутым самомнением и завистью к успехам других. Даже если они сидели на месте и ничего не делали, такой балласт здорово тормозил рабочие проекты. Но горе-сотрудники имели привычку соваться в чужую работу и патологически рвались к руководящим должностям, уничтожая на корню все перспективные проекты.

Бюро же скупало лучших специалистов разного профиля и лепило из них хватких кризис-менеджеров. Профессионалы разрешали конфликт за считанные дни – бизнес облегчённо вздыхал и возвращался в привычное рабочее русло, а нарушившие равновесие системы сотрудники навсегда оставляли компанию.

Затраты Бюро были велики, но оно не бедствовало – крупные компании охотно отстёгивали немалую «страховку» за свой покой. Не все знали, что «балласт» потом приглашали в Бюро на беседу. Вежливо улыбались, сулили золотые горы и, получив согласие после недолгих переговоров, сажали в самолёт и отправляли в резервацию. Правда, сами кандидаты были уверены, что летят на засекреченный объект выполнять миссию мирового значения.

Сотрудники Бюро определяли вновь прибывших в безвкусный новострой, снабжали простенькими проектами, приставляли куратора. Ссылные быстро обживались на месте, писали жалобные письма семьям о нагрузке на работе, сбивчиво объясняли, что отпуск откладывается на следующее лето. На памяти Захара ни один человек не вернулся из резервации, хотя Бюро оставляло за балластом такой шанс.

– Неужели никто... Костя, как это возможно?

Только что закончилась первая командировка Захара в резервацию. Он честно старался вдохновить команду, дать возможность хоть кому-то вырваться из болота, но его усилия почили в бозе.

– Люди не меняются, – начальник направления Костя поправил очки, солнечный зайчик, прорвавшийся сквозь жалюзи, гулял по бритой голове. – Вот нам и остаётся действовать методом исключения.

– Но это же тюрьма!

– Напротив, свобода! – глаза Кости заблестели воодушевлением, будто сам давно желал такой жизни. – Делают, что хотят! Разумеется, на определённом участке суши.

Костя осёкся, серьёзно посмотрел на Захара:

– Знаешь что, возьми-ка отпуск!

Брать отпуск Захар не стал, вместо этого попросился перевести его с текущего более или менее стабильного проекта снова в резервацию.

Захару вспомнилось, как еле заметно дёрнулась правая Костина бровь, когда тот заверял его перевод. Для всегда сдержанного шефа это было невиданным проявлением чувств.

Он так и не понял, что задело Костю, но отказываться от затеи не собирался. Люди не безнадёжны, надо просто до них достучаться.

Прошло два года. Захар терпеливо «стучался», настойчиво колотил, бесцеремонно бил кулаками, но дверь ему не открыли. По другую сторону безразлично смотрели в глазки сытые жители резервации, молчали, и, казалось, чего-то ждали. Захар устал – не было сил даже ненавидеть этот заколдованный хаосом город.

Он вернулся на столичные проекты, втянулся в привычный рабочий ритм, вспомнил нормальную, логичную жизнь. Успел познакомиться и расстаться с милой спокойной девушкой. Она оказалась нестерпимо скучной. Воспоминания о резервации уже затягивались старой раной на его самолюбии, но полностью рана зажить не успела. Его снова отправили в тот город. Захар спросил, можно ли пересмотреть назначение, но ему ответили резким отказом...

Под вечер жара убралась восвояси, её сменил несерьёзный тёплый дождь.

Захар вошёл в помпезный холл «Императора». Девушка на ресепшен зевала, листала цветастый журнал. Когда Захар поравнялся со стойкой, она подняла ослепевшие от безделья глаза:

– Вы ведь жаловались на поломку в ванной?

Захар кивнул, да было такое. Сегодня утром у него в руках остались оба крана от смесителя – он удивился, но так, для проформы. В прошлый раз на темя угодила душевая лейка.

– Ну так мы сантехника вызвали, – девушка прислушалась к словам, будто не веря, что может говорить такую ересь.

Обычно «Император» не отличался трепетной заботой о постояльцах – они выкручивались сами, не успевая дожидаться ремонтников, запаздывающих на недельку-другую.

– Сам пришёл, или не обошлось без спиритического сеанса? – заговорщически прошептал Захар, навис над девушкой.

Та фыркнула, поджала тонкие губы.

Захар остановился перед своим номером. За дверью шаркали чьи-то ноги, позвякивали металлические предметы. Вернуться на ресепшен, потребовать объяснений? Никуда он не пойдёт, хватит! Захар распахнул дверь.

– Покажись, кто пришёл! – бодро крикнули из ванной.

– Нет, это ты покажись! – раздраженно ответил Захар.

– А чё показываться, сантехник как сантехник. А вы кто такой? Может, вор? Что я потом постояльцу скажу?

Седой мужчина в засаленной робе возился со смесителем. Судя по количеству разбросанных в ванной инструментов, ошмётков пакли и окурков – работа шла не первый час, и конца и края ей не было видно.

– Так бы и сказали, что здесь живёте! – мужчина поднял голубые в красных прожилках глаза на Захара. – Подайте мне вон тот ключ, пожалуйста! – и сантехник ткнул пальцем в угол.

Захар не двинулся с места, он набрал полную грудь воздуха, чтобы дать достойную отповедь, но сантехник оказался быстрее.

– Ладно, сам возьму... Вы ж только с работы пришли, устали, небось. Знаете, нельзя так много работать – нервы ни к чёрту становятся, вкус к жизни пропадает. И ради чего? Вот вы своим делом занимаетесь?

– Вас это не касается! – процедил Захар. – Забирайте весь этот металлолом и уходите!

– Да не волнуйтесь вы так, закончил я уже.

Сантехник собрал инструменты в холщовую сумку, проверил, всё ли на месте, наконец щёлкнул застёжкой, хлопнул себя по карманам робы и только тогда в упор посмотрел на Захара.

– Значит, не своим. Я так и думал. А жаль! Стараетесь ради чужого...

Кажется, Захар грубо вытолкнул его из номера. Возможно, даже ударил. События того вечера помнились смутно. Он снова бродил по улицам – в изрядно потрёпанном костюме, с пустой головой, сроднившись с местными обитателями стойким амбре перегара.

Поздно ночью, ввалившись в номер, он споткнулся о какой-то свёрток. Выругался, опустился на пол. Разворошил пропахший паклей полиэтиленовый пакет, достал потрёпанную книгу. Название и автора удалось разобрать не сразу – буквы плясали перед глазами. А когда разобрал, протрезвел.

Умберто Эко. Имя Розы. Когда-то давно он дочитывал эту книгу из принципа – продирался сквозь неё, как через колючие кусты. А вот сантехнику сей труд, видно, пришёлся по вкусу.

Как же он ненавидит этот город! Хаос, бесправный мир, помойка цивилизованной страны! Безумные, непутёвые, бестолковые люди. И даже они оставляли его, Захара, в дураках.

Теперь, чувствуя под пальцами шершавый корешок книги, он вдруг подумал, что получил по заслугам.

Утро пришло непрошеным, и Захар с удовольствием прогнал бы его, если б мог.

Нехотя сползая с кровати, он уже знал, что опоздал. В семь утра солнце светит по-другому. Проклятый сантехник – из-за него забыл сдать в стирку рубашки, теперь придётся идти в мятой вчерашней. И побриться не успеет.

Ничего, ещё дня три продержаться, кое-как поставить проект-уродец на ноги. Большого в Бюро и не ждуг. А там – глянцева столица, порядок, чистота.

Виктор неисправим, Роман тем более. Что он может изменить? За него всё давно решено. Сеня был прав – он с «ними» заодно. Захар – сотрудник Бюро. И этим всё сказано.

Захар поравнялся с офисной дверью – створки приветливо разъехались в стороны. Навстречу вальяжной походочкой шёл Виктор. Захар поскрёб заросшую щеку, бросил взгляд на часы – мир сошёл с ума! Обычно Виктор появлялся в офисе не раньше полудня. Они поздоровались, как закадычные друзья – Виктор долго тряс руку Захара, понимающе хмыкал, подмигивал. Всё ясно. Сегодня он снова напьётся и не станет сдавать рубашки в стирку. К концу недели с ним будут раскланиваться на улицах местные акаши, а ещё через месяц он начнет находить вкус в такой жизни. Брр! Надо срочно возвращаться в цивилизацию.

Комп мерно гудел, окошко электронной почты пестрело новыми письмами, Захар бездумно смотрел в стенку. Он впервые пожалел, что когда-то бросил йогу. Он забыл, как расслабляться. Не в пример дешёвому директору.

Ладно, что у нас там – Захар открыл первое письмо. Виктор придирается к очередному пункту технического задания – пишет, что ему не нравится. Сильный аргумент. Роман демонстративно игнорирует письма, молчит, обижается. И хорошо. Захар устал отвечать на бессмысленные вопросы.

А вот и весточка от Бюро. Что?! Его просят остаться ещё на неделю? Бюро нужны результаты, а он за четыре дня не продвинулся ни на шаг. Захар присвистнул. С каких это пор от резервации ждуг результатов? Или его сумасшествие прогрессирует? Захар перечитал письмо ещё раз. Если он и съехал с катушек, то бред оказался на редкость устойчив. Его поманили пряником – пообещали премию. Или то был не пряник, а сыр? Из мышеловки, о которой давеча говорил Семён.

Захар вскочил, заметался по кабинету.

Тихо постучали. Он распахнул дверь. На пороге мялся Роман.

– Я... гм... не хотите взглянуть на теннисный турнир? Там Виктор будет участвовать, просил вас позвать.

Теннисный турнир посреди рабочего дня?! Больше всего Захару хотелось заорать «Нет!» и хлопнуть дверь перед носом испуганного Романа. Пусть он расплачется, и этот акт абсурдного спектакля будет сыгран. Но Захар позволил себе только лёгкую улыбку:

– А меня зачем? Чирлидером? Я в танцах не силен.

Но пойти всё-таки пришлось. Захар пристроился в тени под деревом – так, чтобы видеть всю спортивную площадку. Ребята активно размахивали ракетками, металась вокруг больших столов.

Виктора он заприметил сразу. Как такого не увидеть! Римский легионер, замахнувшийся для удара – зубы сжаты, лицо исказила воинственная гримаса. Дёрнула его нелёгкая пойти в программисты. Разве что в карты кому-то проигрался. Или «на слабо» взяли...

«Козаностра» лопалась от наплыва посетителей. Официантка лавировала в толчее с поднятым над головой подносом. Теннисный турнир окончен, ещё один рабочий день позади – и эти радостные события надо было отметить. Тем более Виктор праздновал победу – Захар устал считать, сколько пробок от шампанского улетело в многострадальный потолок.

Захар, как и все, пользовался случаем и шил за здоровье победителя. Ещё полторы недели здесь торчать. На трезвую голову это тяжело. Он должен как-то расслабиться – сумасшедший сотрудник никому не нужен.

Тепло разлилось по телу, ударило в голову – и стальные жгуты, державшие её все это время, раскрылись. И правда, чего он скис? Он отдыхает с парнями, им весело – вон даже Рома заулыбался.

Стало душно – Захар еле протиснулся на улицу, вдохнул освеживший вечерний воздух. Пахло морем. И почему он ещё ни разу там не был? Непорядок! На нетвёрдых ногах Захар поплёлся в сторону набережной.

Он не успел ни развернуться, ни дать сдачи. Шею крепко зажал чей-то локоть, в бок упёрся нож, двое впереди бесцеремонно шарили по карманам. Алкоголь мигом выветрился из головы, жаль только сил от этого не прибавилось.

Вот и расслабился, отстранённо подумал Захар. На ухо что-то рывкнули. Ах да, он же забыл кошелёк утром в отеле. Господа грабители разочарованы! Постепенно к Захару возвращалось ощущение собственного тела, он сделал вдох, собрался с силами. Резко сбросил руку с шеи, рванулся подальше от ножа. И тут же получил крепкий удар в висок, земля вырвалась из-под ног.

Туман то сгустился, то рассеивался. Хлопнула дверь. Пьяный голос тщательно выговаривал неизвестные Захару ругательства. Мелькнул голый торс Виктора. Кто-то громко крикнул, звякнул о мостовую нож. Виктор замахнулся, тяжело брякнулось чьё-то тело.

– Захар, давайте руку!

Он не сразу понял, что обращаются к нему. Голова нещадно трещала, будто настроилась выловить из эфира все помехи. Захар с трудом разлепил глаза. Витя помог ему встать, усадил на скамейку.

– Рома, вызови такси! А ты... вы, Захар, сидели бы в отеле! Это ж не столица! Сорвёте нам проект своим выпендрежем, и дальше что? – Виктор был на редкость серьёзен и даже умудрялся не шпатель.

Захар расхохотался. Кто бы говорил о проекте! Но смех быстро иссяк. Только сейчас до него начало доходить, что произошло. И что могло произойти, если б не Витя. Заплывший глаз ему жизнь не испортил, а нож между рёбер мог бы.

– Я... Эй, Витя, погоди!

Виктор махнул рукой и скрылся в «Козаностра», за ним хвостиком вильнул Роман.

Не хочет знаться с назойливым куратором, оно и понятно. Захар растерянно потоптался на месте – зеваки разошлись, он остался один. Чужак, не понимающий языка и обычаев этого странного мира.

Рядом чиркнуло шинами такси.

Захар легко шагал по пыльным улицам. Он не спал ночь, он решился. Сегодня всё пойдет, как надо. Костюм выглажен, ботинки начищены, синяк по цвету гармонирует с галстуком – неплохой зачин для нового дня. Он нарушит правило, и если всё получится, никто об этом и не узнает.

Ребята кажутся безнадежными, но... Виктору он обязан – парень рисковал ради него и даже благодарности постеснялся выслушать, прикрыл растерянность грубостью. А Рома просто попал в плохие руки. Он не оставит их в этой клоаке. Они ведь не понимают, где оказались.

Захар не стал ждать лифта, взлетел на второй этаж, распахнул двери кабинета. Почту он проверит потом. После собрания все жалобы на техническое задание потеряют значение.

Ребята молчали, моргали сонными глазами. Не пришли ещё в себя после вчерашнего и забыли, что в присутствии Захара положено огрызаться и хамить. Захар говорил неспешно, взвешивая каждое слово, внимательно наблюдая за лицами слушателей. Скука сменилась недоумением, интересом, подожрением, пониманием и... циничными улыбками.

Он осёкся на полуслове.

– И это всё только, чтоб мы плясали под твою дудку? – Виктор криво усмехнулся. – Ну, начальник, ты даёшь! А вчера подумалось, что из тебя может выйти толк!

– Вы хотите сказать, – голос Романа звенел иронией, – что нас сослали в резервацию, как опасных членов общества? Нас – с дипломами, докторскими степенями, с таким послужным списком?

– Не сослали, а послали ко всем чертям! И единственный способ выбраться отсюда – доказать свои степени на деле и поднять проект!

– А почему вы нам сразу об этом не сказали? – ехидно процедил Виктор.

– Не имел права. И сейчас не имею. Разговор окончен!

Захар отвернулся. Заёрзали стулья, в сердцах хлопнул дверью сквозняк – ребята ушли.

Туман упал с глаз. Ему не поверили. Ощетинились на врага и не видят, что это их последний шанс. Костя был прав – люди не меняются. Захар тяжело опустился на стул.

Надо срочно возвращаться. Потом напишет письмо в Бюро и всё объяснит. Он надеялся, его поймут.

Спустя десять минут Захар выпагивал по пустынному холлу вокзала. Мозаика на стенах складывалась в счастливые лица, люди тащили за собой яркие чемоданы, спешили уехать и вернуться – они верили, это что-то изменит. Вот также и он.

Захар порылся в кармане, достал документы.

– Билетов нет! – рявкнула девушка и вернула паспорт.

«А завтра, а послезавтра? Через месяц, год?» – Захар хотел забросать девушку вопросами, но не смог сказать ни слова. В аэропорт он ехать не станет. Ответ будет тот же. «Я пытался. Ничего не вышло... Нам надо придумать, что делать» – зачастил в голове голос Семёна. Чёрт! Сеня ведь предупреждал его, а Захар струсил. Захотел остаться чистеньким и благородным. На ватных ногах он вышел из здания вокзала, бездумно побрёл по залитым жарой улицам.

Никто не слышал, чтобы сотрудники Бюро нарушали правила. Но ведь такие были. И их наказали так, чтобы другие не знали. Зачем пятнать ореол непогрешимости великого Бюро? Руководство не стало изобретать велосипед – воспользовалось старым добрым методом исключения.

Он вспомнил долгие беседы с Костей по возвращению из города, и как бы невзначай заданные вопросы, и удивлённо вздёрнутую правую бровь. Он, дурак, думал, Костя беспокоится о сотруднике, а начальник готовил досье.

Захар затравленно огляделся. Ловушка захлопнулась. Через неделю его попросят остаться на месяц, через две – повысят зарплату, а потом забудут на веки вечные. Как неудобный элемент, нарушающий спокойствие Костинных бровей в частности и жизнедеятельности Бюро в целом. Он слишком пёкся о неудобных. Так пёкся, что сам стал похож на них. Ввязался в пьяную драку, начал подстрекать сотрудников, попытался сбежать.

Захар испугался – он почувствовал себя голым и беззащитным. Как теперь жить? Куда идти? Его вышвырнули, как паршивого пса. И он не смог отказаться от этого «предложения».

Очнулся Захар у дверей офисного здания. Ноги сами привели сюда. В сторонке прохаживался Семён с незажжённой сигаретой во рту. Увидев Захара, парень оживился. Захар на миг вышел из оцепенения – может, сейчас у них получится разговор? Теперь он свободен от всех уставов и ничего не должен Бюро.

– Видели, как мы всех на турнире обставили? – Сеня старательно тряс его руку, не желая отпустить.

– Угу. Семён, я хотел...

– Круто, правда? Хотя, ну их. Знаете что... Забудьте, что я в столовке говорил. Я тут подумал – ну, куда бежать? Что за детский сад! А вчера зарплату повысили, жене позвонил, она так обрадовалась!

– Поздравляю! – ляпнул Захар, хотя сам не понял, с чем поздравил, и стоял ли вообще повод поздравлений.

Но Сеня сразу же отозвался:

– Спасибо! Спасибо большое!

Захар проскользнул в холл, огляделся по сторонам. Невыразительный холл стал своим – привычным и уютным. По лестнице спускался директор, по обыкновению улыбаясь чему-то неведомому. Захар приготовился было разозлиться, но не вышло. Нет, он зря ругал город. Люди не заставляли его приезжать сюда. Как и Бюро. Он сам выбрал резервацию.

Ввалился в кабинет, по привычке включил комп, запустил почту, невесело улыбнулся. Ещё жила глупая вера – вдруг он ошибается, и всё вернётся в привычную колею.

Бюро повышало зарплату и просило задержаться на месяц.

Они увидели в нём балласт гораздо раньше, чем он осознал это. Впрочем, распространенная болезнь для резервации. Здесь люди не понимали, кто они на самом деле. Инженер Виктор частенько воображал,

что он воин. Роман – актёр, сбежавший с детского спектакля в компанию взрослых людей. Директор мнил себя буддийским монахом. Так человек и превращался в балласт – зависал между мечтами и реальной жизнью, никогда не становясь тем, кем должен был стать. Что там говорил водопродовных дел мастер – Захар старается ради чужого дела?

Он плёлся по коридору. За ним тихо семенил Роман.

– Мы... эээ... подумали... там письмо...

Захар не ответил. Он не знал, кто он. Чем он мог помочь другим?

Снова вышел в зной. Сделал шаг, другой, и вдруг понял. Он так и не сходил к морю. Всё только порывался. А ведь скучал. По солённому ветру, волнам, крикам чаек. Но находились дела поважнее. Теперь Захар чувствовал себя предателем. Чем он лучше Бюро? Тоже исключил всё лишнее. Когда-то Захар был живым. Он вспомнил обтрёпанный ветром парус, сильные папины руки, покрытые бронзовым загаром, его открытую улыбку и бесконечную счастливую жизнь впереди.

Набережная сверкала как нарядная девушка. Морской воздух звенел чистотой и свежестью. Народ собрался у парашета, люди громко переговаривались, указывали на горизонт. Захар повернул голову и обомлел. С горделивой осанкой испанки в залив входила яхта. Огромная – метров сто длиной, с такой можно ещё раз открыть Америку. С носа внимательно оглядывала порт крылатая резная фигура. Высоченные мачты, казалось, доставали до облаков. Яхта из сказки. Сколько он извёл в детстве карандашей, неумело отдавая бумаге мечту! А нашёл её здесь, в этом богом забытом городе.

– Эй, Захар! С вами всё в порядке?

Он моргнул, с усилием оторвался от созерцания красавицы-яхты. Дожились, скоро привидятся Тибетские горы, и он научится спать на клавиатуре.

Перед ним стоял озадаченный Виктор.

– Вы что же, от нас сбежать хотите? – парень кивнул на яхту.

Виктор, конечно, шутил, но лишь отчасти. За шуткой Захар с удивлением прочитал страх.

А, действительно, почему бы не сбежать? Он подойдёт к капитану и попросится матросом, юнгой – кем угодно. Скажет, что потерял паспорт, придумает новое имя. Вдруг капитан согласится...

Кого он обманывает. Захар не вернёт детство и папу – даже если сядет на эту яхту. Время ушло. Он вырос. Да, здесь все заняты не своим делом. Но как понять, какое дело твоё, если ни одно не довести до конца? Он ведь не моряк, он кризис-менеджер.

Захар сжал зубы. Они завершат проект. Не ради Бюро, ради себя. И он не вернётся больше в столицу. Есть другие города, страны, где он ещё не был. Никто не держит людей в резервации – от свободы они отказались сами. Пока выбор не сделан, пусть даже ошибочный – человек обречён топтаться на месте, прикованный прочной цепью к своим иллюзиям...

– Сбежать? Нет, это неправильное слово.

Он не сбегает. Он ищет свой путь. Даже если искать придётся методом исключения.

ЧИКОМОСТОК

рассказ

Сперва Рик понял, что снова может дышать.

Он разлепил веки, моргнул, привыкая к обстановке. Прямо перед ним на музейном стеллаже красовалась фигурка воина, оседлавшего детеныша трицератопса.

Рик подавил волну отвращения, огляделся.

Глиняные динозавры были повсюду – неповоротливый диплодок, мез, обхвативший мощным хвостом торс мужчины, сидящий на задних лапах бронт, послушный анкил в упряжи плуга.

Он поднял голову. «Музей динозавров Вальдемара Юльсруда»¹ – гласила крупная вывеска на стенде в центре зала. Рик подошёл ближе, принялся читать.

«В 1945 году Вальдемар Юльсруд, археолог-любитель, нашёл у подножия горы эль Торо в предместьях Акамбаро небольшую глиняную статуэтку... Происхождение коллекции так и остаётся загадкой... Динозавры вымерли шестьдесят пять миллионов лет назад, задолго до появления человека, однако фигурки Юльсруда подтверждают обратное...».

Какого ящера тут происходит? Рик тряхнул головой. Да ведь он знает эти фигурки! Такие же были в лавках у...

– Завораживает, правда? – раздался хриловатый женский голос за его спиной.

Рик застыл на месте, не смея ни выдохнуть, ни повернуться.

Твари, твари, твари!

Рик отпустил руку пациентки, теперь уже бывшей, упал на стул возле больничной кровати. В тридцать три года он чувствовал себя древним стариком. Это уже вторая смерть на его смене – лихорадка Ди неизлечима и действует слишком быстро. Повышение температуры, резкие скачки давления, инсульты, сердечные пороки у казалось бы здоровых людей и скорый неизбежный конец – вот какую цену они платят за вечное соседство с динозаврами. Грёбанные ящеры!

Надо вызвать медсестру, оповестить родственников... На самом деле ему лично уже ничего не надо. С тех пор, как Марла сторела от лихорадки на его руках, Рик был полностью свободен от всех желаний и надобностей. Дни и ночи проводил в госпитале, надеясь, что острая боль после смерти жены хоть немного стихнет под натиском чужих трагедий. Но это почему-то не работало – Рик по-прежнему ненавидел каждое новое утро, которое отдаляло его от живой Марлы.

Три года назад к Ричарду Эвансу, старшему инфекционисту госпиталя Маунт-Синай, пришла новая ассистентка, и Рик с первого взгляда распознал в ней близкую душу. Если Марлы не было рядом, и Рик не видел хрупкую фигурку, ёжик тёмных волос, не смотрел в карие глаза, всё валилось из рук, он терял себя.

Оба с азартом работали, не раз записывались волонтерами в правительственные программы по борьбе с лихорадкой Ди. Несмотря на усилия государства, новые лекарства приносили лишь временное облегчение и не спасали от летального исхода. Но Рик не сдавался – когда-нибудь они с Марлой отыщут средство помочь людям! Возможно, и отыскали бы, если бы Марла не вызвалась без его ведома исследовать образцы крови динозавров. Почти сразу она слегла. Рик работал ночами, поднял на ноги всех вирусологов Нью-Йорка, но та неделя, которую лихорадка оставила Марле на прощание с этим миром, оказалась слишком маленьким сроком. Рик вздохнул, это было плохим оправданием его бессилия.

Раздался вой сирены, Рик стряхнул опеменение. Он должен срочно увидеть заключение вирусолога. В какой-то раз Центр по контролю заболеваний просто обязан обнаружить возбудитель... хотя бы дать зацепку. К ящере правила! Рик не считал себя гениальным инфекционистом, но терять ему было нечего и он хотел использовать все возможные способы, чтобы остановить заразу по имени Ди, вплоть до испытания этой дряни на собственной шкуре.

Он зашёл в дезинфекционную, осторожно снял защитный костюм, принял душ, обработал кожу. Вернулся в ординаторскую, переоделся, освобождаясь от больничной одежды, как от чужой личины. Дал медсестре распоряжения и выскочил в холл. По дороге столкнулся с ассистенткой Ханой.

– Доктор Эванс, вы разве не слышали сирену?

– Слышал, – буркнул Рик и под прицелом удивлённого взгляда Ханы пошёл к выходу.

Впрочем, больше ему никто не мешал – после звука сирены найдётся немного охотников гулять по улицам Нью-Йорка. Он оставил за спиной громаду центра Маунт-Синай и зашагал по пустынному Центральному парку, чувствуя себя безумным и свободным одновременно.

Ночные атаки тираннов и спинов повторялись всё чаще – динозавры остервенело пробивали титановые щиты стен. Отстрел лазерными пушками давал передышку, но и такое оружие не могло уничтожить всю стаю десятитонных туш в сопровождении мелких падальщиков целуров. К тому же после массового истребления у хищников срабатывал механизм восстановления популяции – динозавры становились ещё более агрессивными и плодовитыми.

Рик едва успел дойти до Музея естественной истории, как перед носом пронеслись два джипа с флагом группировки нео.

Течение неовиков возникло пять лет назад после инцидента с массовыми смертями – тогда погибли все военные, оказавшиеся вблизи сбитых туш динозавров. Среди первых жертв были и родители Рика. Спустя неделю эпидемия перебралась на гражданских, и с лёгкой руки репортёра «Нью-Йорк Таймс» роковая болезнь получила имя – лихорадка Ди.

Всплеск странных смертей практически совпал с падением метеорита близ мексиканского городка Акамбаро. Пострадала лишь пара лавок с сувенирами, ни одной жертвы, но события наложились друг на друга, и это здорово всполошило общественность.

В добровольные группировки нео объединились самые разные люди – от именитых учёных до небезразличных обывателей. Группировки прославились тем, что были готовы опробовать любые безумные идеи по уничтожению динозавров, не дожидаясь разрешения государственных структур. Неовики шли на всё – вплоть до воровства, шантажа и агрессивных акций протеста. Формально правительство Союза Американских Штатов не поддерживало неовиков, однако Рик был уверен, что группировки втайне курируются государством, хотя бы такие крупные, как «Нео-Эйдж». Вряд ли правительство упустило бы шанс снять с себя ответственность за чьи-то смерти.

Он проводил взглядом удаляющиеся джипы. Прислушался к рёву хищников и нарастающему гулу, который, казалось, шёл из-под земли. Посмотрел на часы – ровно шесть. Сейчас глубокая осень, значит,

рассветёт около восьми, а днём твари не охотятся. Но на два-три часа его старая многоэтажка на берегу Гудзона будет наглухо закрыта щитами. Что ж, придётся переждать в каком-то сочувствующем неовикам кафе...

– Доброе утро, сэр! – поприветствовал Рика официант, поблескивая пипастой жилеткой из шкуры анкила.

Рик кивнул, опустил за ближайший столик и, проигнорировав меню, заказал синтетический дистейк. С несравненно большим удовольствием он бы съел настоящее мясо орнитомима, или того же анкила, но из-за лихорадки его запретили, и приходилось давиться синтетикой. По старой памяти он заказывал дистейк, но потом всегда жалел – даже зная, что еда безвредна, Рик не мог избавиться от ощущения, что ест отраву.

В кармане запиликал мобильник, Рик выхватил трубку и, не глядя на экран, моментально ответил:

– Да, Хана!

Но вместо строгого тона ассистентки услышал далёкий скрипучий голос с мексиканским акцентом:

– Сеньор, мьеня просили вас найти. Вы дошны приехать...

– Да кто вы такой?

– Сеньор, неважно, кто я такой, важно, кто вы...

Рик нажал отбой. Не хватало ещё сумасшедших мексиканцев с утра пораньше!

Официант принёс дистейк, и Рик только потянулся за ножом и вилкой, как телефон снова разразился требовательной трелью. Рик схватил трубку, готовя гневную тираду.

– Подождите! Это связано с сеньорой Марлой Бьелл!

Бьелл, машинально поправил про себя Рик и выронил нож.

– К-куда ехать?

– Акамбаро, штат Гуанахуато, сеньор. Мьеня зовут Дайого Сото, я встречу вас в аэропорту!

Абонент на том конце давно отключился, а Рик так и продолжал сидеть с трубкой возле уха. Он не стал больше спрашивать Дайого. Услышав имя Марлы от незнакомого мексиканца, Рик вдруг снова начал надеяться непонятно на что, и это ощущение было слишком дорого, почти так же дорого, как родное имя, чтобы немедленно потерять его...

– Хорошая была ночка, сэр! – официант подмигнул ему, видно приняв за одного из неовиков.

Рик не стал его разочаровывать, он почему-то сам обрадовался такой ошибке.

Рик выглянул в иллюминатор – лишь облака и крыло самолёта.

Откинулся на сиденье, закрыл глаза.

А ведь он летит в самое пекло. Рик вспомнил фотографии аномалии – котлован выжженной земли и зеленоватый туман, дымящийся над ним словно пар над горячей чашкой – последствия падения метеорита. По ободу котлована на жёлто-серой почве росли редкие пучки кустарников – и больше ни одного напоминания, что этот пустырь когда-то был живым.

Территория вокруг Акамбаро считалась более ли менее безопасной – стаи хищных динозавров редко забредали туда. Впрочем, она не пользовалась популярностью и среди людей.

Самолёт без инцидентов приземлился в Селайско аэропорту – ближайшем к Акамбаро.

Дайого, мексиканец лет пятидесяти с неожиданно цепким взглядом, нелепым для его простоватого лица, довёз Рика до места на стареньком «Форде».

Никто бы не отважился на такую загородную прогулку в окрестностях Нью-Йорка, и поначалу Рик чувствовал себя неловко в хрупком автомобиле, но постепенно успокоился. По крайней мере, никаких признаков приближающихся динозавров или стай птеродактилей он не заметил.

Защитные стены Акамбаро оказались в плачевном состоянии – похоже, ими давно никто не пользовался по назначению. То тут, то там Рик замечал фрагменты титановых пластин, которые жители городка растащили на подпорки обветшалых стен домов.

По тесным улочкам не спеша катили старики на трёхколесных велосипедах, толкая впереди себя всякий хлам. Помахивая пыльными бёдрами, смуглые красавицы несли на головах огромные корзины. К невысоким домикам тулились многочисленные лавки, набитые платками, глиняными фигурками и посудой, украшенной фольклорной росписью с изображением динозавров и бытовой жизни людей.

Рик хмыкнул, странное место – ни сирен, ни неовиков, ни внутреннего напряжения, которое его не отпускало в Нью-Йорке. Здесь жили так, будто не было этой вечной войны с динозаврами, будто они остались легендой, росписью на сувенирном камешке. Рик вдруг почувствовал себя дома. Всё ему казалось знакомым. Вот сейчас они проедут мимо центральной площади с белой ажурной беседкой в центре, минуют стену живой изгороди парка, а за ней покажется увенчанная крестом башня монастыря Святого Франциска.

Боль прошла висок раскалённой иглой. Рик еле сдержался, чтобы не застонать и зажмурился, пытаясь справиться с приступом. Перед внутренним взором появилась картинка храма – фигура Христа над алтарём, а справа в нише извивался в последней агонии каменный ящер, поверженный копьём Святого Хорхе.

Дайого тронул его за плечо:

– Вы в порядке, сеньор Риккардо?

Рик открыл глаза и кивнул.

– Может, наконец введешь меня в курс дела, мы только тратим время...

Спутник надвинул широкополую шляпу на глаза и ничего не ответил.

«Грёбанный мексикашка, – раздраженно подумал Рик, потирая висок. – Какого ящера я вообще ему поверил? Пересек полконтинента, чтобы добраться в эту дыру, а он меня еще за нос водит!»...

Они остановились у скромного выбеленного домика с небольшим двором, между двумя пальмами висел гамак. Дайого провел Рика в тесную, увешанную пестрыми ковриками комнату.

– Пошивете у мьеня, сеньор Риккардо, а дальше сами решите, что дьелать... Вот! – мексиканец снова поправил шляпу и бросил на столик визитку.

Рик усмехнулся – не слишком ли деловой стиль для такой глухомани? Он потянулся за визиткой, для приличия мельком глянул и опешил. Ричард Эванс и Марла Белл, значилось на титульной стороне, лаборатория «Нео-Эйдж», телефоны, адрес. Сбоку рукой Марлы выведены цифры: 05. 01, 06. 02, 07. 03, 08. 05... А на обороте уже его приписка: «Найдите меня!!!». Буквы прыгали и плясали, но свой почерк он перепутать не мог.

Звонок мобильного вывел его из оцепенения.

– Доктор Эванс, – голос Ханы был необычно взволнован, – пришло заключение от вирусолога. Обнаружен...

– Я занят, – Рик нажал отбой, скрипнул зубами – это что, розыгрыш?

Он угрожающе навис над невысоким Дайого. Тот однако не выказал и тени смущения.

– Как это попало сюда? Я никогда не работал на «Нео-Эйдж», я не писал эту чушь, я первый раз вижу ваш грёбанный Акамбаро!

– Это так кашется, сеньор, – мексиканец сдвинул шляпу на затылок, – вы любите бурритос?

Рик проигнорировал вопрос. Он лихорадочно пытался свести все события воедино, но пазл только рассыпался на более мелкие части. Визитка, без сомнения, подлинная. И да, они с Марлой были коллегами, но их дела не касались «Нео-Эйдж». И что значили эти цифры? Зачем он просил кого-то найти его? И как мог забыть об этом?

Он зажмурился от приступа головной боли и сквозь спазм отчетливо увидел, что был здесь раньше. Рик уверенно подошёл к стенному шкафу, открыл дверцу – на вешалке висел шарф Марлы.

– Где ты нашел это? – еле слышно спросил Рик.

– Пойдёмте, я должен вам кое-что показать!

Они расположились на холме близ горы эль Торо. Так было удобнее наблюдать за эпицентром аномалии – дымящимся котлованом.

С профессиональной дотошностью Рик фиксировал своё состояние: учащённое сердцебиение, пульсирующая головная боль, приступы паники. Он мог понять ящеров – живому существу здесь не место. Поначалу Рик избегал смотреть на котлован и, пытаясь развеяться, изучал покорёженные лавки под горой и россыпи глиняных поделок местных мастеров. Когда-то здесь был деревенский рынок. Ударная волна от падения метеорита довольно странно прошла по лавкам – будто вырезала из пространства часть лотков, оставив ровный надром.

Рик поморщился, вспоминая, что раньше знал об аномальной зоне. Правительственные службы проявили интерес к аномалии сразу, однако после исчезновения нескольких групп учёных исследовательские проекты прикрыли. В сеть просочились данные о людях из пропавших групп – их нашли через пару месяцев в окрестностях Акамбаро. К сожалению, психика пострадавших была полностью расстроена, и никаких вразумительных сведений добиться от них не удалось. Отыскали и остатки исследовательского оборудования. Котлован будто выплевывал то, что не смог пережевать – операторы нередко были «впяняны» живём в титановые стенки передвижных лабораторий. Рик тогда ещё подумал, что нечто попыталось совместить координаты оператора и оборудования в их трёхмерной реальности, приписав им ради интереса одинаковые параметры...

Пока ехали сюда, мексиканец коротко пояснил, что зону официально объявили закрытой, но, потеряв при странных обстоятельствах три патрульных машины вблизи котлована, местная полиция курировала только главные подъездные дороги к окрестностям эль Торо.

Рик раздражённо поддел ногой жёлто-серый камешек. Взметнулось облако пыли, Рик закашлялся.

– Дайого, чего ты от меня хочешь?

– Я – ничьего, пусть сеньор будет уверен!

Что-то не сходилось. Рик скрипнул зубами. Мексиканец его втягивает в какие-то игры – возможно, Дайого просто марионетка в руках неовиков. Сегодня же вечером Рик соберёт вещи, первым самолётом улетит в Нью-Йорк и не станет дожидаться, пока его окружают вооружённые до зубов люди на чёрных джипах.

Оставалось только разобраться с дежавю, которое преследовало его с тех пор, как Рик пересёк черту Акамбаро. Часть мест он узнавал сразу, часть вспоминал потом. Даже этот котлован тянул к себе, как хорошо знакомый друг.

Землю сотрясли мощные толчки. Рик дёрнулся, вскочил, оглядывая окрестности. Дайого лишь притронулся к шляпе, но даже не поменял позы – так и сидел, зацепившись взглядом за зелёное марево котлована.

– Это дилофы. Не двигайтесь, сеньор.

Рик различил стаю дилофозавров с уродливыми гребнями костяных пластинок на морде. Каждая особь не ниже десяти футов. Переступая тяжёлыми задними лапами, те послушно шли к котловану.

Он никогда не видел динозавров так близко. Странно, но страха не было – только ненависть и брезгливость.

– Хватит называть меня «сеньор»! – возмутился Рик и, немного успокоившись, добавил, – я думал, местность безопасна, почему никто их не отстреливает?

– Вы на съевере убиваете всех, лишь бы вам никто не мешал, да?

– А ты предлагаешь снести стены, сложить оружие и погибнуть при первом же набеге тираннов? – удивился Рик.

Несколько дилофов отделались от стаи побежали в направлении холма. Рик казалось, он уже может различить блеск костяных гребней, маленькие тупые глаза хищников и блеснувший в них кровожадный огонь. Он невольно попятился.

– Тише! – шикнул на него Дайого, – вот где ваша смерть! – и он прицельно ткнул Рика мозолистым пальцем в область сердца.

От неожиданности Рик проглотил заготовленную гневную реплику. Отделившиеся от стаи дилофы повели мордами, приняв хиваясь к чему-то, развернулись и снова взяли курс на котлован. Тем временем другие динозавры дошли до воронки и, не замечая обрыва, неуклюже стали валиться в зеленоватый туман.

Дайого еле слышно выдохнул, поправил шляпу. Рик показалось, что он прошептал что-то вроде «Чикомосток принял их».

Мексиканец замолчал и Рик, обалдевший от количества бреда, которое он был уже не способен переварить, вдруг захотел вернуться в привычный безнадежный мир с сиренами, смертями и неовиками, где не приходилось смотреть в глаза динозаврам и выслушивать суеверные бредни полоумных мексиканцев. В конце концов, там он свой, а здесь – ящер знает кто.

Рик достал мобильник, набрал Хану. Её голос должен успокоить, он – как якорь понятного и привычного в этом неправильном мире. И да, он должен узнать заключение вирусолога.

– Доктор Эванс, Ричард... – Хана говорила торопливо, глотая слова, – хорошо, что вы дозвонились. Лаборанты нашли следы нового вируса, к тому же они предполагают, что вирус крайне чувствителен к электромагнитному излучению. Есть диапазоны частот, которые провоцируют быстрый рост, другие – полностью уничтожают возбудитель...

Рик задержал дыхание. Хана даже не представляла, что она только что сказала! Если они найдут способ точно откалибровать излучение, они справятся с лихорадкой Ди!

Хана говорила что-то ещё, но Рик её уже не слышал. Не разбирая дороги, он побежал вниз с холма навстречу зелёному мареву.

– Не спускайтесь сразу, ищите на склонах! – крикнул ему вдогонку Дайого.

Что-то в словах Ханы открыло шлюз памяти, он будто переключился, стал другим Риком, и тот другой Рик знал, что ему немедленно надо найти брошенный в котловане трейлер.

И что было совсем невероятно – ему это удалось. Передним колесом «Вольво» повис над пропастью, и каким-то чудом машина не скатилась в котлован. Хотя у Рика создалось ощущение, что трейлер появился здесь секунду назад – не хватало только свежих следов колес.

А ещё Рик понял – он должен был войти в зелёный туман, потому что сюда ушла Марла. И ему плевать, что два месяца назад Марла Белл скончалась от лихорадки, и что он своими глазами видел, как крышка гроба навсегда закрывает от него лицо жены, и что сам бросал горсть земли, прощаясь с Марлой.

Подоспевший Дайого помог ему отогнать «Вольво» на более или менее ровную площадку, подальше от марева.

Рик долго возился с заклинившей дверью трейлера, но снова подсобил Дайого – саданул кулаком по замку, и дверь сама отъехала в сторону. А мексиканец, похоже, проделывал это не раз, подумал Рик.

Он влез в кабину, сразу почувствовал вибрации поля – в центре стояло обвешанное проводами кресло, к нему были подключены электромагнитные катушки. Одну стенку полностью занимала приборная панель. На полу валялась россыпь их с Марлой визиток. Он шагнул вглубь, не думая нажать рычаг, и катушки затихли.

Рик потянулся к встроенному в стенку монитору. Так, что у нас там... Параметры внешнего и внутреннего электромагнитного поля, модуляция, хронометрирование сигналов, входящие, исходящие данные катушек, сигнал радиантенны...

Голова снова начала раскалываться. Одному Рикку было всё до предела ясно и он рвался действовать, другой кричал об опасности и стремился вырваться из этой душной коробки.

А пока острые осколки воспоминаний о том, чего не было, кромсали его прежнюю жизнь.

Марла – мальчишеская стрижка, горящие от возбуждения глаза – едва не срывалась на крик:

– Рик! Рик! Представляешь, что это значит?!

– Только не говори, что ты их «вылечишь»! Излучение не подействует на инстинкт хищника! Марла, их надо уничтожить!

– Нет! – миниатюрная Марла чуть не бросилась на него с кулаками, – ты не имеешь права уничтожить всех больших особей, с ними погибнут и заражённые люди!

– Но ящеры изо дня в день пожирают нас! И если так всех жалеешь, зачем пошла в неовики, зачем мы тащились на край света и уже месяц торчим здесь?

– Чтобы выжить! – сквозь зубы процедила Марла, – выжить самим и дать жить другим...

– Риккардо, слышите?

Он вздрогнул, почувствовал на плече руку Дайого.

– Надо уходить, – бросил мексиканец, – здесь долго нельзя быть, Чикомосток опасен.

Рик растерянно глянул на часы – похоже, они вышли из строя... или вышел из строя он сам. Как он мог просидеть в трейлере пять часов и не заметить этого? И какой, к ящеру, Чикомосток?

– Дайого, ты мне расскажешь, что здесь произошло?

Они миновали холм эль Торо и возвращались в городок. Дайого лавировал по бездорожью, «Форд» немилосердно трясло, и Рик всё ждал, что машина вот-вот развалится на запчасти. Мексиканец по обыкновению щурил глаза, высматривая что-то невидное Рикку, и делал вид, что оглох.

– Ньет, – наконец ответил он с таким достоинством, будто отказался участвовать в гнусном деле, помолчал и добавил, – вы вспомните сами, а иначе всё равно не поверите...

– Зачем тебе это, Дайого? Мог просто продать трейлер со всеми потрохами неовикам. Они бы немало отвалили за эти игрушки!

– Я кое-что должен сеньоре Марле, – Дайого бросил резкий взгляд на Рика.

Вот значит как! Какой-то мексиканец знает о его любимой женщине больше, чем сам Рик. Жалю ревности обожгло грудь. Он еле сдержался, чтоб не застонать.

Рик дописал отчёт о находке трейлера – электронное письмо уйдёт напрямиком в Бюро по контролю деятельности группировок нео. Пусть сами дальше разбираются. Он закрыл ноут, без аппетита откусил кусочек лепёшки-такос и повалился на кровать.

К вечеру после прогулки по котловану у него поднялась температура. Плюс к головной боли – это уже было нехорошим признаком.

Он проглотил несколько антидотов от лихорадки – скорее плацебо – в редких случаях они могли незначительно замедлить ход болезни. Облегчения не почувствовал. Расспрашивал о симптомах Дайого, но тот на здоровье не жаловался.

Рик попытался всучить мексиканцу деньги за постой и съехать в бунгало на окраине Акамбаро – он мог быть инфицирован и потенциально опасен. Но Дайого обиделся, наотрез отказался брать плату, выхватил у него дорожную сумку и снова отнёс наверх.

А потом они окончательно повздорили, когда Рик едва не подстрелил пару мелких гетеродонтов, которые пытались стащить из кухни объедки. Но разобраться с динозаврами он не успел – Дайого выбил из рук пистолет и едва удержался, чтобы не стукнуть Рика. Странно, но с появлением мексиканца гетеродонты ретировались сами.

Рик пялился на коврик с изображением дерева, где вместо веток были пещеры, населённые людьми и динозаврами, а руки сами крутили пресловутую визитку. Будто он надеялся, что волшебное имя «Марла» вернёт ему память. Или напротив – заставить забыть в грёзах...

Если всё, что он увидел в трейлере, и сам трейлер не бред, вызванный лихорадкой Ди, и если вообще это была лихорадка, а не воздействие аномалии, то вывод один: его прошлое раздвоилось. И какие воспоминания ложные, какие подлинные – пока не понять. Дайого явно встречал его раньше, да и Акамбаро оказался хорошо знаком Рiku. Но как быть с десятками скончавшихся на его руках пациентов, госпиталем Маунт-Синай, похоронами Марлы – он помнил каждую мелочь, помнил лица людей, их жесты, выражения глаз. А возможно, не было ложных воспоминаний. Возможно, всё, абсолютно всё – правда!

Судя по оборудованию в трейлере, в параллельном прошлом они с Марлой занимались исследованиями электромагнитных излучений аномальной зоны котлована. Насколько Рик знал, опасности аномалии неовиков не смущали и, вероятно, группу «Нео-Эйдж» тоже. Хотя в одиночку даже безумные неовики не потянули бы такой серьёзный проект. Им бы понадобилась поддержка правительства – хотя бы в плане засекреченной информации, которую необходимо было обработать, чтобы создать более устойчивое к влиянию зоны оборудование.

Он вспомнил утренний разговор с Ханой и свои восторженные выводы. Теперь Рик не верил, что всё решается так просто. Электромагнитное излучение может ликвидировать не только вирус, но и разрушительно повлиять на организм человека – дезорганизовать, привести к необратимым последствиям в жизненно важных органах, при длительном воздействии способствовать инсультам, инфарктам, раку.

Скорее всего, лихорадка сперва поразила динозавров, обитавших рядом с территорией аномалии – какие-то частоты спонтанно вызвали бурную активность вируса – а потом перекинулась и на людей по всему миру. Похоже, в другом прошлом они с Марлой смогли обнаружить способ влиять на трансляцию частот, воздействующих на вирус. Возможно, Рик сам попал под какое-то излучение – именно в этом и была причина его проблем с памятью.

Он взглянул на визитку – пальцы теребили и так потрепанный клочок бумаги. Нет. Это не проблемы с памятью. Он действительно жил одновременно в двух реальностях. Визитка явно не мираж!

И еще эти цифры: 05. 01, 06. 02, 07. 03, 08. 05, 09.08... Что за расчёты второпях вела та, другая Марла? Какие-то даты? Первое число мая, второе июня, третье июля, пятое августа... Тринадцатое октября, продолжил Рик... Последовательность Фибоначчи, нередко встречается в живой природе. А ведь расчёт показывал какой-то процесс, связанный с аномалией! Рик прибавил даты последних месяцев – получилось двадцать один. Двадцать первое ноября. Сегодня было двадцатое...

Рiku стало тревожно. Теперь он здорово жалел, что отправил письмо в Бюро.

Он торопливо набрал Хану и обрадовался, когда услышал знакомый голос. Не вдаваясь в подробности, предупредил чтобы ассистентка не распространялась о заключении вирусолога. Она терпеливо выслушала и с расстановкой произнесла:

- Ричард, у нас новости. Лаборатория считает, этот штамм был выведен искусственно.
- Срочно бери отпуск и улетай из города. Куда угодно!
- Хорошо, но...
- Хана, не время спорить! Ты...

Связь оборвалась, в трубке послышались короткие гудки.

Рик очень надеялся, что их разговор не подслушивали. Он вдруг усомнился в Хане. Впрочем, как последнее время сомневался во всём.

Он встал, прошёлся по комнате, зачем-то открыл шкаф, закрыл, снова открыл, достал шарф Марлы.

Рик прижал ткань к лицу, вдохнул, ожидая почувствовать едкий воздух тумана, но ощутил сладко-терпкий аромат духов Марлы. И даже не стал пытаться понять, как это возможно, лишь бережно спрятал шарф в карман.

– Марла, милая, что мы с тобой натворили, – прошептал Рик.

Ему приснилась Марла – она лежала рядом, он гладил её плоский загоревший живот, бёдра, податливая кожа уступала его пальцам, и сама Марла двигалась в такт его рукам. Он будто знакомился вновь, а может, прощался с её телом, пытался узнать то, что не смог угадать в сливающихся с ночью тёмных глазах. Она потянулась что-то сказать, и он, едва сдерживаясь, чтобы не выплеснуть на неё всю свою страсть, не сделать больно, с силой прижался к её губам, поймал языком невысказанное слово – «сегодня»...

Рик проснулся на рассвете – возбуждённый, потерянный, он сразу вспомнил, что Марлы больше нет, и съёжился от пустоты в груди. Пожалуй, даже на похоронах ему не было так плохо.

Но эта пустота освободила место для другой жизни, и её начали заполнять чужие воспоминания...

Он уже просыпался в этой комнате прежде, и Марлы точно так же не было рядом. Но тогда она была ещё жива, и Рик начал переживать. На полу валялась визитка – видно, не нашлось под рукой листа, и Марла наскоро сбросила

на ней цифры. Среди столбика дат глаз выхватил последнюю: восьмое сентября. Рик зачем-то сверился с часами, хоть и так знал – это и есть сегодняшний день.

Он наскоро оделся, спустился. Комната мексиканца пустовала, а их джипа не было на месте. Рик сел в «Форд» и помчался к котловану по объездной, свободной от патрулей дороге.

Они неделю бились, пытаясь вычислить фазы всплесков электромагнитного поля аномалии, а отгадка лежала на поверхности – слишком простая, чтобы проверить её сразу. И сейчас, зная ответ, Марла решила действовать в одиночку! От обиды и досады Рик пропустил съезд с трассы, пришлось возвращаться.

Они тянули время намеренно и не отсылали отчёт в центр – Марла настояла. В поисках информации для работы им пришлось взломать архивы «Нео-Эйдж», где упоминался вирус Сэйвер в контексте борьбы с ящерами, а это значило, что неовики сами запустили лихорадку Ди. И попали их с Марлой разработки на столы руководителей группировки, те бы сразу закрыли проект, получив в руки новое оружие – смоделированный набор частот, который с вероятностью девяносто процентов уничтожит не только вирус, но и всех носителей лихорадки. Постепенно у людей развились бы путные болезни, многие оказались бы обречены. Рик был готов и на это – он не хотел дальше терпеть заразу. А Марла рвалась продолжать исследования, она верила, что найдёт способ избежать жертв.

Они всю дорогу спорили. Рик со дня на день порывался нарушить договор и связаться с центром. И сделал бы это сегодня, если бы Марла его не опередила. Она молчала, но Рик знал – уже пару дней Марла вынашивала в голове очередную безумную идею, и теперь бросилась её исполнять.

И сейчас, представив что может потерять Марлу, Рик уже был не так уверен в своей правоте...

Во сне Марла сказала: «сегодня»...

Забыв про температуру и головную боль, Рик подскочил с кровати.

Правильно, сегодня двадцать первое ноября – фаза всплеска излучения аномалии!

Натягивая на ходу джинсы, он сбегал вниз. Дайого уже собрался и поджидал его во дворике, будто и не уходил оттуда с вечера.

Они сели в «Форд», и на предельной скорости понеслись в сторону котлована.

В голове дробью стучало слово из чужого языка: Чи-ко-мос-ток. Рик попытался переключиться – ему было о чём подумать, кроме местных суеверий – но дробь от этого не становилась тише.

– Дайого, что такое Чикомосток? – пересилив себя, наконец спросил он.

– Прародина всех людей, дьерево семи пещер, или миров, – неожиданно охотно отозвался мексиканец, – ствол соединяет пещеры-ветви, и через нього люди выходят в наш мир.

Рик вспомнил коврик на стене, хмыкнул. Прародина всех людей! Таких «прародин» в каждом мексиканском городке сыщется с дюжину. Не на все, правда, падают метеориты.

Боль раскроила голову надвое. «Стоп!» – сквозь спазм подумал Рик. Ствол, который соединяет миры... Ноль времени! Нулевая точка! Легенда иносказательно описывала реальные физические явления – то, что они с Марлой обнаружили, когда работали на «Нео-Эйдж», но держали втайне от всех. Ось нуля времени запускалась именно той частотой излучений, которая была типична для аномалии; она же связывала все параллельные варианты развития событий, как ствол дерева – ветки. Выходит, аномальная зона служила огромным коридором между альтернативными вариантами прошлого и будущего. Используя этот коридор, они могли не только калибровать частоты и перенаправлять излучение, но и...

Додумать мысль он не успел, сзади завывала полицейская сирена. Ни Рик, ни Дайого не стали оглядываться. Что тут гадать: в машине мексиканской полиции сидит спецназ ЦРУ, у которого наверняка имеется особый приказ касательно некоего доктора Эванса.

Мексиканец крепче ухватился за руль и вдавил педаль газа в пол. Рик набрал Хану, впрочем, уже зная, что она не ответит.

На горизонте росла стена зелёного тумана, сегодня она казалась ещё насыщеннее и плотнее.

Волна дежавю захлестнула его с новой силой.

Он отчетливо понял, что сейчас Дайого высадит его поближе к трейлеру, как уже делал однажды, когда в другом прошлом вёз Марлу к котловану.

Взвизгнули тормоза. Рик на ходу выпрыгнул из «Форда», побежал к трейлеру.

Теперь мексиканец вернётся, чтобы отвлечь полицию на себя. И точно – Рик краем глаза заметил, как Дайого развернул машину и помчался навстречу полицейским.

Рик услышал выстрелы, но даже не испугался. Казалось, это всё происходит не с ним, а с актёром в каком-то абсурдном фильме. Рик схватился за дверцу трейлера – надо быстрее запустить частоту, чтобы покончить с этой проклятой лихорадкой и ящерами.

Боль вспыхнула в голове, ослепила. «Вот где ваша смерть» – вспомнились слова мексиканца. Рик застонал и заставил себя повернуться, уже зная, что сейчас сюда въедет машина Дайого.

На него нёсся старый «Форд». Машина врезалась в зелёное марево, перед самым обрывом зашла на крутой вираж, резко затормозила.

Рик тряхнул головой. Пара минут у него есть – полицейский явно не справится с управлением. Он дёрнул дверь и боковым зрением увидел, как полицейская машина на всей скорости улетела в котлован. Это всё уже было, и теперь повторяется снова.

У него осталось совсем мало времени – сейчас появятся новые джипы. И в следующую секунду он услышал вой сирены.

Рик рванулся к «Форду», выволоч раненого Дайого. На боку у мексиканца расплывалось красное пятно, он еле переставлял ноги, однако не забывал придерживать одной рукой шляпу. Рик потащил Дайого к трейлеру, стараясь опередить новую группу спецназа.

– Глупые у вас на съевере люди, Риккардо! Зачем мьеня зпасаете? Всьо равно уйду, а вы ещё успеете...

Перед внутренним взором Рика прошли кадры другого прошлого – он бросил Дайого умирать в одиночку, мексиканец так и остался сидеть раненым в машине. Тогда Рик слишком спешил утнаться за Марлой. Или отомстить ящерам.

– В следующий раз поуменью.

– Скашите сеньоре Марле, что Дайого Сото её вспомнил, она – хороший человек.

Мексиканец отключился – повис на руке Рика. Тот увидел на горизонте хромированные морды полицейских внедорожников, сжал зубы, заволок Дайого в трейлер, примостил на полу.

Нащупал в кармане визитку, комок шарфа Марлы – и выбросил в серо-жёлтую пыль котлована.

Круг замкнулся.

Дайого всегда трепетно относился к Марле – и в том прошлом, и в этом настоящем. Может, потому что она на свой страх и риск, пользуясь их новыми разработками, спасла мексиканца от лихорадки. А может, они были просто похожи – оба могли отдать всё, что имели, и даже больше, лишь бы помочь другим.

Рик торопливо включил панель, тихо заработали катушки. Он помнил параметры сигнала наизусть, осталось ввести данные, откалибровать сигнал радиантенны, так чтобы усиленный излучением аномалии, он прицельно ударил по злопастному вирусу. Близлежащую территорию он избавит от лихорадки и от динозавров. Да, пострадают люди, но это того стоит. Раз за ним прислали такой эскорт, правительство не очень хочет распространяться о находках. Надо спешить, пока он ещё что-то может сделать. Рик принялся колдовать над аппаратурой...

Раздались выстрелы, пули врезались в обшивку трейлера, там и застряли – бронированный корпус выдержал.

Мексиканец очнулся, тихо застонал.

«Вот где ваша смерть» – снова завертелось в голове Рика, но уже с другим смыслом. Эту фразу он бы с удовольствием выплюнул в уродливые морды безмозглых ящеров.

Осталась малость – запустить программу и попытаться уместиться в кресло вместе с Дайого – поле, создаваемое катушками, защитит их от непривычного излучения. Он не хотел очнуться через пару часов впянным в обшивку трейлера. Рик потянулся к экрану.

– Убьёте их?

Рука замерла на полдороги. А ведь в другом прошлом он уже запускал такую программу. Хотел уничтожить ящеров, но лишь вернулся в ветку, где снова получил возможность это сделать. И снова потерял Марлу – два месяца назад, ровно в тот день, когда она исчезла в параллельной реальности. Импульс уничтожения ни к чему не привёл, он только заиклил смерти. И Дайого, которого Марла однажды отвоевала у лихорадки, вот-вот погибнет второй раз, помогая им. И сделает это совершенно осознанно – мексиканец всё вспомнил гораздо раньше Рика. А он только теперь понял, что простоватый Дайого Сото тоже кое-что смыслил в вирусах и электромагнитных полях...

С минуты на минуту их убьют – как тогда застрелили Марлу во время перехода, прямо в кресле, как расстреляли его. Неовики надёжно похоронили свои секреты.

Трейлер сотрясся от длинной очереди.

Рик в сердцах стукнул кулаком по обшивке. К ящеру, он не хочет больше смертей!

– Нет, доктор Сото. Я же обещал поуменьть.

Он схватил обессилевшего мексиканца под руки, усадил в кресло и лихорадочно стал менять программу. Найти архив за восьмое сентября, расшифровать координаты, настроить коридор связи с альтернативной веткой, отправить сигнал на антенну, активировать защитное поле. Они так и не успели проверить систему в действии, и он не знал, удалось ли Марле «прибыть по назначению» прежде, чем она была здесь убита. Но он должен попробовать.

Рик завершил ввод программы, рванулся к креслу.

Он почувствовал, как его затягивает в тоннель, увидел светлое пятно на другом конце.

Плавно, будто в замедленной съёмке, отлетела дверца трейлера. Рик сделал шаг, закрыл собой мексиканца. Солдат выстрелил с ходу, тело Рика дёрнулось, но он не ощутил боли.

Трейлер исчез, и Рик ослеп от света.

– Завораживает, правда? – раздался хриловатый женский голос за его спиной.

Рик застыл на месте, не смея ни выдохнуть, ни повернуться.

Медленно, очень медленно он всё-таки развернулся, поднял глаза. Девушка с короткой стрижкой приветливо улыбалась ему.

Рик проглотил сухой комок.

– Марла Белл, археолог! – девушка протянула руку, – а вы...

– Ричард, – он лихорадочно тряс руку Марлы, всё не решаясь выпустить тонкие пальчики, – доктор Эванс...

Девушка с любопытством изучала его. Вдруг ойкнула, выдернула руку, чтобы поддержать выскользающую коробку с экспонатами. А точнее поделками, каких в любой мексиканской деревушке пруд пруди – глиняными фигурками людей и динозавров.

– Давайте помогу, – Рик подхватил коробку.

– Осторожнее, это уникальные артефакты! Полностью противоречат теории современной археологии. До сих пор неизвестно их происхождение.

Рик хмыкнул, он уже догадался, откуда здесь эти фигурки – зацепив лавки в окрестностях эль Торо, их спонтанно перебросила сюда зона аномалии. Но он, конечно же, ничего пока не скажет Марле. Может, когда-нибудь она вспомнит сама.

Что ж, её «лекарство» от лихорадки оказалось самым действенным – Марла задала волну, которая исключала первых носителей вируса, не уничтожая их напрямую, и девушку перебросило в реальность, где динозавры вымерли в ходе эволюции.

– Сеньора Бьелл!

– О, знакомьтесь доктор Эванс, это Дайого Сото, мой коллега!

Дайого не преминул поправить шляпу, и только после этого подал руку Рикю. Странное сочетание боли и радости промелькнуло в его взгляде. Рикю показалось, мексиканец его сразу узнал и всё понял.

– Грустные новости, сеньора! Сегодня в Нью-Йорке террористы взорвали башни-близнецы...

Рик моргнул, вытер вспотевший лоб. Первый раз в жизни он не мог обвинить в смертях ящеров. Хватит себя обманывать, причина их трагедий не в динозаврах и не в лихорадке, Дайого правду говорил, она в сердце. В том мире, где его расстреляли, ничего не поменялось. И он не может отвечать за всё человечество, но должен хотя бы сложить оружие сам. Ради себя, и ради Марлы.

– Я хочу вам помочь, – обратился он к девушке, – поверьте, я немало знаю о динозаврах.

Взбодоренная новостями Марла оторвалась от беседы с Дайого, совладала с собой, печально улыбнулась. И он наконец увидел в её глазах то, что так долго искал. Мир.

¹ «Фигурки Акамбаро» – коллекция из более чем 33 тысяч миниатюрных глиняных статуэток, изображающих людей и вымерших животных, в частности, динозавров. Собрана археологом-любителем Вальдемаром Юльсрудом (Waldemar Julsrud), который утверждал, что нашёл их первые экземпляры в 1945 году во время раскопок близ Акамбаро в Мексике. В ходе научных исследований установлено современное (не ранее 1930-х годов) происхождение этих «артефактов».

АЛЕКСЕЙ РУБАН

ДОМ НАШ ИЗ БЕЛОГО КАМНЯ

ПРИБОЙ

Дом наш из белого камня стоит у кромки пустынного пляжа. Когда с моря дует ветер, флюгер на шпилье крыши – конь и его всадник – начинает свой бег по кругу, тщетно пытаясь вырваться на свободу. До террасы, где я сижу над рукописью, доносится смех детей, играющих на заднем дворе. Открывается дверь, она подходит к столу, смотрит, улыбаясь. Она говорит – женщина не может не радоваться, прижимаясь к плечу мужа. Лицо женщины озаряет счастье при виде резвящихся среди цветов сына и дочери – говорит она. Я киваю. Мне нечего возразить, ведь башмаки стучат по плитам двора, а за приоткрытой дверью над блюдами клубится пар. Но по ночам, когда за окном шумит прибой, а луна прячется от одиночества в тучах, мне снится один и тот же сон. Босой, я иду по пустынному пляжу. Спинай ко мне у самой воды сидит незнакомка. Голова на коленях, пальцы просеивают песок. Откуда-то я знаю – у неё есть всё, составляющее счастье женщины, и она плачет. Плачет потому, что жизнь, хорошая или плохая, наполненная или дырявая, проходит, сыпется, как холодный песок сквозь веточки пальцев. Я хочу обнять её и просыпаюсь. Наступает день с его башмаками и клубами пара. Потом тьма поглотит свет, и я погружусь в сон без сновидений под бесстрастной луной. Но перед этим, пока она будет ждать меня в спальне затихшего дома, я поднимусь на крышу, прислонюсь к шпилью и стану искать глазами сидящую у воды. Искать и не находить, не находить, не находить.

КОГДА КОНЧИТСЯ НЕФТЬ

– Думаешь, она когда-нибудь закончится?

Он молчал, глядя на выступавшую из тумана платформу. Очередной катер прорвал белёсую пелену. Носатая посуда остановилась у стены, раздался щелчок металла о металл. Катер покачался на волнах, потом снова щёлкнуло, и припелец исчез в тумане. Всегда в неизвестность, никогда в сторону их утёса.

– На каком языке мы разговариваем?

– Что? – Ханна повернула к нему бледное лицо со следами недоумения.

– Мы не говорим, как раньше, не пользуемся словами, нам это только кажется. Странно. Столько времени прошло, а я лишь сейчас осознал.

Жером был прав. Ханна задумалась над тем, как они общались, но вскоре оборвала мысль. Здесь не существовало объяснений, как, возможно, и времени, о котором он говорил. Не билось сердце, лёгкие не втягивали воздух, тело не отзывалось на прикосновения. Касаясь себя, другого, поверхности под ногами, они ощущали только лишённую текстуры преграду. Ханна помнила, как в отчаянии билась головой о камень, месила его кулаками. Ничего. Ни боли, ни крови, лишь вода, платформа в тумане, катера и утёс. Она встала, подошла к краю. Сколько раз они пытались спрыгнуть, натыкаясь на незримый барьер.

– Они дошли.

– Дети?

– Да, – у платформы снова щёлкнуло. Сны были частью того немногого, что им осталось с той стороны. Когда темнело (на небе здесь никогда не зажигались звёзды), какая-то сила заставляла их растянуться на утёсе. Сознание отключалось, и приходили сновидения.

– Они дошли, – повторила Ханна.

Много ночей подряд ей снились дети, мальчик лет пятнадцати и его младшие брат с сестрой, по виду едва достигшие школьного возраста. Они шли по жуткой выжженной планете, пережившей последнюю войну. В полном одиночестве, если не считать одичавших собак и трупы людей, кутаясь в лохмотья, страдая от голода, они шли к Стене. За ней, Ханна откуда-то знала об этом, должен был лежать другой, уцелевший мир.

– И что там?

– То же самое. Стена во все стороны, до горизонта. Не такая уж и высокая, вся в выбоинах. Старший полез, цепляясь за них, добрался до вершины, а там только пепел и кости. Он заплакал, а потом крикнул малым, чтобы радовались, сейчас он спустится и всё им расскажет. На этом я проснулась.

– Ему же всё равно придётся сказать правду.

– Он делает их счастливыми, пусть и ненадолго. Слезет, наплетёт что-то про траву и цивилизацию. Дальше будут думать, как малышам забраться наверх. Может, они даже умрут до того, как всё откроется. Знаешь, мне кажется, это послание.

– В каком смысле?

– Послание мне, намёк на то, как я жила там. Лучше горькая правда, ничего нет дороже истины, откажемся от иллюзий. Когда сын в десять лет спросил меня о смерти – ему было так страшно, если ты бы видел – я сказала ему, что после ничего нет. Ни бога, ни реинкарнации, ничего. Он плакал, а я говорила себе – всё правильно, это пройдёт, нужно жить в реальном мире. И так всегда и везде. О чём я тогда думала?

– По-твоему, здесь всё же что-то вроде чистилища?

– Не знаю, может, и ад.

– Я тоже думал об этом. Ночью я опять шёл по городу. Там что-то праздновали, всё очень нарядное, толпы людей веселятся. Я вижу друзей, родителей, они зовут меня к себе, но остановиться не получается. Как будто ветер без конца бьёт в спину, и я иду и иду...

– Что это может значить?

– Значить... Не думаю, что много грешил там. Я просто хотел, чтобы меня не беспокоили другие, те же родные, друзья, чтобы дали мне прожить эту короткую жизнь максимально спокойно. Я не отказывал им в помощи, но тут же о них забывал. Их горести меня не трогали.

– Ты не кажешься чёрствым человеком.

– Ты меня не знала тогда.

Они молчали. Вода билась об утёс.

– Я вдруг подумала, – Ханна неотрывно смотрела в туман. – На платформе добывают нефть, ею заправляют катера, и они что-то везут туда. Может, новые души, может, добро и зло.

– Нефтью не заправляются в чистом виде, – тихо сказал Жером, – её сначала перерабатывают.

– Какая разница? Здесь всё по-другому. И вот я подумала. Нефть же не бесконечна, там её осталось всего лет на пятьдесят-шестьдесят, я где-то читала. Что будет, если она закончится и здесь? Конец света?

– Знаешь, – Жером почти шептал, – мне иногда кажется, что если я выберусь из города во сне, то выйду к обрыву. Спустишь, и внизу меня будет ждать такой же катер. Я сяду в него, и мы уплывём. Не знаю куда, но это всё, о чём я могу ещё мечтать.

Двое на утёсе смотрели вдаль, думая о том, приплывут ли за ними до того, как закончится нефть.

Идея этого короткого рассказа о посмертии (тема, к которой я неизбежно раз за разом возвращаюсь) возникла из всплывшего однажды в моей голове вопроса. Прыгая от нечего делать по интернет-ссылкам, я наткнулся на статью про нефть. Там, в частности, говорилось, что мировых запасов ресурса хватит ещё на несколько десятков лет. Я подумал о том, что мы будем делать дальше, взял ручку и написал этот текст.

ОТЕЛИ

В холле Отеля Разбитых Сердец

Висит большая карта,

Вся в красных кнопках.

Заселяясь, каждая пара

Втыкает остриё в то место,

Откуда они приехали.

Потом мужчина и женщина

Поднимаются в номер,

Молча раскладывают вещи,

Занимаются своими делами.

А когда наступает ночь,

Они, всё так же в молчании,

Ложатся в постель

Спиной друг к другу

И думают о тех,

Кого по-настоящему любили

Когда-то.

*

При Отеле Бесплодных Надежда
 Есть маленькое казино.
 Постояльцы играют там
 В блэджек, рулетку, колесо фортуны
 И неизменно выигрывают.
 Сжимая в руках пачки купюр,
 Они с недоумением смотрят на деньги,
 Не зная, что с ними делать,
 Ведь на них не купить то,
 О чём мечтал однажды.
 Потом люди поднимаются в свои номера,
 Где при свете луны
 Поджигают одну за другой банкноты,
 И в завитках дыма им мерещится
 Несбывшееся.

*

В баре Отеля Уставших Богов
 Каждый вечер заседают
 Верующие всех мастей.
 Они пьют и спорят
 О преимуществах своих божеств
 И путях,
 Которыми к ним приходят.
 И вдруг кто-то говорит,
 Что потерял связь с Творцом,
 Не чувствует его присутствия.
 «А может, он просто устал
 И покинул нас», – говорит кто-то,
 И следует крик,
 Хруст стекла под ногами и драка.
 Потом служители
 Провожают избитых верующих
 В их номера.
 В ночной темноте
 Люди садятся у окон,
 Дышат алкоголем на стёкла
 И ждут в надежде,
 Что на запотевшей поверхности
 Проявится знамение
 Непостижимого Господа.

ТАЙНА

Читая его тексты, слушая его голос, глядя на нервные руки, тревожащие воздух в такт падающим словам, они мечтали стать свидетельницами того, как он пишет. Им виделась в этом некая романтическая тайна, и приоткрыть над ней завесу означало обрести власть, к которой так стремятся женщины. Он же, однажды расставшийся с иллюзиями самолюбования, знал, как всё выглядело на самом деле. Да, порой был отрешённый взгляд отшельника-философа, лоб в морщинах и тень печали на лице – всё то, что заставляло неискушённые сердца сжиматься от восторга. Но чаще, значительно чаще посреди ночи он перелезал через одну из них, поднимался с кровати, брал из бара бутылку и, в футболке и трусах, с растрёпанными волосами и помятой кожей, шёл в соседнюю комнату к блокноту и шариковой ручке. Ещё были прогулки, и он вдруг замирал, не реагируя на их вопросы или отвечая невпопад, раз за разом выуживая из кармана всё тот же блокнот. Даже в минуты страсти его взгляд мог стать пугающе-оценивающим, глаза человека, сосредоточившегося на вспыхнувшей внутри идее. «Тебе слова дороже людей?» – спрашивали они перед тем, как расстаться. И он, столь избобретательный на страницах блокнота, не находил, что сказать.

Потом каждый отправлялся своим путём. Они – на поиски новых тайн, он же разоблачался, надевал футболку и трусы и вытягивался под одеялом. Мысли начинали путаться и незаметно гасли под натиском сна. Сон приносил ответы на все вопросы, но утром ничего из этого удержать в памяти не удавалось. Усталый человек грезил, завернувшись в одеяло, и бутылка на столике возле бара терпеливо ждала в ночной тишине.

ТАБЛЕТКИ (ПСИХОРЭП)

Дорогая, куда ты переложила мои таблетки?
 Всё боишься, что потянут в рот их безумные наши детки?
 Ты не забывай: максимум через полчаса мне выходить на работу,
 До шести вечера пылью покрываться в офисных сотах.
 Но что изменится, если цифры совпадут во всех документах?
 Не перестанут упоминать о войне в новостных бесконечных лентах,
 Чтоб не накапало желание раздать зомби-коллегам по пуле,
 Говори быстрее, куда ты переложила пилюли.

Ты оглохла, милая? Я говорю тебе о таблетках.
 Пропустил приём и сразу понял – все мы попугай в клетках.
 Повторяем их лозунги, клювы механически открывая,
 Жрём свой корм в ожидании обещанного земного рая.
 Трепещем при виде знамён, вековой покрытых пылью,
 Давно забыли, для чего нужны нам были крылья,
 Я готов разбить телевизор, приближаясь к невозврата точке,
 Где эти, мать их, где аптечные кружочки?

Любовь моя, я в ухо тебе ору о таблетках,
 За окном проповедники заливаются соловьями на ветках.
 Чем шире ряса, тем больше шансов обнаружить ствол под ней,
 На тусовках выясняют, у кого же из них он длинней.
 Сто миллиардов звёзд в галактике, но никто не видит дальше канонов,
 Кайфуют, наблюдая, как поклоны бьют воцерковлённые клоны,
 Спустить бы курок, дуло погрузив в отвисший святоши зад,
 Всё равно без таблеток не жизнь, а безбрежный кромешный ад...

Дорогая, прости, смахнул их на пол, когда брился,
 Сам не пойму, из-за чего я тут так кипятился.
 Обещаю: детей маме, а с тобой в ресторан мы в субботу.
 Завяжи, пожалуйста, галстук, через пять минут выходить на работу.

ЛОСКУТНЫЙ ПРОПОВЕДНИК

В начале одного из тысячелетий (какого именно, не важно, ведь бесконечная Вселенная презирает цифры) в некой стране продолжалась изнурительная война. Она длилась так долго, что нападшие успели забыть, зачем их предки однажды вторглись в этот некогда цветущий край, а защитники обороняли свои опустошённые земли лишь потому, что не ведали иной жизни. Картечь, ядра и порох у обеих сторон давно закончились, и все сражения сводились к вырезанию друг друга холодным оружием. Культура и искусство безнадежно деградировали, а у папертей уцелевших храмов вороньё клевало глаза мертвецов с раздувшимися от голода животами.

Никто не скажет, когда слухи о нём начали расползаться по стране. Рассказы эти повторяли и в том, и в другом лагере. Говорили о человеке в рясе из множества кусков разноцветной ткани и такого же покроя мешке с прорезями для глаз на голове. В грязных тавернах, у ворот рынков, на площадях захваченных и отбитых городов – он появлялся то здесь, то там, сопровождаемый мужчинами с хмурыми незапоминающимися лицами. Народная молва окрестила таинственного незнакомца лоскутным проповедником, проповеди же его поражали своей хаотичностью и противоречивостью. Сегодня он говорил о праве сильного брать огнём и мечом всё, что он пожелает, а завтра о святом долге до последнего вздоха защищать родную землю. Одним он вещал об угодных Создателю умерщвлении плоти и аскезе, других призывал погрязнуть во всевозможных пороках, ибо жизнь коротка, и творца, карающего за грехи, не существует. Порой слова его были слишком сложны для понимания, а ещё он утверждал, что войну развязали книгочеи, место которых на колу. Случалось, проповедник с трудом держался на ногах и, поддерживаемый угрюмой

свитой, нёс пьяную бессмыслицу. Пророк в лоскутах неоднократно заявлял, что любое сказанное и тем более написанное слово несёт в себе семена лжи, искажая изначальную мысль. При этом сохранилось немало разрозненных записей его речей, второях сделанных слушателями. В одном из таких обрывков можно прочесть: «Одежда моя подобна природе человеческой и самим людям. Множество их и множество всего в них». Все попытки задержать смущавшего людские умы оставались безуспешными. Проповедник со своим окружением всякий раз исчезали незадолго до появления вооружённых отрядов. Кто-то верил в то, что это забытый бог, решивший наконец вмешаться в земные дела и заставить сотворённых им взглянуть на себя со стороны. Другие видели в происходившем признаки деятельности тайного альянса противоборствующих сторон, созданного с целью прекратить войну. Ещё одни полагали, что истинной целью было уничтожение всех людей, как в стране, так и во всём мире.

Я не знаю, чем закончилась эта история, где она происходила и случалась ли вообще. Расширяющаяся Вселенная, продолжая свой вечный бег, что-то беспрестанно бормочет себе под нос, и до меня донеслись отголоски её бормотания. Впрочем, сюжет этот показался мне заслуживающим внимания, занятным, как человеческая природа и сами люди.

АНДРЕЙ НИКИТИН

СЕМЬЯНИН

рассказ

Сегодня хорошая погода. Солнце пробивается сквозь матовое стекло. На улице тепло и хорошо. Я доем, выйду из дому и посижу на скамейке.

Я ем не один. Мои гости сидят и держат в руках столовые приборы, ковыряя вилкой в каше. Все четверо без голов, но на всех выглаженная опрятная одежда. Галстуки и рубашки слегка перепачканы чем-то бордовым.

Я доедаю порцию, выковыриваю остатки каши со дна тарелки, собираю пальцами крошки, вытираюсь, снимаю с бороды и усов кусочки зацепившийся салфетки. Встаю и ухожу, чтоб вскоре ощутить солнечные лучи. За мной никто не следует.

Игорь проснулся посреди ночи, глянул на улицу. Тишина. Несколько раз залаяла собака. Игорь повернулся, рядом лежала супруга, виднелись очертания обнаженной груди, подбородка и носа. Дети спали. Игорь встал, накинул халат и быстро проверил детей. Марина и Саша лежали в кроватках, мирно сопя, едва заметно грудь приподнималась во время вдохов. Всё было в порядке. Игорь сходил в туалет, съел шоколадную конфету, вернулся в кровать. Он лёг, повернувшись спиной к супруге, и вскоре уснул.

Я сидел в парке, глядя на небо. Ветер сбивал листву. Летало много птиц. Я сперва не понял, почему их так много. Вдоль парка ходили люди в масках различных животных. Были демоны с рогами, собаки с красными глазами, маска без глаз и рта. Лишь старушка сидела без маски в тени дерева, слегка качаясь, и что-то шептала. Виднелись её очки, кучерявая седая голова и морщинистое лицо, похожее на слоёное тесто. Старушка качалась, опираясь палкой об асфальт, а я наблюдал. Внезапно одна из птиц, напоминавшая ворону, атаковала старушку, затем ещё раз. Старушка отбивалась, но птица села ей на голову и выклевала глаза. Мгновение, птица вспорхнула и улетела. Старушка ничего не успела сделать. Ворона села на ветку и смотрела на меня. Левый глаз у неё был человеческим, а правый так и остался вороньим. Старушка встала со скамейки, подобрала с земли очки и ушла, держа впереди руку, чтоб не наткнуться на дерево. Ворона вспорхнула, расправив крылья. Я заметил, что под хвостом у неё был второй глаз старухи, которым она успела напоследок на меня взглянуть.

Игорь гладко выбрился, как обычно проведя в ванной двадцать минут, надел галстук и отправился на работу, но перед тем, как выйти из дому, прошёл вниз на один пролёт и постучал к соседу. Дверь была приоткрыта, что бывало часто. Игорь вошёл в квартиру, убедился, что никого нет, кроме четырёх безголовых манекенов, одетых в рубашки, сидящих вокруг стола. Игорь запер дверь на ключ и ушёл на работу.

Я вздремнул после обеда, а когда проснулся, ощутил, что падаю. Я хотел выйти из комнаты, но дверь не открывалась. Я дёргал ручку, толкал дверь на себя, затем от себя, но ничего не помогало. Дверь медленно поползла вдоль стены, влезла на потолок, и я оказался в ловушке, так как окон не было. Пришлось двигать мебель, чтоб добраться до двери, но только я попытался её схватить, она переползла в другой конец комнаты. Я продельвал заново всю процедуру, но дверь вовсе исчезла. Сооружение, собранное мною из мебели пошатнулось и повалилось. Я упал на пол, а когда встал, увидел открытое окно. Я, не теряя времени, быстро выскочил в него и оказался на траве. Ко мне подбегали какие-то существа с телами людей и головами воронов, пытались выклевать мне глаза, хватили меня руками и пытались растянуть в стороны. Я отбивался как мог, но они меня одолели и спрятали в стальную коробку.

Игорь возвращался домой. На работе были проблемы, он не успевал сдать отчёт вовремя. Было душно, голова гудела. В подъезде было много людей. Несколько человек держали какого-то парня, тот был исцарапан, отбивался. На втором этаже было выбито стекло, осколки разбросаны возле клумбы.

Игорь потратил несколько минут, наблюдая, как парня впихивают в карету скорой помощи. Машина умчалась, люди начали расходиться. Игорь поправил галстук, молчаливо огляделся, взглянул на многоэтажку и не торопясь пошёл домой.

– Что с вами происходит? – спросил меня человек с большим ртом. На его голове не было волос, глаз, ушей и носа, только рот. В остальном с ним было всё в порядке. Он сидел, закинув ногу на ногу, и держал в руке блокнот, что-то записывая.

Меня связали, надели смирительную рубашку и держали некоторое время взаперти. Со мной хотела поговорить обезьяна, затем холодильник, который втолкнули ко мне в комнату, а теперь меня привели к этому инвалиду, который делал вид, что вполне нормален.

- Со мной всё в порядке, – сказал я.
- Как вас зовут?
- Андрей Зубко.
- Вы принимаете наркотики?
- Нет.
- Когда вы принимали их в последний раз?
- Я же сказал, что не принимаю.
- Вы выпали из окна?
- Нет, я сбежал, когда оно появилось.
- От кого вы бежали?
- Я не помню.
- Сколько вам лет?
- Тридцать четыре.
- Какие наркотики вы принимаете?
- Я не принимаю ничего.

Мужчина постучал ручкой по зубам, затем укусил её. Ручка исчезла во рту, губы сжались до маленькой точки и рот исчез. Я больше не мог слышать, что он говорил. Через двадцать минут меня увели из комнаты какие-то существа без лиц и волос.

Игорь ел кашу, выковыривая остатки на дне, собирая пальцами крошки, когда ему позвонили.

- Добрый день.
- Добрый, – ответил Игорь.
- Я вынужден сообщить вам плохую новость. Ваша супруга так и не появлялась в бассейне.
- И где же она? – спросил Игорь.
- Этого мы не знаем, но ни её, ни ваших детей там не было. Мы не знаем, где она может быть.

Игорь начал ходить по комнате с телефоном у уха.

- Послушайте, но ведь ей некуда ехать.
- Да, мы знаем, что ей некуда ехать, – сказал полицейский, – и номер её автомобиля уже разослали по области. Мы обязательно найдём её. Когда вы видели её последний раз?
- Три дня назад, – сказал Игорь, – я видел их всех три дня назад. Умоляю, найдите мою семью.
- Мы сделаем всё, что сможем.

Я часто сидел в парке и просто наблюдал. Я заметил, что когда заостряю на чём-то внимание, становится хуже. Я делаю вид, что ничего не происходит, и мне легче. В последнее время у людей появляются нормальные лица. Я различаю мужчин и женщин. Мебель перестала со мной разговаривать. Не знаю почему, но я не воспринимал раньше это как-то особенно. Это казалось нормальным. Я и сейчас думаю, что это не так уж плохо.

Сейчас каждое утро я вижу молодую семью, гуляющую в парке. Это женщина и двое детей. Я знаю, что их зовут Марина и Саша. Но не знаю, как зовут их мать, ведь они не называют её по имени. Я вижу их каждый день. Они счастливы, идут вдоль улицы неизвестно куда, а я только наблюдаю и мечтаю, чтоб у меня были такие же дети и супруга.

Игорь обзванивал все морги, всех родственников, обошёл все полицейские участки, взял отпуск на работе, и просто ездил по соседним городам, пытаясь найти супругу и детей. Прошло больше трёх месяцев с тех пор, как он в последний раз видел их. Неизвестно, куда они пропали. Он не знал, что думать, не знал, что делать.

Игорь постоянно думал о семье, не мог нормально есть, и мог забыть только на работе, хоть сосредоточиться получалось с трудом. Работа стала единственным, что сохраняло в нём здравый смысл.

Я нашёл работу. Сначала мне было тяжело, я мало с кем общался, у меня не было знакомых, но я не переживал по этому поводу. Я знал, что всё будет хорошо. Я начал носить белую рубашку, брюки и галстук. По утрам часто смотрелся в зеркало, приводил себя в порядок и думал над тем, что обо мне скажут со стороны. После работы у меня было много свободного времени, и я часто сидел в парке. Иногда, по вечерам я видел гуляющих детей и их мать. Марина и Саша шли, ели мороженое и держали за руку женщину. Им было хорошо, а мне было хорошо наблюдать за ними и представлять себя на месте их отца и мужа.

Игорь перерыл всю квартиру в поиске фотографий. На полу валялись вывернутые ящики с одеждой, разбросанные бумаги, снятые с полок книги, но не было ни одной фотографии супруги и детей.

– Куда же я их дел? – думал Игорь, почёсывая голову, – неужели она забрала с собой все альбомы? Но зачем? Неужели заранее планировала скрыться? Или я отдал в полицию её фотографию?

Игорь не знал, что произошло. В последние месяцы голова была занята разными мыслями, он плохо спал, начинал туго сообщать, но не замечал за собой провалы в памяти.

Я навёл в доме порядок, сделал ремонт. После того, как меня упрятали в клинику, я долгое время не был дома, и кое-что пришлось переделывать. Теперь всё в порядке. Дверь от меня больше не убегает, и я знакомлюсь с соседями. Иногда долго болтаю на разные темы. Это здорово. Но кошмары периодически навещают меня. Птицы, безголовые манекены, ковыряющие вилками в тарелках, отсутствие глаз у людей. Я надеюсь, что кошмары прекратятся. Мне нужно думать о чём-то другом, и я решил думать о Марине и Саше, которых часто вижу в парке, гуляющих с матерью.

Игорь вновь пошёл в полицейское отделение.

– Слушаю вас, – сказал дежурный.

– Я хотел бы забрать фотографию супруги.

– Назовите ваше имя и фамилию.

– Игорь Невалов.

Дежурный попросил подождать. Игорь ходил по коридору, разглядывая фотографии людей, пропавших без вести, и особо опасных преступников. Фотографий его семьи там не было. Через двадцать минут его позвали.

– Простите, но таких у нас нет.

– Как это нет? Вы ведь искали мою супругу. Как же вы её могли искать, если у вас нет её фотографии?

– Возможно, фамилия неверно названа?

– Нет, всё правильно. Игорь Невалов.

– А как имя вашей супруги?

– Имя супруги?

Игорь задумался. Что-то он не мог припомнить имя супруги. Почему он точно знал, что детей зовут Марина и Саша, но вот как зовут супругу?

– Можно ваши документы?

– Да, конечно, – сказал Игорь и протянул паспорт. Полицейский долго что-то разглядывал, а Игорь так и не мог вспомнить имени его возлюбленной.

Но почему? Как же так? Сколько мы прожили вместе.

– С вами всё в порядке? – спросил полицейский.

– Да, всё нормально.

– Тогда почему вы представились другим именем?

– Что, простите?

– Вас зовут Андрей Зубко, если судить по паспорту, потому я спрашиваю, вы в порядке?

Игорь взял паспорт и взглянул на фотографию. Там было его фото, но он был небритый, с бородкой и усами. Внизу писалось, что человека на фото зовут Андрей Зубко.

– Это, наверно какая-то ошибка. Меня зовут Игорь Невалов.

– Но в паспорте другое имя. Вы хотите сказать, что паспорт фальшивый?

Игорь посмотрел на полицейского, что-то пытаясь вспомнить, затем поднялся, спрятав паспорт в карман, и огляделся.

– Присядьте, молодой человек, – сказал полицейский, – и объясните, что происходит.

– Простите, я, наверно, пойду. Мне что-то нехорошо.

– Нет, вы никуда не пойдёте, пока мы всё не выясним.

Игорь попытался уйти, но его остановили.

– Этот человек однажды проходил психиатрическое обследование, – говорил врач, разговаривая с полицейским, – но, очевидно, так и не смог привыкнуть к одинокой жизни. Он выдумал себе семью, возможно, видел их где-то раньше, возможно, нет. Его мозг придумывал некие образы, скорей всего, под действием наркотических веществ. Он понял, что один, и переносил это слишком тяжело. Он будто падал в яму, и, как видите, единственным выходом оказалось забыть о плохом и буквально создать другого человека. Кстати, скажу вам, это здорово помогает сбросить нервы.

– Вы думаете?

– Так думаю не только я. Так что лучше прислушайтесь.

– Так что делать с этим Зубко?

– Отправлять на принудительное лечение, – сказал врач, – тут уже выкручивайтесь сами. Мне это не нужно. Пациент ваш, а у меня полно своей работы. Найдите ему подходящую клинику.

Игорь пришёл домой, в квартире был спёртый воздух. Неприятно воняло, будто кто-то умер. Он побегал в спальню. Под одеялом лежала супруга, накрытая по шею. Игорь содрал одеяло, но это оказался женский манекен с покрашенными губами. В соседней комнате лежали на полу два детских манекена. Один был одет как мальчик, другой как девочка. Игорь стоял, не зная, что произошло. Он оглядывал стены, на которых давно не было обоев, не было ковров, мебели, лишь в столовой стоял стол и стулья, а на столе четыре тарелки, за столом сидели безголовые манекены. Игорь вошёл в ванную, глянул в зеркало. Оттуда на него смотрел небритый мужчина с усиками, до ужаса напоминавший лицо Андрея Зубко, которое он видел в паспорте.

Игорь отошёл, и что-то начало до него доходить. Ему припомнились просиживания в парке, где он видел женщину с детьми, припомнилось, как он помогал соседу, страдавшему психозом, припомнилось, как врач что-то говорил о раздвоении личности.

– Не может быть, – сказал Игорь, ощупывая свою бороду, глядя на трясущиеся руки, – не может этого быть. У меня украли мою жизнь.

Игорь схватил зеркало и разбил его, бросив на плитку. Он лёг на кровать, повернулся на бок и долго лежал, думая о том, насколько он одинок. Он будто впал в транс, день сменялся ночью, затем наоборот. Слышались посторонние шорохи, какие-то голоса. Игорь посмотрел на руки, потрогал бороду, посмотрел на потолок.

Всё кружилось, словно помещение переносили. Он поднялся, пошёл по голому полу, где попадались куски линолеума. В нос ударил запах сырости и канализации. Игорь медленно двигался к окну, одежда липла к телу. Его кто-то дернул за рукав. Он обернулся. Перед ним стоял мальчик.

– Папа, Марина назвала меня кашкой, и потому я её стукнул. Не верь ей.

– Любимый, пора завтракать, – послышался голос супруги, – на работу опоздаешь.

Мальчик убежал на кухню. Игорь вдохнул и уловил в воздухе запах жареного мяса. Он поправил галстук, посмотрел на настенные старинные часы с встроенной кукушкой, мельком глянул на своё отражение в зеркале стенового шкафа и спешным шагом направился на кухню...

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

рассказ

Голова болела несколько недель, прежде чем я заметил закономерность. Когда я сидел на балконе второго этажа, глядя на лес, боль ослабевала, затем уходила. Мать говорила, что чай и свежий воздух – лучшее лекарство. Сама природа помогает тебе, говорила она. Но я не был уверен. Я сидел в кресле, закутавшись в одеяло, в руке чашка чая. Вокруг лес. Мне становилось легче. Одно из преимуществ загородного дома в том, что соседи не мешают. Их просто нет. Я расслаблялся. Лишь спустя две недели я догадался, почему мне становилось легче. Говорят, человек ощущает взгляд. Есть чувство, неподвластное объяснению, будто видеть затылком или слышать тишину. В тот день я отложил чашку, поднялся с кресла и прошёл к краю балкона. Плед упал на пол, я переступил через него. Лес был ужасно близко и при свете луны казался мне единым организмом. Чем-то цельным, неделимым, что словно управляло мной. Внезапно я вздрогнул. Я понял, что когда сижу на балконе, пью чай и мне становится легче, в этот момент из лесу за мной кто-то наблюдает.

– Как голова? – спросила мать и тут же взглянула на отца, обращаясь уже к нему, – ему снова плохо. Нужно поехать к доктору Комкову.

– Но я ещё ничего не ответил, – оправдывался я, садясь за стол. Тёплая рука матери коснулась лба, затем обычные причитания о том, что я не надел кофту. Отец что-то буркнул и, поправив галстук перед зеркалом, направился к двери.

– Вот видишь, ушёл, – сказала мать, схватив отца за запястье, мельком глянула на меня и добавила:

– Но я знала, что без поцелуя он не уйдёт.

Тут же поцелуй. И после этого отец ушёл. Мать глядела ему вслед, затем села за стол.

– Так будет лучше, – сказала она, – ненормально, что голова болит так долго.

– Мне легче на свежем воздухе.

– Но с тех пор, как мы приехали сюда, прошло два месяца. Раньше у тебя ничего не болело, а последние две недели, после той странной вспышки...

– Мне уже легче, мама.

Я невольно задумался о ночи, когда над домом пролетел самолёт. Это было так резко и неожиданно, что все проснулись. Вспышка на несколько секунд осветила комнату, где я спал. В лесу словно что-то беззвучно взорвалось, затем всё стало нормально.

Я стоял перед лесом. Деревья возвышались сплошной стеной. Было прохладно и немного жутко, но я ощущал себя хорошо. Голова не болела, даже стало как-то приятно, будто на меня перестали действовать все физические силы. Что-то меня манило в лес, словно звало. И я ощущал, что нужен там.

– *Иди сюда*, – сказал голос. Я обернулся, но никого не увидел. Я стоял, боясь пошелохнуться, глядя, как колышутся кончики деревьев. На секунду мне показалось, что среди деревьев мелькнул белый силуэт, но присмотревшись, я никого не увидел. Это напугало ещё больше, и я понял, что теперь точно туда не пойду.

На следующий день всё было нормально, голова не болела. Боль ушла. Это радовало, но было будто что-то недоделанное, какой-то вопрос. Я знал, что мать уехала в магазин. До обеда у меня будет время поваляться в кровати. Но я решил выйти на балкон и взглянуть на лес. Вдруг что-то изменится?

Опершись на перила и глянув вниз, я удивился. Там стояла девушка в белом платье.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро.

– А вы кто? И что тут делаете?

– Меня зовут Лиза.

Девушка выглядела прекрасно, белое платье на ней казалось немного великоватым, но в остальном всё было отлично. Тёмные волосы спадали на плечи, руки она держала перед собой и улыбка затмевала солнечный свет.

– Я Дима.

– Мне нужна помощь, Дима. Я заблудилась. Мы с родителями путешествуем по стране, сейчас устроили привал, недалеко отсюда.

Прохожие были редкостью, ближайšie соседи были не близко, но иногда по лесу бродили туристы или путешественники. Такое бывало. Я спустился вниз, мы немного поболтали. Лиза оказалась довольно милой и общительной. Мне было с ней легко, а она не прекращала тараторить, будто знала меня давно, и говорила только на самые любимые мне темы.

Я пригласил её на чашку чая, не думая о том, что может произойти что-то плохое. Мы поднялись на второй этаж, в мою комнату, затем на балкон. Погода тёплая, мы болтали. За первой чашкой последовала вторая. Лиза не торопилась, я взял её за руку. Она слегка дёрнулась, затем улыбнулась и сама взяла мою руку.

Когда она прикоснулась ко мне, я ощутил сильное желание. Внизу живота стало жарко, сердце застучало сильней. Я возбуждился. Её кожа была мягкая и приятная на ощупь, а поцелуй сладким и головокружительным. Мы занимались любовью прямо на балконе, это длилось недолго, но время начало идти иначе. Я ощущал только, что она рядом, больше ничего не нужно было.

Была страсть, жар, удовольствие и стоны. Я слышал, как она шумно дышала, оседлав меня. Это было до жути приятно. Она лежала рядом, я смотрел ей в глаза и улыбался, она поцеловала меня и быстро оделась.

– Мне нужно идти, – сказала она, чмокнув меня в губы, – не провожай меня. Тебе ещё нужно принять душ.

– Подожди, оставь мне свой номер телефона.

– Мы увидимся завтра, – сказала она и выбежала. Через минуту она бежала по траве, оглянувшись лишь однажды. Я наблюдал за ней стоя на балконе, помахал рукой. Я весь вспотел и промок. Казалось, что промок, как никогда. Но когда я провёл рукой по лицу, я понял, что это не пот. Это было что-то липкое и клейкое. Я был весь в каком-то слое жира. И пахло от меня горчицей. Я принял душ. В голове вновь начала зарождаться боль, но одновременно с ней у меня осталось приятное воспоминание.

Ночью мне снились насосы. Я был опутан различными шлангами, по которым текла жидкость. Шланги пульсировали, словно живые. Я был будто небольшим тромбом в этом мире необычной жизни.

Я ощущал теплоту вокруг, видел пульсацию. Я слышал, как насос высасывал жидкость. Один шланг присосалась к моему бедру, и я ощутил дискомфорт, будто из меня высасывают кровь. Я проснулся в поту и оглядывался, ощущая жар. Я вспомнил, что когда мы занимались любовью, были посторонние звуки. Вроде как я был не дома, а на какой-то насосной станции.

Сейчас, лёжа в кровати, глядя на ночной лес через окно, мне слышалось какое-то бульканье, но потом стало тихо. Я подождал некоторое время. Скорее всего, мне показалось. Вскоре я уснул.

Утром мать вновь собиралась уехать в город за продуктами. Я оставался один дома, но не возражал.

– Как твоя голова?

– Нормально. Намного лучше.

Я решил, что ей не нужно знать истинные причины моего довольного лица. Но в голове уже зрел план, что Лизу необходимо будет знакомить с родителями.

Мама уехала в магазин, так как у неё кончилось подсолнечное масло и ещё что-то там, а я вышел на балкон, высматривая Лизу. Девушка не заставила себя ждать. Мы поздоровались, вновь выпили чая, в этот раз поднимались на балкон, держась за руки.

– Ты далеко отсюда живёшь?

– Да.

Я не знал, зачем спросил это. Конечно, я хотел видеть её каждый день и, конечно, мне было с ней хорошо. Но я не знал, какой частью жизни она видит меня в дальнейшем.

Молча, без слов я поцеловал её, мы раздели друг друга. Снова вспыхнула страсть, жар, стоны, громкое дыхание. Вновь мы лежали на балконе, глядя друг на друга. Я устал, будто меня выдавили, как тюбик.

Снова она начала быстро собираться, и, чмокнув меня в губы, убежала, а я наблюдал за ней с балкона.

– До завтра, – крикнула она и скрылась за деревьями.

Я хотел что-то спросить, но не помнил что именно. Я был весь липкий. И это был не пот. Это было что-то противное и неприятное, отдававшее горчичным запахом. Я пошёл мыться, не зная, что могло произойти. Не зная, где измазался.

На следующий день повторилось то же самое. Затем снова то же самое. Дни протекали для меня как через копирку. Каждый день я проводил около двух часов с девушкой. И каждый день, она убежала, а я наблюдал с балкона, недоумевая, почему так легко её отпускаю. Мама каждый день ездила в магазин за маслом. Ночью я просыпался, потому, что слышал булькающий звук. Но самое странное, казалось, что кроме меня никто не замечал ничего необычного. Конечно, дни не были абсолютно одинаковыми. Родители меняли одежду, передачи по телевизору были разными, время шло своим чередом, но обстановка почти не менялась. И вот, спустя неделю, случилось нечто новое.

– Дима, мы не сможем быть вместе, – сказала Лиза.

Я просто смотрел на неё, ожидая вновь ощутить объятия, не думая ни о чём, кроме её слов, но она стояла, не прикасаясь ко мне.

– Но почему? У тебя есть парень?

– Мы разные, Дима. Я не такая, как ты.

– Всё нормально, Лиза.

– Нет, ты не понимаешь. Я прилетела сюда несколько недель назад. И скоро улетаю. Я не выгляжу так, как ты думаешь, я просто воздействую на твоё сознание, и ты меня видишь такой, какой нужно для твоего возбуждения. Я тебя тоже вижу немного другим, Дима. Мне нужна только твоя сперма. Мы собираем биоматериал, чтоб вырастить людей. Не спрашивай для чего, я не скажу. Не думай, что ты в чём-то виноват, людям свойственны подобные утрусения. Если не ты, это был бы кто-то другой, вот и всё. Я никогда не прилечу вновь, Дима. Но я хочу, чтоб ты знал, что я тебя полюбила. Это может показаться странным, смешным или глупым, но это так. Ты первый парень, который мне так понравился, хоть и нельзя сказать, что я видела тебя настоящего.

Она быстро сбежала по лестнице, даже не сбежала, а будто слетела. Я побежал за ней, выбежал на улицу и лишь мельком увидел её силуэт на опушке леса, через секунду она скрылась за деревьями. Я побежал следом, но так и не догнал.

Этим вечером я услышал, как недалеко от нас будто пролетел самолёт. В этот раз вспышки не было, лишь недолгое гудение, затем тишина. Я выглянул в окно. Лес шумел, как и всегда. Было прохладно.

Я вновь услышал булькающий звук, будто забыли закрыть кран. Я спустился вниз, нащупал выключатель. Кухня осветилась, и я замер, глядя на силуэт отца возле умывальника. Он задрал голову к потолку. Я подошёл ближе, позвал его, но он не слышал. Его рот широко раскрыт, по щеке и шее текла слюна. Он держал бутылку подсолнечного масла и выливал содержимое в умывальник, бездумно глядя в потолок.

– Папа, очнись, – сказал я и дёрнул его за руку. Он повернулся ко мне, тряхнул головой и недоумённо смотрел.

– Чего ты не спишь? – спросил он, продолжая держать бутылку в руке. Вторая бутылка лежала на полу, пустая. Рядом лежали пустые бутылки от уксуса, пива, соуса и минеральной воды.

– Меня разбудил самолёт, – сказал я, – а ты чего не спишь?

– Уже иду, – сказал он и отложил бутылку, несколько секунд недоумённо глядя на неё, затем поглядел под ноги, на склад пустой тары, – что-то у меня болит голова.

Он ушёл спать, а я вышел на улицу и с порога наблюдал за лесом. В небе мерцали звёзды. И я подумал, что Лиза улетела навсегда.

Позже, лёжа в кровати, я подумал, насколько это было странно и вообще возможно ли было подобное. Скорей всего, она воздействовала на людей, заставив моего отца вылить всю жидкость, мать уезжала в город из-за этого, а меня Лиза просто использовала, привлекая внешностью.

Она ушла из моей жизни, забрав частичку меня. Возможно, она говорила правду, возможно нет. Я не знаю. Голова у меня больше не болела.

Через две недели мы уехали в город, оставив летний домик ждать весны. Последний раз отец проверил замки на дверях. В последний раз мы посмотрели на дом и уехали, всё дальше отдаляясь от леса, от нашего домика и от моих воспоминаний.

Лиза осталась в прошлом, но я знал, что никогда её не забуду. И думая об этом, мне припоминалась отдающая горчицей слизь, от которой я отмывался. Возможно, она действительно выглядела не так, какой я её видел. И хорошо, что она мне запомнилась молодой и красивой девушкой.

После этого случая я часто задумывался, что же произошло с ней? Почему она больше не прилетит? И хоть эта мысль была немного неприятной, что же случилось с моим семенем? Возможно, что где-то есть мои дети? Не хотелось об этом думать, но как сказала Лиза, если не я, то это был бы кто-то другой. Лишь намного позже я начал осознавать, что не вполне уверен, было ли это всё на самом деле. Я понимал, что в действительности ничего не мог изменить, и от этого мне стало легче. Если не я, то кто-то другой. Вот и всё.

РИТУАЛ рассказ

Юра долго готовился к путешествию. Он знал правила и обдумывал, как их нарушить. Применение силы исключено, но был другой способ. Если Юра не может узнать всю правду, пусть остальные узнают не меньше. Это было смутным намёком на бескорыстие, которому мать учила с детства.

На фабрике бумажных изделий Юра познакомился с Геней и разузнал за календари.

– Тебе нужна бумага, на которой мы будем печатать календарь, но не в этом году? – спросил Гена.

– Да, – сказал Юра, на ходу придумывая оправдание этому, – бумага, которая точно в будущем станет календарём.

– Но зачем? Давай я дам тебе новый календарь.

– Нет, – сказал Юра и покачал головой с таким выражением лица, будто не мог рассказать истинной причины потребностей, – мне нужен чистый лист бумаги, но такой лист, который когда-нибудь стал бы календарём.

– Зачем, Юра? Объясни.

– Я пока не могу сказать.

Гена только усмехнулся, но сделал то, что просил приятель. Нашёл на бумажном складе картонку из самого дальнего угла, до которой очередь дошла бы не скоро. Юра держал в руке чистый лист формата А4 и улыбался. Он надеялся, что сможет перехитрить систему.

Павел прислушался. Вновь этот странный звук. Слишком звонкий для подобного места. Павел докурил, потушил сигарету в пепельнице, взял фонарь и вышел на улицу. В лицо ударила осенняя прохлада, стали слышны песни кузнечиков и далёкий лай собак. Снова лёгкие постукивания. *Цок, цок, цок.* Затем перерыв. Затем снова *цок, цок, цок.* Казалось, что кто-то бьёт металлом о металл. Павел стоял на пороге домика. Справа был выход за территорию кладбища, окружённого высоким забором. Это мрачное место не навредило особого страха на мужчину. Павел уже привык. Никто не беспокоит. По большей части молодёжь могла шалить по кладбищу, проверяя храбрость друг друга, либо наркоманы или пьяницы искали металл, чтоб сдать и получить немного налички. Обычные посещения могил не в счёт.

Цок, цок, цок.

Станным было, что собаки не лаяли. Кладбищенские четырёхлапые охранники, они первыми должны бросаться в атаку на непрошенных гостей, и это дело они любили. Но собак нигде не было.

Где-то далеко доносился вой и лай, но это были другие собаки, охранявшие свои дома недалеко от территории кладбища или решившие поддержать коллег.

Цок, цок, цок.

Павел подумал, что звук мог быть и за территорией, но уверенности не было. Всё-таки час ночи. Нормальные люди спят. Кто вообще в такое время и что-то делает с металлом? Он остановился на мысли о наркоманах, решил пойти проверить. Кладбище не освещалось. Павел не боялся, нужно было просто быть внимательным. И он был почти уверен, что, увидев свет фонаря, преступники ретируются. В итоге, в какой-то степени он оказался прав, так как никого не застал. Возможно, преступники скрылись.

Утром, снова осмотрев дальний участок кладбища, уже с собакой, внимательно всё разглядывая, он обнаружил место, где орудовали мародёры. Кое-что произошло с надгробным камнем. Кое-что, не сразу бросавшееся в глаза. И это изменение вызвало у него приступ жуты. Павел впервые за несколько месяцев испугался.

– Итак, Юрий, вы уверены, что хотите этого? Обратной дороги не будет.

– Да, уверен, – сказал голос.

В полуустой комнате, где пахло сигаретами и хозяйственным мылом, сидели два человека. В удобном кресле сидел высокий крепкого телосложения мужчина, во рту сигарета, в руках бумаги, на столе стакан с коньяком, пепельница, ручка и открытая папка с документами.

– Соглашаясь на наши условия, в первую очередь, вы сделаете больно своим близким, родственникам, и возможно, причините им некоторые неудобства. Так же, скорей всего вмешается полиция, которая, в свою очередь, так же причинит вашим близким некоторые неудобства.

– Я всё это понимаю, – сказал Юрий, – и я согласен на всё это.

– Хорошо. Вы платите половину суммы сейчас, остальную половину, когда вернётесь. Вам подходит?

– Да.

– Предупреждаю, что иногда эта поездка вызывает необратимые изменения. Вы больше не будете жить, как раньше. Вы читали брошюру? Там вас предупреждают и указывают на побочные эффекты. Вы должны быть к этому готовы. Обмороки, депрессия, необоснованные приступы страха, всё это входит, так сказать в экскурсию. И мы не несём за них никакой ответственности. По сути, вы сами будете нести за это ответственность.

Леонид усмехнулся, поняв двузначность сказанного. Он отпил немного коньяка, отложил бумаги.

– Да, я всё понимаю, – сказал Юрий.

– Фотографировать или снимать и тому подобное строго запрещено. Да и вы сами будете постоянно под присмотром. Думаю, вам не нужно объяснять причину подобных предосторожностей. Всё это очень серьёзно.

– Я всё понимаю.

– Хорошо, Юра. В таком случае, завтра в пять вечера вы должны быть тут. И наденьте что-то тёмное. Всё-таки вы идёте не на свадьбу.

Полицейский внимательно изучал изуродованный могильный камень. Он всё фотографировал, рассматривал следы, но ничего существенного обнаружено не было.

Павел стоял у оградки, курил и наблюдал за этими действиями. Страж порядка всё утро обследовал кладбище в поиске каких-либо улик, но ничего не обнаружил.

– Это всё, что вы нашли? – спросил полицейский, указав на надгробный камень.

– Да. Это всё, что пострадало. Кто-то сбил зубилом дату смерти с камня. Больше ничего не пострадало.

– Чья это могила?

– Это могила Юрия Дорожкина. Умер семь недель назад. Кто и для чего это сделал, я не знаю. Но, честно говоря, я подозреваю, что это сделали осознанно.

Полицейский провёл пальцем по задиркам, оглядел камень со всех сторон, коснулся нижней губы.

– Дело в том, что это не первый случай, – сказал полицейский, – на разных кладбищах мы фиксировали несколько подобных происшествий. И в разное время.

– В разное время суток?

– Нет, не суток. Раз в несколько лет подобное происходит, – полицейский закурил, огляделся, словно ища глазами ответ, – на разных кладбищах в разное время года, вот уже последние десять или больше лет. Возможно, намного дольше, но всерьёз этим начали заниматься примерно десять лет назад. И я почти уверен, не все родственники сообщают об этом, соответственно, фиксируются не все случаи.

– И кто это делает? Какая-то банда?

– Мы не знаем. Мы спрашивали у родственников, были ли у покойных враги. Врагов не было. Возможно, это какая-то группировка. Банда осквернителей. Мы до сих пор не можем понять мотивов. Они всего лишь уничтожают дату смерти. Больше ничего не происходит. Покойные не связаны между собой, не знали друг друга, кроме нескольких случаев.

- За это могут посадить?
- Да, могут, – сказал полицейский, – если их поймают. Вы говорили, что слышали глухие удары?
- Да, но когда я пришёл, никого не было. Они всё сделали ночью и скрылись.
- Они?
- Ну, они или он. Я не знаю. То, что дата смерти сбита, я обнаружил утром, да и то случайно.
- Нужно сообщить родственникам об этом. И будьте более бдительны в следующие ночи. Возможно, они явятся снова.
- Такое уже было? – спросил охранник.
- Точно не могу сказать, но после того, как это происходит, могилу обычно навещают родственники.

Холод пронизывал до костей, но Юра осознавал, что в большей степени не ветер был причиной этого. Он так воновался, что чувствовал слабость в ногах. Солнце уже не светило ярко, кладбище было почти пустым. Он шёл за проводником, слабо оглядываясь по сторонам. Голова слегка опущена, дыхание частое, но желание увидеть всё собственными глазами не пропадало.

– Мы пришли, – сказал его спутник. Юрий поднял голову, огляделся и мгновенно понял, где нужная могила. Вокруг никого не было, иногда слышались голоса птиц, лай собак, в остальном было тихо и спокойно.

- Могу я подойти? – спросил Юра. Спутник кивнул.
- У вас есть примерно час, если он вам нужен.

Юра вошёл в ограду, стал напротив могилы. На надгробном камне отсутствовала дата смерти. Юра несколько секунд постоял, затем сел на скамейку, в последний момент ощутив, что ноги могут его не удержать. Он внезапно расплакался, достал платок и начал вытирать глаза. Его предупреждали, что он может не выдержать, но всё равно для него это стало неожиданностью.

- Как это произошло? – спросил Юра, почти шепотом.

– Я не могу вам сказать. Вы знаете правила. Ни с кем из родственников вы не можете видеться. И вообще ни с кем не позволено разговаривать.

Юра кивнул. Посмотрел на дрожащую руку. Он незаметно начал оглядываться на соседние могилы и на даты, выбитые на камнях. 2020 год. 2017 год. 2014 год. 2031 год. 1987 год. Даты были самые разные. Юра не мог определить, какой сейчас год. Ему запретили брать какие-либо электронные устройства, и он ощущал себя будто в вакууме, словно запертый в сферу собственных мыслей, лишённый всех остальных чувств, не способный даже рассказать о своей печали.

- Я могу увидеть кого-то из родственников?

Мужчина в плаще поправил перчатки и посмотрел на Юру таким взглядом, что перехотелось задавать любые вопросы.

Юра достал лист бумаги, это не запрещалось, тот самый лист, который передал ему Гена. Лист, который должен был стать календарём. Но это был по-прежнему чистый лист бумаги. Юра недоумённо посмотрел на него и спрятал обратно.

– Что-то не так, молодой человек? – спросил спутник, вновь поправляя перчатки, – мне кажется, что вам уже достаточно. Нам пора идти.

- Нет, нет. Ещё минутка.

Юра наклонился над могилой, провёл по сухой земле рукой. У него был запасной план, помимо календаря.

- Я могу выпить и оставить рюмку за упокой?
- Нет. Ничего нельзя оставлять, вы знаете правила.
- Но ведь это всего лишь рюмка коньяка.
- Нет.
- Могу я выпить сам?
- Это можно.

Юра выпил, скривился, вытерся салфеткой, скомкал её и засунул под скамейку, прикрепив кнопкой. Через минуту он поднялся и вместе со спутником направился в обратную сторону.

За территорией кладбища, по соседним улочкам ходили люди, но никто из них не видел, чтоб Юра и его спутник вышли оттуда.

Полицейский стоял у могилы со сбитой датой. Рядом стоял охранник.

- Что вы хотели показать? – спросил полицейский.
 - Вон там, у того края скамейки кнопкой была прикреплена салфетка, а внутри записка. Я случайно обнаружил. Думал, что это мусор.
 - Что за записка?
 - Возможно, это сумасшествие, но судите сами.
- Охранник протянул записку.

Меня зовут Юрий Дорожжкин. Я прибыл из прошлого, чтоб посмотреть на собственную могилу. У нас это называется ритуал. Многие хотят увидеть свою могилу, надеясь как-то узнать примерную дату и причину смерти. Нам запрещено об этом говорить, нам запрещено что-либо сообщать в нашем времени, за этим следят. Я оставляю вам записку, так как хочу, чтоб другие знали о подобной организации. Хочу предупредить вас и осведомить. Если я не могу узнать всю правду, пусть остальные знают не меньше.

– И что? – спросил полицейский, вернув записку, – вы думаете, что тут был путешественник во времени?

– Не знаю, но ведь тогда понятно, почему удаляли даты смерти. Чтоб они не узнали, когда умрут. Это логично.

– Я даже не хочу обсуждать эту тему, – сказал полицейский. Он закурил, ещё раз огляделся, глянул на надгробный камень и усмехнулся, – этот писарь не особо умён. Я думаю, он просто списал фразу с надгробья и мыслал точно так же, как вы, мой наивный друг.

Полицейский больше ничего не сказал. Он попрощался, зашагал по заросшей травой тропинке к выходу. Его тёмная куртка быстро удалялась, мелькая пятном среди белых оградок. Охранник посмотрел на надгробье. Кроме инициалов, даты рождения и прощальных слов родственников, там была ещё одна фраза:

Он всегда старался донести правду до окружающих, какой бы она ни была.

НИКА БАТХЕН

СНЕГ КАК СБРОШЕННАЯ КОЖА

...И ТЕ, КТО В МОРЕ

Чудаки, что живут у моря, принимают его как данность.
Выбирают с пристенка мидий, упоённо плюют на дальность.
Служат каждой принцессе лилий, отекающей на монете.
Ловят рыбу, лохов и ветер, вертят лодки, причалы метят,
Верят смерти – солёной рыбке из заоблачного прилива.
Моряки посещают рынки, покупают ножи и сливы,
Рыбакам у прилавков скучно – грызть миндаль да дразнить рыбачек,
Чистить бочки собственноручно и креститься, коль чайка плачет –
Будет буря. Не будет бури. Волны плещут, а ветер носит.
Контур раковины каури. Берега покраснели – осень.
Что скучать? Поднимаешь парус и плывёшь хоть на край залива.
И щенка называешь Аргус и пытаешься быть счастливым
Без девчонки, которой море – неземное сплошное чудо.
... Чайка с мола о чём-то молит – не иначе штормов не чует.

БОСЕАН

Когда пламя целует стены и крепнет боль,
Когда теряют значение вера, любовь и выгода,
Ты берёшься за меч и спокойно выходишь в бой,
Потому что не остаётся иного выхода.
За спиной стены Аккры и тлеющий ряд галер.
Шаолинь догорает ярким цветным фонариком.
Бьются гезы с пехотой, над ними смеётся смерть.
Падает обескровленный Карфаген на колени Африке.
Догорают книги, картины, люльки, монастыри,
Разбегаются крысы и птицы орут тревожные.
Только ты остаёшься на алой струне зари,
Потому что выходишь биться за невозможное –
За бессильных, за проигравших жизни в чужой игре,
За мальчишку с лисёнком и девочку в белом платьице.
И неважно – лететь с обрыва, тонуть, гореть,
Пока солнце с горы окровавленным шаром катится.
Не за деву Марию, не за райский бессмертный плод
Не за правду века, года и поколения –
Справедливости ради поднимается Ланселот
Прикрывая собой безнадежное отступление.

МУЖЧИНА

Мужчина собирается из мужа и чинарика,
 Карманного фонарика, ножа и зажигалки,
 Тропы опережения вокруг земного шарика,
 Стрелы воображения отсюда до Игарки.
 Мужчина ходит на горы, в поля, моря и странствия.
 Танцует с шашкой наголо, ревет, как лев в ловушке.
 Летит пчелой на сладкое, горячее и страстное.
 Ласкает шкурки тёплые и мякотькие ушки.
 Смеясь, хватает за душу, хватает сына на руки.
 Меняет дочкам бантики и косы заплетает.
 Едят ли кошки зябликов, живут ли фрики в Африке?
 Мужчине непокоится, неймётся, не хватает.
 Седой и созерцательный, сидит себе на пристани,
 С гитарой несговорчивой, с родным аккордеоном.
 ...Рисуется мелодия – волнительно, таинственно.
 И голуби бесстыжие стреляют по балконам.

ПОДИ ПОЙМАЙ

Домашняя женщина – ласковая и сладкая,
 Падающая на платки и шали. Играя прядками,
 Смотрит из-под ресниц и молчит, лукавится.
 Кто её знает, что ей сегодня нравится?
 С тестом шаманит, крошит капусту истоиво,
 Любит плясать от печки, гудеть, насвистывать,
 Любит кормить, холить и спать укладывать,
 Чутко читать ладони и сны угадывать,
 Честно спасает душу своим трудом...
 Вот только где её дом?
 В роще болтливой, подле ручья, на мшанике,
 Там, где брусника горстями бросала шарики.
 В старой берлоге, подле гнездовья рысьего,
 В углой землянке, высланной плотно листьями.
 Там, где костёр и воды и звёзды рассыпью,
 Осенью пролетают гуси небесной просинью,
 Хмуρο хрипят олени, свистит варакушка,
 Сердце под солнцем раскрывается, словно ракушка.
 В каждой домашней – искры, хвонки, лютики,
 Острые почки ивы на тонком прутике,
 Пламя и полымя, рожь и руда и ржа...
 Не удержать – ни в руках, ни в клетке.
 Не удержать.

СТИХОСЛОЖНОСТЬ

Тихая поэтесса «давно за сорок».
 Сердце в мышинных дырках и сырных норах,
 Сношенные ботинки, часы от мамы –
 Символ нелепой, вялой, фамильной драмы.
 Бродит по улицам, серая, как другие,
 Нету ни кошки – астма и аллергия,
 Ни мужика, сопящего на диване,
 Ни круговерти объятий и раздеваний.
 Служит обузой в конторе Водоканала.
 Шарфики вяжет – это зимой немало.

Верит в Ахматову, Бэлу и Черубину,
 Каждую осень идёт наблюдать рябину.
 Пишет стихи. Читает их раз в полгода,
 Если не помешают астма и непогода, –
 Жалкие словно фантики горсти строчек,
 Точек, кавычек, боли и проволочек.
 С ней обращаются вежливо, но прохладно,
 Словно с соседкой по бане или парадной.
 Звёзд не хватает, слово за хвост не ловит,
 Зато не болтает и хорошо готовит...
 Ангел, что посещает её халупу,
 Не привередливый в общем-то, и не глупый.
 Выдали – значит, надо вести за ручку,
 И разбирать каждую закорючку.
 Выдернув пёрышко (крепкое, маховое)
 Ангел сидит с тетрадкой – сова совою.
 Правит как может – а может он еле-еле,
 Это не ямщика вывозить в метели,
 Не прикрывать парня в босяцкой драке.
 Что там рифмуется? Рыжики? Раки? Маки?
 Бедные строчки к утру обретают форму,
 Выются и бьются, как-то приходят в норму.
 Штирлиц бы не заметил бы ни провала...
 Вот только ангелу – мало.
 Он хочет выше –
 Вышить звезду, которой уже не выжить,
 Вышибить искру там, где уже истлело,
 Выжечь слова напалмом – и к чёрту тело!
 Ангел ломает копыя, а поэтесса
 Ходит по тротуарам, не чуя веса,
 В хмурых прохожих врезается, как слепая,
 Чувствует – в пальцах горячее закипает.
 Слово становится яблоком и рыбёшкой,
 Смотрит с забора белой бездомной кошкой,
 Слово приходит. Сложится? Кто же знает.
 Астма и аллергия. Экстаз. Весна и
 Градус безумия не предвещает радость.
 Даже фотограф не сможет поправить ракурс.
 Скоро она шагнет – лёгкая в белом платье...
 Ангел её подхватит крылом тетради
 Ради стихов, зреющих виноградом.
 Скажет:
 – Садись и пиши.
 Я – рядом.

НЕ-ВЕРИЕ

Быть нелюбимой – значит не верить в Господню милость.
 Не замечать ни ивы, что над рекой склонилась,
 Ни облаков, похожих на ангелов и драконов,
 Ни ледяных узоров в рамках чудес оконных.
 Вот одуванчик нежный, смотрит из листьев прошлых,
 Вот воробей в ладони прыгнул за парой крошек.
 Вот на холсте из пятен дом и фонарь сложились,
 Рыжий щенок и кошка спелись и подружились.
 Дождик убрал с дорожек фантики и окурки.
 Новая песня лета дремлет в кармане куртки.

Друг позвонил из Рима, прямо из Колизея –
 Там, говорит, в фонтанах вместо вина – веселье.
 Бог посылает перья, бабочек, самоцветы,
 Тёплый ночной троллейбус, розовые букеты,
 Добрых людей повсюду – в очереди, на рынке,
 Рыжего апельсина сладкие половинки.
 Красный цветок в пещере. Белый цветок в петлице...
 Хватит любви любому. Хватит о ней молиться!

ТАТАР-ЯЛГА

Ну и как мне не радоваться, скажи?
 Если ночь отступила на дальние рубежи
 И щебечет зарянка и бабочки у ручья
 И никто ни в кого не целится из ружья.
 По лесам лисята играют в лопухах,
 Голубята и вороны вылупляются впопыхах.
 Головастики в лужах возятся с мошкаррой...
 От неожиданного ветра, милый, меня укрой.
 Пусть туманы сходят с Татар-Ялга –
 На моём плече теплеет твоя рука.
 И дождём не смоеет и солнцем не опалит.
 И январской ночью сердце не заболит...

МЕЧТА О ДОМЕ

Ты приедешь на исходе марта.
 В нашем доме будет пахнуть мятой.
 Под крыльцом поселятся мышпата,
 Никому особо не мешая.
 Снег сойдёт с пути, подсохнут лужи,
 Отцветет миндаль, проснётся груша.
 На плите картошка, в печке хала,
 В кошельке дирхем степного хана.
 На руках, прости, мука и масло,
 На окне свеча, что год не гасла.
 Книжки ждут на полках пёстрой стаей –
 Кто откроет и перелистает?
 Маргарита, Франсуа, Гарсиа –
 Вот покой, что мы не попросили.
 Пересвист щеглов и свет закатный,
 Простыни, пропахшие лавандой,
 Капля пота в трещинке морщины,
 Облако, сошедшее с вершины.
 Снятый с шеи на ночь крест нательный
 Путь неблизкий, трудный, нераздельный.
 Крым неопалимый... Наше счастье –
 Дом, куда ты сможешь возвращаться.

ЗВЕЗДА КОВЫЛЬ

Тускнеет снег, как сброшенная кожа.
 Звезда Ковыль с рождественской несхожа –
 Она уводит прочь от очага.
 В седую степь, на зимние стоянки,
 Где ждут ягнят измученные ярки,
 Вповалку спят щенок и мальчуган.

Баранья голова лежит на блюде.
Несытый дух крадётся к тёплой юрте.
Дымит кизяк. Варганчик дребезжит.
Всё ясно, плотно и вообразимо –
Мука и хлеб. Кочевники и зимы.
Молочной стружкой мимо льётся жизнь.
...С размаху канешь в небо, крикнешь «чей я?».
Смолчат дома, откликнется кочевье.
Ни женщины, ни счастья, ни ножа.
Зато есть степь. Полынь, сурки, цикады.
Звезда Ковыль на лезвии заката.
Последний вздох – и самый первый шаг.

О ТЕБЕ

Говорить о тебе –
Как слепому рассказывать море.
Серый отблеск волны,
Золотую дорожку луны.
Валуны и нырков.
Имена катеров на приколе.
Молодых рыбаков,
Что смеющимся женам верны.
Синекожих китов,
Проплывающих в звёздном планктоне,
Тишину маяка
И туманный прилив молока.
Умирать морякам
Просто так не дано – каждый тонет.
Каждый падает в смерть,
Пропотевшей спиной – в облака.
Пахнет солью, смолой,
Парусами, снастями, страстями.
По стеченью путей
Мчит Гольфстрим в океане потерь.
Говорить о тебе –
Как разбрасывать звёзды горстями.
Горевать о тебе –
Словно плакать и плыть в пустоте...

БОРИС ФАБРИКАНТ

ВРЕМЯ НЕ УЗНАЕШЬ НА ПРОСВЕТ

Где отдельно жизнь идёт простая,
Выстроены дни на пяточке,
За окном летает птичья стая,
На своём пророчит языке.

Мы не больше маковой росинки,
Брошенные в пахоту зерном,
Прорастём, и новые картинки
Про себя увидим за окном.

Всё так просто, дождь – вода живая,
Камешки и солнце далеко.
Как поверить, что земля кривая,
Если в ней посажен глубоко?

Если ночью на краю рассвета,
Раскрывая крылья в первый раз,
Мы надолго выбираем лето,
Это долго оценив на глаз

Он ждёт, а я гляжу в окно.
В пронизанном словами мире
Так трудно что-нибудь одно
Запомнить дня на три-четыре

И время завернуть в кулёк,
В котором семечки сырые,
Упавший с неба мотылёк,
Расчёт на первые-вторые,

Чёт-нечет. Надо долго жить,
Запомнить и весну, и лето.
Всю жизнь, как полотно, прошить
И полюбить её за это

Камень, упавший с неба, разбил покой.
Брызги не крошки хлеба, не соберёшь рукой,
Так широко расстелен их групповой полёт,
Каждый теперь растерян – выпивший автопилот.

Круг горизонта линзой вылепит небеса,
Будто улыбка Лизы и плывут паруса.
С жизнью несовместимо стало сегодня жить,
Бог выбирает глину, будет опять лепить.

И не начать сначала, если грозит конец.
Ни дойти до причала, ни напоить овец

Щёлкает стрелки плацкартный набитый,
И занавески колышут жару.
Вспомнишь о школьной тетрадке забытой,
Где собирался вчера поутру.

На полустанке туманно и волгло
Сел-пересел, захватив чемодан,
На электричку, в которой надолго
В дрёме сквозь пасху и хворь, и туман,

И с разговорами, и папиросами.
Выросли дети. Горбатый вокзал.
Раньше они приставали с вопросами,
Действие третья, антракт и финал.

Память лоскутно лежит одеялом,
Дни ожидания пусты и просты.
Поезд качнётся, напомнив начало,
Господи Боже, пойми и прости

Где-то далеко рассыпался фонарь,
Отзвенели стёкла и погасли,
Тени лоскутами срезали нагар,
Заиграли пламенем на масле.

Белые прорехи в тёмной тишине,
В рубище, до нитей стёртом, глухо
Кто-то ходит долго в непонятном сне,
Шепчет непонятное на ухо.

Каждым утром снова начинаю жить,
Заповеди, планы и надежды.
Говорят, что тот, кто обрезает нить,
Тянет их из собственной одежды

Каменные линзы Стоунхенджа –
Полевой старинный календарь.
За века изношена одежда,
И на нитке держится январь.

Цедит дни сквозь решето заката,
По крупице собирает год,
Как с ковшом искатель моет золото,
Стоунхендж Вселенную скребёт.

Каменные пальцы – гребень жёсткий,
Пополам со звёздами расчёт.
По пути на млечном перекрёстке
Светофор сигналы подаёт.

Всё застыло, зреет восхищённо,
Стоунхендж придумал наперёд,
Во Вселенной всё левосторонно,
Но пока не кончится завод

Я спросил у Господа,
Воздевая руки,
Что такое ближние,
Все друзья в фейсбуке?

Просыпаюсь ночью,
Вижу утром рано,
Бог сидит на небе
С пальцем у экрана.

Клавиши находит,
Солнце день рисует,
Боже набирает
«Не стучите всуе».

Не стучи на ближних,
Не стучи на дальних,
Не мути помои,
Гражданин начальник.

Не убий, не кради,
Не твори кумира!
Даже, если хочешь
Воевать для мира

Там, где щучьи дороги залиты
Непрозрачною чёрной водой,
И сомы ранним летом несыты,
И камыш неумело седой,

Эти дальние тайные ямы,
Восклицанья окрашенных птиц,
И просветов оконные рамы
С отраженьем невидимых лиц.

Дельта, шаг, островная подошва,
Сход весенней незрелой воды.
И по-прежнему платим подушно,
И не спим, ожидая беды

За макушками деревьев белый дым,
белой ночью не включается рассвет,
в театральных декорациях сидим,
но актёров на подмостках нет как нет.

И не гаснут небеса над головой,
чтобы ночь не сбила белый ход часов,
чтобы совам и кукушке часовой
раньше времени не выдвигать засов.

Раньше времени не плакать, не любить,
позже времени не лгать, не вспоминать,
всё, что надо, обязательно забыть
и в подушке с головою засыпать.

Перепутаны тень с ночью, дни и сны,
смотришь – белая, а в ней черновики.
Белой ночью, белой ночью нет луны,
Белой ночью все деревья высоки.

Белой ночью ничего на свете нет,
Звёзды стёрты, будто перелицевал.
Это время не узнаешь на просвет,
Даже если на прощанье обнимал

За окном колокольный звон,
Как прослойка меж нами и небом.
За окном улетающий сон
В магазин за сегодняшним хлебом.

Начинается сумрачный день,
Невключённое солнце бесследно
Завернулось в прохожую тень,
И усталое выглядит бледно.

Рядом с домом деревья и храм
Составляют живую картину,
Это осень спускается к нам,
Лист прохожему бросив на спину.

Николай открывает святой
Дверь машины за мокрым кустом,
Он приехал, как я, на постой
И себя осеняет крестом

АЛЕКСЕЙ КОТЕЛЬНИКОВ

NOSTALGIE

ИЗЛЁТ

Ты посмотри, у города бронхит,
ушёл за тучи пожелтевший бивень,
листва опять на паперти стоит,
и ей, чем может, помогает ливень.
Ты знаешь, есть в увиденном излёт:
и в том, что жизнь похожа на пружину,
и что прохожий вымокший бредёт
в пальто до пят. Не от Готье. От сына.

А помнишь настоящий запах ржи?
Наш детский план уплыть к морям по речке?
Но жизнь не любит тех, кто любит жизнь,
и знаешь, в этом нет противоречий.
Да, всё не так и всё наоборот.
Да, минус год. И небо ближе... ближе.
Грядя берёз для поросли – штрих-код.
(Какой ещё к чертям Архип Куинджи).
Мы оказались в доме new-людей.
Не будем с ними спорить. Некрасиво.
Два капитана – Джикья и Кейн.
(Какой Каверин? Боже упаси вас).

На картах «Сбер» и на часах – нули,
всё лучшее – в периметре экрана.
Отстали мы. А, может быть, пошли
чуть-чуть быстрее, чем шагает данность.
Но нет. Глядим прохожему вслед,
и здесь, где скоро будет злиться зать,
из всех пристрастий – свет, обычный свет,
из привилегий – мы и наша память.

Но мы, однажды сросшись с ковылём,
уйдём к мирам, где вроде всё неплохо.
И ничего с собою не возьмём.
Ну, разве что...
ну, разве что эпоху.

ПЕПЕЛ

Солнце собственным жаром выжато.
Пчёлы. Зной. Над рекой – река.
Я листаю с девчонкой рыжею
Синеснежные облака.

За взъерошенною гондолою –
 Чудо-Юдо... лошадка... дед...
 Жаль, мы с небом, как «не» – с глаголами:
 Вроде, рядом. А вместе – нет.
 Взмыгь бы ввысь, и пускай подвинется
 Пролетающий толстый кот.
 Нам с девчонкою – по одиннадцать.
 Август. Тысяча девятьсот...
 Всё волшебю, и всё загадочно:
 И девчонка, и этот луг,
 И венюк, что сплела...

Достаточно.
 К ней приехал наш общий внук.

Бред. Наверное, от усталости.
 Где четырнадцать тысяч дней?
 Старость детства и детство старости.
 Между – пепел календарей.
 Между – планы и ожидания...
 танцы... клёщ, возведенный в культ...
 служба... дембель... завод... свидания...
 свадьба... дети... развод... инсульт.

Не пою, не дружу с гитарою.
 Числа – дробью, и дробь – в виске:
 «Сброшу плоть, как пальтишко старое,
 Выйду к Господу налегке
 И скажу, что хранил под теменем
 Сотни „нет“ и десяток „да“,
 Что коротким отрезком времени
 Мерил „вечно“ и „навсегда“,
 Что осмысленно, при свидетелях
 Предпочёл (избегая плах)
 Покаяние в добродетели
 Покаянию „во грехах“.
 Дорогое ценил недорого,
 Убивал потихоньку прыть,
 И не видел, что здесь, над городом,
 Облака продолжают плыть».

Мне откроется преисподняя,
 Где с лихвой проведу досуг.
 Это в будущем. А сегодня я
 Вновь ищю васильковый луг.

Я брожу, а по нервам-ниточкам
 Чуть заметно блуждает свет...
 Это память встает на цыпочки
 И глядит облакам вослед.

ПЕПЕЛ – 2

В антикварном – прошлое раздето,
 всюду беспорядочный уют.
 Продаются времени приметы.
 Жаль, что время там не продают,

я купил бы, вычистив от пепла
в лавке затерявшиеся дни.
Пусть хранят они дожди и пекло,
пусть давно просрочены они.

Вот бы снова их прожить сегодня:
поискать бы ракушки в песке,
где июль, сбежав из преисподней,
каплей высыхает на виске.
А потом – в густое царство хвои,
громко крикнуть «па-па» по слогам
(ведь «эпоха жуткого застоя»
не давала застояться нам).
Оказаться б в доме, где икона
смотрит на мальчишку-крепыша,
а у грядки плющ бесцеремонный
обнимает изгородь, шурша.
Где парфюм – хозяйственное мыло,
где на ключ не закрывают дверь.

Может, солнце там не жарче было,
но светило ярче, чем теперь.

В антикварном – статуи, суконце,
самовары, горн, Омар Хайям...
Только время там не продаётся –
ни на вес, ни оптом, ни по дням.

Что же делать? Кружатся картинки:
я большой, мне целых восемь лет,
в деревянном доме – керосинка,
у крылечка – дуб и бересклет.
Пью «Ситро», с виска стекает лето,
вновь сдаётся изгородь плющу.

Если есть у времени приметы,
по приметам время отыщу.

От остановки «Школа»,
не сев на «двадцать пятый»,
шагаю невесёлый
и «двойками» богатый.
Кусаю заусенцы
(не стали пальцы краше).
А, может, разревется,
и мама не накажет?

Я – в прошлом-настоящем,
я – настоящий – позже.
А этот мир звенящий –
понятней,
чище,
проще.

И... в булочную:
 – Здравьсти.
 – За булочкой?
 – За нею.
 Я покупаю счастье
 всего за семь копеек.

А корочка – услада,
 вкуснее всех пирожных.
 Я в мире, где «не надо»
 сродни «немножко можно».
 Здесь помыслы – не лживы,
 здесь сильный пол – не слабый,
 и живы... снова живы
 и бабушка, и папа.

Домой!
 Но что же это?!
 Где липы и газоны?
 Фасад другого цвета,
 в руках людей – смартфоны.
 Где только что «горели»
 цветные краски детства,
 сменили акварели
 на моющие средства.

За новый мир краснея,
 шепчу: «Где всё?..». И снова
 я с памятью своею
 вступаю в прежний сговор...

Несу портфель тяжёлый,
 кусая заусенцы,
 от остановки «Школа»...
 до остановки сердца.

ЗВОНОК

опять в висках навязчивое «если б».
 сплин... и, чужой оплачивая счёт,
 надменное «уже» садится в кресло,
 где только что куражилось «ещё».
 всё дремлет от предзимнего наркоза.
 сутулый город стал ничтожно мал.

а если бы тогда?.. а вдруг не поздно?
 сейчас!.. куда же номер записал?

картечь из капель и седых горошин
 пытается сказать, стуча в окно:
 «У „если бы“ – десятки... сотни прошлых,
 и только настоящее – одно».

асфальт затянут тонкой амальгамой,
 и муть стекла – размытая тетрадь,
 где медленно стекает криптограмма,
 которую никак не прочитать.

ищу. опять не то. в помойку ворох:
счастливый, но не съеденный билет,
письмо, пустая пачка «Беломора»...
зачем хранил её десяток лет?

на откуп ноябрю столетний мусор,
всё некогда бесценное, всё то,
что не было ни грузом, ни обузой
и разделяло жизнь на «до» и... «до».
остывший город стал сегодня тиром,
езде палит безумная вода.

границы сослагательного мира
один звонок разрушит навсегда.

а рваный ветер, выводя рулады,
беснуется над скользкой мостовой
и смешивает нужное когда-то
с отпетою поэтами листвой.
бумажки, пластик и куски картона –
как всех эпох один апофеоз.

и мокнет в луже номер телефона,
записанный на пачке папирос.

придумать время... час, восход,
мгновенье, луч, секунду, блик,
ведь даже високосный год
скупой на високосный миг.
придумать «лишних» десять лет,
где нет шутов и королей,
а есть нестертый детский след
в саду, под кляксами теней.
придумать век, где не растут
домов бетонные грибы,
и где не сосчитать минут
от ожиданий до судьбы.
придумать время... чтоб оно
смотрело годы на просвет,
и, словно в старое кино,
войти в него и знать сюжет,
где нет январской седины,
где так банальна ночь без сна,
где замер силуэт весны
в стоп-кадре твоего окна.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

...и, не видя подкрашенный снег,
ковыляла больная эпоха.
то ли вдох растянулся на век,
то ли век сократился до вдоха.

козлоногий и пьяный сатир
брёл поодаль без лишнего шума.
то ли глупых помиловал мир,
то ли мир оказался безумным.

где начало безумья и зла?
всех обжор закулисного пира
то ли песня сатира влекла,
то ли роли в театре сатира.

приношенья – этапы игры...
очень страшной игры, а в итоге –
то ли боги не брали дары,
то ли были бездарными боги.

шла эпоха: разрушенный мост,
город с чёрной холмистой коростой –
то ли там простирался погост,
то ли город был частью погоста.

уменьшалась эпохи шагрень.
таял снег, наполнялись колодцы –
то ли солнце изжарило тень,
то ли тень забежала за солнце.

и застыл, как сама пустота,
тёмной точкой ушедшего мира
то ли мёртвый сатир у креста,
то ли крест на эпохе сатира.

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН

ОДНО ПРИШЕСТВИЕ рассказ

*Не верю обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества...*

Вл. Соловьев, Три свидания

1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вечерние посиделки за рюмкой чая. Беседы подростков могут показаться пустыми. Но это не так. Иногда события, представляющиеся случайными при поверхностном взгляде, – итог внутреннего, слабо осознанного выбора, выкристаллизованного в таких разговорах. Темы близкие и понятные советским людям – Леонид и Даниил Андреевы, Блаватская, Папюс, «Диктатура совести» и тому подобное. Не важно, как звали авторов многих заявлений, но беседа проходила как-то так:

– Бог весьма злопамятен. Не верю, что Он о чём-то забыл. И о нас Бог помнит. Вот серьёзный аргумент против радикального деизма. Однажды Бог и Мессию на нас напшлёт. Ну а в крайнем случае и Антихриста.

– Спасение мира Мессией – странное верование. В христианстве с его однозначно загробным воздаянием тысячелетнее Царствие выглядит как пятое колесо телеги. В иудаизме проще, там нет общепринятой догматики. Бог дал заповеди, а вопрос воздаяния – дело второе. Однако в самом популярном до недавнего времени своде именно догматики, пусть и не общепринятой, у рабби Йосефа Альбо, истинное воздаяние возможно лишь после смерти. Приход Мессии – вознаграждение не индивидов, а народа. Польза от этого для каждого отдельного человека сомнительна. Рабби Альбо разделяет индивидуальные обетования и обетования для народа. У них разная логика, здесь разные типы вознаграждения.

– С народами вообще забавно. Человек легко путает себя и общество, неосознанно выделяет своих «ближних» из контекста человечества. Как Бог, сотворивший небо и землю, может покровительствовать какому-то отдельному племени в ущерб остальным творениям? И даже когда обращаешься к христианству, которое в своей основе проповедует универсализм, оказывается, что во множестве случаев церкви распространяют ксенофобию или разделяют народы, даже не имея никаких плохих намерений. Иногда, впрочем, универсализм уводит далеко... и снова возвращается к делению на народы. Бёме утверждал, что грядущий Мессия – турок. Это утверждение вычлняет народы, указывая на этническое происхождение Мессии, или, напротив, стирает границы, – ведь немец указывает на высокую миссию турка.

– Я слышал, что Мессия уже приходил в нашем, в двадцатом веке. И случилось это как раз в СССР. Но не сложилось. Никто особо и не заметил. Мессия не выполнил свою миссию.

– Хоть в чём-то СССР обошёл Запад. Не удивлён также, что в сфере, имеющей прямое отношение к суевериям, вымыслам, псевдовеличию. Но как же можно понять, что пришедший – истинный Мессия, если он не выполнил миссию?

– Предполагаются всякие знаки... Они были. Собственно, изменение течения рек в СССР при приходе Мессии предсказано Иезекиилем: «Из-под порога храма потечёт вода на восток». Но, конечно, знаки можно легко измыслить, прицепить что угодно к чему угодно. Все эти знамения ничего не доказывают. Вот почему многие верят в божественность Иисуса из Назарета? Как сообщает Порфирий, Геката, прямо указав на достоинства Иисуса, заявила, что он – не Мессия. А богиня ведь не станет врать? Некоторые считают, истинный Мессия – Аполлоний Тианский. Кто-то верит в спасителей в каждом поколении. Для некоторых Мессия ещё не пришёл, а потом их будет два. Всё это игра в «Верю-не-верю». Гадание на книге, называемой Библия, которая полна противоречий и подходит для обоснований любых измышлений. Таким образом, принимайте то, что вам внутренне, душевно комфортно. Под «не выполнил

миссию» я понимаю – «никто на него не обратил внимания». А Мессией он был, так как его отправил к нам Бог. И да, я в это верю. А вы как хотите. Понятное дело, уверовавших ждёт рай, а неверующих – ад.

– Хорошо... не хорошо, но допустим. А что же принёс ваш Мессия человечеству?

– Во-первых, он не мой лично – он для всех. Во-вторых, что может принести Мессия людям в принципе? Пропитание? Человечество погибнет от ожирения. Золото и бриллианты? Они обесценятся, как только их станет много. Духовное просветление? Знание и без Мессии накапливается. Счастье? Но это такая ускользающая вещь. Очевидно, и само счастье невозможно без несчастий. Искупление? Это трудно уловить на практическом уровне. Исчезнет грех? Но возможен ли человек без греха? Люди будут жить вечно? Сомневаюсь, что это благо. И, кстати, если Иисус и был Мессией, что он изменил? Жизнь стало только хуже. Пала Римская империя и наступили варварские времена.

– Мессия дал людям некий пример, особую жизненную стратегию. Она не ведёт к счастью, не даёт богатств. Собственно, как и любое соблюдение религиозных правил. Есть легенда о воздаянии после смерти. Но это такое... Как сказал Иов: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?». А в бедствиях содержится нечто ключевое: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». В конце концов, и возмещение Иову имущества, сыновей и дочерей – это не главное воздаяние, я считаю. Разве новые дети заменят умерших? Все материальные дары – лишь побочное, неизменное добавление к духовному. И в нём награда Иову. Состоит же оно в богопознании: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя».

– Между прочим, наш век был богат на всяких помазанников-спасителей, которые пришли к людям простым и чувствовавшим себя обездоленными, обделёнными. «Спасители» позволили грабить и убивать всех тех, кто внешне казался благополучнее и успешнее. Люди охотно шли за всякими ленинскими-гитлерскими. А эти вожди легко брали на себя коллективные грехи. Ну чем не жертвенные агнцы?

– Они ещё и ловили людей на декларируемую филантропию. Взывая к слезливой жалости, они осуществляли убийства. Забавно, что Владимир Соловьёв ухватил эту тенденцию в «Повести об антихристе». Я считаю, этого философа истинным духовидцем и провидцем. Хотя, конечно, он не мог описать, не мог принять надвигающегося кошмара. Но это и понятно. Человек, умерший в 1900 году, не способен принять ужасы XX века. Никакой ангел не преуспел бы в разъяснениях событий грядущего столетия.

Все заметно оживились. Разумеется, присутствующие читали этот текст Соловьёва, он только вышел в «Науке и религии». Номер пролистали и люди, далёкие и от общего содержания журнала, и от философии, и от религиозных проблем.

– Мессия связан со спасаемыми людьми. Получается, что он коллективный лидер. И его имя – Шело, я полагаю, значит не то, что он будет диктатором, владеющим всем. Всё будет его в том смысле, что он сам принадлежит миру, как бы во всём, жертвуя себя каждой пылинке. Ленины-гитлеры – это тоже выражение коллективного. Но всё искусственно выдаётся за реализацию их индивидуальной воли. Поэтому эти вожди проступают столь выпукло. Хотя, конечно, их идеологии – форма оправдания для трусливых преступников. Есть много личностей с уголовными наклонностями, боящиеся наказания или позора. Им необходимы государства, которые бы приказывали им предаваться любимым порокам. Вождь же берёт на себя всю полноту ответственности.

– Ну-ну, слишком много оценок. Уголовники! Люди вообще склонны придумывать себе недостатки. А это способствует самосовершенствованию. А, кстати, великая заслуга Соловьёва в том, что он предсказал основу советского мировоззрения в разделении людей на три этнически-мировоззренческие группы. В «Повести» – это старец Иоанн, папа Пётр и профессор Паули. В СССР такое представлялось через анекдоты типа «Встретились русский... и...». Собственно, у Соловьёва, конечно, были предшественники. Зачатки всего этого в архаичном мышлении, а советское общество глубоко архаично, Октябрьская революция – это отказ от прогресса, победа реакционных сил, желающих вернуться к примитивному управлению и неприкрытому насилию. Но невозможно преуменьшить роль Соловьёва в предвидении этого. И как писал Хорхе Луис Борхес: «Каждый писатель создаёт собственных предшественников». Советское же законодательство освятило подобный подход записью национальности в паспорте, – а анекдоты всегда были основой советского мировоззрения.

– Очень удобно не рассматривать каждого человека, но придумывать ему качества из-за принадлежности к группе. Это облегчает восприятие мира. В конце концов, вся наша цивилизация противоестественная и является плодом человеческой фантазии.

– Да-да, о фантазиях. Я уже говорил, что многие, в том числе я, верят в недавний приход Мессии, а вы это заболтали. Один мой знакомый по прозвищу Пансофий дал мне позавчера написанный им текст... Кто этот человек? Некая странная личность, живущая случайными подработками. Большую часть времени он обитает в катакомбах, предаваясь там размышлениям о судьбах человечества. Так вот, этот анахорет нашего времени передал мне упомянутую рукопись, которой он очень дорожил, но не мог её опубликовать, – кто возьмётся такое печатать? Как говорил профессор Иван Кириллович Калмакан: «Колбаса на обложке не нарисована». Озаглавлен текст «Краткая повесть о Мессии». Хотя слишком

схематическое повествование создаёт ощущение воображённой исторической картины, при этом сочинение даёт, на мой взгляд, довольно вероятное с точки зрения Священного Предания и здравого смысла представление о предмете.

– Пан Софий? Он из РУХа?

– Нисколько. Хотя и провидит важную функцию РУХа, связывая его с Духом Божьим («фуха»). Сам же Пансофий из обычных неприкаянных теософов, во множестве обитающих сегодня в крупных городах. Если позволите мне, я прочту вам рукопись. Она хоть и велика по смыслу, но незначительна по объёму.

Всем сразу стал любезен местный и современный эквивалент Даниила Андреева, – как далеко он уведёт нас от навязываемых унылых идеологических глупостей? Присутствующие единодушно выразили желание внимать Пансофию.

2. КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О МЕССИИ

Иммануил Давидович Шило родился в Бердичеве, в семье, совсем недавно перебравшейся туда из Григориополя. Его родители изначально планировали обосноваться в Винницкой Иерусалимке, но что-то не срослось. А Бердичев оказался местом довольно «хлебным». Переезд же случился перед самым началом Первой мировой войны, в 1914 году. При рождении Иммануила Давидовича в разных частях мира являлся ангел с небесным воинством, сообщая о рождении Спасителя. Разумеется, в самом месте появления на свет Мессии, он не мог показываться – ему это строго возбранялось местными властями и духовными лидерами. Сам же народ там был настолько жестоковыйным, что не стал бы внимать истине.

Вскоре в Российскую империю приехали из Европы учёные оккультисты, имевшие высшие степени посвящения в масонских мартинистских ложах и обладающие университетскими профессорскими званиями, Мельхиор, Каспар и Балтасар, – они узрели звезду нового правителя на Востоке. Эта история с небесным светиллом послужила основанием для появления забавного прозвища, которое потом близкие друзья дали Иммануилу Давидовичу – Сын Звезды. Между тем поездки Мельхиора, Каспара и Балтасара по Украине и Молдове, сопровождаемые расспросами, вызвали ревность властей. Именно это и стало причиной погромов, в том числе и в Бердичеве – все искали тогда гибели Посланника Отца Небесного, желая править вместо Бога. Но всякий раз при появлении угрозы ангел Божий безопасно выводил семью Иммануила Давидовича из местечка, а злодеям не удавалось убить Помазанника. Петлюра перед гибелью раскаялся и ушёл в нищие эмигранты, что не спасло его от карающей пули. А Ленин, узнав перед смертью, что Иммануил Давидович жив, воскликнул: «Бессарабец опять победил меня!».

Однажды родители с ребёнком приехали погостить в Одессе. На многолюдных улицах ребёнок затерялся в толпе. После некоторых поисков родители обнаружили его у входа в Одесский музыкально-драматический институт. Там маленький Иммануил обучал Давида Ойстраха играть на скрипке. А все вокруг дивились мудрости и талантам ребёнка. Мать же его сказала: «Что ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали тебя». А он ответил: «Зачем было вам искать меня? Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу моему?». Но родители не поняли сказанных сыном слов. Шли годы, а Иммануил Давидович преуспевал в премудрости, в любви у Бога и человек.

С началом войны Иммануил Давидович оказался на фронте, позволившем ему постигнуть глубины человеческой сущности. А в отчаянных случаях, на волоске от смерти, ангелы божьи оберегали его. И всё же в 1944 году НКВД арестовало И.Д. Шило, прочитав его поучительные духовные послания, рассылаемые многочисленным последователям. Уже тогда многие видели на Иммануиле Давидовиче печать избранничества. Хотя в Одессе многие не принимали его, говоря: «Из Молдавии может ли быть что доброе?».

На допросах Дьявол искушал Иммануила Давидовича. Приняв вид следователя-обнажённой женщины, требовал подписать свидетельство против ближних. Но устоял Иммануил Давидович, молвив: «Человек, любящий мудрость, радуется отцу своего; а кто знает с блудницами, тот расточает имение». Тогда Дьявол не позволял ему спать. Но ангелы Божьи научили его погружаться в дрему стоя, упёршись коленом в стульчик. И проделывал он это так, чтоб надзирателю казалось – его глаза открыты. А Дьяволу сказал: «Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои». А однажды принесли Иммануилу Давидовичу обед, жирный украинский борщ, отбивную с жареной картошкой и в хрустальном графине красное вино. Но и здесь устоял, не подписал, сказав: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». И ещё: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: „Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют“».

Какое значение имели все эти ответы? Только они и имели значение. Сами события мало зависели от воли человека. Люди лишь играли свои роли. А здесь две роли – кошки и мышки. Всё сводится к игре, где один обязательно съест другого. Никакого выбора здесь нет и быть не может. Но слова наполняют грубую реальность сокровенными смыслами. Можно сказать, Бог словом сотворил мир. Без слова же вселенная – хаос, или «тоху ва-боху».

Вы спрашиваете, почему Мессия отправился в советский лагерь? Я не теолог. И «Пути Господни неисповедимы». Но всё же выскажу личные соображения. Я полагаю, что мир может быть исправлен из «центра управления», из некоего образцового, «идеального места», по образу которого преобразуется весь мир. В те годы таким местом, конечно, был лагерь. Это *medulla*. Тогда в нём проступала некая сердцевина вселенной.

В то время практически все люди на земле были одержимы духом нечистым, в особенности в лагере, и в первую очередь среди охраны. Иммануил Давидович сказал об этом: «Иисус ошибся, изгнав бесов в свиней. Спасти одного бедного бездомного страдальца, пожертвовав миром, – эстетически красиво, но крайне разрушительно для человечества».

Конечно же, Иммануил Давидович всё сообщал народу притчами, ибо за прямое выражение мысли полагалось наказание. И дивились Его учению, ибо Он учил людей, как власть имеющий, хотя и был простым заключённым. Его же отношение к слову было особым: «Кто сегодня убивает, тот не подлежит суду, но даже матерные слова – грех перед Господом».

Иммануил Давидович призывал всех к покаянию. А говорившим «Произошла чудовищная ошибка, мы старые коммунисты» возражал: «Сталин может и из камней сих воздвигнуть себе решающие всё кадры».

А ещё он утешал, дарил надежду: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: не на земле же ей быть...».

Он заклинал каждого стремиться превосходить всех праведностью, – кто остушился раз, тот остушится и дважды. И ещё: «Кто противится злему, тот сам становится злом, а кто не противится злему, тот становится соучастником преступления».

Надзиратели, конечно, заставляли Иммануила Давидовича и его последователей работать по субботам, говоря: «Вот, ты и ученики твои делают, чего не должно делать в субботу». На что получили возражение: «Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? И разве в СССР тюрьма и лагерь – не храм?».

Когда кто-то скорбел и возмущался перед лицом Мессии, вспоминая убийство Кирова, Иммануил Давидович сказал: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов».

Как-то Иммануил Давидович признался руководству лагеря, что может оживить Ленина. Об этом было даже составлено письмо в Москву. Ответа, разумеется, не последовало. Никто не желал брать на себя ответственности за стягивания бога с неба на землю.

Надсмотрщики совещались, как уловить Иммануила Давидовича в словах его. И посылали к нему наследок со словами: «Мы знаем, что ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как тебе кажется, позволительно ли выступать против Сталина?». Иммануил Давидович, видя их лукавство, сказал: «Что искушаете меня, лицемеры? Слово „руководство“ – вежливый аналог слова „рукоблудство“. Воздайте же нашему руководству по значению его».

А о важном, о власти пролетариата он подмечал, что она ведёт к лениности, и ещё будут рабочие поучать: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут. Ни собирают в житницы, а экспроприации питают их». О колхозах же прояснял: «Жатвы много, а делателей мало».

Многие скорбели, думая не столько о своём настоящем, сколько о дне грядущем. А Иммануил Давидович утешал их: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы».

На лесоповале были актуальны и понятны слова: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: „дай, я выну сучок из глаза твоего“, а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Многих Шило увещевал: «Не верь, не бойся, не проси».

Всеобщий самообман и невозможность проникнуть в суть происходящего стали причиной такого изречения: «Берегитесь лжеагитаторов, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть контрахищная».

Подошёл как-то к помазаннику доходяга и, кланяясь, сказал: «Господи! Если хочешь, можешь меня исцелить». Иммануил Давидович протянул руку, коснулся страдальца и сказал: «Не своей волей, но желанием Отца Небесного». Доходяга исцелился и прожил после этого ещё целый год.

Однажды Иммануил Давидович оживил юношу, которому в результате несчастного случая оторвало голову. Но тот всё равно не прожил долго, – ему нечем было есть.

О противостоянии СССР с западом Шило сообщал страшную крамолу: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

А ещё говорил ученикам: «Смотрите, берегитесь закваски наседкой». А ещё поучал: «Истинно говорю вам: что вы свяжете в лагере, то будет связано на воле; и что разрешите в лагере, то будет разрешено на небе».

В лагерь попадала и новая советская интеллигенция, не ведавшая древних смыслов, никогда не изучавшая латынь, греческий или древнееврейский. Иммануил Давидович просвещал народ, как мог. Однажды толковал он о «*O qui perpetua*» Бозэция. Ему возразили, что это ведь ненужные умствования дикого, не знавшего Маркса римлянина. На это Иммануил Давидович ответил: «Конечно, „*O qui perpetua*“ – произведение архаичное, в нём немало всякой интеллигентской муть, но без этого написанного в тюрьме стихотворения не было бы и „Мурки“».

Как-то ученики его, приступив к нему, говорили: место здесь пустынное, а времени уже много – учи нас. Но увидел Иммануил Давидович, что люди изнывают от голода, лишь у одного осталась баланда, и сказал: «Имеющий еду да разделит её с другими». И ели все одну баланду, и не было ей конца. И все присутствующие насытились. Впрочем, иногда Иммануил Давидович превращал воду в вино, дабы порадовать товарищей по несчастью.

Видя же скверну, окружающую всех в лагере, Иммануил Давидович учил: «Ничто извне не может оквернить человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы».

Надзиратели иронически вопрошали Иммануила Давидовича, как ему сидится. Он же отвечал: «Добрый человек и из злого выносит доброе, а злой и из доброго выносит злое». А в тайне близким ученикам ещё и сообщал: «Не войдёт чекист в Царствие Небесное, ибо прикреплён он должностными обязанностями к аду».

Как-то ученики его поспорили о местах в камере. А Иммануил Давидович рассудил: «Кто хочет между вами быть первым, то будет и последним, если смотреть с другой стороны».

О любви он учил, что она двояка. Есть высшая любовь, ведущая нас на небеса, а есть и низшая, увлекающая к падению. О каждой много писали, но обычно о первой любят цитировать Гёте про «*zieht uns hinauf*». Самый яркий образ второго типа любви описывается в «Песнях Песней»: «Подумал я: влез бы я на пальму».

Когда он с другими заключёнными участвовал в социалистической стройке, кто-то из учеников его сказал: «Учитель, посмотри, какие камни и здания». Иммануил Давидович ответил: «Видишь сии великие здания? Быть здесь мерзости запустения».

Как-то ученики заметили, что Иммануил Давидович во сне беседует с Моисеем. Лик же Учителя в это время сиял неземным светом.

Впрочем, передача учения не всегда была радужной и безоблачной. «Дьявол по всей земле под небесами слоняется и рыщет, как бешеный пес, ища, кого бы пожрать». Разумеется, премного умничая, Иммануил Давидович был часто избиваем товарищами своими, терпя великие страдания за то добро, которое он нёс людям.

Вот и вся история. Я закончил.

3. ВВЕДЕНИЕ В ЭПИЛОГ

Рассказ не имел концовки, ни смерти, ни воскресения, ни спасения мира. Отсутствие внятного сюжета обескураживало. Что это? О чём? Зачем? Сквозь возникшее недоумение прорвался неуверенный голос:

– Ну и что? Какая же во всём этом мораль?

– А сами и ищите, что вам надо, – ответила рассказчица. – У каждого свои нужды, потребности, духовные устремления. Пусть каждый возьмёт из этой истории то, что ему лично необходимо.

– Странная позиция, не требующая никаких пояснений, – уход от реального разговора. Кто не понял, сам дурак. Такой подход – чистый обман.

– Обычно у людей, недостаточно образованных или неуверенных в себе, есть предрасположенность видеть во всем лукавство. Но если произведение искусства или идея не находит отклика в душе, просто отойдите не касайтесь. Заключённое там сообщение не обращено к вам. Вот и всё. Никакого обмана. Здесь же я лично смысл вижу в том, что явление Мессии посеяло некие семена, которые дадут разные всходы, различно повлияют на разных людей, которые, меняясь, улучшат окружающий мир. Это долгий и слабо уловимый процесс медленных духовных преобразований.

– А что же всё-таки потом случилось с гражданином Шило? Его казнили? Распяли? А может, он стал тайным сокрытым царём, а мы и не знали?

– Его дальнейшая история мало интересна. И поучительного в ней немного или оно вовсе отсутствует. Но мне она известна, Пансофий поделился со мной информацией. Я вам перескажу его слова.

4. ЭПИЛОГ

Тут важно сразу сделать одно замечание. Должен ли быть Мессия как-то особенно мудр? Не факт. Иезекииль, например, отзываясь о нём как о «величественном кедре», то есть сравнивает его с деревом. И не к учёным обращено послание Помазанника. Ведь, как учил рабби Йоханан, учёных-мудрецов

при приходе Мессии окажется мало, а их пронизательность притуплена горестями и печальми. Теперь перейдём к сути.

Вместе с Иммануилом Давидовичем Шило в заточении сидел старый социал-демократ, лично знавший самого Владимира Ильича Ленина, Илья Платонович Заславский. Самим своим наличием он украшал лагерь, наполняя его приемлемыми смыслами – и как хранитель старых русских тюремных традиций, и как живая история русских революций. Всем своим видом и воспоминаниями он придавал масштаб и значение всему происходившему и происходящему, связывая, так сказать, альфу с омегой. Свой первый срок он получил ещё молодым человеком, в 1904 году, но манифест 17 октября 1905 года вернул Илье Платоновичу свободу. Выйдя из застенка, Заславский сразу окунулся в революционную борьбу и уже в 1906 году его осудили на 8 лет каторги, 4 года в кандалах и 4 года в ссылке. В какой-то момент Илья Платонович бежал, то есть попросту без паспорта покинул место ссылки. Ему не удалось перебраться за рубеж и он вернулся к революционной деятельности, что привело к новому аресту. Но товарищи помогли, раздобыв чужой паспорт, и Заславский пересёк с ним австрийскую границу, а после переехал в Париж. Там, при партийной школе в Лонжюмо, он выполнял какие-то хозяйственные обязанности, учил французский язык, общался с Лениным и Луначарским. После поселился в США. Буржуазный быт удивил Заславского и привёл к заключению, что никакой пролетарской революции там никогда не будет, и Илья Платонович даже вывел, что она и не нужна вовсе. Когда же грянули события 1917 года, он почувствовал себя связанным старыми обязательствами и вернулся. Ввиду его бывших заслуг подпольщика, Заславского усиленно выдвигали на ответственные и важные посты. Но он не хотел этого, прячась от неумолимой логики событий на незаметных должностях. И он уже перешёл на тихую маленькую пенсию, но вот его вечно пьяный сосед написал на Заславского донос. Так советские органы назначили старого революционера иностранным шпионом.

Заславский быстро распознал неординарное, выходящее за рамки обычного в словах и действиях Иммануила Давидовича Шило, проглядывая в нём своего в некотором роде последователя и приемника. И скоро между этими двумя людьми установились доверительные отношения. Учение давалось непросто. Шило был упрям и напорист, но старческая мягкость и опыт Заславского неуклонно одерживали верх. В конце концов, Иммануил Давидович Шило стал убеждённым атеистом с чёткими политическими установками, о которых говорить вслух не полагалось. В его сознании что-то хранилось от изначальной миссии, впрочем. Так он и считал, что в Библии содержится много прогрессивных, важных идей. Например, пропаганда спорта. Главные положительные персонажи, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, много, практически всё время ходили пешком, пересекая огромные пространства. Сам путь к праведности намечается указанием Бога Аврааму: «Лех леха», то есть что-то вроде «шагом марш». А вот образец грешника – ведущий малоподвижный образ жизни фараон. В какой-то момент он отправился со своим войском следом за евреями. Но те шли пешком, тогда как царь египетский воспользовался транспортом – колесницей. В итоге натренированным евреям и море по локоть, а изнеженный фараон погиб.

Вы спрашиваете, как такое могло случиться с Мессией, который общался с ангелами, прозревал грядущее, творил чудеса? Поверьте, человеческое сознание слабо поддается пониманию, а окружающий нас мир эфемерен и неустойчив. Реальность вещей, явлений неочевидна и легко подвергается сомнению. С другой стороны, нет такого чуда, которому было бы невозможно придумать естественное объяснение. По этим правилам живёт всякий, кто воплотился в мире материи.

С новым пониманием многих вещей пришло и избавление от страданий. После смерти Сталина Иммануил Давидович Шило вышел на свободу. Пансофий не уверен относительно его должности, профессии, заработков после лагеря. Кажется, Пансофий слышал, что Иммануил Давидович устроился детским писателем, сочинявшим политически верные книги, хотя и не без некоторой завулязированной фривольности. В 1989 году Шило покинул СССР по израильской визе. Большинство тогда по ней стремились в США, а Иммануил Давидович, хоть и не был религиозным человеком, грезил Иерусалимом. Его идеализм столь возвышен, что он даже не взял с собой фотоаппарат «Зенит» для продажи в Италии. Всё его имущество при пересечении границы – непосредственно надетая на него одежда и подаренный кем-то апельсин. Однако мечта о Святой Земле не было суждено сбыться. В Иерусалим он так и не попал. В Италии Иммануил Давидович заболел. Пансофий утверждает, что по последним сведениям, Шило живёт в Риме, сильно хворает. На его теле многочисленны раны, которые необходимо постоянно перевязывать. А ещё Шило нашёл в Ватиканской библиотеке пророчество о себе самом...

Не сложилось с миссией? Ну да. Ничего удивительного. В самом существовании небесных посланников заключен парадокс. Небесному нет места на земле. А став земным, небесное проваливается в грех и бесчестие. Святости нет места в нашем мире.

ГАЛИНА КОРОТКОВА

БЛЕСТЯЩИЙ АДВОКАТ 2 рассказ

Только не говорите мне, что адвокатское дело – это всего лишь умение «отмазать» клиента от очередной аферы, пьяного ДТП, или максимально сократить срок душегубу, у которого на горизонте маячит пожизненное лишение свободы. Впрочем, у моей свекрови Натальи Владимировны, лучшего уголовного адвоката нашего города, на этот счёт имеется своё мнение.

В то утро у свекрови что-то случилось с компьютером, и она примчалась к нам, чтобы срочно составить адвокатский запрос. Пока Наталья Владимировна барабанила пальцами по клавишам, я отправилась варить кофе. И тут в дверь позвонили. На пороге стояла моя соседка. Как же я люблю эту славную пожилую женщину! Анна Ильинична дружила ещё с моей бабушкой, в курсе всех значительных событий в нашей семье и обожает моего сына, которого знает с пелёнок. А ещё она бывшая прима Оперного театра, и, несмотря на возраст, до сих пор преподаёт в консерватории. Её удивительной красоты и тембра сопрано и виртуозная техника долгие годы радовало любителей классической музыки не только в нашей стране, но и в Европе. К сожалению, мне не довелось услышать ни её Турандот Пуччини, ни её блистательную Царицу Ночи в «Волшебной флейте» Моцарта. Сейчас Анна Ильинична участвует в музыкальных вечерах, где поёт арии и романсы. Её всегда сопровождает толпа поклонников.

Но в то злосчастное утро... господи, что могло случиться у этой милой женщины? Её расстроенный вид перепугал меня не на шутку. Я сразу же спросила:

– Чем я могу помочь?

– Даже не знаю с чего начать... – чуть не плача, сказала Анна Ильинична, устало опускаясь на кухонную табуретку. Тут следует рассказать читателям некоторые обстоятельства из жизни моей соседки.

Муж Анны Ильиничны был известным дирижёром и лауреатом международных конкурсов. Всю жизнь Иван Петрович собирал уникальную коллекцию – постеры, программки, личные вещи выдающихся певцов, актёров, композиторов, музыкантов и балетных прим. Анна Ильинична с гордостью показывала мне шёлковый веер Веры Холодной, фотографии с автографами Шаляпина, Лемешева и Сергея Рахманинова, письма Дягилева, Шостаковича и даже билет на концертное выступление Айседоры Дункан. Книжные полки в её квартире заставлены редкими книгами об истории театра, оригинальными либретто и партитурами с пометками авторов и известных исполнителей. А ещё в квартире Анны Ильиничны стоит кабинетный рояль, на котором играл сам Дунаевский! К сожалению, несколько лет назад Ивана Петровича не стало.

Но Анна Ильинична, несмотря на свой солидный возраст, вовсе не одинока. Вокруг неё всегда друзья, студенты и поклонники. А ещё есть Дима, которого я до недавнего времени считала племянником. Дмитрий Александрович помогает Анне Ильиничне по хозяйству, ходит в аптеку, сопровождает её в театры и на концерты. А после смерти мужа, когда Анна Ильинична буквально слегла от горя, Дмитрий Александрович переехал к ней в дом, кормил из ложки супом и заставлял принимать лекарства. Этот приветливый, с чувством юмора холостяк был мне всегда симпатичен. Он великолепно играет на рояле, бегает по утрам в парке, до поздней осени купается в море и, кроме этого умеет стряпать потрясающий пирог с капустой. По профессии Дмитрий – искусствовед, историк-краевед, театральный критик и вообще человек энциклопедических знаний. Сейчас он приводит в порядок уникальную коллекцию покойного мужа Анны Ильиничны и пишет докторскую диссертацию, постоянно пропадая в городском архиве.

У Анны Ильиничны детей нет, а вот у её покойного мужа имелся сын от первого брака. Мать увезла мальчика в другой город и запретила любое общение с отцом. Это было много лет назад. Но неожиданно...

– Хотите, угадаю? – послышался из соседней комнаты насмешливый голос моей свекрови. – Ваш пасынок вдруг вспомнил об отце и заявился за своей долей наследства...

Оказывается, окончив печатать запрос, Наталья Владимировна внимательно слушала рассказ Анны Ильиничны.

– Передайте этому неожиданному родственнику, что срок исковой давности давно истёк, ни один суд не примет...

– Ах, вы ничего не знаете! – воскликнула Анна Ильинична. – О доле наследства речь не идёт. Игорю нужна моя квартира, причём вся и срочно...

Да уж, квартиры в нашем доме стоят бешеных денег! Мы живём в самом центре города, дом в отличном состоянии, кроме того, это памятник архитектуры XIX века. Мраморная лестница, кованые перила в стиле ар-деко, в просторных квартирах сохранились или камни, или изумительной красоты голландские печи.

– ...Игорь проиграл огромную сумму в казино. Он пригрозил, что отправит меня в богадельню... или как это сейчас называется...

Анна Ильинична всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Гм, странно, – задумчиво пробормотала Наталья Владимировна, принимая из моих рук чашку кофе. – Упечь совершенно вменяемого человека в дом престарелых без его согласия не так-то просто. Давайте спокойно выпьем кофейку, а вы расскажете, какие скелеты завалились в вашем шкафу. Только кратко! Меня сегодня с утра клиент в тюрьме дожидается. По дороге я подумую, кто из моих коллег сможет помочь.

– Итак, перед самой смертью муж Анны Ильиничны заставил Диму покаяться, что он позаботится и о его вдове, и о коллекции.

– Можно подробнее о Дмитрие Александровиче? Откуда он взялся? – спросила Наталья Владимировна.

– Димочка круглый сирота. Его мать работала у нас в театре. Когда ему было лет девять, мать умерла, и ребёнок определили в детский дом. Коллеги поохали и быстро забыли. А мы с мужем решили помочь мальчику. Усыновить его не было возможности, гастрольный график, нас по полгода не бывало дома... – Анна Ильинична грустно улыбнулась. – Дима оказался очень смыслёным и послушным. Мы постарались привить ему любовь к музыке и театру, помогли получить образование, всячески поддерживали. Он стал членом нашей семьи...

– Скажите, а ваш муж общался с Игорем?

– Да, конечно, но я не вмешивалась. Знаю только, что у парня были какие-то неприятности, он постоянно просил денег.

Анна Ильинична замолчала и начала нервно тереть салфетку.

Наступила пауза. У меня чесался язык. Так хотелось посоветовать Анне Ильиничне послать наглеца куда подальше. И тут я взглянула на свою свекровь.

– На первый взгляд дело выеденного яйца не стоит. Но у меня никак не складывается чёткая картинка. Вы явно чего-то не договариваете.

Анна Ильинична побледнела:

– Дело в том, что я... вернее мы... с Димой должны были... вернее с Дмитрием Александровичем, по просьбе моего покойного мужа... он очень просил... – бывшая прима говорила с трудом, в глазах стояли слёзы, а на лбу выступили капельки пота.

– О чём же просил вас покойный муж? – в голосе Натальи Владимировны зазвучали металлические нотки.

Под её пронизательным взглядом даже я поёжилась и заёрзала на стуле. Ох, не завидую тем уголовникам, которых вот так с лёгкой улыбкой на устах допрашивает моя дражайшая свекровь! Действительно, что можно было попросить у пожилой женщины и «архивного юноши»? Ограбить музей? Или здесь какая-то тайна, которой их ловко шантажирует этот негодяй Игорь?

По лицу Анны Ильиничны покатались слёзы.

– Муж не без основания боялся, что после его смерти я окажусь совершенно беззащитной. Он так и говорил: «Анюта, я знаю этого прохвоста! Ещё лучше я знаю свою бывшую жену. Поверь, они ни перед чем не остановятся: тебя выкинут на улицу, а мою коллекцию отнесут на помойку!». Поэтому он настоятельно просил нас с Димой... после его смерти... расписаться... стать мужем и женой... фиктивно, конечно. Мой муж доверял Диме и был уверен, что рядом с ним мне ничего не грозит, а его коллекция будет в безопасности. О нашем браке не знал никто! Ума не приложу, как Игорь докопался.

Анна Ильинична перестала плакать и аккуратно вытерла глаза батистовым платочком. Видимо, выражение крайнего изумления на моём лице окончательно её расстроило. Она приготовилась опять удариться в слёзы.

– Выпейте воды и успокойтесь! Теперь мне всё ясно! Я даже знаю, что собирается сделать Игорь. Он подаст в суд о признании вашего брака недействительным в силу большой разницы в возрасте. Ещё он попытается доказать, что Дмитрий – брачный аферист, запудривший мозги пожилой женщине с целью овладения её имуществом. За небольшую мзду у вас, Анна Ильинична, найдут признаки старческой деменции. При таком состоянии требуется особый уход и надзор в специальном медучреждении. Не скрою, у Игоря есть шанс.

Наталья Владимировна выразительно посмотрела на бывшую оперную прима в стареньком байковом халатике, заплаканную и растрёпанную. М-да! Неприятности могут в один момент состарить молодого и крепкого, а что уж говорить о человеке, которому стукнуло восемьдесят?

– Значит у меня, вернее у нас, нет шансов... – в отчаянии пробормотала Анна Ильинична.
 – Тут требуется оригинальное решение... мне нужно подумать...
 – Вы найдёте мне хорошего адвоката?
 – Зачем? Я сама с удовольствием займусь этим делом. Знаете, иногда хочется немного отвлечься от всяких мошенников и бандитов! О гоноре не беспокойтесь, не всё в этой жизни измеряется деньгами.

Все две недели перед судебным заседанием мы провели в нешуточных хлопотах. Мы – это я с мужем, оба племянника и даже мой пятнадцатилетний сын, который занялся рассылкой информации и приглашениями по интернету. Поразительно, сколько народу откликнулось на наш отчаянный призыв. Свою помощь предлагали студенты консерватории, коллеги покойного Ивана Петровича, звонившие из других городов и даже из дальнего зарубежья. Кто-то пытался перевести деньги, кто-то советовал адвоката, а кое-кто и заступничество на самом высоком уровне. Горячие головы из числа поклонников и любителей оперы грозилась устроить демонстрацию в поддержку Анны Ильиничны перед зданием суда.

Мне было поручено очень ответственное задание – найти хорошего костюмера. На третий день после безуспешных поисков мы с Анной Ильиничной зашли в кондитерскую, выпить кофе и перевести дух, как вдруг...

– Анюта! Душенька! Как я рада!

Нам навстречу, звеня многочисленными браслетами, шла эффектная женщина в костюме модного нынче стиля бохо.

– Юлечка! Я думала, ты у сына в Германии.

– Да вот, приехала кое-кого навестить, – улыбнулась в прошлом одна из лучших портних нашего города. Выслушав мой крайне сбивчивый рассказ, Юлия Александровна решительно заявила:

– Девочки, я всё поняла! Нам нужна ткань и фурнитура! Не будем терять времени. Кстати, моя внучка недавно окончила курс косметологов-визажистов. Профессиональный макияж тебе, Анечка, не помешает!

– Вперёд, и горе Годунову! – воскликнула словами классика заметно повеселевшая оперная прима.

Моя свекровь, ко всем своим талантам, оказалась ещё и блестящим режиссёром! Всё действие было расписано по секундам. Более того, каждый из участников был обязан выучить свою роль наизусть! Скажу откровенно, я давно не видела такого единодушия и энтузиазма не только у друзей, но и абсолютно незнакомых друг с другом людей!

Наконец наступил так называемый День X! С утра вокруг Анны Ильиничны суетилась Юлия Александровна, что-то подшивая и подгоняя. Затем в квартиру ввалилась худенькая девушка с внушительным баулом в руках. Молча оглядев оперную приму, внучка-визажист решительно надела белый халат. В квартире запахло кремами, лаком для волос и помадой. Мне же досталась весьма специфическая роль кучера. Превратится ли моя машина к концу дня в тыкву? От этой мысли меня кидало в холодный пот!

Точно в назначенное время мы гуськом спустились вниз во двор. Дворник-таджик, убравший тротуар, при нашем появлении замер, вытаращил глаза и выронил метлу.

– Первый пошёл! – насмешливо сказала внучка, помогая Анне Ильиничне сесть в машину.

– С богом, девочки!

Юлия Александровна перекрестила капот моего Фиата.

Стоянка у здания суда была забита до отказа. Но при нашем появлении откуда-то выскочил охранник и махнул рукой, приглашая на резервное место. Пока всё шло по плану. Оставалось только сидеть и ждать условного сигнала. Ах, как же я сожалела, что не присутствую в зале. Ведь именно там сейчас происходило всё самое интересное! Впрочем, вечером мой муж, сын и оба племянника, перебивая друг друга, подробно живописали судебное заседание с самого начала...

Игорь, сын покойного Ивана Петровича, нанял молодого и бойкого адвоката, который при появлении в зале Наталья Владимировна, не смог скрыть своего замешательства. Тем не менее он без запинки прочитал обвинительную речь по бумажке. Как и ожидалось, Дмитрия Александровича обозвали ловким мошенником, сумевшего втереться в доверие к пожилой женщине ради получения богатого наследства. Суду были предъявлены какие-то справки и показания «заботливых» доброжелателей, искренне обоеспкоенных судьбой одинокой старушки. Тридцать пять лет разницы – это не смешно, это аморально! В таком почтенном возрасте нужно не о любви, а о спасении души думать. Ну и трехи замалывать, если, конечно, память сохранилась! Седовласый судья время от времени сочувственно кивал головой. В конце адвокат потребовал для бессовестного афериста самого сурового наказания и максимально возможного срока. Игорь в свою очередь, демонстративно смахнув мужскую слезу, рассказал, как он искренне привязан к мачехе. Конечно же, он заберёт старушку к себе и будет трепетно за ней ухаживать. В его маленькой, но уютной квартире для неё найдётся тихий уголок. Очень трогательно...

Наталья Владимировна сидела рядом с бледным Дмитрием Александровичем, демонстративно уткнувшись в свой планшет. Её лицо выражало полнейшее равнодушие к происходящему. Наконец дали слово адвокату ответчика.

– А знаете, великой Саре Бернар было семьдесят, когда она сыграла Джульетту, – задумчиво сообщила Наталья Владимировна. – Сам Виктор Гюго был так впечатлён её мастерством, что, стоя на коленях, подарил ей браслет с бриллиантами...

– При чём тут какая-то Бернар? – выкрикнул кто-то из зала.

Игорь многозначительно хмыкнул, его адвокат сочувственно покачал головой.

– ...Это так сказать лирическое отступление, – усмехнулась Наталья Владимировна. – Хотелось бы услышать некоторые подробности об уютном уголке для Анны Ильиничны. Насколько мне известно, однокомнатная квартира, где в настоящий момент проживает истец вместе со своей матерью, находится в залоге и со дня на день туда могут нагрянуть судебные приставы. Вот справка, подтверждающая мои слова. Полагаю, Игорь Иванович расскажет нам о своём бедственном финансовом положении и как он надеется поправить дела при помощи наследства покойного батюшки.

По залу прокатился неодобрительный гул. Судья нахмурился и ударил молотком, призывая присутствующих к тишине. А Наталья Владимировна, выдержав МХАТовскую паузу, с иезуитской улыбкой заявила:

– Я хочу задать ещё один вопрос! Скажите, а почему бы нам не выслушать саму Анну Ильиничну?

– Я протестую, Ваша честь! – завопил Игорь. – Женщине восемьдесят лет, она с трудом передвигается, плохо слышит, и вообще, я зываю к вашему милосердию! Зачем таскать по судам старого человека? Вполне достаточно...

Бедняга не успел закончить фразу.

Принято говорить, что нужно вовремя уйти! Поверьте, не менее важно вовремя войти!!! Появление в зале Анны Ильиничны произвело на присутствующих ошеломляющий эффект: наступила гробовая тишина, все замерли в немом изумлении, у Игоря отвалилась челюсть, его адвокат откинулся на спинку стула и закрыл глаза. А в это время по проходу, гордо вскинув голову, шла королева Шотландии Мария Стюарт. Шлейф её длинного тёмно-вишнёвого платья, вышитого по подолу золотыми лилиями, с таинственным шорохом наполнял окружающее пространство удивительным смыслом. Казалось, ещё мгновение и следом за королевой появится блестящая свита придворных дам, за ними благородные рыцари, музыканты.

И даже судья, забыв о своём статусе, подался вперёд, не в силах скрыть эмоции: «Боже! Какая женщина!».

– Простите, я задержалась на репетиции, – своим чудесным, невероятно бархатным голосом произнесла Анна Ильинична и подарила судьбе воистину королевскую улыбку (для тех, кто не в курсе – «Мария Стюарт» – опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти, считается шедевром бельканто).

Господи, что тут началось! Присутствующие вскочили с мест. Кто-то кричал «Браво!», кто-то яростно аплодировал. Высокий мужчина в строгом чёрном костюме преподнёс Анне Ильиничне букет алых роз и благоговейно поцеловал примадонне руку. Это был настоящий триумф! Иск к Дмитрию Александровичу был, естественно, отклонён.

– Друзья мои! – воскликнула Анна Ильинична. – Поверьте, ни перед одной премьерой я так не волновалась, как сегодня... и если бы не вы... такой успех нужно отметить!

Всей толпой мы отпраздновали дома пить шампанское...

Это был удивительный, незабываемый вечер! Анна Ильинична и несколько её учеников устроили нам потрясающий концерт. Дмитрий Александрович оказался отличным аккомпаниатором. Скажу честно, я отбила себе ладони, аплодируя необыкновенно талантливым исполнителям.

В конце вечера Анна Ильинична произнесла задушевный тост:

– Хочу посоветовать всем присутствующим: берегите тех, кто вас любит. Нынче это высокое чувство сбросили с пьедестала, принизили, свели до заурядного и пошлого действия. Но если ваша душа не очерствела, а сердце открыто для этого удивительного состояния, старость и уныние забудет к вам дорогу. И даже если любовь платоническая, а предмет вашего восхищения о ней не догадывается, всё равно не отчаивайтесь! Любовь спасёт вас в трудную минуту! А сейчас, друзья, мы приготовили вам маленький сюрприз.

Тут открылась дверь, и вошёл Дмитрий Александрович с большим румяным пирогом в руках. Комната тут же наполнилась изумительным ароматом свежей выпечки.

– Настоящая пицца богов! – воскликнул кто-то из присутствующих. – Анне Ильиничне очень повезло со спутником жизни.

– Наталья Владимировна, я учусь на юрфаке, – вдруг подал голос юноша, весь вечер сидевший рядом с внучкой-визажистом. – Пожалуйста, расскажите, что для вас в этом деле оказалось самым сложным?

– Коллега! – хитро улыбнулась свекровь, принимая из рук хозяйки дома тарелку с угощением. – Открою свой профессиональный секрет. Самое сложное было договориться, чтобы судьёй на процессе был мужчина...

Гости удивлённо переглянулись. Кое-кто даже перестал жевать.

– Видите ли, молодой человек, по личному опыту знаю, многие женщины в определённом возрасте становятся совершенно невыносимыми и завистливыми стервами. Эта история могла бы затянуться на многие месяцы. Ну а мужчины всегда неравнодушны к женской красоте...

ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ

рассказ

Особое место в одесском фольклоре занимают истории, которые начинаются фразой: «И вот летом к нам приехали друзья и их родственники, чтобы искупаться в море...». А что поделаешь? Город у нас гостеприимный, родственников у моих друзей много, народ нужно куда-то устраивать на ночлег, кормить и развлекать. А всё для того, чтобы поездка стала незабываемым событием не только для гостей, но и для самих хозяев!

Итак, в начале лета позвонила моя бывшая одноклассница Наташа и напросилась на недельку в гости. Жизнь занесла Наташу в небольшой городок под Полтавой. Там родилась её единственная дочь, там же три года назад родился её долгожданный внук.

– Нет, ты понимаешь, внуки – это другая жизнь, совершенно другие ощущения и другое измерение! – взахлёб рассказывала подруга. – Алёшенька – наше солнышко, наше счастье, наше всё! Так хочется позвать мальчику море!

Вместе с мальчиком посмотреть на море захотела и Наташина сватья Валентина.

– Валечка – такая интеллигентная женщина. Преподаёт музыку, выращивает на даче гладиолусы... А какие кулебяки печёт – пальчики оближешь! – хвалила сватью Наташа и тут же добавила: – У нас с Валечкой не очень много денег, а в сезон цены у вас на жильё... ну, сама понимаешь! Гостиницу мы не потянем... согласны на полу спать... всего на недельку!

На полу спать не пришлось. Мои мужчины всё поняли и без лишних разговоров отбыли на дачу.

Пассажирский поезд прибыл во втором часу ночи. На перроне меня уже ждала подруга с огромным букетом слегка подвявших гладиолусов. Два внушительных чемодана носильщик неторопливо грузил на тележку. Рядом с Наташей стояла худенькая светловолосая женщина в толстых очках с кудрявым мальшом на руках. Мы расцеловались.

– А вот и наш Алёшенька! – заворковала Наташа. Я протянула руку, чтобы по-взрослому поздороваться с ребёнком, но тот упрямо посмотрел на меня и демонстративно отвернулся.

– Устал! – смущённо объяснила Валя.

Мы пошли к стоянке такси. С трудом затолкали один чемодан в багажник машины, второй пришлось ставить боком на заднее сидение. Обе бабушки кое-как втиснулись рядом. Осталось посадить им на колени ребёнка, а мне вместе с букетом расположиться на сидении справа от водителя. И тут Алёшенька, который продолжал демонстративно меня игнорировать, громко заявил:

– Хочу впереди!

– Таким маленьким сидеть впереди нельзя, – спокойно объяснила я.

– Хочу! – взвизгнул трёхлетний малыш и упрямо топнул ножкой. Тут в наш разговор вмешался таксист! Нужно знать настоящих одесских таксистов. Это артисты разговорного жанра самого высокого уровня и квалификации!

– Ша, салага! – хриплым прокуренным голосом сказал мужик. – В этом городе приказываю я. Поэтому, слушай сюда мою команду! Сел взад, закрыл свой рот, не то уедем без тебя, а ты пешком пойдёшь.

Но Алёшенька упрямо полез с ногами на переднее сидение. Бабушки слегка занервничали. Таксист решительно обошёл машину, крепко схватил своей волосатой лапой пацана за шиворот, другой лапой за ноги и ловко сунул его прямо на колени к Наташе. Под умиротворяющие звуки песни «Есть город, который я вижу во сне...» мы поехали ко мне домой!

Утром я проснулась от громкого почти истерического крика. Это орал Алёшенька. Поздно вечером по причине жары его уложили спать голышом. Утром дитя категорически отказалось надевать штаны. Словно злобный карлик, мальчишка метался по квартире в костюме Адама, а обе бабушки безропотно бежали следом. У Наташи в руках была маечка, а у Вали трусики и носочки. Наконец, внука загнали в угол, припёрли к стенке, одели, повели умывать, причесали кудри, посадили за стол завтракать.

– А вот и наша кашка-малашка! – запела бабушка Валя ласковым сопрано и поставила перед Алёшенькой тарелку аппетитно дымящейся овсянки.

– Не буду кашку-у-у! – загундосил мальчик.

– Наташа, свари ему яйцо, – посоветовала я.

– Не буду-у-у яйцо!

– А что ты хочешь, золотко моё? – забеспокоилась бабушка Валя.

– Хочу жареной картошки с колбасой!

Обе бабушки беспомощно переглянулись.

– Маленьким детям вредно кушать на завтрак жареную картошку! Хочешь вкусного творога с клубничным вареньем? – предложила я.

– Хочу картошки-и-и! – заверещало дитя.

– У тебя найдётся пару картошек? – жалобно глядя на меня, спросила Наташа.

Я беспомощно развела руками.

– У вас рынок далеко? – бабушка Валя стала торопливо надевать босоножки.

– Остановок пять на троллейбусе. Учитывая утренние пробки, к обеду успеешь вернуться!

– Что же делать? – чуть не плача спросила Наташа.

– А чем плоха овсянка? Раз не хочет, пусть идёт на пляж голодным...

– Голодным? – хором испугались обе бабушки.

– До обеда как-нибудь доживёт! Щёки у него румяные, попа толстая... Короче, девочки, вот вам ключи, я поехала по делам. Увидимся вечером!

Честно признаюсь, дел у меня в тот день особых не было. Зато было навязчивое желание свинтить куда-нибудь из дома, чтобы не слышать душераздирающий визг Алёшеньки! Господи, его истерические вопли напоминали одновременно крики голодных чаек, дерущихся попугаев и звук работающей циркулярной пилы! Интересно, у этого малолетнего тирана в конце дня глотка не болит?

Вечером меня ожидала вторая часть Марлезонского балета. Алёшенька требовал на ужин мороженого, не хотел мыть ноги перед сном и жаждал смотреть третью серию какого-то мультлика. Все многочисленные «хотелки» сопровождалась уже ставшими привычными воплями и визгами. Так прошел ещё один день. Передо мной встал вопрос – либо покупать противοшумные наушники, либо отбросить все законы гостеприимства и малодушно сбежать на дачу.

Утром я обнаружила на кухне плачущую Валю. Женщина из-за сложной формы астигматизма носила очки с очень толстыми стеклами. Перед сном она их тщательно протирала и бережно прятала в специальный футляр, который оставляла на тумбочке у кровати. Не найдя очки на положенном месте, Валя совершенно растерялась. Без них она была слепа как старый крот! Искать их бедняга могла только на ощупь. К поискам подключилась Наташа, которая обнаружила пустой футляр под кроватью. Сами очки как в воду канули.

– А запасных нет? – осторожно спросила я.

– Были, – вздохнула Валя, – но они разбились ещё в поезде...

– Как это, «разбились»?

– Я их положила в сумку, а Алёшенька прыгал по полке и нечаянно их раздавил.

– Ах, нечаянно...

– Кстати, где Алёшенька? – испуганно спросила Наташа.

Мы нашли мальчика в библиотеке. Высунув от напряжения язык, он рисовал фломастером весёлую рожицу на обложке романа «Война и мир» 1908 года издания. Наташа охнула от ужаса, а я впала в ступор. До сих пор не могу понять, как Алёшенька умудрился бесшумно снять с полки толстенную и тяжеленную книгу, которая находилась на высоте, вдвое превышающей его собственный рост!

– Скажи, детка, куда ты спрятал очки бабы Вали? – спросила Наташа, отбирая у внука фломастер.

– Не скажу! – буркнул маленький злодей и попытался вернуть себе фломастер.

– Скажи, иначе хуже будет, – пролепетала Наташа. Её угроза была крайне неубедительна. И тут я увидела очки. Они торчали из бокового кармана Алёшенькиных штанишек.

– Ладно, пошли завтракать! – я отобрала у мальчишки очки и пошла на кухню.

– Дай! – заверещал мне вслед Алёшенька.

– Могу дать только в дыню! – рявкнула я, возвращая Вале пропажу.

На завтрак у нас была гречневая каша с маслом, сырники со сметаной и вишневым компотом.

– Кашу не буду! – решительно заявил Алёшенька.

– Тогда съешь сырник, – предложила Наташа.

– Не хочу!

– А что ты хочешь?

– Хочу компот со сметаной!

Прежде чем кто-то из нас успел отреагировать, Алёшенька вылил всю сметану в кувшин с компотом.

– Что ты творишь?! – громко возмутилась Наташа. Она схватила внука за руку, но тот ловко крутнулся и... укусил её за палец! Наташа побледнела и в изнеможении рухнула на стул.

– Валечка, отведи Наташу на балкон! Быстро! – решительно приказала я. – Йод и бинт возьмёшь в верхнем ящичке трюмо у меня в комнате...

– Сигареты есть? – деловито осведомилась Валя, подхватив Наташу, словно раненого бойца.

– Сигареты и спички на балконе...

Когда они ушли, я повернулась к Алёшеньке. Он спокойно сидел за столом, беззаботно болтал ногами, с любопытством наблюдая, как хлопья сметаны медленно таяли в вишневом компоте.

– Ты сейчас пойдёшь и извинишься перед бабушкой Наташей!

– Не хочу! –

– Меня *не* интересует, что ты *не* хочешь, – я изо всех сил старалась говорить спокойно.

– Не буду! – мальчик зачерпнул полную ложку гречневой каши и отправил себе в рот.

– Иди и извинись! – продолжала настаивать я.

Алешенька отрицательно замотал головой и вдруг со всей силы плонул в меня слюнявой кашей. У меня потемнело в глазах и на какое-то мгновение, видимо, помутился разум.

– Ах, ты, грязная поганка! Гадёныш! Мелкий засранец! – прорычала я, ухватила трёхлетнего негодяя за его шикарные кудри и поволокла в душ.

– И-и-я-я-а-а! – орал Алешенька, пытаясь лягнуть меня ногой в живот. Я уворачивалась, как могла. В душе специально развернула мальчишку так, чтобы он пяткой ударился об острый край чугунного поддона. Ор перешёл в истерический визг.

Наверняка все видели, как в странах победившей демократии водомётами разгоняют недовольных граждан. Сильная струя воды успешно купирует припадки любой истерии. Включив холодную воду, я направила её тугую струю прямо в открытый рот Алешеньке. Кто-то пробовал кричать под водой? Нет? И не пытайтесь!

– А-а-а - у-у—и-и- кхэ - кхэ- кхэ...а- чхи!

Сначала вопли перешли в тихий скулёж, а потом и вовсе прекратились. А я всё обливала и обливала Алешеньку водой с ног до головы, приговаривая зловецким голосом: – Если не прекратишь обижать бабу Валу и бабу Наташу, я тебя утоплю! Прямо сейчас! Понял меня? Ещё раз кого-нибудь укусишь, отвезу в больницу, где тебе сделают укол от бешенства! Ты понял?

Алешенька выпучил от ужаса глазёнки и стал усиленно кивать головой. Понял. Я вытерла его насухо большим махровым полотенцем и за руку отвела на кухню. Там уже сидели обе бабушки, которые тоже зря время не теряли. Они от души наплакались, выкурили полпачки моих сигарет, вылили испорченный компот в раковину и сварили кофе.

Примирение конфликтующих сторон прошло в лучших традициях международной дипломатии. Остаток отдыха Алешенька с бабушками провёл просто замечательно! С утра они купались и загорали, после обеда ходили в парк, катались на осликах и даже совершили морскую прогулку на небольшом катере вдоль побережья. А в день отъезда Валя испекла свой фирменный пирог с абрикосами и сфотографировала меня с этим шедевром кулинарии в руках. На прощанье Алешенька твёрдо по-мужски пожал мне руку и пригласил в Полтаву в гости.

На днях позвонила Наташа, благодарила за гостеприимство. На мой вопрос про Алешеньку, подруга, понизив голос почти до шепота, сообщила: «Знаешь, иногда на него находит... Ну ты понимаешь, о чём я! Но стоит показать твою фотографию с пирогом, как всё мгновенно прекращается! Мы с Валечкой часто тебя вспоминаем. Спасибо тебе за незабываемый отдых!».

Я тоже часто вспоминаю Алешеньку и вряд ли скоро забуду. Вот такой незабываемый эпизод случился в моей жизни.

СВАТОВСТВО В КАЛИНОВКЕ

рассказ

Люблю встречать своих бывших студентов. Правда, иногда попадаю в неловкие ситуации. Недавно в лифте одного казённого учреждения столкнулась с важным господином, который сначала бесцеремонно меня рассматривал, а потом расплылся в радостной улыбке:

– Вы меня узнаете?

– Э-э-э... не имею чести...

– Из-за вашего неуда меня чуть из института не выгнали!!!

Две дамы, ехавшие вместе с нами, ехидно захихикали. Я холодно пожала плечами. Ну, не могу я всех помнить! Некоторых особо «выдающихся» личностей вспоминать совершенно не хочется. Слава богу, за мою долгую педагогическую карьеру откровенных лоботрясов наберётся совсем немного.

А прошлой осенью на автовокзале столкнулась с молодой голубоглазой женщиной. Причём я узнала её первой!

– Оксана? Неужели это ты?

Женщина смущённо прищурилась, но потом тихо ойкнула и радостно кинулась мне на шею.

– Как я рада вас видеть! Вот еду с детьми навещать моих стариков!

– Ты с Сержем?

– Нет, в этот раз он остался с близнецами дома. Им всего по четыре года. Дорога дальняя...

К нам подошёл смуглый подросток и девочка лет семи.

– Познакомьтесь, мой старший, а это – Мари!

Обращаясь к мальчику, Оксана с улыбкой сказала:

– Сынок, если бы не эта женщина, тебя бы на свете не было...

– Да, это удивительная история, – согласилась я.

В тот год меня сделали куратором группы технологов факультета консервирования. Вообще-то технология консервирования пищевых продуктов – профессия нужная и достаточно сложная. Одна органическая химия чего стоит! Все эти плесени, грибы и дрожжи лично у меня вызывают чувство беспокойства и естественной брезгливости. Хотя я очень люблю сыр рокфор, но от термина «благородная гниль» становится как-то не по себе.

Староста группы Оксана – статная, голубоглазая барышня с пушистой русой косой – была родом из небольшого села Калиновка, что на правом берегу Днестра. Словоохотливая Оксана объяснила, что её село в XIX веке было хутором, жители которого славились своей хозяйственностью. В начале 90-х калиновцы сумели выкупить у разорившихся соседей линию по производству овощных и фруктовых соков. Приобрели по цене металлолома и быстро начали выпускать отличную натуральную продукцию. Оксана собиралась после института вернуться домой и наладить производство детского питания для малышей, страдающих аллергией и низким иммунитетом. Для этого трудолюбивая студентка ходила на лекции известного профессора-иммунолога в мединститут.

Ухажёров, суежившихся вокруг Оксаны, было видимо-невидимо. Особой настойчивостью отличался аспирант кафедры виноделия знойный красавец по фамилии Гагетидзе. Он носил Оксане тюльпаны охапками, а мандарины ящиками. Видимо, кто-то из его родственников успешно торговал на Привозе цветами и фруктами. Но девушка оставалась холодно-безучастной. Пылкий грузин нервничал, сох на глазах и едва не завалил малую защиту. Но, как писал классик, «...пора пришла, она влюбилась...». Это случилось на четвёртом курсе где-то в середине марта. Влюблённую женщину можно узнать сразу. По особому мечтательному выражению лица, по удивительному счастливому блеску в глазах. Кем был избранник Оксаны, не знали даже близкие подруги. Но всё тайное когда-то становится явным.

Однажды в весеннее воскресное утро я решила взять сына-первоклассника и пойти прогуляться к морю. Погода выдалась солнечной и довольно тёплой. Природа дышала весной. Наш поход обещал быть приятным во всех отношениях. Маршрут я выбрала хитрый – вдали от мест традиционного гуляния горожан. Спускаясь по безлюдной тропинке, я неожиданно увидела Оксану. Она сидела ко мне спиной на обручке старого тополя, а рядом сидел широкоплечий незнакомец в джинсовой куртке. Он обнимал девушку за талию и что-то шептал ей на ухо. Чтобы не смущать влюблённую парочку, я решила тихонько обойти их. Тут мой бойкий ребёнок углядел в кустах ежа и с радостным воплем ринулся вдогонку. Оксана и её спутник вздрогнули и дружно оглянулись.

– Доброе утро... А мы, гуляем, – смущённо пролопотала я.

Оксана умоляюще посмотрела на меня и густо покраснела. Неловкую ситуацию спас молодой человек в джинсовой куртке. Он встал и церемонно поклонился:

– Здравствуйте, меня зовут Серж. А вы, догадываюсь, куратор у Оксаночки? Очень приятно познакомиться...

Своё первое впечатление от Сержа я не забуду никогда! Передо мной стоял молодой греческий бог. Тонкие, необыкновенно правильные черты лица, большие миндалевидные глаза, длинные ресницы, стройная высокая фигура профессионального атлета. Осталось добавить, что бог был иссиня-чёрного цвета! От неожиданности я пробормотала первое, что пришло в голову:

– Вы отлично говорите по-русски!

– Спасибо! Но мой родной язык французский. Я родом из той части Африки, которая была колонией Франции.

– Восхищаюсь иностранцами, которые смогли не только хорошо выучить русский язык, но и говорить без акцента...

– Я очень стараюсь, – улыбнулся Серж и на его щеках появились очаровательные ямочки. – У меня очень хорошая учительница.

Серж ласково обнял Оксану. В его жесте было столько трогательной нежности!

Тут к нам подбежал мой сынишка и взволнованно сообщил, что ёжик убежал в норку под деревом и его нужно оттуда вытащить.

– А вдруг это не ёж, а ежиха? – озабоченно спросил Серж. – У неё там детки...

– Что же нам делать? – сын на мгновение задумался.

– Нужно потихоньку отсюда уйти, чтобы не путать малышей...

– Тогда пошли! – сын бесцеремонно схватил Сержа за руку и потащил вниз по тропинке. Нам с Оксаной ничего не оставалось, как двинуться следом.

Серж оказался славным юношей – тактичным, доброжелательным и невероятно остроумным. Выяснилось, что он учится в мединституте, собирается стать хирургом, любит классическую оперу, прочитал всего Жюль Верна и серьёзно занимается спортом. Непринужденно болтая, мы дошли до песчаного пляжа. Здесь наши пути разошлись. Оксана и Серж решили пройтись вдоль берега, а мы с сыном отправились на прогулочный пирс кормить чаек. Прощаясь, Оксана с тревогой посмотрела на меня.

– Не волнуйся, я умею хранить чужие секреты, – шепнула я.

Они ушли, взявшись за руки, а я с грустью смотрела им вслед. В моей душе поселилась тревога. Неужели эта милая наивная девочка не понимает абсолютную бесперспективность таких отношений? О свирепых домостроевских традициях нашей замшелой провинции говорить не стоит. Но кто отпустит единственную дочь на край света в Африку? Возможно, я слишком драматизирую, и всё ограничится романтическими прогулками к морю...

После весенней сессии большинство студентов разъехалось. Кто-то на практику, кто-то домой на каникулы. В начале июля Оксана нашла меня на кафедре, где я в гордом одиночестве приводила в порядок отчёты перед отпуском. Она села напротив меня и... горько расплакалась.

– Ради бога, успокойся, скажи, что случилось и чем тебе помочь...

Но Оксана горестно молчала.

– Поссорилась с Сержем?

Она отрицательно мотнула головой и после томительной паузы чуть слышно прошептала:

– Я беременна...

Из-за своей неопытности она пропустила срок, на котором можно было, ну, вы сами понимаете. Сейчас уже поздно и никто не берётся, ни за какие деньги...

– А что по этому поводу думает Серж?»

Оксана не успела ответить. На кафедру, громко хлопнув дверью, влетел Серж. Обращаясь непосредственно ко мне, он решительно заявил:

– Пожалуйста, объясните этой легкомысленной девице, что я люблю её, очень хочу этого ребёнка и не позволю, слышите, не позволю...

– Во-первых, здравствуй! – одёрнула я горячего африканского парня, – Сядь, успокойся, и давай серьёзно поговорим.

– О чём говорить? – продолжал кипятиться Серж. – Я хочу жениться, хочу семью, хочу воспитывать наших общих детей...

– Хочу... хочу, – передразнила я Сержа. – А чего хочет твоя любимая женщина?

– Разве с ней можно о чём-то говорить? Она или молчит, или плачет. Ей сейчас нельзя волноваться, это я как врач говорю!

– Где жить будете? Общежитие на соседней улице – это временно. В твоей стране тропическая жара...

– Поставлю кондиционеры!

– Оксана – человек серьёзный, – не сдавалась я, – работать по специальности для неё очень важно.

– Куплю консервный завод!

– Папа убьёт меня, – всхлипнула Оксана.

– Сначала ему придётся убить меня! – парировал африканец и глубокомысленно добавил, – Уверен, что смогу уговорить твою семью, и они благословят наш брак!

Тут он продемонстрировал маленький крестик на шёлковом шнурке.

– Вот, принял обряд православного крещения!

Кажется, настал момент, когда мне следовало перехватить инициативу.

– А ну-ка, выйди! – скомандовала я Сержу. – Нам поговорить нужно...

– Слушай меня внимательно, – сказала я Оксане, когда за Сержем закрылась дверь. – У каждого человека бывает в жизни момент, когда ему необходимо принять судьбоносное решение. Один легкомысленный поступок может сломать не только твою жизнь, девочка! Не исключено, что ты будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Оксана по-детски шмыгнула носом.

– Но когда есть поддержка любящего и преданного человека, можно справиться с любой проблемой.

Оксана закрыла глаза. По её щекам текли слёзы. А я всё говорила и говорила, стараясь не только убедить, но приободрить и успокоить. Тихо скрипнула дверь. Это на кафедру вернулся Серж, молча сел рядом с Оксаной, крепко обнял её за плечи.

– Представьте, вдруг у вас родится второй Саша Пушкин! Вы будете гордиться этим ребёнком...

Через месяц я получила приглашение на свадьбу. Пока мы стояли перед ЗАГСом в ожидании невесты и её родственников, счастливый жених рассказал мне историю своего сватовства. Влюблённые не предупредили родителей о своём приезде. Решили сделать сюрприз. Надеялись организовать всё тихо и без лишних свидетелей. Как назло по дороге на автовокзал они без конца сталкивались с земляками Оксаны, которые именно в тот выходной день решили прокатиться в город по неотложным делам. С простодушной бесцеремонностью их рассматривали, задавали неудобные вопросы, озабоченно качали головами. Расстроенная до слёз Оксана предприняла несколько малодушных попыток сбежать назад в общежитие. Остаток дороги Сержу пришлось крепко держать любимую за руку.

Непонятно каким образом известие об их приезде долетело до Калиновки с воистину космической скоростью. Мобильных телефонов по тем временам не было, но на станции их уже ждала взволнованная группа селян.

– Оксана-а-а... – запричитала полная черноглазая женщина, – у вас в хате такой скандал...

В толпе согласно закивали головами, зашумели.

– Эх, девка бедовая! – встрял лысый дед, возле которого топталась свирепого вида мохнатая коза. – Батка твой на горище *полиз*... А мать убивается... ох, как убивается!

Лицо Оксаны стало белым как мел. Казалось, ещё мгновение, и она рухнет в обморок. Сбылись её самые мрачные предчувствия. Ведь отец полез на чердак, потому что там, в потайном месте, он хранил грёз охотничьего ружья!

Серж честно признался, что в тот момент хотел схватить Оксану в охапку и кинуться обратно в город. Разумеется, он испугался не за себя. Беременной женщине такие стрессы категорически противопоказаны. Но отступить было некуда. Чтобы как-то разрядить обстановку, африканец обратился к присутствующим с пламенной речью.

– Граждане и гражданки, у меня сегодня особенный день! Я приехал свататься...

Присутствующие вытаращили от изумления глаза и окаменели.

– Он по-нашему умеет разговаривать! – всплеснул руками дед с козой.

– Я ещё и петь умею! – сообщил Серж и затянул: – Скрылось сонечко за хмарой...

Закончив песню, Серж потребовал, чтобы ему показали дорогу к дому будущего тестя.

– Пошли, сынку, мы проводим тебя, – ласково сказала полная черноглазая женщина.

Оживлённая толпа двинулась по деревенской улице. Впереди бойко топал дед с козой, за ними Оксана и Серж. Остальные дружно шли следом. Миновали новенькую церковь, небольшой промтоварный магазин и облезлое, похожее на длинный сарай здание, за которым открылось футбольное поле. У его края на траве сидели немногочисленные зрители. Человек десять шустрых пацанов старательно гоняли мяч. Игрой руководил молодой бородатый мужик в чёрной толстовке.

– Это наш батношка отец Николай, – голосом профессионального экскурсовода сообщил дед и с гордостью добавил: – Он большой любитель футбола. Команду нам организовал...

– Кто же так бьёт? – вдруг громко закричал Серж, – Дай покажу!

Появление на поле столь необычного игрока привело и зрителей и футболистов в неопиcуемый восторг. Смотреть на Сержа было одно удовольствие, ведь он не играл, он исполнял удивительно красивый танец с мячом! Когда Серж забил первый гол, все присутствующие буквально взвыли от восторга.

– Молодец, Оксана! – радовались земляки, – какого справного хлопца себе нашла...

– Парень – орел! – подтвердил дед с козой.

Игра продолжалась. Казалось, все жители Калиновки от мала до велика прибежали поглазеть на необычный футбольный матч. Оксана тихонько отошла в сторону. В замешательстве она не знала, плакать ей или смеяться. Внезапно случилась беда. Пытаясь забить очередной эффектный гол, Серж споткнулся и со стоном рухнул на землю.

– Кажется, я ногу сломал, – жалобно сообщил он перепуганной Оксане.

Отец Николай помог Сержу доковылять до медпункта.

– Вывих голеностопа, – констатировал фельдшер. – Гипсом зафиксирую. Недели через три будешь как огурец!

Пока накладывали повязку, Серж и отец Николай о чём-то тихо шептались между собой.

Из медпункта Сержа торжественно вынесли на руках. Его длинная чёрная нога в белоснежном гипсовом сапоге произвела неизгладимое впечатление на селян, ожидавших африканца на улице.

Тем временем в хате у родителей Оксаны бушевали шекспировские страсти.

– Убью падлюку! На порог не пушу! – кричал Порфирий, отец Оксаны.

Опухшая от слёз Марина, жена Порфирия, в отчаянии заламывала руки.

– Сжался, отец, дивчина молодая, куда она пойдёт?

– Раньше нужно было думать! Какой позор на старости лет! *Як людям у глаза дивытыць?*

Странный шум на улице прервал их малоэффективный диалог. Порфирий пошёл во двор, хлопнув дверью так, что с потолка упал кусок штукатурки.

Взору Порфирия открылась совершенно немыслимая картина! У ворот его дома стояла весёлая толпа селян. А бывший колхозный конюх Семён, почему-то в сопровождении козы, уже проворно открывал его калитку. Увидев Порфирия, Семён радостно заорал:

– Принимай дорогих гостей, хозяин!

– А ну, отойди от моего забора! – заорал в ответ Порфирий. – Я не жду никаких гостей, идите туда, откуда пришли!

Но народ стал гурьбой заходить во двор. Робко, бочком прошмыгнула Оксана. К ужасу Порфирия за дочерью на руках внесли совершенно чёрного человека с белой ногой. Оправившись от замешательства, Порфирий решительно вышел на середину двора и крикнул изо всех сил:

– Не будет моего благословения, так и знайте! И нечего здесь шастать!

– Порфирий, разве можно так с Оксаной? – попытались усовестить его присутствующие женщины. – Парень хороший, в футбол играет...

– Хороший? Тогда сами за него замуж идите! – огрызнулся Порфирий и плюнул себе под ноги.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, но неожиданно во дворе появился отец Николай в рясе с наперсным крестом на груди. За ним семенила матушка Наталья.

– Вот, полюбитесь, – принялся жаловаться Порфирий. – Какие нынче дети пошли неблагодарные!

– Уймись! – грозно сказал батюшка. – Этот юноша и эта девушка нашли друг друга и обрели любовь... – отец Николай сделал многозначительную паузу, – ибо все в этом мире совершается исключительно по божьей воле! И на все есть железная воля Бога! Слышишь, Порфирий? Железная!!!

Тут из хаты вышла мать Оксаны в сопровождении матушки Натальи. В руках Марина держала старинную икону, которой благословляли ещё её бабушку. Пока вокруг молодых суетились радостные гости, отец Николай наклонился к Оксане и тихо прошептал на ухо:

– Ребёночка привезёшь крестить ко мне! Поняла?

Оксана благодарно кивнула. Её глаза были полны слёз.

Позже Серж признался, когда фельдшер гипсовал ему ногу, он успел попросить отца Николая о помощи... как православный у православного. А батюшка в свою очередь попросил Сержа помочь ему тренировать деревенскую футбольную команду. Ведь подросткам так важно быть занятыми серьёзным делом и не болтаться на улице.

... Подошёл автобус, в котором Оксана с детьми уезжала в Калиновку. На прощанье мы расцеловались. Обращаясь к сыну Оксаны, я сказала:

– Кстати, нас не представили! А хочешь, я угадаю, как тебя зовут?

Смутлый кудрявый паренёк вскинул на меня удивлённые глаза.

– Тебя зовут Саша, Александр... Александр Сергеевич, как Пушкина!

ГАЛИНА СОКОЛОВА

ЭЛЛА МАЗЬКО

АВИ рассказ

*А больше всех –
Не понарошку
Люблю цветок простой картошки
Как будто брата своего, –
За дух земной без карамели,
За то, что сделать не сумели
обман
хотя бы из него...*

Евгений Евтушенко

Зеркальноглазый смуглый мальчишка протягивает мне из зеркального лифта сиренево-розоватый букетик. На листке сидит пушистая гусеница. Мне – то ли шесть, то ли девять лет. Я протягиваю руку к букету и, к вящей своей досаде, просыпаюсь...

Я искала того мальчишка и во дворе, и в школе, но не находила. И сон заснул, свернувшись клубком. Проснулся он лет через двадцать-двадцать пять – у снов ведь нет понятия времени. Я жила уже на другом конце планеты, и каждый день ездила в лифте из того самого сна. Небоскрёб, в котором я работала, смотрел туда, где, погружая в бестелесную магию, другие белобрюхие высотки плавали над розовым заливом. Там было звонко и многолюдно, в блестящих ресторанах вкусно и весело, а в бутиках случались отличные скидки на брендовые вещи. Верхние этажи нашего здания занимали майкрософтистки, ниже располагалась какая-то лаборатория ботанических мутаций, а ещё ниже – наша прозаичная типография.

В обеденный перерыв мы с коллегами спустились ещё ниже, в кафе. Вот там я вновь и увидела его – моего повзрослевшего мальчишка из сна. Он остановился в дверях... нет, не лифта, лифт здесь был разве что социальный. В дверях кафе. Из папки в его руке выглядывал условный знак моего сна – я уже знала, что это цветок картошки. Сиреневые лепестки словно связывали нас общим прошлым. Свободный столик оставался лишь один – рядом с моим. И... реальность взорвалась, как хлопущка. Пути назад не было. Время завибрировало с невероятной быстротой, потому что сам он был черноволос и смуглой смуглостью, которая отличает южан. Не вполне чёткий его абрис с твёрдым контуром губ можно было бы назвать красивым, если бы не нарушавший симметрию лица овал. В профиль он походил то ли на кота, то ли на рыбу. Рассказал, что их лаборатория скрещивает батат с помидором.

– Вы какого знака Зодиака? – поинтересовался он.

– Дева, – потупилась я, призывно сжимая в одной руке бокал мокко, в другой – зелёную веточку из его папки.

– А я – мутант! – уголки его губ дрогнули. – По году рождения Кот. А по месяцу – Собака. Собак так и изображают – с рыбьим хвостом, – поведал он.

«Отлично! – усмехнулась я. – Собака-кот с рыбьим хвостом. Идеальный партнёр для проработки важных для меня качеств». Но приняла эту диковинную информацию просто как биографическую деталь – интересно же увидеть наяву повзрослевшего мальчишка из своего детского сна.

– А могли бы Вы пожарить мне картошку? – вдруг серьёзно спросил он. От неожиданности я лишь пожала плечами... Где пожарить? Зачем?

Но, похоже, что планета у нас была взаимовыгодной: мне не хватало собеседника, ему – слушателя. И вскоре я знала, что ему тридцать пять, его зовут Ави и он разведён. Воевал он больше, чем жил,

и что жизнь вообще короче женской юбки, а семья – это ещё одно поле боя. «Не падай к ногам, не наступят на голову», – решительно укрепил он своё непоколебимое это.

Но... кот есть кот. От него исходила какая-то загадочная энергия, напоминавшая гравитационные волны, и в ней я увязала всё больше. Мой повзрослевший мальчик почему-то разжёг во мне необъяснимое желание себя приручить. И уже через неделю наши кафешные беседы приняли какой-то заумный, хаотично-просветительский характер. Чаще всего он говорил о войнах («единственная победа – выжить!») и о генетически-модифицированных гладиаторах своей лаборатории, где фенотипические различия при секвенировании ДНК предполагаются ещё с допотопного Ноя:

– В каком тысячелетии произошла подмена нашего генома, даже там предположить не могут, – загадочно мерцал он из-под приспущенных век, разматывая свою липучую ленту, в которой я увязала. – Сейчас мы живём в изощренной версии игры виртуальной реальности.

Я хлопала глазами – то, о чём он говорил, было похоже на бред. Ну, какой нормальный будет развлекать девушку подобным образом?! Впрочем, может, он и нарочно играл эту роль. И, представляя нашу будущую историю любви, я вписывала страничку-другую в свой будущий бестселлер, где ещё больше смещала ось его симметрии. Мой герой летал в облаках, плавал в глубинах вод и, как истинный мутант, имел тысячи лиц – известно же, что сон – самый идиотический из существующих союзов. Этой книгой я собралась сразить его наповал, так как история любви никак не запускалась...

– Так ты замужем? – удивился он, и... через месяц я была уже свободна.

– Так ты живёшь в часе от работы? – удивился он, и через неделю я уже вселилась в новоприобретённое кондо через квартал от небоскрёба, откуда было три минуты до работы.

– Так ты природная шатенка? Брюнеткой тебе бы подошло больше, – и через день я стала чернее воронова крыла.

Но дело всё равно не шло дальше кафетерия. Меня совсем не интересовало, кем был старик Ной. Зато у меня в кондо было джакузи, я уже собралась туда пригласить Ави. Но... он сослался на занятость и ушёл. «Да мужик он или не мужик?» – скрипела я зубами, раздумывая, чтобы ещё предпринять – такой долгой осады другой бы уж точно бы не выдержал. А он приходил в кафетерий и говорил, говорил, говорил. Что-то про Первочеловеков, которые ушли с земной орбиты, оставив остальных пройти путь уплотнения. И что мы хоть и ориентируемся на Библию, а не знаем даже кем, например, был библейский Голиаф. Хотя Колесо гигантов сохранилось и поныне. Что мир завершает свой круг и скоро те, кто ушёл, придут снова, и это будет победа совершенных над несовершенными. «В этом и есть сакральная суть сегодняшних войн», – сказал он, ставя над моей реальностью свои кавычки.

Через неделю я уже знала имена чуть ли не всех его командиров, всех этих турай, турай ришон, самаль, самаль ришон, самаль махлака. «Когда же он меня хотя бы поцелует?!» – злилась я, теребя в голове забавное уравнение Шриденгера о вероятности будущих событий. Но он всё также путешествовал по измерениям, где вообще не было никаких гетеросексуальных соплей. Я стала облачаться в лёгкие, обрисовывавшие формы, туники – никакого эффекта. В открытые сарафаны – тоже мимо. Он всё также клещами на лошадь хомут тащил – плёл что-то о крахе мира, о «быть или не быть». Животворная вода каких-то высот плескалась во мне рядом с какой-то незнакомой мне пословицей «острый угол к груди, а не к животу». А он, словно играл в кошки-мышки, швыряя меня из озноба в жар, где в вибрирующих энергетических полях вилял своим рыбьим хвостом, трансформируясь из одной ипостаси в другую. Я уже не знала, где у меня сон, где явь. И остроклювые ракеты, как ведьмы на метле, улетали со свистом из ночи в ночь, отчего моя книга топталась на месте. Правда, однажды, он всё-таки обнял меня, и руки наши сплелись полыхающими кольцами. Но... наутро в моей постели оказались лишь роговичные окружности чешуи. Хотя я терпеть не могу водоплавающих, и в моём доме никогда не было ни аквариумов, ни рыбы, ни раков. Разве что омары под соусом. И то в ресторане. А мне ещё больше захотелось узнать, как он засыпает, какие сны видит, что для него удовольствие, а что боль. И каков он в любви. И это стало моим наваждением! Может, я с ним что-то курила и... тут же забывала об этом? Отчего бы иначе я протягивала руку к плите, и... она вспыхивала сама собой?! Как-то газовая горелка взметнула пламя, оставив на моей руке лплловый след.

– Что это у тебя? – спросил он, разглядывая его своими вертикальными зрачками. – Ожог? Давай я завтра принесу тебе бальзам от ожогов.

– Так... где же бальзам? – спросила я назавтра.

– Бальзам? – удивился он. – Зачем тебе бальзам?

Ожога на руке... не было. Я почувствовала себя идноткой.

– Ладно! Соловья баснями не кормят, – вдруг оборвал он себя на полуслове и, как истинный солдат, рванул на мне блузку. – Если честно, жизнь – весёлая и бестолковая потасовка, – подмигнул он мне, будто мы играли в поддавки. Пройдя разные цвета и оттенки, глаза его снова приобрели блеск зеркаль-

ной бездны. – Главное, в чью сторону нацелен острый угол шеврона. – И, минуя грудь, поцеловал сразу в пупок. Совсем как в индийском фильме!

В одном индуистском мифе говорилось, что человечество возникло из брызг, покинувших океан сознания. Существующего вне времени и пространства. После того, как оно осознало себя в этом разъединённом состоянии, оно утратило память. Что-то подобное произошло и со мной.

Он целовал меня от кончиков пальцев до распахнутых в истоме губ, и от губ до розовых пяток. Он заглатывал мой язык, как мятный леденец и слизывал меня, как ванильное мороженое. Каждое его движение приносило нестерпимо-сладкое изнеможение. И жажду, которую я никак не могла утолить. Это был океан в океане, где я сливалась с ним упорительными спазмами, от которых вспыхивали колдовские узоры и сказочные цветы. Словно глубокое течение разливалось внутри меня, и чувствовала себя вне времени, вне сомнений и даже вне вибраций, из которых состоит этот грешный мир. И плавать мне было на него.

Утром вчерашний кайф был безжалостно изжёван блендером реальности. Двери... были заперты изнутри. Тьфу! С кем же я была этой ночью? Инкуб? Мне невольно вспомнилось какое-то изречение из «Сатанинской библии» Ла Вэя. Неужели и эта ночь из серии моих измышлений?!

– Почему ты не отзывалась на звонки? – поймал меня после работы бывший муж. Всё это время он жил по старому адресу.

– Потеряла мобильник, – соврала я, пряча пылающее лицо в воротник – на счастье, с залива несло холодом.

– Не сочиняй, я уже всё знаю – я вас выследил, – он торжествующе вытащил из кармана мобильник и засохший розовый цветок.

– Смотри: я сфотографировал твоего ухаля, – и ткнул мне в руки экран. Там был изображён... Ави. Только... с головой то ли ящера, то ли кота.

– Что это? – офонарела я. – Фотошоп?

– Если бы! – Димка воткнул в меня не менее опалелые глаза. – Ты слышала о рептилоидах?

Я тупо рассматривала неясное изображение. Полыхающие глаза с вертикальными зрачками смотрели на меня холодно и неподвижно. «Агааа! Значит вот почему ушла твоя бывшая! Она тебя разгадала!» – я рассмеялась.

Димка обескураженно топтался рядом.

– Это эволюционировавшие динозавры, – выдавил он из себя, глядя на меня моими же измученными глазами (наверное, он, как и я, двинулся мозгами). – Я погуглил и всё узнал – полно про них в интернете.

– Они умеют менять свой облик и почти похожи на людей, – подтвердила я, глядя, как у Димки вытягивается лицо. – Они давно захватили планету, – рассмеялась я. Правильно говорят: творческие люди живут не на земле. Их стихия – воздух. Это сон взял над нами контроль! Чем больше мы двигаемся мозгами на неосуществимых идеях, тем их больше рядом с нами. Теперь я знала поворот своего сюжета! Я ведь тоже читала Дэвида Айка и древние мифы. Да и чёртов Ави много чего порассказал! Немедленно слиться с мышкой и клавиатурой! И не смотреть в зеркало, – представляю, какая Медуза Горгона глянет сегодня оттуда.

С работы я, конечно же, ушла. Кондоминиум сдала. Волосам вернула природный цвет.

...Мы встретились лет через пять: я всё-таки не выдержала и пришла в наш кафетерий. Он был пуст. Лишь у окна сидел на корточках уже немолодой человек в футболке с принтом игуаны. Профиль его чем-то напомнил мне кота. Или рыбу. Солнце не давало рассмотреть отчётливо. Пальчики воздетой лапки игуаны была сложены знаком победы.

– Да читал я, читал твою книгу, – приветственно взмахнул человек ладонью с кожистыми перепонками пальцев. Одним движением, без помощи рук он поднялся во весь рост, и рот его распахнулся в ухмылке. – Читал, читал. Сколько ненужного героизма, подумать только! – неподвижные глаза его отливали зеркалом. – И квартиру купила, и развелась, и волосы перекрасила, и машину поменяла – и всё, чтобы только паразитить меня! А всего-то ведь и нужно было: просто пожарить мне картошку.

ДМИТРИЙ БУРАГО

ВЕЧНЫЙ ДОМ

Владыке Исаакию

Спаси, Господи – это побудь со мной.
Посиди за чаем, пройдишь по лугу –
облака с озёрною пеленой
завораживают округу.

Порыбачь со мной, расскажи, что как,
и куда теперь, и зачем?
А лягушка прыгает просто так,
и проходит жизнь насовсем.

Стой, не то я хотел сказать,
не о том бубню, распоясавшись!
Прости, Господи – это лад,
и черешнями холм скрашенный.

Прости, Господи – это такт,
что в созвучье с душой отзывчивой.
Слово за словом – крестный клад,
что венчает на царство нищего.

Дух Святой и святые угодники
за колосьями, за цветами.
Только б не было, страха, Господи,
и забвения между нами.

16.06.2022, Голосеевский скит

ГРЕЧЕСКИЙ САЛАТ В ПЕЙЗАЖЕ СИВИРИ

Завяжется слово,
в зазубринке звука –
основа для лова,
для памяти мука.

Попробуй, нарежь
помидор над скалою,
и в сочную брешь
попадёшь с головою.

Смешайся с листвою
огуречною тенью,
надежду – долой,
отдавайся мгновенью.

У облака привкус
 овечьего сыра.
 Катая оливку –
 живи на полмира.

Здесь в сладости горечь
 болгарского хруста,
 и зоркое море –
 до радости грустно.

Пусть слёзы от лука,
 пусть терпкая осень
 перчинки в разлуку
 из дома заносит.

Лимонные волны
 в оливковой дали
 Кассандре покорны,
 и гаснут едва ли.

Родная душица,
 зеновка, матрёшка –
 как тут не забыться,
 присев на дорожку.

Олимп над заливом
 напротив таверны.
 Казаться счастливым?
 Возможно, наверно...

8.09.2022, Сивифи

БОГОМАТЕРЬ

Бездарный месяц. Не весна,
 а Катюжанка
 взбивает синь, вскрывает темь,
 вот-вот гроза,
 а город пуст, а город нем,
 и как из танка,
 из чёрных окон, из-за сна
 следят глаза.
 Следят глаза из маеты
 тугого быта,
 портьера дрогнет – отблеск, луч
 скользнёт тайком.
 Как воздух сжат! Как смысл тягуч!
 Как всё избыто!
 Затянута до точки «ты».
 Ты босяком
 сбываешься, как часть войны,
 как область плана,
 где в камуфляжные часы
 приходит жуть,
 где меры нет, где нет красы,
 где блажь экрана,
 и кажется, что нет весны –
 всё как-нибудь.

Всё – как управит...
Лёгкий жест,
как взмах одежды,
и вот уже родная синь
в бетонной мгле,
и будет благо, будет Сын
дарить надежду –
оконный, он нательный крест,
вся боль в стекле.
Так смерть гребёт то здесь, то там,
в свинцовой ступе.
Разболтан целый горизонт,
гудит праща.
И только Сын твой вознесён
и неотступен,
и за Него, за Божий храм
горит душа.

30.03.2022 – 26.09.2022

ПОЭТ В ЭСТЛЯНДИИ

Северянин, Северянин –
блеск живца!
Кто в Эстляндии помянет
мудреца,
словолова удалого
в дебрях лет?
До чего же горько слово –
пустоцвет.
Северянин, Северянин,
ты один
у Эстляндии в тумане
из седин.
Не глубокое, но подлое
житьё.
Поэтическое кодро –
не твоё.
Северянин, Северянин,
ты лови –
в море пасмурном герани,
соловьи.
В море выцветшем – кружись,
назло ветрам!
Не для жизни
только сырость по ночам.
Северянин, Северянин,
оглянись!
У луча за тусклой гранью
сжалась высь.
Небо катится волною
по губам,
отдаваясь то прибою,
то стихам.
Северянин, Северянин,
кумжа, сельдь –
обожают хutorяне
рыбу есть.

За улов даётся кринка
 молока.
А в груди першат пылинки –
 облака.
Северянин, Северянин –
 всё любовь!
Ею до смерти изранен –
 горлом кровь.
И Москва твоя за тридцать
 широт –
не согреет, не увидит,
 не взойдёт.
Северянин, Северянин,
 жизнь – бурлеск,
обернётся и обманет –
 был ли блеск?
Только плеск усталых вёсел
 на закат –
на живца Господь забросил
 в этот ад.

27.09.2022

*И отвечал сатана Господу и сказал:
разве даром богобоязнен Иов?
Иов. 1:7*

Всё будет синим, жёлтым, страстным,
от крови чёрным,
раскrojено под солнцем красным –
мечты зазорны.

Чем дальше отлегает фронт,
тем горе круче:
черёд побед и похорон
маячит, мучит.

Жестокая епитимья
за отступенье –
цвета на грани бытия,
за гранью тленья.

Просверкивает тишина
зелёной дробью,
а уцелевшая стена –
жизнь надгробье.

Коричневые облака
в белёсой пене...
И страха нет ещё пока,
и нет смятенья.

Тропинка через кирпичи
в осколках света.
Безумный, хоть бы прокричи
Ему об этом.

2.10.2022

С КАВАФИСОМ

Выпивая с Кавафисом,
ничего не меняется,
только шире разломы,
доверчивей память.
Выпивая с Кавафисом
Греция мается –
от Хаоса до Храма,
собой самой влекома.

И опять в книжных залежах –
Александрия

разгорается заживо.
Как грибница в песке
беспристрастна София,
на её волоске
мир всегда и впервые.

И бредёт впереди Одиссей
никому неизвестный,
то ему предлагают любовь,
то – взащей.

А взамен будут древние песни,
и мечты обольстительный тлен.

Выпивая с Кавафисом
по пути на Итаку
мы всё больше молчим
о любви,
даже юность горчит,
укрывая порочные знаки –
кровит
в непроглядной до бегства ночи.

Выпивая с Кавафисом
зоркое цицуро
в каплях клепсидры
оставляет без выбора
Июля,
Геракла, и Гидру,
звонким мифом расплёскиваясь –
в блёстках
орбит сгорая.

А на забрале славянская дочь
кличет на всю Итаку:
«Ветер, гони нас прочь
из троянского мрака,
не заводи коня,
огороди волною!
Перебирая пепел –
степи встают за мною!
Смеешь ли ты, меня,
жену,
называть вдовою?»

Выпивая с Кавафисом,
 каждый глоток,
 как китайский фонарик
 продолжает лететь
 на восток,
 пропадая в мучительной гари
 над Фанаром.
 Но едва ли
 в нём кончится свет.

Выпивая с Кавафисом –
 уже и пространства нет.

12.10.2022

ОДА КИЕВСКОМУ ПОЭТУ

Аттиле Могильному

Ах, Аттила, накатила,
 повела кружить молва:
 было – не было, да спыбло –
 выболталась голова,
 закружилась, закатилась
 за холмы, за острова.
 Что на пьяном сердце ныло?
 Что цеплялось за слова?

Ах, Аттила, это осень,
 что тоскует о поэте.
 Это в окнах тени сосен
 пустоту дыханьем метят.
 Это клёны голы-босы.
 Это слёзы с жару, с пылу.
 Ах, Аттила, это просыпь,
 что сознанию не под силу.

Ах, Аттила, до могилы
 только клавиш промежутки.
 Что влекло, и что любило?
 Был прекрасен, или жуток?
 Что ты предал? Что ты пропал?
 Что со дна вздымало в пене?
 Ах, Аттила, это дробь,
 Это сбитый шаг ступеней

в полутёмные кофейни,
 где дотошные расчёты
 у судьбы с мечтой трофейной,
 и почти не ясно, кто ты?
 Отдыхает мирозданье
 за бесменной горькой стойкой.
 Что подвластно причитанью –
 скроется за оговоркой.

Только осень будет биться
 всеми листьями под ноги.
 Отрыдав, ожесточится,
 перепутает дороги,

что вели когда-то в город,
где давно уже всё было.
Поднимая куртки ворот,
курит в сумерках Аттила.

4.11.2022

К ПУШКИНУ

К.П. Воробьёву

Что же нам делать, когда начинается смерть?
Нет, не закат, настоящее потное дело!
Твердь поддаётся излому и пугала жердь
кровоочит на её осквернённое тело.

Кто здесь герой? И кого избегают пути?
Некому вспомнить о тех, кто не выдохся с ложью.
Ах, Александр, ты ещё далеко впереди,
и до тебя то безбожье, то бездорожье.

Томик стихов обожжённых везу в тарарам –
здесь, в чужине, на чужбине отечество ближе.
Нам до тебя наизусть, как на свет по слогам,
чтобы сгорая бесславно, в стихах твоих выжить.

11.01.2023

ВЕЧНЫЙ ДОМ

Рыхлое небо за пазухой, жжёт горизонт,
циркулем кружит вороньи стропила.
Вытащу облако, дуну и стану под зонт,
азбучных истин Мефодия и Кирилла.

Книжное дело в дали монастырских скитов –
светлая радость на горьких поминках.
Славься! Присутствуй! Со всех ненасытных Голгоф
выведут только невидимые тропинки.

Сердце в смычках – разошёлся небесный оркестр!
Смерть отступает, сбивается дробь циферблата.
Круг, да квадрат, в середине Андреевский крест,
а на груди то ли ладанка, то ли заплатка.

14.01.2023

АНДРЕЙ КОРОВИН

КОШИ, МЫШИ И ПРОЧИЕ ЗВЕРИ

ворона каркает а ворон говорит
не разобрать порывистый санскрит
его степные острые глаголы
он как шаман сияет торжеством
пещерное и злое божество
в пустыне сна где звери да монголы

разинет клюв и ветер изо рта
его земля безлюдна и пуста
он первый день творения земного
он выпускает звёзды и луну
и солнце катит злующее по дну
чтобы очнуться и подпрыгнуть снова

его дыханье согревает лёд
и с крыльев влага жаркая течёт
он говорит спокойно и сурово
что наша жизнь лишь камень на пути
что сотня войн должна произойти
чтоб проросло его живое слово

слышу дышит собачонка
жарко дышит горячо
собачонка как девчонка
ткнулась женщине в плечо

в этом поезде вечернем
убегающем в закат
нарисованные вчерне
люди в воздухе парят

тяжело собачка дышит
ей наш белый свет не мила
пышел-мышел кто там вышел
кто в натуре воспарил

мимо строек и люпинов
между небом и землёй
мимо мёртвых и любимых
перепачканных золой

это вечное течение
проводов и облаков
это быстрое свечение
пролетающих веков

БЕГЕМОТЫ ПАБЛО ЭСКОБАРА

колумбийский наркобарон
Пабло Эскобар
больше всего на свете
любил бегемотов
он привёз из Африки
в Южную Америку
десятки гиппопотамов
в 93-м году злые люди
убили Пабло Эскобара
но его бегемоты верно хранят
память о нём и планомерно
размножаются и расселяются
кокаиновые бегемоты
заполонили реки Колумбии
учёные обеспокоенные этим фактом
неожиданно пришли к выводу
что бегемоты заменили собой
умершие виды животных
всяких там нотоунгулятов
позднего плейстоцена
и восстанавливают подлинную
экосистему планеты
которая существовала
тысячи лет назад

может быть в этом и была
великая человеческая миссия
Пабло Эскобара на земле
а наркотики это так
случайность
просто способ осуществить
свою великую миссию

куда вы летучие рыбы летите
чего вы летучие рыбы хотите
зачем вы пускаетесь в птичий полёт
кто в небо чужое вас страстно зовёт

из влажного мира в сухой вылетая
вы всё-таки – рыбы вы всё-таки – стая
вы словно летите в небесной воде
среди облаков кораблей и людей

кто дал вам примерить на миг эти крылья
чтоб в воду вернуться опять без усилья
что видите вы пролетая
и в море бессовестно тая

у меня был котёнок без имени
и белый кролик под ванной
и жёлтый кенарь в клетке
и кошка Муська
и кошка Шельма
и дворняжка Кнопка
и миттельшнауцер Беатрис де Лени
и чёрный терьер Остап
и множество всяких цветов
диквинных и колючих
с которыми я разговаривал в детстве
как с людьми
да впрочем я и сейчас
с ними разговариваю
я мечтал быть лесником
в каком-нибудь диком лесу
или в дендрарии
в забытой богом Крапивне
или в том что стоял
на самом берегу моря
в Болгарии
где я сорвал лист
священного дерева гинкго
и загадал стать поэтом

что расскажешь мне кузнечик
на кузнечком языке
мой зелёный человечек
держит скрипочку в руке

у него в глазах тревога
у него в глазах печаль
только скрипка-недотрога
утешает по ночам

что кузнечик сердце ноет
и душа твоя болит
скрипка дерево такое
что о вечном говорит

отпусти ты эту скрипку
не бери её с собой
видишь ёлку видишь липку
купол неба голубой

всё тебе теперь известно
у всего есть смысл и звук
мой зелёный пряткий вестник
академик всех наук

я ехал весь
в муравьях и пионах
в этом жёлтом такси
до московского вокзала
и пионы
только что срезанные
обращали ко мне свои
горестные прекрасные лица
похожие на лица красавиц
на картинах старых мастеров
которые уже умерли
но чья красота по-прежнему
обращена к смотрящему
а муравьи с недоумением
вылезали из полураскрытых бутонов
и бежали по моей руке
чтобы выяснить а что вообще
происходит на свете
и я брал их своими
огромными пальцами
и дарил струям воздуха
за окном машины
ох ты ж ёёёёёё ж
только и успевали
воскликнуть они
если вообще успевали
а водитель смотрел с ужасом
на весь этот цыганский табор
и не мог произнести ни слова
опасаясь что муравьи
набросятся на него
самые хитрые
спрыгивали с бутонов
прямо в салон машины
и прятались от меня
за сиденьем
и под креслом водителя
их было так много
что я не успевал
уследить за всеми
целый муравейник
вылез из моих пионов
и когда я вышел из машины
и неожиданно обернулся
я увидел как таксист
с искажённым лицом
что-то беззвучно кричал
а они ползали по его лицу
в поисках
утраченного блаженства

птицы орут будто их в небесах кто-то режет
слышится клёкот зубовный и девичий скрежет
золото неба стекло в амальгаму заката
тело небесное обло огромно крылато

птицы кричат от любви к перемене погоды
кормятся ловко летя комариным народом
кто сердоликовым поясом небо обрамил
Публий Овидий Назон или Рем или Ромул

птичьи дела суетливы и так бестолковы
думают глядя на небо земные коровы
кто-то на облаке чёрном тоскует весь в белом
чертит на небе петроглифы звёздные мелом

комары тоскуют от разлуки
кровь не пьют и спящих не едят
тихо опускаются на руки
не мигая вдумчиво сидят

мне ль не знать любви комариной
ночи напролёт меня любя
комарихи Тата Зоя Рина
кровь мою пускали сквозь себя

скольким комарам я был папашей
по крови по ночи по любви
но порой с утра я видел кашу
из моих прекрасных визави

в полусне плывя неосторожно
на укус отвечивал рукой

видно в жизни счастье невозможно
видно лишь в разлуках есть покой

с утра под окно
прилетала стая соек
клевать мою рябину
штук тридцать птиц
целая банда лесная
и воровки
озираясь по сторонам
пугаясь моей тени в окне
и проезжающих мимо машин
обрывали мою рябину
своими жадными клювами

с четырёх сторон
банду прикрывала охрана
сторожевые птицы
профессиональные дозорные

после завтрака
сойки вальяжно потягивались
чистили перья
переговаривались
обсуждали
на сколько завтраков и ужинов
им хватит моей рябины

за неделю
сойки разжирели
на рябине
перестали бояться
проезжих машин
моей тени в окне

а потом на голые
дочиста обглоданные
ветки рябин
выпал белый-пребелый снег

и сойки
больше не прилетали
чтобы не портить мне
вид из окна

В ЗАБРОШЕННОМ ХРАМЕ

там где больше нет Бога селятся птицы
лётчицы в небо – крупны и невелицы
деток выводят глядя в его зеницы
в доме господнем сладко им птицам спится

птицы мои ласточки воробьицы
в доме господнем ваши иконны лица
и отвечает эхо на все вопросы
вкрадчивой неторжественной прозой

ангсты вороны горлицы голубицы
в доме господнем ангелы тоже птицы
дух невесомый веет везде где хочет
кто там хлопочет крыльями
Бог хлопочет

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

ВЫСОКОВОЛЬТНЫЙ ГУЛ ЦИКАД

ТОЛМАЧ

Покажется, присел на мель,
но докторам видней –
рекомендуют мне апрель
раз в год по 30 дней,

когда стрижи из-под застрех
снут и просят пить –
сдаюсь без всяких «руки вверх»,
чтоб небо не пробить,

с тобой, красавица, совьём
звонящий день с канвой,
задумаешься о своём,
так вот я – в доску свой,

поставлю «венус» – шокен блю,
смахну репьи с хвоста,
я, может, так себе люблю,
и выпил неспроста,

поддерживая небосвод,
простуженно трубя,
переведу на час вперёд
с татарского тебя.

МУЗА-ЛУЗА

В саду пятнистый май, где липам за сто лет,
скворец покрыт слюдой надтреснуто звучащей,
кудесница, давай на письменном столе,
чтоб нашу нелюбовь испытывать почаще,

побудь моей мечтой с вознёй вокруг соска,
румянцем намекнув так, сантиментов кроме,
полна желанья, что боишься расплескать
к зелёному сукну прильнув, как на иконе –

про твой потенциал, и, мягко говоря,
всё небо в облаках – сплошная стекловата,
мне дождь протанцевал, проквাকাля заря –
весна тесна в боках и ласточкой усата,

казалось, что вчера, но сколько ни старей,
согласный стук сердец запрятали туда мы,
где бивни комара, и мамонт в янтаре
застыл, как холодец, ошпианный губами,

мерцание свечи гуляет по щекам,
прощенье не прощаясь в чистилище литровом,
пусть время огорчит, приняв взамен щита
разверзшуюся хлябь, пропуканную громом,

задача непроста с тобой накоротке
растаяв от стыда, что в хохоте свином,
быть начеку устал, как палец на курке,
как в детстве, навсегда пропахшем пластилином,

внезапный сукин внук, я на юру возник,
на речи плодови́т о времени жестоком,
понадобился вдруг всем позарез мясник,
который напоит их автоматным соком,

давай же днём согнём по пояс в неглиже,
вот письменный верстак и ты, моя нетленка,
не захлебнись враньём на сложном вираже,
упёршись в небо, как мотоциклист коленкой.

ПРОЩАНИЕ

С заблудившимся в ней земляничным листком на купаж решишь
оживлённой воды, сжав глоток воспалёнными гландами,
отплывая на остров бронхит, хорошенько прокашлявшись,
знаешь мало, но то, что умеешь – достоинство главное,

той, что лезет из крана, как лески моток – не лечи меня,
заодно не настаивай выпить креплёное с травами,
попадается время от времени неотличимое,
позывными родное, но с отзывами иностранными,

слишком искренним вышло когда-то на Эльбе братание,
а синица в руке – сбитый в небе журавль после ошпи,
с прохудившейся шиной не катится Велобритания –
хорошо, что теперь ничего с этой падалью общего,

непогода старается всякое чудо минировать,
даже то, что в твою переехать однажды грозит кровать,
в этом мире бушующем повода нет доминировать,
дореминовать в музыке, в живописи допозировать,

мне сирень подаёт обе лапы, как будто мы близкие,
тормозит интернет и не ловится зеркальцем пристальным,
крылышка, кузнечик смычкует всё утро на листике,
ожидая, когда заиграет «Славянка» на пристани.

ТАКОЙ ПОРЯДОК

Коты в кустах плюются, ссорясь, друг в друга лапами вросли,
пойми, какой из них Чак Норрис, кто Джеки Чан, и где Брюс Ли,
свистят когтей кривые жала, дымится шерсть – сплошной дурдом,
меж ними кошка пробежала, протиснулась с большим трудом,

и я веду себя небрежно, предчувствуя и жить спеша,
 пусть напрягает эта брешь, но рычит мопед из гаража,
 люцерна пенится, как бражка, малиной запад озарён,
 и на спине кипит рубашка трескучим белым пузырём,

вчерашнее увито сплетней, грядущее – смешней в разы,
 чем беспонтовой, тем конкретней – без слёз, без жизни, без грозы,
 у речки, после вечеринки, где хорошо, куда ни *ляжь* –
 меняют декольте на стринги подружки, выскочив на пляж,

зовут грязную искупаться, но самая из них одна
 перебирает в тонких пальцах прозрачный камушек со дна,
 даёт подолом утереться, хитра по множеству примет,
 моё разглядывает сердце и проверяет на просвет.

ВЛЮБАЁННЫЕ И БОЛЬШЕРОТЫЕ

Я тебя целоваться заставил,
 наплевав на Вселенский застой,
 в тишине, за Рогожской заставой,
 задыхаясь сиренью густой,

где кометы, в оранжевой коме,
 вспоминают былую лафу,
 как засохшие стружки моркови
 под подолом у тёрки в шкафу,

где на резкость оптической пары
 не наводится линза луны,
 и, сплетённые словно кальмары,
 мы скользить по прилавку вольны

до предела, пока не остыла
 наша молодость, взятая в плен,
 эти слёзы и кровь, как чернила,
 и фонтан из берёзовых вен,

в разнотравье цветущих и прочих
 обречённо крадутся сюда
 прикусивший язык колокольчик,
 обливавшая нож – резеда,

пусть последних тюльпанов горелки
 разевают пунцовые рты,
 поиграем с природой в гляделки,
 не стесняясь своей наготы.

ГЕОМЕТРИЯ УТРА

Нам, дорогая, как ни упрощайся,
 под бульканье скворца и скрип строшил,
 гадать, в неопалимых блёстках счастья,
 какой дурак посуду перебил,

парад планет предутренний отринул,
 когда влетел, проекции опричь,
 в заплёванную звёздами витрину
 необожжённой юности кирпич,

глотком нарзана кислого залатан,
я наблюдать с погрешностью готов,
как перегрызлась полночи постфатум
с цепи сорвавшись, свора облаков,

родной язык, хоть вымотан и сломан,
бывает на расправу скор и он,
бьёт запятой и брызжет ядом слово,
зажатое в зубах, как скорпион,

пусть, ублажая новую подругу,
визгливый мир кушается в стыде
и под прямым углом скользит по кругу,
а я вот, по касательной – к тебе,

надёжна наша группа поршневая
пока, за правдой образа следя,
кино документальное снимаем –
всё, до последней ниточки, с себя.

НА МОРЕ

Проживая скопленное набело,
к пионерской зорьке будь готов –
Куравлёв, поющий в пачку «Мальборо»,
Вицин, усыпляющий котов,

мне легко с попутчицами бодрыми
поделиться в радость, чем богат,
грузовик прошёл с пустыми вёдрами,
молния упала на шпагат,

просто с поэтессами поддатыми
занимать коньяк у молдаван,
Коктебель во сне скрипит цикадами,
дышит, как продавленный диван,

по карманам дождь попрятал лезвия –
в норках неумные стрижи,
позвоню Ван Гогу, соболезнуя,
чтобы к трубке ухо приложил,

знаю, от него ушла не зря жена,
к сведению будущих рубак –
у меня ружьё всегда заряжено,
даже если это и не так,

сердце тараторит с промежутками,
подбираюсь к девушке-врачу –
сетует, завязывайте с шутками,
не смешно – а я и не шучу.

ПРИГОРОД

Хлопает прибой мостками шаткими,
квас с зелёным луком, хлеб с либидо,
может и похожа жизнь на шахматы,
только у доски краёв не видно,

игроки под горку едут с ярмарки,
изгородь физалисом увита,
и стучат антоновские яблоки,
как в тумане конские копыта,

всё путём, по шучьему велению,
а в стакане солнечная буря –
починяем старую вселенную
по привычке, тыря и халтура,

прибывает куча муравейная,
напрягая гусениц на грядке,
шишки уберёшь из уравнения –
хвоя и царпины в остатке,

до конца как быть решим с тобой не мы,
рассуждая выпренье и плоско,
целит бигудями дальнобойными
заводской окраины причёска,

бед у нас, отчаянных – до форточки,
как у дурака сырой махорки,
вот и норовим, присев на корточки,
покурить и выпить на пригорке.

РАНЬ НЕСУСВЕТНАЯ

Любимая, наш круг спасенья узок,
«крапивницей» свеча опылена,
волнуется и дышит, как медуза,
прибившаяся к берегу Луна,

с массандровских давилен ветер винный,
по склонам нерестится виноград,
и лечит электричеством долину
почти высоковольтный гул цикад,

степного разнотравья терпкий силос,
залётных комаров зубная нить,
а мы, на воздушных, договорились
о милых пустяках не говорить,

на перекур не требуя отсрочки,
то сзади окажусь, то впереди –
летающий, словно крестик, на цепочке
из поцелуев на твоей груди.

ПРАВИЛЬНЫЙ НАСТРОЙ

Возвратясь домой со службы, день минувший подытожь,
вдоль по улице Поддужной языком процокал дождь,
разбросал по лужам сушки, дёрнул месяц за серьгу,
где вы, девушки-подвухке, дозвониться не могу,

воробьём скачу проворно в птичнике глухих тетерь,
лучше некогда, чем порно, лучше поздно, чем теперь,
то ли дело, после баньки, с первым снегом на паях,
выпив с горя, таньку-встаньку извалять бы в сухарях,

жадным взором воздух плавя, дышишь счастьем игрока –
скорость мысли гасит пламя оптимизма, а пока
понимаешь, скоро в космос кошек запускать начнём,
и очередная косность нашу палубу качнёт,

слышишь, бас глухой и сильный – об обценном и святом
говорит и крошки сыплет облако с набитым ртом –
сам себе не накукуешь, но пока не стал травой,
по поганкам маршируешь в роще сосен строевой.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ
в переводах Жанны Жаровой

EDGAR ALLAN POE
ЭДГАР АЛЛАН ПО

ALONE

From childhood's hour I have not been
As others were; I have not seen
As others saw; I could not bring
My passions from a common spring.
From the same source I have not taken
My sorrow; I could not awaken
My heart to joy at the same tone;
And all I loved, I loved alone.
Then – in my childhood, in the dawn
Of a most stormy life – was drawn
From every depth of good and ill
The mystery which binds me still:
From the torrent, or the fountain,
From the red cliff of the mountain,
From the sun that round me rolled
In its autumn tint of gold,
From the lightning in the sky
As it passed me flying by,
From the thunder and the storm,
And the cloud that took the form
(When the rest of Heaven was blue)
Of a demon in my view.

ОДИНОКИЙ

Я не таким был с детских лет
Как все: иначе видел свет,
И в русло общее не мог
Своих влечений влить поток,
И из иного бьёт ключа
Моя печаль; не в тон звучал
Звон радости и сердца пыл;
Всё, что любил – один любил.

Тогда же, – в детстве, у истока
 Житейских бурь, – по воле рока
 Из всех глубин добра и зла
 Мне тайна явлена была
 (Пленён я ею до сих пор):
 Из красных скал суровых гор,
 Из родника и водопада,
 Из жёлтой осени прохлады,
 Из солнца в небе надо мной,
 Что дарит свет и летний зной;
 Из грома, молнии и шторма –
 И облака, что сменит форму,
 И глянет демон или бес
 В глаза из синевы небес.

A DREAM WITHIN A DREAM

Take this kiss upon the brow!
 And, in parting from you now,
 Thus much let me avow –
 You are not wrong, who deem
 That my days have been a dream;
 Yet if hope has flown away
 In a night, or in a day,
 In a vision, or in none,
 Is it therefore the less gone?
 All that we see or seem
 Is but a dream within a dream.

I stand amid the roar
 Of a surf-tormented shore,
 And I hold within my hand
 Grains of the golden sand –
 How few! yet how they creep
 Through my fingers to the deep,
 While I weep – while I weep!
 O God! can I not grasp
 Them with a tighter clasp?
 O God! can I not save
 One from the pitiless wave?
 Is all that we see or seem
 But a dream within a dream?

СОН ВО СНЕ

Попелуем лба касаясь
 И с тобою расставаясь,
 Я тебе сейчас признаюсь:
 Не ошиблась ты в одном:
 Дни и вправду стали сном.
 Коль ушла надежда прочь
 То ли в день, а то ли в ночь,
 Наяву или в видении,
 Боль утраты разве менее?
 Вижу что иль мнится мне,
 Всё – всего лишь сон во сне.

Вот истерзанный прибоем
 пляж. Стою средь ветра воя
 и держу – дрожит рука! –
 золотого горсть песка.
 Мало как! Течёт струя
 Между пальцами, а я –
 О, я плачу – плачу я!
 Боже! Как их удержать,
 Как плотнее руку сжать?
 Как песчинку хоть одну
 Мне не уронить в волну?
 Вижу что иль мнится мне –
 Вправду ль всё – лишь сон во сне?

EL DORADO

Gaily bedight,
 A gallant knight,
 In sunshine and in shadow,
 Had journeyed long,
 Singing a song,
 In search of Eldorado.

But he grew old,
 This knight so bold,
 And o'er his heart a shadow
 Fell as he found
 No spot of ground
 That looked like Eldorado.

And, as his strength
 Failed him at length,
 He met a pilgrim shadow;
 "Shadow," said he,
 "Where can it be,
 This land of Eldorado?"

"Over the mountains
 Of the moon,
 Down the valley of the shadow,
 Ride, boldly ride,"
 The shade replied, –
 "If you seek for Eldorado!"

БАЛЛАДА ОБ ЭЛЬДОРАДО

Жил рыцарь-франт:
 На шляпе – бант,
 Любил менять наряды.
 Знал тень и свет,
 Но много лет
 Мечтал об Эльдорадо.

Но стар он стал
 И так устал,
 И сердцу нет отрады.
 Он на мели,
 И нет земли,
 Что схожа с Эльдорадо.

Настал тот день,
 Что вестник-тень
 Уже шагает рядом.
 «Тень, где твой рай –
 Тот дивный край
 С названьем – Эльдорадо?»

«Средь лунных гор
 Есть с давних пор
 Дол тени и прохлады,
 Где спят мечты, –
 Там сыщешь ты
 Дорогу в Эльдорадо».

WILLIAM BLISS CARMAN
УИЛЬЯМ БЛИСС КАРМАН

A VAGABOND SONG

There is something in the autumn that is native to my blood –
 Touch of manner, hint of mood;
 And my heart is like a rhyme,
 With the yellow and the purple and the crimson keeping time.

The scarlet of the maples can shake me like a cry
 Of bugles going by.
 And my lonely spirit thrills
 To see the frosty asters like a smoke upon the hills.

There is something in October sets the gypsy blood astir;
 We must rise and follow her,
 When from every hill of flame
 She calls and calls each vagabond by name.

ПЕСНЬ БРОДЯГИ

Есть у осени такое, что в крови и у меня –
 Стиль, намёк, тональность дня...
 И рифмует сердце в лад,
 И пурпурным, жёлтым, алым ритм диктует листопад.

И клёна лист багряный – как дальний плач рожка,
 И вздрогнула рука...
 Дух трепещет, одинок, –
 Я вижу – холм укрыл озябших астр морозный смог.

Есть и в октябре такое – то цыганской крови хмель
 К берегам иных земель,
 К пламенеющим холмам
 Зовёт, зовёт бродяг по именам.

WILLIAM MORRIS DAVIS
УИЛЬЯМ МОРРИС ДЭЙВИС

LEISURE

What is this life if, full of care,
 We have no time to stand and stare? –

No time to stand beneath the boughs,
 And stare as long as sheep and cows:

No time to see, when woods we pass,
 Where squirrels hide their nuts in grass:

No time to see, in broad daylight,
 Streams full of stars, like skies at night:

No time to turn at Beauty's glance,
 And watch her feet, how they can dance:

No time to wait till her mouth can
 Enrich that smile her eyes began?

A poor life this if, full of care,
 We have no time to stand and stare.

ДОСУГ

Ну что за жизнь, скажи, мой друг,
 Коль оглядеться недосуг? –

Не постоять в тени ветвей,
 Чтоб спел нам песню соловей.

Орех не отыскать, увы,
 Что прячет белка средь травы.

Слепит нас яркий свет дневной –
 Не видим звёзд над головой.

И ножек стройных перепляс
 Красотки милой не для нас.

С губ не сорвать в пылу утех
 В её глазах возникший смех.

Да, узок жизни жалкий круг,
 Коль оглядеться недосуг!

ROBERT LEE FROST
РОБЕРТ ЛИ ФРОСТ

TO THE THAWING WIND

Come with rain, O loud Southwester!
 Bring the singer, bring the nester;
 Give the buried flower a dream;
 Make the settled snowbank steam;
 Find the brown beneath the white;
 But whate'er you do tonight,
 Bath my window, make it flow,
 Melt it as the ice will go;
 Melt the glass and leave the sticks
 Like a hermit's crucifix;
 Burst into my narrow stall;
 Swing the picture on the wall;
 Run the rattling pages o'er;
 Scatter poems on the floor;
 Turn the poet out of door.

ТЁПЛОМУ ВЕТРУ

Приходи с дождём, Зюйд-Вест!
 Птиц верни из южных мест;
 Дай цветку цветенья дар;
 Преврати сугробы в пар;
 Бурый цвет найди под белым;
 Только, что бы ты ни делал,
 Смой со стёкол зимний лёд!
 Лишь оконный переплёт
 Сохрани мне, мой Зюйд-Вест,
 Как отшельнический крест.
 В келью ты ворвись ко мне,
 Сдвинь картину на стене,
 На пол сбрось стихи, газеты –
 И в развитие сюжета
 Выгони за дверь поэта.

RELUCTANCE

Out through the fields and the woods
 And over the walls I have wended;
 I have climbed the hills of view
 And looked at the world, and descended;
 I have come by the highway home,
 And lo, it is ended.

The leaves are all dead on the ground,
 Save those that the oak is keeping
 To ravel them one by one
 And let them go scraping and creeping
 Out over the crusted snow,
 When others are sleeping.

And the dead leaves lie huddled and still,
 No longer blown hither and thither;
 The last long aster is gone;
 The flowers of the witch-hazel wither;
 The heart is still aching to seek,
 But the feel question 'Whither?'

Ah, when to the heart of man
 Was it ever less than a treason
 To go with the drift of things,
 To yield with a grace to reason,
 And bow and accept the end
 Of a love or a season?

РОПОТ

Через поля и леса
 Я шёл, не страшась преграды;
 На холмы восходил, чтобы мир
 С вершины окинуть взглядом;
 И спустился, и вот – мой дом,
 Что пришёл в упадок.

На земле все листья мертвы,
 А спасённые дуба заботой
 Один за другим облетят,
 Тревожа шуршащей ногой
 Листы, что под настом лежат,
 Объяты дремотой.

И охапки опавшей листвы
 Недвижны под снежным мехом;
 Последние астры ушли,
 И вянут цветы ореха;
 Лишь сердце всё рвётся... Куда?
 Но ответит лишь эхо.

Ах, сердце! Рассудку внять
 Тебе ли? – ведь это измена:
 Порядок вещей принять,
 Лишившись иллюзий плена,
 И смириться с концом любви,
 Что, как и осень, брэнна...

INTO MY OWN

One of my wishes is that those dark trees,
 So old and firm they scarcely show the breeze,
 Were not, as 'twere, the merest mask of gloom,
 But stretched away unto the edge of doom.

I should not be withheld but that some day
 into their vastness I should steal away,
 Fearless of ever finding open land,
 or highway where the slow wheel pours the sand.

I do not see why I should e'er turn back,
Or those should not set forth upon my track
To overtake me, who should miss me here
And long to know if still I held them dear.

They would not find me changed from him they knew –
Only more sure of all I thought was true.

В ГЛУБИНЕ ДУШИ

Я бы хотел, чтоб эти деревья
Могучие – их ветер лишь едва
Качнёт – сменили скорбный свой убор
На буйных крон разросшийся простор.

Да будет мне тогда неведом страх
Исчезнуть, затеряться в тех лесах
И не найти просвета и тропы,
Где месит колесо песок судьбы.

Не думаю, что я сюда вернусь.
А те, кому я впрямь здесь нужен, – пусть
По следу моему пройдут в надежде
Узнать, близки ли мне они, как прежде.

Они поймут, что я лишь в большей мере
Уверен в том, во что и раньше верил.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ

Я В ХРАМЕ ЖИЗНИ ПРИХОЖАНИН

Астральное солнышко леденит мою грусть
Аура свернутая в рулон
Это твоё послание
Я читаю твои созвездия
Они пророчат всё что давно ушло в незакатную печаль
Нашей встречи
Будущее в прошлом а прошлое навсегда
В южносеверном слиянии
Ультрафиолетовых радуг
Оборона двойного соподчинения
Целующихся лучей
Стрекочущих ночными руладами внутри своего сияния незримого спектра
Речи
Говорящей себе о тебе всё невидимое в надежде на навсегда неисчерпаемые ладони
Погружённые в океан неосознанного но зримого в тишине отражения погружённого в отраженьё

Говорят что наше мироздание
Далеко не первое издание
Может миллиардное дополненное
Может единичное но подлинное

Этот мир похож на детский сад
Где все дети ждут своих родителей
Что ещё насочинит Де Сад
И осуществят Христа гонители

Право же такое всё обидное
Но отнюдь отнюдь не очевидное
Разумом обычным необъятное
И всегда во всём невероятное

Мы с Капицей спорили о Боге
Но никто не победил в итоге
К истине мы оба были близки
Но закончилась бутылка виски

Может мы и ныне с ним горЕ
 Где то на Николиной горе
 Может наши души в теле вызрели
 И остались только в телевизоре
 До сего же всё-таки обидное
 Вероятное не очевидное

Бог сотворил наш мир путём простого деления неба на землю линией горизонта

НЕБО

_____ линия горизонта

ЗЕМЛЯ

Конечно мир необъясним
 И я не понят вместе с ним
 Не понят я не понят
 Меня никто не помнит

Я переполнен тишиной
 Которая всегда со мной
 Но лишь в пределах тишины
 Мои мечты разрешены

Я разрешён я разрешён
 Отныне путь мой предрешён
 Отныне путь мой вечный путь
 Он не изведен ну и пусть

И я не многими изведен
 Среди немногих проповедан
 Порою проповедь как отповедь
 Но чаще отповедь как проповедь

Зато я Богу благодарен
 Что я живой и не бездарен
 Что разговариваю с вами
 Лишь откровенными словами

Все проявления печали
 Давным-давно слились в одну
 Над нами звёзды замолчали
 И утонули в тишину

Неужели тебя я не встречу
 В тишине исчезающей речи
 Неужели исчез этот миг
 Тишины превратившейся в крик

Всё возможно и всё невозможно
 Это ведомо мне непреложно
 В середине небесного круга
 Две луны потеряли друг друга

Вдаль уходит звёздная дорога
По которой мысль идет скользя
Музыка такая недотрога
Что о ней и говорить нельзя

Сердце переполнено тобою
Дрожь Шопена даже в тишине
Я с тобою я всегда с тобою
Умоляю помни обо мне

Знаю я что мир нематерьялен
Матерьяльна только наша мысль
Без тебя я просто не реален
Умоляю милая проснись

Каюсь я во всём сегодня каюсь
Умирая заново рождаюсь
Я засну с тобою просыпаясь
И проснусь с тобою пробуждаясь

Не умер не родился
Нигде не пригодился
Но всё равно живу
В надежде – оживу

Нет я не выживаю
Я только оживаю
Я только оживаю
Когда переживаю

Я знаю вспоминая
Возможна жизнь иная
В той жизни с ней бываю
Но тотчас забываю

Вселенная больница
Где будущее снится
Нет места чувствам пошлым
Всё будущее в прошлом

Блаженствуют боги беснуются черти
И в жизни тебя не хватает и в смерти
И в смерти тебя не хватает и в жизни
Теперь ты в извечной небесной отчизне

Ах бедное сердце опять не на месте
Уже и не верю что были мы вместе
Но были мы вместе конечно же были
Друг друга любили любили любили

Уймись подсознание и успокойся
Забвения бойся и памяти бойся
Усни уподобившись рыбе подлёдной
В непонятой разумом бездне природной

Любовь пристанище поэта
Войди мой друг в обитель света
Где зла и ненависти нет
Где тьму опережает свет

Душа стремится в вышину
Опережая тишину
Преображая всё земное
В многостороннее иное

Нет я не уйду из мира
Пока звенит земная лира
Я с ней невидимой хожу
Не уйду а прихожу

Живу одной любовью ранен
Я в храме жизни прихожанин

Есть камень бронза и гранит
И пирамиды сердце Нила
Пусть память сердца сохранит
Всё что земля не сохранила

Есть память бронза и гранит
И добрый сфинкс среди пирамид
И я один среди пирамид
Ещё не каменный на вид

Но почему ты не со мной
В стране иной в земле иной
Я потерял тебя из виду
Озирис воскреси Изиду

О воскреси о воскреси
Иже еси на небеси

Поэзия не подведёт
Но в бесконечность уведёт
В лес как Сусанин заведёт
Так что никто вас не найдёт

Там ты рискуешь и остаешься
Всё может стать может стать
Любая блажь любая боль
Но без поэзии ты ноль

Ты ноль но в глубине ноля
 Скрыты небо и земля
 От любопытных глаз скрыт
 Ты в мир распахнут и открыт

Волной о скалы ударяясь
 Стиха стихии покоряюсь
 Стихия моего стиха
 Непреднамеренно тиха

Душой и всеми потрохами
 Я с вами говорю стихами
 Конечно есть низы верхи
 Но главное мои стихи

Есть только несколько мгновений
 Когда внутри стихотворений
 Навеки прячется душа
 Уже дыша и не дыша

Вокруг и суета и сутолока
 Душа и бабочка и куколка
 Лишь тихая волна звучания
 Нарушит вечное молчание

Лети душа вокруг да около
 Не прячь себя в глубины кокона
 Лишь крылышками трепещи
 И небо новое ищи

Ангел которого я люблю
 Раньше был здесь
 Теперь в тайном небе
 Ангел Лена
 Нега
 Агни и ген
 Чертёж невидимых крыльев
 Как невидим пропеллер в полёте
 Жизни невидимой чертежи в кальке неба
 Прости Леонардо
 О дар Лены
 Я знаю ты как иллюстрации Дали к Дон Кихоту
 Пальба из мушкета по камню
 Но камень – небо
 А мушкет из незримых линз
 Пальба проекций в невидимые проекции Римана Лобачевского и в меня
 Невменяемого как в экстазе святой Терезы
 Терзаемой незримыми стрелами
 А мура Амура
 Неменяющего от мощи
 Ищи и обре
 Погибоша аки
 Аким или караим кара им
 От Икара

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

«ПАМЯТЬ, БАБОЧКА МНЕМОЗИНА...»

Борису Фабриканту

В раннем детстве я, рот разинув,
За свободой ходил в кино.
Память, бабочка Мнемозина,
Залетела в моё окно.

От девчонок не пряча взора,
Постигал я начало Инь,
Быть отважным мечтал, как Зорро,
На глазах молодых богинь.

И душа, пробуждаясь, пела
И куда-то меня звала,
Беспокойно росла и крепла,
И любовь проросла из пепла,
А иначе и не могла.

Есть высоты и есть низины –
Ты всего лишь себя дари!
Память, бабочка Мнемозина,
Мой волшебный театр внутри.

Я своё писательство не брошу,
В молодости брошенный под пули.
Словно бы с меня содрали кожу –
И затем на место не вернули.

Превозмог тогда я смерти жатву,
И с тех пор свободною дышу я,
Словно бы на небе взяли клятву,
Что о самом главном расскажу я.

В смуглых косяках горящих зданий,
Подожжённых спичками страстей,
Скрипки пели о тщете страданий
Перед неизбежностью. Но чей

Голос из подвалов, из потёмок,
Сгрудившись в комочек, чуть дыша,
Плачет, точно маленький ребёнок?
Ты ли это? Ты, моя душа?..

И дома, сгорая, стали хлипкие;
Рушились крылато этажи,
И опять в чаду запели скрипки –
Что-то роковое для души.

И, казалось, это всё – не с нами;
Рассосётся призрак – только тронь!
Точно эти скрипки сами, сами
Разожгли в душе моей огонь...

Точно кто-то в эту же минуту,
В том же самом гнблом, страшном сне
Пил за всех оставшихся цыкуну.
И твердил, что истина – в вине.

ЦУГЦВАНГ

Толпа площадная опять не даёт мне прохода.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
Идём босиком мы по тоненьким краешкам лезвий,
И хочется нам, чтобы времени ход был полезным.

Цугцванг – это долгое бремя от Цуга до Цванга.
Об этом писала баллады безумная Ванга.
Цугцванг – это путы, сомненья, оковы, вериги.
Непруха, столбняк, депрессняк, пересмешник блицкрига.

Цугцванг – это мили пустыни от Инда до Ганга,
Об этом шептала Пилату безумная Банга.
Мы нежно станцуем с тобой аргентинское танго,
Мне страшно биенье сердец доводить до цугцванга!

Но выпад клинка ускоряет эффект бумеранга.
И каждый защитник невольно похож на подранка.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
И – нету полезных ходов у держав и народов.

ДОСТОЕВСКИЙ

Погорю Волгину

Нам казалась судьба его ломкою,
А Россия пылала Божедомкою.
Но в судьбе, эшафотом распатанной,
Он пророком восстал и глашатаем.
И, пока существует страдание,
Достоевский – моё достояние.

Он объездил отчизну с котомкою,
Обгоняемый славою громкою,
И управлялся с трудною ношею –
Князем Мышкиным, братом Алёшею.
Не посулами, не щедротами –
Русский гений растёт эшафотами.

Заворожены вьюгою синего,
 Подружились мы с крестною силою.
 Если выпадет мне испытание,
 Достоевский – моё достояние.
 И, пока не закончилось пение,
 Я – молчание. Я – терпение.

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД

Печальный философский пароход
 Вдаль отплывал по воле негодаев.
 Иван Ильин и Николай Бердяев,
 Учёный и профессорский народ.

Холодным нетерпеньем сентября
 Он покидал пределы Петрограда.
 Чужбина – вот философу награда,
 Вот любомудру алая заря.

И чайки в небе синем на беду
 Чертили чутко огненные знаки
 И провожали мысливших инако
 В иную, чужеродную среду.

И мы грустим, заслышав позывные,
 Секундных стрелок беспощадный бег.
 Как бесприютен в мире человек!
 Как быстротечны радости земные!

Припомнится иная подвечность,
 Иная незапамятность придёт,
 И всех живых отправит морем в вечность
 Последний философский пароход.

Сквозь меня протекает река,
 и плывут сквозь меня облака,
 и, поскольку за всех я в ответе,
 я беру у вас сердца бразды,
 я, стеклянный сосуд для воды,
 я, пейзаж, проступивший в портрете.

И плывут сквозь меня до сих пор
 гребни снежные кряжистых гор,
 и ныряет усатая нерпа –
 то в пучину бесслёзной воды,
 то, отняв у меня знак беды,
 в бездну звёздную синего неба.

Эльдару Ахадову

В синем тумане грустного века
Время уходит от человека.
Всё остаётся, в сумраке бродит –
Только лишь время, время уходит.
И, отправляясь в келью поститься,
Время забудет с нами проститься.
И, обнуляя вечные списки,
Время уйдёт от нас по-английски.
Видишь, ручьями талого снега
Время уходит от человека.

В темноте, где словно ни души,
Серп луны срезает камыши.
Только в глубине, над камышами,
Ночь шуршит летучими мышами.
И глухую, тихую обитель
Прорезает мышь, как истребитель.

Беспризорны улицы давно.
Только нам, не спящим, всё дано.
Мир безмолвен, точно в день творенья.
Пишут звёзды нам стихотворенья.
Словно бы, усевшись на поляне,
Спрашивают: «Как вы там, земляне?».

Спит в ночи, отбросив жизни груз,
Звёздный наш ребёнок – Иисус.
Раньше я не спал, случалось, сутками;
Плавал по озёрной глади с утками.
А теперь в тростинках камыша
Слушает Вселенную душа.

Увяли листья лаванды,
В садах отцвела сирень –
И только миры Миранды
Живут в тебе целый день.

И можешь махнуть в Милан ты,
Послушать морской прибой –
Повсюду миры Миранды
Проследуют за тобой.

Так многое стало тленом,
Сгорело в любви дотла,
Но даже в дыму военном
Миранда не умерла.

Открою окно веранды
И выйду в цветущий сад.
Пусть снова миры Миранды
Меня за собой манят.

БЕЛОЕ ДАО

То не солнце нещадно палит –
И течёт сквозь судьбу не вода – о! –
Над растерянным миром парит
Бесконечное белое дао.

Кто ты, дао? Не выдал ответ
И заоблачный гений Ландау.
И бесстрастно глядит нам вослед
Безмятежное белое дао.

Кто ты, дао? Чужой третий глаз?
Послепепельный сон Кракатау?
Ничего не попросит у нас
Бескорыстное белое дао.

Высоко забираясь в зенит,
Отправляя живущих в нокдаун,
Все народы в себе растворит
Бессердечное белое дао.

Растворяюсь и я в белизне,
Весь растроченный жизнью беспечной,
Чтобы плыть в голубой вышине
Белым дао любви бесконечной.

Я ИГРАЮ НА НЕВЕРОЯЛЕ

В затаённом сумеречном зале
Я играю на неверояле.
Только звёзды выдвинутся вдаль –
Зазвучит в тиши невероля!

Тихим светом заслонив полмира,
Вспыхнет небо Внутренней Пальмиры.
И потребность создавать миры –
Дух всепонимающей игры.

Я играю на неверояле...
О таком слышали вы едва ли!
Замолкает на Неве рояль –
И звучит моя невероля.

АЛЕКСАНДР ОБЕРЕМОК

НЕДОСМОТРЕННЫЙ КОНЬ И ТРОЯНСКИЙ СОН

ГЕНЗЕЛЬ

бросай на землю не сор, не хлам, а хлебные крошки слов,
пока не скрылись во тьме потсдам, ганновер и дюссельдорф,
пока сестра на октоберфест готовит свою стряпню,
а ведьма пряничный домик ест, не трогая малышню

бросай, вернётся тебе добром, за слово дадут строку,
на ус мотая, в лесу сыром считай, прибавляй ку-ку,
заходишь в лес – попадаешь в вальд, где братья наносят гримм,
иди вперёд, неуёмный скальд, отчаянный пилигрим

пока кружится дунайский вальс и каждый второй – шопен,
пока не требуют аусвайс под песни морских сирен,
пока хула не сожгла дотла – кончается сказка-ложь,
иди, покуда земля кругла, куда ты, дружок, уйдёшь

ДОЖДЬ

жизнь как река, давай же, ныряй, плавни,
рыбу лови в любви или нелюбви,
выживет тот, кто вдоль берегов плывёт, –
так говорит товарищам Хитрый Пётр.

вздор, – добавляет вдруг Насреддин Ходжа, –
тянется поле жизни, где смерть – межа,
поле одно, межа у него одна.
площадь полей важнее, чем их длина.

нет, – рассуждает вслух Уленшпигель Тиль, –
жить – это в лампе масляной жечь фитиль,
трут догорает, свет порождает тьму, –
не возражает больше никто ему.

некто, который не различим впотьмах,
держит часы, струится песок в часах.
слушает некто, чуть наклонясь вперёд.
тучи сгустились. видимо, дождь пойдёт.

СЛОВА И ЧИСЛА

сегодня сыро, я совсем продрог,
налей мне, овец, полный козерог,
зови тельца и выпьем для сугреву,
среди миров, в мерцании светил,
я никогда с созвездием не шл,
давай за деву.

вокруг меня стоят одни слова,
они мне начисляют год за два,
стрелец и лев, держите оборону,
иначе до утра писать свою
галиматью – пока я с вами пью,
меня не тронут.

исхода нет, слова мертвы, увы,
следят глаза с горгоньей головы,
спокойно, не свистите, раки, ибо
пока я здесь не сдох и не воскрес,
не лучше ль, глядя сквозь стекло небес,
молчать как рыбы.

НЕ ГОРЮЙ

хоть налево – теряешь голову
и шиитское плавишь олово,
хоть направо – слова, слова.
говорю – не горюй, убогое,
криворуко-членистоногое,
потому что душа жива,

потому что брести полянами
земляничными, полупьяными,
млечный путь зажимать в горсти.
пусть в грядущее и не веришь, но
мне строку за строкою бережно
в луговые венки плести,

мне кроить, разрезать, отпарывать,
где из меди лютое зарево
разливает вино и стыд,
где с глазами, как небо, синими
у витий за худыми спинами
поцелованный сын стоит

ФИЗАЛИС

осень идёт к концу, обернёшься – уже зима
держит в своём прицеле нетопленные дома,
гонит к вселенской скорби от светлой печали.
птица по стрелке компаса мечется, клюв задрал,
куцым умом раскинув, что в стае вожак неправ,
зря простужала горло, беспечно кричала

в воздух колочий важное слово – курлы-курлы.
 время раздело рощи, деревья стоят светлы,
 только лишь я в саду с плутовством гамадрила
 то посмотрю на тучи, наморщив угрюмый лоб,
 то со злорадством плюну в наметившийся сугроб
 в той стороне, в которую ты удалилась.

что ж, улетают все, ну и ты, как всегда, права,
 мне б запастись терпением, силы беречь, дрова,
 да оборвать у стен позабытый физалис.
 ночь в решето прокурена и, как зима, долга,
 тихо кукуют ходики. нехотя кочерга
 мучает письма, чтобы скорей разгорались.

ПАМЯТЬ

просыпаюсь над книгою в час ночной
 оттого, что во сне кричал,
 так волна, удивляясь себе самой,
 разбивается о причал,
 так будильник, к утру становясь мудрей,
 опускает короткий ус.
 ничего не боюсь, говорю, ей-ей,
 только смерти во сне боюсь.
 выхожу со щитом на глухой балкон –
 над эладой горит звезда,
 недосмотренный конь и троянский сон
 выползают за мной туда.
 нет, увольте меня от таких щедрот,
 говорю, выпуская дым,
 на ахейской звезде аполлон плывёт,
 я века бы общался с ним.
 но пугливый летит по своим делам,
 что ему средь небесных сфер
 акварельный измученный мандельштам,
 корабли, паруса, гомер

ОЛЕ ЛУКОЙЕ

выйдешь на улицу – слякоть, сплошная грязь,
 худшей погоды не видывал отродясь,
 выпьешь чего-то, желанию не противясь,
 тут же подумаешь, мысли не пряча впрок,
 наша свобода – дурной золотой телок,
 чуть подрастёт и попросится сам на привязь.

в этой грязи на себя посмотри всерьёз –
 делаю ноги, по глине бредёт колосс,
 не различая дорог, напрямик по лужам.
 думаешь, господи, как же мне всё успеть,
 только, пожалуйста, душу не винегреть,
 если являешься, делаешь только хуже.

то ли кунсткамера, то ли живой музей,
 хоть и скиталец, но явно не одиссей –
 напоминаешь себе леопольда блума.
 боже, в начале ты выдохнул слово слов,
 значит, в конце обязательно дашь число,
 правда, число небольшое, пустую сумму:

медный обол и оплату за жэкаха,
стоило ли доводить до греха, ха-ха,
яблоко, змей-искуситель и всё такое.
ночью засмотришься в глухонемую тьму –
муторно, матерно там одному ему,
горе с тобою мне, оле моё лукойе.

МАГРИБ

а он говорит: «послушай,
поедем в большой магриб,
там птицы – живые души
когда-то погибших рыб,
там золото и алмазы,
там слово, сорвавшись с уст,
едва упадёт – и сразу
стихов вырастает куст».

и тьма за его спиною,
густая сырая тьма,
и в ней чередой сплошную
пустые стоят дома,
никто не живёт в деревне –
в округе мертвым-мертво...
но льются слова из древней
пернатой души его.

ЛУННЫЙ ЦИРК

в глухой тоске осмотришься окрест
и вспомнишь место, лучшее из мест, –
с обратной стороны живой музыки,
вглядишься туда – старинное кино,
где то, что будет, всё ещё темно,
где боль нема и радость безъязыка

смотри, там был уездный городок,
где лошади по мостовой цок-цок,
где пыльных лип развёрнутый пергамент,
там в детском зачарованном саду
меняли на упавшую звезду
бутылочный осколок – лунный камень

на площади стоял заезжий цирк –
верблюды фырк и клоуны кувырк,
прыг-скок с небес лихие акробаты,
а за билет на действие под шатром
расплачивались лунным серебром
и медяками летнего заката

смотри, покуда не вернёт луна
свой встречный взгляд из призрачного сна,
где память коротка, а век недолог,
смотри, смотри, как в небе голубом
заплачет бог и ангела крылом
сверкнёт на миг бутылочный осколок

ОДИССЕЯ

пришёл одиссей у ворот жена
собака корова мул
жена предложила ему вина
он выпил упал уснул

и снится герою в густом дыму
циклоп в дорогом пальто
ты кто говорит полифем ему
герой говорит никто

и видит опять одиссей во сне
калипсо в эстетском ню
да что это снится о боги мне
двенадцатый раз на дню

и вот одиссей открывает глаз
в чертаново у пивной
а там с арсеналом стоит аякс
и шепчет пора домой

ФОНАРЬ

проснёшься ночью, выйдешь не одетый
на свежий воздух с мятой сигаретой,
подпрыгнешь, окунёшься в тайный сад,
где фата исключительно моргана,
где злой телец косит альдебараном,
поскольку стал немного глуховат,
на гончих псов с их неизбежным лаем,
и вдруг услышишь: «мы его теряем,
разряд».

потом стена с люминесцентной лампой,
кровать и простыня с квадратным штампом,
и принесёт бананы и хурму
условный друг. чтоб не смотреть на друга,
глаза закроешь – в этой кали-юге
захочется увидеть одному,
как худенькая девочка неспешно
проходит с фонарём из тьмы крошечной
во тьму.

КЕНТАВР

не привлекался, не состоял, а в школе на «будь готов»
твердил – болгарский курю опал, но буду всегда здоров,
врагов не нажил, забыл друзей, курю молодой бамбук,
седой потрепанный книгочей, давно запутавшийся, ничей
ценитель бесцветных букв

вот так живу – то мусолю плешь, то множу печаль на два,
виню винительный свой падеж из чистого плутовства,
черна в дурной голове дыра – пожарный рукав пришей,
и пацаны с моего двора да вся советская детвора
в войнушку играют в ней

и всё как будто бы да, но нет, а если и да – не то,
и сам я кто – заурядный дед пихто, полуконь в пальто,
очки надену, пойду смотреть, как суетный мир живуч –
дома в сугробах стоят на треть, но в уголь ночи вплавляет медь
несмелый, но острый луч

я сам несмел, потому что стар (поэт бы сказал – зане),
безумца спящего аватар, а лягу в кровать, так мне
приснится – в море стоит стена среди ледовитых плит,
на ней написаны имена – гиперборейские письмена,
похожие на санскрит

пустое дело тебе, шуту, разгадывать, что есть что,
под сенью вздорных девиц в цвету ждать Годо ещё лет сто,
покуда ястреб живым пером рисует круги, чужак,
как будто пишет стихи в альбом по-русски чёрным на голубом,
но непостижимо так

К СЛОВАРЯМ

погоди секунду, побудь со мной
промелькнувшей в тёмной воде блесной,
уловись хотя бы негромким словом,
а потом во тьму уходи опять,
в тишину молчать, в глубину сиять,
в плодородный ил, к словарям толковым.

завяжи мне память на узелок,
чтобы вспомнить я ничего не смог,
ожидая блеска в речном затоне.
не храни ни писем, ни снов, ни книг,
здесь не я – мой сумеречный двойник
проникает время/пространство оно.

и в его глазах холодит луна,
и темна вода сквозь него видна.
засыпает сонный тростник, а мыши
разрезают небо. большой улит
никому во тьму о себе пищит,
но никто в тумане его не слышит.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

СОСО рассказ

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает пора пластиковых окон. Происходит это по стандартной схеме: отрицание – злость – торг – депрессия – принятие.

На стадии отрицания я старательно красила двойные деревянные рамы с форточкой на одном окне и глухую на втором. Да, два окна, выходящие во двор, отличались по размеру и форме, рамы были толстыми и очень крепкими, но в комнате было душновато – кроме этой форточки, ничего не открывалось. Домик наш выстроили давно, во времена НЭПа, и строили на совесть.

На этой стадии я просто вешала шторы на уродливые окна, но в комнате от них становилось ещё темнее, а она и так выходит на север.

И все разговоры вокруг о вставленных разными хорошими людьми пластиковых окнах внезапно стали меня касаться, исподволь вползали в моё сознание, проникали в какие-то центры принятия решений.

Было ещё и третье окно, в кухне. Кухня-ванная у нас отдельностоящая, во дворе, и из неё, как в песне, выходят три окна.

Самое маленькое – это окно-форточка сверху над эмалированной ванной. Оно, конечно, не в счёт, его первозданный вид сохраняют века. Второе окно – большое, но глухое, инженерный гений застройщиков разместил зачем-то на стене между ванной и кухней, у нас между ними висит штора, а дверь там навесить невозможно именно по этой причине – там окно вместо стены.

С этим окном долго были проблемы, ведь сквозь него видно, что человек делает в ванной. Поэтому мы его занавешивали изнутри полотенцами, занавешивали шторами – отчего довольно тёмная кухня делалась ещё темнее...

И тут недремлющий прогресс подбросил моему сознанию новую информацию – о наклейках на окна, пропускающих свет, но непрозрачных. Я выбрала рулон такой плёнки с рисунком в капли-кружочки, наползающие друг на друга, довольно милые, мой приятель с золотыми руками тщательно приклеил плёнку к стеклу – и это окно проблемой быть перестало.

А вот главное окно в собственно кухне оставалось огромным, нелепым и уродливым, из тех же деревянных толстенных рам. Его я тоже прятала за шторами, которые муж безжалостно сдвигал в одну сторону подальше от газплиты, опасаясь пожара.

И ещё – на всех трёх окнах были издевательски узкие подоконнички, одно название, горшок с геранью не поместится.

В общем, уродство довоенной малоэтажной деревенской архитектуры преследовало меня со всех сторон, окружало и глядело в душу разнокалиберными окнами, рамы которых я устала красить. Тем временем вокруг в городе гламурный двадцать первый век решительно заменял старое громоздкое на новое пластиковое однотипное белоснежное.

Я недоверчиво собирала компромат – вот у мамы эти окна пропускают холод зимой, а потом конденсат течёт на подоконник. А ещё у кого-то эти рамы перекосило и заклинило. И звукопроницаемость у них очень большая – а у меня тут собаки, электрички, теплоходы на Дону и учения военных вертолётов по ночам. Хотя, разумеется, и старые окна против такого оркестра бессильны. Но как аргумент против – годится. Кто хочет – ищет возможность, а кто не хочет – ищет причину.

Есть в нашем доме и другие окна. Но в силу исторических обстоятельств они новее и аккуратнее – ту часть дома пристраивали уже в семидесятые.

И вот очередная весна влила в меня новую порцию энергии и жажды света и красоты, а оттаявший двор глядел на меня издевательскими трещинами в бетонных дорожках и облезлой за зиму краской – и я решилась. Позвонила по объявлению в одну из оконных фирм, спросила, как долго они будут менять три окна.

Это был мой самый первый вопрос. Это меня волновало больше цены и качества – я мысленно прокручивала в голове, как мы будем жить без окон неделю или более того, а вдруг дождь, а как же без кухни – и так далее. Собственно, именно это меня и останавливало все эти годы.

– Три окна? По времени? Ну, часа четыре... – раздумчиво сказал серьёзный человек в трубке.

– Так быстро?? – изумилась я непрактично.

– Но предварительно к вам подойдёт наш специалист, вы с ним выберете размеры и тип окон.

И он пришёл. И ответил на все мои вопросы. Я где-то прослышала тогда про трёхслойные пакеты – в переводе на русский это значит не два, а три стекла. Он терпеливо объяснил, что это для северов, а у меня здесь с их окнами не будет ни холода, ни конденсата. И звукоизоляция у их пакетов выше, чем у моих деревянных.

Стали выбирать тип и размеры. Он ограничил мои аппетиты насчёт размеров подоконника, предложенная им ширина была и практичной, и удобной. Предложил пластик «под дерево» – но от этого китча я отказалась. Белый лучше.

И тут он сказал преспокойно – значит, эти два окна сто семьдесят на сто двадцать.

– Одинаковые? – изумилась я. – Но ведь второе не поместится!

– Значит, они немного расширят проём в стене. Да не волнуйтесь вы, в частном секторе это обычное дело, здесь нет ничего опасного, стены ваши не растрескаются и не рухнут, – я, собственно, боялась именно этого, но стеснялась сказать.

И в ближайший выходной три решительных молодых кудесника, подъехавшие на фирменной газели, стремительно выбили и выбросили толстенные рамы, вставили новенькие ипрушечные летящие конструкции, оштукатурили быстросхватывающимся раствором их по контуру – и уехали, предоставив нам самим убирать последствия работы их стенобитных орудий.

И ещё остались откосы. Оштукатуриванием откосов их фирма не занимается, но я без труда найду по объявлению людей, которые умеют это делать.

В самых радужных мечтах о красоте и гармонии, которая скоро воцарится в доме и в кухне, я довольно быстро вынесла и выгребла осколки кирпичика, осыпи штукатурки и пыли. Муж отвёз на свалку старые окна, вынуть из них стёкла «на всякий случай» я не согласилась, хватит хлам в гараже коллекционировать.

Отмыв пол, я сняла с мебели старые простыни, которыми защищала комнату и кухню от энтропии. И оглядела поле боя.

Стены... Какие же они толстенные!!!

Три слоя истории невинно и незащитно глядели на меня, лишённые гламурного прикида штукатурки, по периметру новых окон.

Очень толстый слой, самый основательный – это саман. Древнейший материал, его человечество освоило ещё в палеолите, ещё до потопа. Современные мазанки в украинских сёлах мало чем отличаются от палеолитических построек, по сути. Из дерьма и веток, ну, с глиной ещё из местного болота – отличное жильё люди строили, и жили в нём десятилетиями, и детей рожали-поднимали. Дворцов каменных на всех не хватало нигде и никогда, знаете ли.

Как и нашей семье не хватило, не досталось квартиры в городе – ни сталинки, ни хрущовки, и слава богу, что удалось купить за бабушкино-дедушкино деревенское наследство вот этот древний усовершенствованный саман. И это было счастьем – после двенадцати переездов за десять лет с одного съёмного жилья на другое. Да, жилищный вопрос уродует людские судьбы беспощадно. И особенно уродовал в Союзе – где не было даже рынка съёмного жилья, не было по определению. Так и жили по четверо в однушках...

Саман – благое, величайшее изобретение цивилизации, дом, очаг, крыша над головой, укрытие от стихии и от диких зверей.

Но наш дом изначально был не просто саманным. А много круче по тем временам. Потому что мы живём на берегу Дона.

Лесов на Дону нет, как известно, мы степняки. Но вдоль Дона много было раньше, да и сейчас осталось немало именно деревянных домов. Почему – это мне объяснила наша соседка, чудесная бабушка Люся.

Был на Дону в начале прошлого века такой недорогой способ строить дома. Подрядчик покупал старую баржу и разбирал её на доски. Доски были хорошими, прочными, пропитанными антисептиком, просоленными и закалёнными в реках и морях. Толщина их восемь-десять сантиметров. Дома из них строили ещё как, двухэтажные даже. А особо тёплый дом – это такие доски, обмазанные саманом. Вот и наш дом был таким долгое время, пока его в 70-е не достроили и не обложили кирпичом.

Тётя Люся помнит наш дом синим, деревянным, из прочных досок, под железной крышей.

А я вот только теперь впервые увидела эти тёмно-голубые доски, открылись они мне! Мой дом был раньше синим кораблём...

Налюбовавшись, мы всё же вернулись к вопросу откосов. Можно, конечно, сделать своими силами – но получится в стиле «хай так», а новым чудесным окнам нужно достойное обрамление.

А в кухне даже плитка обсыпалась с той стены, в которую вставили окно.

На работе мне подруги предложили сразу нескольких мастеров по откосам, и все замечательные, делают быстро и качественно. Валя сразу же стала звонить своему знакомому. Он ей ответил, что сам

он в отъезде ближайшее время, но пришлёт хорошего парня, который всё умеет и недорого берёт. Грузин, Сосо.

И вот я жду Сосо утром в ближайшую субботу. По телефону условились, что он всё осмотрит, подсчитает, сколько нужно материала, что-то сразу принесёт с собой.

Пришёл он часа на три позже условленного времени. Невысокий, с лицом херувима, в чёрных кудрях. Глаза удивительного тёмно-зелёного цвета – вот как листья на липе, скажем.

Он начал с долгих пространственных извинений с подробным экскурсом в его личные обстоятельства – хотя я ни в чём его не упрекала и ни о чём не расспрашивала. Рассказал, что его мама живёт в Батайске, и он сейчас был у неё по срочным вопросам, а сам он в Ростове на Северном снимает жильё. И рёпал проблемы друзей, а мама его не очень довольна этой его дружбой.

И что в итоге у него сегодня всего два часа времени на мои откосы, но завтра он придёт пораньше и проработает целый день.

Я наивно полагала, что уж если мне вставили окна за несколько часов, то сделать вокруг них откосы – займёт хотя бы сопоставимое время. Но не тут-то было.

Сосо оказался работником очень тщательным и предупредительным – и всё время подчёркивал, что он работает на совесть, а не как бригады таджиков. Что хоть хвастаться и нехорошо, и он не хвастается – но я жаловаться не буду, и из-под подоконников у меня не будет холодом тянуть.

Он всё время что-то рассказывал эти два часа, так что оставить его и заняться своими делами у меня не было никакой возможности. Зато он взял на себя доставку материалов, и недорого, и аванса не принял – я потом всё ему оплачу, по чекам.

В воскресенье он не пришёл. И не позвонил, и я до него не дозвонилась.

На неделе позвонил, извинился, сказал – «Я вам всё объясню!» – и действительно пришёл в субботу в полдевятого утра. Рассказывал, как он серьёзно поссорился с мамой, и как тяжело это переживал, и как мама всё время вмешивается в его взрослую жизнь, и с девушками, и с друзьями даже его разводит. Я не знала, как реагировать, бормотала, что мама о нём беспокоится, наверное!

– Она меня в детстве знаете как лупила?!

– Неужто было за что? – попыталась я пошутить.

– Ну, я уж и не знаю, что я такого делал страшного – что она меня в ванной за ноги подвешивала! – он обиженно задышал.

Тут и я прямо растерялась от услышанного. Передо мной был не взрослый человек, а ребёнок, ещё не изживший своих детских травм, и довольно серьёзных. И он как-то наивно полагал, что и для людей вокруг эти его проблемы значимы, он не умел отделить свою работу, свою взрослую жизнь от обиды на маму. Для него страшнее всего – если мама опять вдруг будет им недовольна.

Поработал он в этот раз часа три, закончил изнутри одно окно. Обещал не опоздать в следующую субботу.

В следующий раз работа не задалась. Когда мы с ним обсуждали, какую плитку приклеить в кухню взамен выпавшей, у него зазвонил телефон. Он что-то ответил по-грузински. Завязался разговор, я вышла поставить чайник. Когда снова вошла, он всё ещё говорил по телефону, но, увидев меня, включил громкую связь – и извинился, что они говорят на непонятном мне языке!

Переговоры длились больше часа. Он отвечал очень эмоционально – то сердился, то жаловался, то смеялся. Пил чай, я тоже пила чай, вслушивалась в грузинский язык. Наконец он попрощался с ними, положил трубку.

– Вы извините, что мы говорили не по-русски! – не за то он извинялся, что говорил слишком долго, нет! – Я вам сейчас ВСЁ переведу! – и он начал рассказывать, я даже возразить не успела – я видела, что ему сейчас необходимо рассказывать!

И смиренно выслушала.

Снова – мама. А звонил сейчас муж его сестры. Он разругался с тётцей и изливал по этому поводу душу Сосо. Он приезжает сюда время от времени из Грузии, дочь живёт с мамой и детьми в Батайске – а теперь надо срочно переезжать от тётчи, раз она так себя ведёт! И его, Сосо, просят срочно помочь в переезде....

Я поняла, что ни сегодня, ни завтра мы работать не будем.

Мы допили чай, и за это время он мне рассказал, что маму он очень любит и понимает. Его отец умер рано, а грузинская женщина после смерти мужа не позволит себе и мысли о другом мужчине. И от этого у мамы сильно испортился характер.

(Но за ноги она его подвешивала ещё при живом отце, однако.)

После смерти отца они переехали в Ростов, вернее, в Батайск. Сняли жильё с огородом. На огороде мама выращивала исключительно кинзу, очень успешно её продавала и на эти деньги строила дом.

У меня в этом месте разговорчика немного упала челюсть. То есть ты тут учишься десятилетиями, приобретаешь массу немых навыков – и живёшь от зарплаты до зарплаты. А можно, оказывается, продавать кинзу и строить дом!

В этом доме они сейчас и живут. И он должен туда сейчас ехать, чтобы помочь переехать на квартиру в Ростове сестре – и успокоить бедную маму, которая, конечно же, очень переживает, она ведь так любит своих внуков!

Он так увлёкся разговором, что зять его там уже заждался, похоже. Большие зелёные глаза лучились и сверкали.

*

Я же оставалась пока при своей разрухе, но что делать, когда тут такие страдания.

После этого мы провели вместе ещё два уик-энда. Сосо и правда старался. Даже снаружи окошки обвёл белой краской прямо по кирпичу. На кухне эти полосы вышли широковатыми, на мой вкус, я решила, что закрасю их потом. Он даже подарил мне пачку плиток, их как раз хватило заменить выпавшие, и по цвету подошли.

Между делом вспомнил 2008 год – он тогда давно уже жил в Ростове – и вдруг обнаружил, что после той короткой войны грузины в России стали чужими, их стали даже бояться. Его изумило и обидело очень тогда это отношение. К счастью, лет через пять это всё забылось. Сегодня всё как всегда, по его ощущениям.

Ещё он заметил, что линия потолка у нас не вполне горизонтальна, и постарался так спланировать верхний откос, чтобы визуально этот недостаток скорректировать. В общем, старался, как мог.

И напоследок с гордостью рассказывал мне, что ему удалось помирить зятя и сестру с мамой, и они остались все жить под одной крышей!

А я вспоминала – и как тут было не вспомнить – слова Льва Толстого о том, что человек не повзростает, пока не научится понимать, принимать и прощать недостатки своих родителей...

ЗИНАИДА ВАРЛЫГИНА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГАСТРОЛЕЙ

повесть

Хотя лето давным-давно перевалило за середину, жара в городе стояла нестерпимая. В середине дня улицы выглядели пустынными – мало кому хотелось плавиться на раскалённом асфальте. Двое мальчишек двенадцати лет сидели на ветвях раскидистой яблони, прячась от солнца в тени листвы. Они отчаянно скучали – во дворе, кроме них, никого не было, а придумывать себе какое-то занятие им было лень. Звали мальчишек Мишей и Серёжей, но чаще их называли Бурым и Серым. Сперва прозвище приклеилось к Серёже – в школе приятели так стали звать, сократив имя. Серёжка обижался сначала и отгрызлся: «Сам ты серо-буро-малиновый!». А потом его друг и сосед по дому, Мишка, сказал: «Ну и что, ты – Серый, а я Бурый, потому что Мишка, медведь то есть!». Так и прицепилось к ним это прозвище на двоих – Серый и Бурый.

Время тянулось медленно, даже было такое чувство, что оно не движется вовсе – как застыло солнце над самой головой, так там и висит, и будет висеть и жарить ещё долго-долго, а вечер не наступит никогда. Воздух был неподвижный и вязкий, чтобы вдохнуть его, приходилось прилагать усилия. Мишка уткнулся в телефон и играл в какую-то стрелялку, а Серёжа медленно жевал яблоко, сорванное с того же дерева, на котором они сидели. Кстати, эти кислые и кособокие яблоки казались мальчишкам вкуснее самых дорогих сортовых и красивых яблок из магазина.

– А я вчера Машку встретил... – протянул Серёжа.

– Какою, Кошкину?

– Ага.

Маша Кошкина, учившаяся в их классе, всей школе была известна, как Кошка Машка – и она всеми силами стремилась соответствовать этому прозвищу: занималась художественной гимнастикой, охотно демонстрируя всем свою природную гибкость, ну и, заодно, оттачивала умение царапаться на не дававших проходу мальчишках-одноклассниках. Кусаться вот только не пробовала пока...

– Ну, и чего она?

– Хвасталась, что в цирк ходила. Тигров там всяких видела, львов... Говорит, что так близко сидела, прямо на первом ряду, что у ближайшего тигра все полоски можно было пересчитать!

– Да-да, и за ухом почесать, заодно!

– Да ну, она б струсила! Девчонка же...

В это время мимо проходил Костик – Мишкин сосед по лестничной клетке. Он был на целых четыре года старше Серого и Бурого, перешёл уже в одиннадцатый класс. Однако с мальчишками, в отличие от своих сверстников, общаться не брезговал – по старой памяти: ещё лет пять назад Мишку иногда оставляли под его присмотром, когда родители сами заняты были. С тех пор он сохранил к своему бывшему «воспитаннику» тон слегка покровительственный, с нотками превосходства, но, в целом, доброжелательный. Это отношение распространялось и на Серёжу, как на ближайшего Мишкиного друга.

– Салют соседям! – Костик шутливо козырнул приятелям, остановившись под яблоней.

– Привет, Костик!

– Про что треплетесь?

– Да так, ни про что... про цирк вот... – ответил Мишка.

– Это про какой-такой цирк? – Костик прищурил один глаз. – Уж не про тот ли, что у нас на гастролях, в котором тигры-людоеды?

– Почему это людоеды? – мальчишки сразу встрепенулись.

– Ну, как почему... Раз людей едят – значит, людоеды.

– Да врёшь ты всё! – запротестовал Мишка. – Если б они людей ели, как бы к ним укротитель заходил? Они б и его сожрали!

– А укротитель для них – вообще не человек, а вожак стаи, они его как человека и не воспринимают – потому и не едят.

– А кого едят? Кто тебе такое рассказал вообще?

– Знающие люди. Если языком болтать не будете – могу и вам рассказать.

– Не будем, конечно! Ты ж нас знаешь, Костик! – Мишка опасно свесился с ветки, рискуя свалиться прямо на голову Косте.

– Тогда слезайте, а то всей округе наш разговор слышен!

Серёжка и Мишка вихрем слетели с дерева. Костик напустил на себя загадочный вид и таинственным шёпотом начал рассказ:

– В общем, тут такое дело: этот цирк ездит по стране уже давно – постоянно на колёсах: месяц – в одном городе, месяц – в другом, месяц – в третьем... К нам-то он в первый раз заехал, даже странно. Так вот, рассказал мне один знающий человек... кто – даже не спрашивайте! – Костик сказал это очень строго, хотя мальчишки даже и не собирались перебивать какими бы то ни было вопросами. – Я слово дал, что не разболтаю, кто мне про всё это рассказал.

– Так что рассказал-то? – не вытерпел Серёжка.

– А ты не перебивай, а то долго ещё до главного не дойду!

Он выдержал театральную паузу: не спеша поправил бейсболку, сбил пальцем с плеча какую-то невидимую соринку, посмотрел на мальчишек с загадочным видом человека, знающего что-то необычное, но не спешащего этим знанием делиться. А мальчишки ждали продолжения, не решаясь больше задавать вопросы. Наконец Костик продолжил:

– Рассказал мне тот человек, что когда этот вот цирк уезжает, в городе каждый раз пропадает один мальчик. Это укротитель и его команда так своё зверьё поощряют за работу на гастролях и перед дорогой задабривают, чтоб те её спокойней переносили.

– Как? Они его тиграм скармливают?... – спросил Мишка срывающимся тихим голосом.

– Ну, не понюхать же дают! Скармливают, конечно. А тигры после этого ещё месяц в следующем городе работают на ура, ждут очередного деликатеса... Вот такие дела, соседи! – Костик глубокомысленно вздохнул и развёл руками, мол, как хотите, так теперь с этим и живите.

Мальчишки стояли и огулшённо молчали, не зная, что и сказать. Серёжка неуверенно начал:

– А может, неправда это? Их бы арестовали давно... тигров этих. Тьфу, укротителя. И на гастролы больше никуда бы не пустили.

– Как же неправда, когда мне об этом такой надёжный человек рассказал! – Костик сделал оскорблённое выражение лица и отвернулся.

– погоди, Костик... – Мишка попробовал сгладить слова своего друга. – Если человек надёжный, то, конечно, он врать не станет! Ну, то есть специально, зная, что врёт. А может, ему кто-то наврал, а он за правду принял? И он думает, что правду рассказывает, а на самом деле всё не так страшно!

– Нет, пацаны. Это такой человек, который сплетни пересказывать не станет – это уж точно! А почему не арестовывают? Так никто ж ничего доказать не может! Цирк-то уезжает – и никаких следов. А пока ищут – день, два, неделю – про цирк-то все и думать забывают. А мальчика так и не находят. Ну, ладно, – он взглянул на часы, – идти мне пора – дела ждут. – Оглядевшись по сторонам и снова понизив голос до шёпота, он напомнил: – Только – уговор! Никому не рассказывайте! Иначе – трепачи вы будете, а не нормальные пацаны!

– Костик, мы ж обещали! – обиженно выдал Мишка.

– Я это запомнил! – Костик прищурился. – Ну, салют, соседи! – он снова козырнул и быстро пошагал к подъезду.

Мальчишки стояли под яблоней и молчали. Чувствовали они себя очень неудобно: неприятно это – узнать о том, что каждый месяц цирковые тигры съедают мальчишку! А вдруг на очереди – ты сам или твой друг? Да даже если и незнакомый мальчишка – за что его есть? Даже если он вредный какой или вообще дурак – ну, врезать ему пару раз или не разговаривать с ним вообще, но – есть? Это как-то слишком!

– Как-то всё это... неправильно, что ли, – наконец, выдал Мишка.

– Какое тут «правильно», – поддержал его Серёжа. – Это вообще дикость какая-то! Неужели это правда?

– Вообще-то Костик обычно не врёт...

– Да я знаю. Только вот не верится! Слушай, а давай попробуем всё выяснить сами?

– Как?

– Ну, пойдём в цирк, поспрашиваем там...

– И что мы спросим? Где у вас тут мальчиков на корм тиграм принимают?

– Ну, нет, конечно. Как-нибудь вокруг да около – разузнаем, что у них там происходит.

– А нас туда пустят?

– Как-нибудь прорвёмся. Скажем, что мой дядя там работает или что просили передать какую-нибудь фишку – в общем, по дороге придумаем. Поехали!

Однако сразу они в цирк не поехали – всё-таки к визиту туда надо было хоть мало-мальски подготовиться, чтоб не быть вышвырнутыми за порог сразу! Мальчишки отправились к Серёже домой, на

ходу обсуждая, как можно проникнуть за кулисы, не вызвав подозрений. Идей было высказано и тут же, на ходу, отброшено много – не меньше десятка. Остановились на одной, которая показалась им наиболее правдоподобной: сказать вахтёру, что их попросили передать подарок дрессировщику, но только передать из рук в руки! Теперь оставалось только найти этот самый подарок... Впрочем, это тоже не стало проблемой – после десятиминутного метания по квартире в поисках чего-нибудь подходящего, на столе старшей Серёгиной сестры была обнаружена красивая подарочная коробочка со всякой девчачьей трюхой для рукоделия.

– То, что надо! – веско заявил Мишка.

Ленту для коробки они нашли там же, в ворохе высыпанных на стол ниток, лоскутов, иголок и булавок. Примерили – как раз подошла по длине, даже больше, чем надо, была. Оставалось придумать, что в коробку положить.

– Давай яблок диких надерём! При нас-то он всё равно открывать не будет, наверное, а во второй раз мы туда вряд ли пойдём, – предложил Серёжа.

– Давай! Она тогда и весить будет серьёзно, а не как пустая, – поддержал друга Бурый. – И ещё цветов нарвать можно – и сказать, что от поклонницы подарок, тогда точно не откажутся нас пустить!

– Классно придумал! Во дворе как раз эти, как их, лохматые такие, цветут!

– Я тоже не помню, как называются. Но сойдут! Не розы же этому укротителю тащить.

На сбор яблок и георгинов (именно их Серёжа обозвал «лохматыми»), упаковывание подарка и перевязку его лентой ушло ещё полчаса. Взъерошенные от возни со всем этим мальчишки довольно смотрели на результаты своих трудов. Пышный букет цветов с дворовой каумбы (хорошо, что вездесущие соседки не заметили, как они их рвали!), перевязанный обрезком ленты, да ещё коробочка, полная яблок-дичков и украшенная большим атласным бантом показались им чуть ли не царским подарком. Ну, если и не царским, то уж точно заслуживающим того, чтобы с ним их пропустили к дрессировщику!

До цирка ехать было остановок десять на автобусе. У ребят уже затеплилась надежда спасти неизвестного им мальчишку от страшной гибели в тигриных когтях. Они чувствовали себя почти героями, к тому же – хитроумно подготовившими свой подвиг, который им казался уже почти совершённым. Пока ехали – почти не переговаривались, но каждый про себя представлял, как они зайдут в цирк, и как попросят провести их прямо к дрессировщику, и как дрессировщик, догадавшись, что его преступление уже раскрыто, сразу раскается и поклянётся, что больше никогда-никогда не будет скармливать мальчиков тиграм. Но, чем ближе была цель, тем меньше оставалось уверенности, что всё пойдёт так, как задумано, да и вообще, их замысел становился непонятным им самим. Когда уже к цирку подходили, Серёжка уверенно спросил приятеля:

– Думаешь, пустят?

– Конечно, пустят. Мы же по делу! – Мишка отозвался преувеличенно бодро, потому что сам не был уверен в успехе их затей, и чем ближе они были к дверям, тем больше его одолевали сомнения и страх.

Двери цирка не были закрыты, никто их не остановил и не спросил, что им потребовалось тут в день, на который не назначено представление. Цирк показался мальчикам неестественно пустынным – они привыкли видеть его до отказа набитым взрослыми и детьми, светящимся разными цирковыми игрушками, пестреющим воздушными шариками и звучащим несмолкаемой многоголосицей. В этот день в нём не было, казалось, вообще никого, даже около касс не толкались желающие купить билетик, да и сами кассы были закрыты на какой-то «технический перерыв», как гласила надпись на кривой картонке, загораживающей окошко. Коридоры казались нереально широкими и гулкими – каждый шаг отдавался эхом и многократно повторялся под потолком. Наверное, именно так звучат шаги одиноких рыцарей в заброшенных замках, куда они приезжают на взмыленном коне, чтобы спасти из заточения принцессу или старого друга. Их так никто и не останавливал, более того, им вообще никто не встретился. Пройдя ещё несколько шагов и замерев в нерешительности посреди вестибюля, возле одного из выходов в зрительный зал, они огляделись. В этот раз первым заговорил Мишка:

– И куда дальше идти? – и сам испугался эха собственного голоса, вздрогнул.

– Надо найти кого-нибудь... – отозвался после того, как отзвуки стихли, Серёжа.

– Мне кажется, что здесь вообще никого нет. Даже не слышно никого!

– Если б никого не было – и двери были бы закрыты.

– Ну, а где нам кого-то искать?

– Давай по коридору пройдем до конца – наверняка он куда-то выведет. Должен же быть какой-то проход за кулисы отсюда...

И они пошли, продолжая вздрагивать от каждого шороха, который сами же и производили, от каждого отзвука собственных шагов. Хорошо, что коридор был ярко освещён солнечным светом, бьющим в окна, не то мальчишкам стало бы совсем жутко. В конце коридора они увидели небольшой проход, занавешенный тяжёлой, как на манеже, бархатной штормой – только, конечно, меньшего размера. Всучив букет Мишке, тащившему коробку с яблоками, Серёжка потянул её за край обеими руками, заглянул

за неё и увидел дверь – обычную, какую-то совсем не цирковую, старую и крашеную бежевой масляной краской, совсем как у них на даче. Оглянувшись на друга, потянул за ручку – и дверь со скрипом подавалась, нехотя открылась. Мальчишки быстро прошмыгнули внутрь и замерли – после светлого вестибюля они попали в полумрак какого-то внутреннего коридора, поэтому сперва ничего не могли разглядеть перед собой. Мишка шёпотом спросил:

– Это мы где?

– Сейчас узнаем. Пошли!

У Серёжки руки были свободны, поэтому он пошёл по коридору первым, медленно, придерживаясь за стену и нащупывая путь руками, чтоб ни на что не налететь. Постепенно глаза привыкли к тусклому освещению – и они увидели в паре десятков шагов от себя вахтёра, дремавшего за стареньким письменным столом с настольной лампой. На столе лежала газета с кроссвордом, и стоял наполовину выпитый стакан чая. Вахтёр был пожилым мужчиной с седыми, коротко стриженными волосами, усатый и какой-то домашний, совсем не цирковой. Одет он был в самую обычную рубашку с коротким рукавом, из её кармана торчали очки в металлической оправе. В общем, вид вахтёра не вызывал абсолютно никакого страха. Мальчишки практически бесшумно подошли к столу и в нерешительности остановились рядом. Переглянулись. Надо было решать: идти дальше и искать дрессировщика самостоятельно – или разбудить вахтёра и спросить у него, куда им направиться. Потоптались на месте. Всё-таки решив, что надо дать о себе знать, Серёжка шагнул вперёд и негромко позвал:

– Дядя... а дядя?

Вахтёр проснулся, резко вскинул голову.

– Что? Кто? Кто здесь? – и, похлопав спросонья глазами, уставившись на мальчишек, недовольно спросил: – Что вам тут надо, пацаны?

– Мы... ищем... дрессировщика... – запинаясь, промямлил Серёжа.

– Какого вам ещё дрессировщика? – вахтёр окончательно проснулся и стал подниматься из-за стола. – А ну мотайте отсюда! Придумали! В цирк пробрались! У нас тут звери дикие, а они пашают! Хотите, чтоб сожрали вас? Так это они мигом, только попадитесь!

Мальчишки, услышав это, испуганно переглянулись – им показалось, что вахтёр своими словами как бы подтвердил Костиков рассказ. Однако быть вышвырнутыми из цирка за шкуру им совсем не хотелось, тем более что они пришли сюда, чтобы разобраться в этой непонятной ситуации с пропадающими мальчишками. Мишка быстрее друга очнулся от испуга, и скороговоркой выпалил:

– Нет-нет, мы не хотим, чтоб нас сожрали! Мы не к зверям, мы к дрессировщику! Ему подарок просили передать! Вот! – и он вытянул вперёд руки с коробкой и букетом, лежащим на ней.

Вахтёр на минуту задумался, разглядывая мальчишек и их «подарок». Он, видимо, решал, стоит ли им верить. С одной стороны, свёрток и букет выглядели довольно внушительно, с другой стороны, сами «дарители» вызывали у него сомнения. Несколько раз ему уже приходилось отлавливать мальчишек и даже девчонок, которые пытались прорваться за кулисы, чтобы посмотреть, как цирковые живут, животных погладить – да мало ли что ещё детям в голову взбредёт! Продолжая хмуриться, спросил:

– Кто просил передать? И что там, в коробке?

Мишка совсем осмелел, он понял, что в вахтёрской обороне пробита маленькая, но брешь:

– Кто просил – сказать только дрессировщику можем. Просили никому не разбалтывать! А что в коробке – сами не знаем, в чужие подарки заглядывать нехорошо!

– Ишь, какой! Нехорошо! Сам-то не знаю, что ли... – вахтёр немного смягчил тон, сменив гнев на ворчание. Но тут же прибавил бдительности: – Кому передать велели? Какому дрессировщику?

Тут Мишка замялся. Имени дрессировщика он не помнил.

– Этому, который тигров дрессирует... – неуверенно начал он.

– Вечно ты имена забываешь! – пришёл на выручку Серёжа. – Владиславу Алмазову это подарок. – Он вовремя вспомнил рекламную зазывалку, каждое утро звучащую по телевизору у них на кухне: «Владислав Алмазов и его дрессированные тигры! Спешите видеть!».

– Есть такой, верно, – успокоился вахтёр. Никуда не уходите, здесь ждите. Я его позову.

– Спасибо, дядя! – радостно воскликнул Серёжа.

– Только куда, ни шагу отсюда! Вон, сядьте там на тумбы, посидите! – и вахтёр махнул рукой в сторону от своего стола, туда, где действительно стояли несколько небольших тумб, наверное, предназначенных для цирковых собачек. Мальчишки сели, а вахтёр ушёл по сумрачному коридору, через каждые несколько шагов оглядываясь, будто желая удостовериться, что они никуда не пытаются залезть, пока он пошёл за дрессировщиком.

– Ну, сейчас самое страшное будет... – едва слышно прошептал Мишка, как только он скрылся за поворотом.

– Почему?

– Так если правда это – он нас и постарается оставить на корм своим кошкам полосатым...

– Даже если и правда – не будет он нас скармливать! – горячо зашептал Серёжа. – Нас же вахтёр видел! Зачем ему свидетели?

– А может, вахтёр с ним в сговоре? Может, они своих не выдают?

– Погоди! Ты помнишь, как Костик сказал? «Пропадает один мальчик!» А нас-то – двое!

– Ты думаешь, тигры сильно расстроятся, если им вместо одного мальчика на ужин двоих подадут?.. Только обрадуются!

– И что, ты хочешь сбежать, пока вахтёр ходит?

– С чего ты взял? – надулся Мишка. – И ничего я не хочу...

– Ну, мало ли – испугался. Так ты иди давай, а если я вечером домой не вернусь – расскажешь, где меня искать. У них гастроли ещё не закончились, так что сегодня тиграм меня точно не скормят!

– Ещё чего! – возмутился Мишка. – Ничего я не испугался! Раз вместе пошли – вместе и разбираться будем!

Серёжа хотел ему возразить, что он и сам справится, но тут Мишка прислушался и шикнул на него – в дальней части коридора зазвучали шаги, видно, вахтёр возвращался вместе с дрессировщиком. Мальчишки вскочили и сделали пару шагов навстречу идущим. Вахтёра они увидели первым – он внезапно вынырнул из-за угла, беспокойным взглядом оглядел свой пост и, увидев мальчишек там, где он их оставил, вздохнул с облегчением. За ним из-за поворота показался высокий мужчина в белой футболке и джинсах, в котором практически невозможно было угадать дрессировщика, блиставшего на манеже и афишах в сияющем серебристом костюме с малиновой отделкой. Тем не менее, это был именно он – Владислав Алмазов, собственной персоной. Он удивлённо посмотрел на мальчишек, уставившихся на него.

– Так вот какие ко мне курьеры прибыли?! – произнёс он хорошо поставленным, приятным баритоном. – Ну что, пойдёмте ко мне в гримёрку – не в коридоре же разговаривать! Дядя Витя, запиши их, что ли, в свой журнал, для порядка! Напиши, что ко мне. Как вас звать-то, юноши?

– Меня – Серый, то есть Серёжа. А его – Бурый, ну, то есть Мишка.

– Серый да Бурый? – усмехнулся Алмазов. – Как волк с медведем! Ну, давайте, пойдём уже. Записал, дядь Вить?

– Фамилии-то скажите! – вахтёр дядя Витя вытащил из нагрудного кармана очки и отодвинул газету, закрывавшую, как оказалось, журнал посещений, похожий на старую амбарную книгу. – А то клочки ещё мне в документ не хватало записывать!

– Петров и Максимов, – отозвался Серёжа. Укротитель и мальчишки подождали, пока вахтёр сделает запись, потом Алмазов расписался за своих гостей – одним росчерком сразу на две строки – и, сделав приглашающий следовать за собой жест, пошёл по коридору.

Мальчишки поспешили за ним, чтобы не отстать и не заплутать в лабиринте цирковых коридоров, идти пришлось быстро, почти бегом. Дрессировщик уверенно сворачивал то направо, то налево. В одном месте Серёжке показалось, что он слышит тигриный рык, в другом Мишка споткнулся об упавший с подставки для инвентаря кнут. Наконец, Алмазов остановился перед одной из дверей, вытащил из кармана джинсов ключ, отпер её и обернулся к мальчишкам:

– Заходите, гости дорогие! Да осторожно тут, порог высокий.

Порог, действительно, был высокий – несмотря на предупреждение, и Миша, и Серёжа споткнулись об него. Хорошо ещё, что Мишка свою ношу не выронил!

– Проходите, садитесь, – сам Алмазов уселся на банкетку, стоявшую рядом с гримировальным столиком. Мальчишки примостились на двух стульях, в сторону которых он махнул рукой.

– Ну, теперь рассказывайте! – дрессировщик выжидательно уставился на мальчишек. А у тех, как на-зла, словно языки отнялись – сидят и смотрят на того, к кому так отчаянно через вахтёра прорывались.

– Что же вы? Пришли – так рассказывайте, кто вас отправил, что передать просил?

– Вот, передать просили вот это, – Мишка вскочил с места и протянул коробку с букетом. – Какая-то Ваша поклонница. Она имени не сказала. Сказала только, что восхищается Вашей смелостью...

– ...и талантом! – подхватила Мишкину речь Серёжа. – И просила принять скромный подарок в знак этого восхищения.

– Поклонница, говорите? – задумчиво протянул Алмазов. – А какая она из себя?

Тут мальчишки переглянулись – ведь они заранее не договорились о том, что будут врать дрессировщику, надо было придумывать историю на ходу, причём так, чтобы друг другу не противоречить, чтобы всё звучало ладно и складно.

– Да какая... – промямлил Серёжа, чтобы протянуть время. – Обычная какая-то. Не как актриса или певица какая-то, а так – женщина и женщина.

– Молодая?

– Ну... Примерно как Вы возрастом.

– Как я, значит. А волосы – светлые, ниже плеч?

– Вроде как...

- А глаза – большие такие, зелёные?
- Я не помню... Вроде, большие...
- И ростом – примерно до плеча мне, так?
- Вроде бы так, может, чуть повыше даже.
- Ну, если она на каблуках была, то повыше, конечно!

Серёжка был в недоумении, но соглашался со всеми приметам, которые ему называл дрессировщик. Мишка же с каждым вопросом всё больше и больше нервничал. Было ясно, что Алмазов имеет в виду какую-то конкретную женщину, но ведь никакой женщины на самом деле не было, никто не просил их передавать укротителю подарок! Однако отступать было поздно.

– И что она сказала? Мальчишки, постарайтесь точно вспомнить! – почему-то дрессировщик разволновался, получив от Серёжи «подтверждение» своих догадок.

– Да почти ничего. Говорит: «Ребята, помогите мне, пожалуйста! Передайте небольшой подарок дрессировщику Владиславу Алмазову! Он такой смелый и талантливый, что хочется отблагодарить его за его выступление!».

– Значит, она была на выступлении!.. – Алмазов встал и заходил по комнате, как тигр по клетке.

– Да, кажется, была. Но к нам-то она подошла сегодня. Мы тут гуляли, а она подходит и просит передать. Почему-то сама не захотела...

– Ну, это понятное дело, почему! Значит, всё-таки, пришла. Под конец гастролей...

– А кто эта женщина? – робко спросил Мишка.

Алмазов снова сел, посмотрел на Мишку, потом – на Серёжу, тяжело вздохнул и начал свой рассказ:

– Я родился в этом городе. Учился в школе номер два. И была у нас в классе девочка – Даша Кошкина. Конечно, все её звали Кошкой Дашкой, тем более, глаза у неё зелёные были, да и шустрая она была, как настоящая кошка... – мальчишки переглянулись, обоих одновременно посетила мысль об их собственной однокласснице Машке Кошкиной, с разговора о которой и началась для них вся эта цирковая история. – Так вот, с этой девочкой мы в старших классах дружили. Как сейчас говорят – встречались. Хорошо дружили. Но вот когда пришло время выбирать профессию, меня вдруг переключило – я уже совсем настроился на то, чтоб поступать на биофак, на ветеринарный, а тут сходили мы с ней на цирковое представление, на гастроль московского цирка, посмотрели на дрессированных тигров – и решил я стать укротителем. Дашка, конечно, посмеялась сначала, думала, что это я под впечатлением так говорю и скоро про эту идею забуду. А вышло иначе – я стал наводить справки о том, где на дрессировщиков учат, что это за профессия, что знать надо и уметь, чтобы хищники слушались. В общем, увлёкся так, что ни об одной другой профессии даже слышать не хотел. А Дашу это начало раздражать – она твердила мне, что я заигрался, что надо выбирать серьёзную профессию... Ну и в итоге мне сказала, что если я решу стать циркачом, то она за меня замуж не пойдёт – а мы с ней уже уговорились пожениться, когда восемнадцать исполнится. Говорит – я не хочу за тебя каждый день переживать – сожрут тебя твои кошки полосатые или нет. Да ещё ей родители каждый день на мозги капали – выйдешь, мол, замуж за циркача, доченька, будешь, как клоунесса какая-то, мотаться по всем городам. В общем, поссорились мы с ней... Уехал я в Москву, но в цирковое училище поступать не стал – там конкретно на дрессировщиков не учат, а пошёл в цирк, попросился ассистентом к одному укротителю, который с большими хищниками работал. Тот сначала меня всё проверял – на стрессоустойчивость, на готовность работать почти круглосуточно, на отношение к животным... В общем, сначала я у него клетки чистил, манеж готовил, зверей кормил. Только через год он меня стал каким-то трюкам учить, номера давать. Так ещё год прошёл... А потом он мне передал двух тигрят на обучение. С ними я и начинал. Они и сейчас со мной ездят – Шерхан и Мавр – самые старшие в труппе, самые умные. Сначала я со своими полосатыми выступал на маленьких площадках, с короткими номерами, в сборных программах, потом, когда зверей других набрать смог, подготовил большую программу – и вот уже пять лет езжу по стране, показываю, что мои полосатики умеют... А в наш город не приезжал ни разу – боялся, что ли. Дашка-то у меня из памяти не идёт, вся семья моя сейчас – мои тигры, так я и не женился. А тут думаю – да она-то про меня уж и забыла давно, чего бояться? Десять лет прошло с окончания школы. Всё равно на представление не придёт. Вот и приехал. А она, оказывается, не забыла... И цветы передала те самые, какие я ей в первый раз подарил, в десятом классе – георгины, даже цвет тот же. А в коробке-то что?

Мальчишки замерли. Рассказ дрессировщика их впечатлил, им уже было неловко за свой обман и хотелось сбежать отсюда как скорее – даже про причину своей авантюры они почти забыли. Алмазов отложил в сторону цветы, которые лежали прямо на коробке, повертел её в руках и потянулся к банту.

– Может, Вы потом посмотрите? – робко произнёс Мишка. – Вдруг там личное что-то? Чего нам видеть не положено?

– Да ну, что там личного может быть... А впрочем, не хотите – не смотрите. – Алмазов быстрым движением распустил бант, над сооружением которого мальчишки трудились не меньше пятнадцати минут, открыл коробку и замер.

«Надо бежать!» – пронеслось в голове у Мишки. Серёжа не успел подумать даже этого.

– Точно! Это точно Даша! – Алмазов аккуратно поставил коробку на стол, после чего снова вскочил и забегал по примёрной.

– Почему точно? – только и выдавил Серёжка.

– Потому что у нас с ней любимое дело было летом – забраться на дикую яблоню и есть эти кислые яблоки! Никто бы больше такой подарок не прислал!

И тут Серёжку посетила идея. Он вскочил, и, пока не успел испугаться собственной смелости, выпалил:

– А хотите, мы Вам Вашу Дашу найдём?

Мишка тоже вскочил, но не от прилива энтузиазма в стремлении помочь дрессировщику встретиться с той, в кого он был влюблён десять лет назад, да, похоже, и сейчас тоже, а от желания стукнуть друга чем-нибудь тяжёлым по макушке. Чего придумал! Шли мальчиков от съедения спасать, а сейчас курьерами по амурным делам устраиваются! Однако он не успел ничего ни сказать, ни сделать – Алмазов среагировал на предложение Серёжки быстрее:

– Да разве ж вы сможете? Если, сами говорите, она вас просто на улице поймала?

– Я думаю, сможем! – заверил его Серёжа.

– Вообще-то, она ни на одно моё письмо так и не ответила... – грустно сказал дрессировщик. – А когда по телефону звонить ей пытался – трубку взял отец и сказал, что с циркачами в его доме никто дела иметь не желает. И так, мол, сплошной цирк в стране творится... Потом ещё пробовал звонить – но, видно, номер сменился, как ни наберу – «Неправильно набран номер» и гудки.

– Ничего! Фамилия у неё редкая, да и вторая школа – наша, мы сами там учимся, так что найдём! Но только с одним условием.

Алмазов и Мишка с недоумением уставились на него. Дрессировщик ещё не пришёл себя от того, что его встреча с Дашей, на которую он втайне надеялся, собираясь на гастроли в родной город, возможна. А мальчику были вообще непонятны намерения его друга.

– С каким условием? – укротитель был готов услышать всё, что угодно, кроме того, что ему предстояло услышать на самом деле.

– Ходят слухи, что когда ваш цирк с гастролей уезжает, один мальчик в городе пропадает каждый раз. Вроде как, тиграм Вы его скармливаете...

Алмазов сначала посмотрел на Серёжу непонимающим взглядом, а потом вдруг рассмеялся. Мальчишки смотрели на него удивлённо и даже с негодованием – как можно над такими вещами смеяться?..

– А что это Вы смеётесь? – насулено спросил Мишка. – Что в этом смешного?

– Да ничего! – ответил Алмазов, не переставая смеяться. – Откуда эта старая байка всплыла? В первый год моих гастролей она появилась. Несколько месяцев её жёлтая пресса муссировала, потом забросила.

– Так это неправда? – с надеждой спросил Серёжа.

– Ну конечно, неправда! Сами подумайте – если бы это так было, да и с таким слухом, который в прессу пробрался – был бы я на свободе или за решёткой давно сидел?

– Так говорят, что никто ничего доказать не может...

– Да глупости это всё! Хищник, однажды попробовавший человеческой крови, никогда не сможет работать на публику. Он дрессировщика первым же сожрёт, а потом всех, до кого доберётся!

– А говорят, что Вас тигры за человека не считают – Вы у них навроде жоака?

– В социальном смысле – да, но инстинкт-то остаётся инстинктом! Так что не верьте этим старым выдумкам. Просто кое-кто продажи газет и журналов за счёт таких скандальных сюжетов поднимает. А правда это или нет – их совсем не волнует.

– Так что же, это на пустом месте выдумки?

– Ну... не совсем на пустом, конечно... Был один случай с мальчиком... – мальчики насторожились. А Алмазов встал, подошёл к двери, выглянул в коридор и громко позвал: – Саня, ты где? Подойди ко мне в примёрку!

На его оклик через полминуты пришёл молодой парнишка лет девятнадцати в футболке с эмблемой цирковой труппы и потёртых джинсах.

– Звали, дядь Слав?

– Да, Санёк, звал. Тут ребята интересуются историей с пропадающими после гастролей нашего цирка мальчиками... Вот и решил им единственного такого мальчика показать.

Саня застенчиво улыбнулся.

– Ну, дядь Слав, это ж давнее дело...

– Зато вполне реальное! Вот, юноши, этот мальчик действительно пропал из родного города, когда мы оттуда с гастрольями уехали. Как уж ему удалось прошмыгнуть мимо всех цирковых – понятия не имею. Где-то раздобыл нашу фирменную футболку, как-то в автофургон пробрался... В общем, обнаружили его уже только когда в другой город приехали. Сколько тебе тогда было, Саня?

– Четырнадцать.

– Вот. Стали расквартировываться на новом месте – а он тут и нашёлся. Упал, как говорится, мне в ноги: мол, дядя дрессировщик, возьмите меня, балбеса, к себе в ученики, хочу тигров дрессировать! Ну почти как я когда-то. Только я постарше был и сознательно готовился к тому, чтобы дрессировщиком стать, учиться собирался, сколько надо будет. А этот – на эмоциях к труппе пристал. Первым делом, конечно, я его родителям позвонил, чтобы не волновались – они к тому времени, сутки ж уже прошли, всю полицию в своём городе на уши поставили, волонтёров привлекли к поискам. А потом сели мы с ним, поговорили. Я ему все особенности своей профессии расписал, а он мне – своё желание работать со зверями. В результате договорились: он возвращается домой, заканчивает школу – зачем мне в труппе недоучки? – и если после этого не передумает, а родители его согласятся, я его беру рядовым рабочим – клетки чистить, корм животным носить. В общем, чтобы прошёл весь путь с самого начала, так же, как я. И вот третий год он уже у меня работает. Как, Сань, не передумал ещё? Может, другая профессия тебе нужна?

– Не, дядь Слав. Я уж цирковой, мне другого не надо. Вот только дрессировать теперь думаю не тигров, а лошадей – как-то к ним душой прикипел, ну, да Вы знаете... Пойду Тирана на манеж выводить, он сегодня из стойла не выходил ещё! – сказал Саня.

– Знаю-знаю! Иди к своему вороному! – Алмазов улыбнулся, и Саня, кивнув мальчишкам, которые слушали историю о юном циркаче, раскрыв рот, вышел из гримёрки. – Так что вот, ребята, – обратился он к Мишке и Серёжке, – как у нас мальчики «пропадают». А сплетням не верьте!

– Как хорошо, что никто никого не ест! – выдохнул Мишка.

– Точно! – поддержал его Серёжа. – Ну так мы пойдём искать Вашу Дашу... дядь Слав? – после небольшой паузы он назвал Алмазова так, как его называл Витя.

Алмазов улыбнулся и ответил:

– Буду вам, мальчики, очень благодарен, если поможете мне с ней встретиться!

– Мы очень постараемся! – в этот раз ему ответил Мишка, который, убедившись, что мальчиков здесь тиграм всё-таки не скармливают, сразу стал относиться к дрессировщику и к цирку в целом с симпатией.

Алмазов проводил их до вахтёрского поста и попрощался, вахтёр дядя Витя сделал в своём журнале пометку, что мальчики покинули цирк, и они отправились домой. По дороге Мишка набросился на Серёжу:

– Ну и зачем ты ему пообещал эту его подружку найти? Где мы её теперь искать станем? Или ты искать и не собирался, а просто так ему наврал, чтоб информацию выудить?

– Нет, я ему не врал! У меня идея есть. Помнишь, я говорил про Машку Кошкину?

– Помню, конечно! Если б не тот твой рассказ, то нам и Костик бы ничего не наплёл, и сами мы сюда не поехали бы!

– Так вот, она говорила, что ходила в цирк со своей тётёй Дашей! Улавливаешь?

– Ты что, думаешь, что это – она?

– Ну сам подумай – ты кого-то ещё с такой фамилией в нашем городе встречал?

– Не-а.

– Вот и я не встречал! Надо сейчас к Машке в гости навеститься и расспросить, та ли это Даша, что нам нужна!

Маша жила в доме через дорогу, что по детским меркам значило чуть ли не на другой планете – в «задорожных» дворах сложилась своя компания, у них – своя. Пересекались они за пределами школы крайне редко, поэтому байки про живших там людей знали не все. Про Машкину тётю им, кроме имени, ничего не было известно. Серёжка напряг память – он как-то видел её, когда она к Машке в школу приходила, и заявил, что её внешность вполне соответствует описанию, данному дрессировщиком. Машка, конечно, очень удивилась незваным гостям, однако с интересом выслушала их сбивчивый рассказ, а после, к радости мальчишек, подтвердила, что это та самая Даша, которая отвергла Славу Алмазова, о чём до сих пор сожалеет. Решили ждать, когда она вернётся с работы. Мишка сначала предложил Машке самой всё рассказать тётё, но она отказалась наотрез – это ж они всю эту авантюру затеяли, они от Дашиного имени дрессировщику подарок вручили! Пусть и Даше об этом сами рассказывают, а она тут ни при чём, зачем ей с родной тётёй из-за их затей ссориться?

Пока ждали, девочка раз пять заставила их всю историю пересказать в подробностях. Спрашивала, как дрессировщик в обычной жизни выглядит, а не на манеже, что говорил, какая у него гримёрка, как там вообще – в цирковом закулисье? В общем, когда Даша пришла домой, у мальчишек уже языки отваливались от постоянного пересказа одного и того же. Машка взялась подготовить родственницу к их рассказу: налил ей лимонада, достала любимые конфеты – чтобы смягчить будущее потрясение. Конечно, Даша была сильно взволнована рассказом Мишки и Серёжки, пару раз хотела надавать им подзатыльников – за то, что её именем прикрывались, но они каждый раз уворачивались, да и Машка сразу свою тётю успокаивать старалась.

– Только одного понять не могу: как вы про георгины и яблоки догадались?

– Да ничего мы не догадывались! Собрали, что проще было...

– Представляю, как вам от родителей и соседей попадёт за испорченную клумбу!

– За клумбу вряд ли попадёт – нас там никто вроде не засёк, пока цветы рвали, – вздохнул Серёжа. – А вот за коробку сестринскую мне попадёт абсолютно точно. Но надо ж было что-то делать!

– Ну, да ладно. Раз так всё сложилось... Уму непостижимо. Надо встретиться со Славой.

– Здорово! – сразу ожил Серёжка. Так мы можем прямо сейчас поехать!

– Нет, лучше давайте завтра на представление пойдём! – Машка явно была не прочь ещё раз посмотреть на тигров.

– Завтра последний день гастролей... – напомнил Мишка.

– Хорошо, я позвоню вечером вашим родителям, – сказала Даша мальчишкам, – и скажу, чтоб вам дали деньги на билеты, а я с вами вместе схожу в цирк.

– Ур-ра! – закричали дети.

На следующий день вся компания отправилась в цирк. Приехали специально заранее – за полчаса до представления. Мальчишки оставили Машу с Дашей в вестибюле, а сами побежали к уже знакомому проходу, к вахтёрскому посту. Вахтёр их узнал и сразу пошёл звать Алмазова. Тот пришёл через пару минут, лицо у него было взволнованным.

– Привет, ребята! Ну, что? Неужели?..

– Она там, в вестибюле! – быстро сказал Серёжка, даже не поздоровавшись.

Алмазов выскочил за мальчишками в вестибюль, огляделся и сразу увидел Дашу. Мальчишки за руку оттащили Машку, чтобы не мешать – они наблюдали за встречей издали. Когда был подан сигнал к началу представления, Алмазов направился за кулисы, перед этим поцеловав Даше руку.

– Вот как надо с дамами себя вести! – тут же ввернула Машка. – А не за волосы дёргать!

– Ой, тоже мне, дама наплась! – прыснул Серёжка, но Мишка тут же отвесил ему оплеуху. – Ты чего? – возмутился Серёжка.

– Потом объясню, – насунился Мишка. А Маша кокетливо состроила ему глазки – так, что тот сразу покраснел.

После представления Алмазов всю компанию пригласил в ресторан – отметить долгожданную (и, как выяснилось вполне определённо, не только для него) встречу. На следующий день труппа Алмазова уезжала в другой город, а ещё через неделю Даша стала собираться переезжать в Москву. Её больше не пугала перспектива выйти замуж за циркача.

...А Костику мальчишки ничего рассказывать не стали – вдруг он обидится и не будет больше им такие истории пересказывать? Как же они тогда – без приключений останутся?

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУКЛЫ

сказка

ЭМИЛИНА

Эмилинка – пятилетняя рыжеволосая девочка, маленькая, с тоненькими ручками и ножками. Целыми днями она слышит: «Ваше высочество, вы принцесса, вы не должны ходить вприпрыжку, шмыгать носом, вы должны правильно ставить ногу, красиво держать чашку, красиво есть, правильно говорить, правильно держать подбородок». Всё это трудно и неинтересно маленькой девочке. Ей скучно играть с фрейлинами. Взрослые всегда поддаются ей, они только делают вид, что играют, а на самом деле стараются научить её придворным манерам. С детьми она проводила время всего пять раз, и всегда выходило всё плохо: то дети обижались и плакали, то отказывались играть, а один раз мальчик укусил её, и с тех пор к ней не приводили детей. У Эмилины два брата, один взрослый, с которым она никогда не играла, и второй – старше на два года. Она его терпеть не может, он всегда дразнит её и обижает.

Дважды в её жизни происходили перемены к лучшему. Один раз мать заметила, что у дочки слишком тонкие хилые ножки, позвала придворного доктора осмотреть девочку, и тот посоветовал ребёнку прыгать через скакалку. Одна молоденькая фрейлина начала обучать принцессу этому упражнению, но у фрейлины и самой не очень-то получалось, наверное, платье мешало. Тогда Эмилинка начала учиться сама, и вот она уже целыми днями прыгает: сначала по комнате, а потом по дорожкам парка загородного дворца. Это самое лучшее занятие, которое есть в её жизни.

Вскоре произошло и второе радостное событие: ей подарили чудесную куклу. Её привёз посол из далёкой России, и Эмилинка прозвала её московской принцессой Лизой. Лиза была великолепна, роскошный наряд, блестящие белокурые локоны и, главное, сияющие, почти живые, большие голубые глаза. Словом, она была настоящая принцесса, и теперь наконец у Эмилины появилась подруга, ведь с принцессами было можно играть. Но ей велели обращаться с Лизой очень аккуратно. Лиза сидит целыми днями на комодике и смотрит своими блестящими глазами на букеты роз на шелковых обоях стены, Эмилинка учит её правилам поведения настоящей принцессы, а кукла смиренно слушает, приветливо улыбаясь. На завтрак, обед и ужин перед Лизой ставят чашку горячего шоколада и пирожное. На ночь служанка снимает с Лизы великолепное платье, оставляя её в кружевной сорочке, надевает чепчик, и Эмилинка укладывает куклу в кроватку под пологом. Та покорно закрывает глаза, и так продолжается каждый день.

Однажды в жизни королевской семьи произошло большое событие. Старший брат Эмилины женился. В загородном дворце устраивали празднества, прибыли важные гости, в том числе приехали с родителями две девочки-принцессы. Наконец-то, думала Эмилинка, она поиграет с настоящими принцессами. Целый день она ожидала этого события. И вот во время свадебного пира взрослые решили, что детям пора прогуляться. Их вывели на детскую площадку в парке. Посредине площадки радостно переливался сияющими струями маленький фонтан со скульптурой девочки-нимфы посредине, земля была посыпана в виде орнамента разноцветными щепками. Вокруг площадки росли красиво подстриженные кусты и деревья. Был накрыт стол с пирожными, фруктами и лимонадом. Толстый брат Эмилины, тот, что был старше на два года, сразу оказался за столом. «Прилетел, как муха на сахар» – подумала Эмилинка. Рядом с принцем присел его учитель, это был единственный взрослый, не считая лакея.

Старшая девочка одиннадцати лет, очень хорошенькая, с чёрными живыми глазками, ямочками на румяных щечках, в очень модном платье, белом с зелёными листьями, расположилась на качелях. Её звали Шарлота. На протяжении всех празднеств ей оказывали внимание, она умело поддерживала беседу с взрослыми, уже успела исполнить модную арию и получить кучу комплиментов. Сейчас она тоже напевала вполголоса, раскачиваясь на качелях с безмятежным выражением на лице.

Вторая девочка была старше Эмилины на три года. Роста она была того же, что и Шарлота, только более широкая в кости, и рядом с ней выглядела нескладной. Эмилинка забыла, как её зовут. Хотя надо было помнить, ведь они теперь стали родственницами. Эта принцесса была родной сестрой невесты. Девочка села, отвернувшись от всех. Она уткнулась носом в цветы сирени.

Эмилиная растерялась. Она не знала, как начать общение с этими девочками, которые её, хозяйку площадки, совсем не замечали. Тогда она решила обратить их внимание на себя: Эмилиная достала из ящичка, прикрепленного к скамеечке, скакалку и запрыгала через верёвочку вокруг фонтана. Прыгать в бальном платье было неудобно, скажем даже, ужасно, скакалка цеплялась за платье. С большим трудом маленькая принцесса завершила круг вокруг фонтана, хотя в обычном платье она могла прыгать много-много кругов. Нескладная родственница, Эмилиная вспомнила, наконец, что её зовут София, даже не обернувшись. А эта задавака на качелях попросила лакея подать ей лимонаду, будто бы Эмилиная – невидимка. Эмилиная, привыкшая быть в центре внимания, растерялась. Ещё утром, надевая на неё новое белое платьице в оборках и кружевах, все уверяли её высочество, что к рыжим кудряшкам очень подходит белый цвет и что она будет самая красивая на свадьбе. А эти девочки даже не замечают её. И тут Эмилиная вспомнила о кукле, сейчас она принесёт свою великолепную куклу, и все восхищаются ею. Эмилиная опростомельно помчалась в спальню, обратно она уже бежала с Лизой в руках. Бежать было совсем тяжело: Лиза была большой и тяжёлой, но Эмилиная спешила изо всех сил. И действительно, Шарлота, грациозно отдав лакею бокал из-под лимонада, сказала: «Какая прелестная кукла!». София тоже обернулась. Эмилиная с радостью продемонстрировала, как Лиза говорит: «мама», обратила внимание всех детей на красивые подвязки и на хорошенький маленький носовой платочек в кармашке платьица. Девочки по очереди брали Лизу на руки, Эмилиная торжествовала, но тут подошёл её противный брат и стал звать девочек посмотреть на нового скакуна. К удивлению, девочки ушли за этим хвастуном. Эмилиная сначала растерялась, а потом побежала за всеми, оставив свою дорогую куклу на скамеечке.

ЛИЗА

Долгие-предолгие дни Лиза сидела на комодике и смотрела на букеты роз на шелковых обоях. Иногда её брала на руки девочка, что-то говорила ей, как надо держать голову, кланяться и что-то ещё, но Лиза плохо понимала, потом её клали в постель, она закрывала глаза и что-то вспоминала. Она родилась не здесь, там было всё другое. Кукла помнила добрые руки мастера, которые её создали, его тихий и ласковый голос, помнила смутно ещё какие-то руки, которые до неё дотрагивались после мастера. Но это были взрослые руки, и эти взрослые люди не верили, что она может слышать и видеть, поэтому она почти ничего не слышала, не видела и ничего не помнила. И вот однажды, когда Лиза всё так же равнодушно смотрела на бутон в букете обоевого рисунка, к ней подошла принцесса Эмилиная, схватила и побежала по коридору, потом спустилась по лестнице, у Лизы всё закружилось в голове, и она опять оказалась среди чужих рук, а потом её оставили в незнакомом месте. Здесь было много света, она никогда не видела столько света, и своим кукольным сердцем понимала, что здесь красиво, и ещё ей стало впервые грустно, потому что единственная подруга так просто оставила её, несмотря на то, что она очень дорогая кукла, так говорили все взрослые, и обращаться с ней надо очень бережно. Вдруг Лиза увидела другую девочку, одетую далеко не так красиво, как она сама, принцессы и фрейлины. На девочке была серая грубая юбка, изношенный передник и рубашка с плохо застиранными пятнами. Но глаза, какие у девочки были глаза – добрые, ласковые и восторженные. Похожие глаза были у мастера, что-то было родное в этой девочке.

– Ты такая хорошенькая, – сказала девочка, подойдя к ней, – ты красивая, как моя мамочка, которая умерла. Можно, я возьму тебя на руки?

Что-то ёкнуло в Лизином кукольном сердце, и она протянула ручки.

– Иди, ко мне, – говорила, девочка, – я буду твоей мамой.

– Мама, – сказала Лиза, хотя ей не нажали на кнопку, она сказала сама в первый раз, и ей это так понравилось, что она ещё раз повторила: – Мама.

Девочка обрадовалась, и кукла впервые чувствовала тепло в своём сердце.

– Ты моя дочка, я буду заботиться о тебе, – девочка гладила Лизу, а та прижималась к маме.

Тут подошла гувернантка, выхватила Лизу из рук девочки и отругала бедняжку, обвинив её в воровстве. Лизу отнесли обратно в комнату и посадили на тот же комод. Но она больше не могла сидеть спокойно и глупо смотреть на всё тот же букет. Она вспоминала обретенную маму. Вечером уставшая Эмилиная, которая сама получила строгий выговор, начала выговаривать ей, как неприлично было общаться со слугами, что Лиза ничему не научилась, и нельзя оставить её ни на минуту, потому что она не умеет вести себя прилично:

– Больше не буду выводить тебя во двор, будешь здесь сидеть одна.

Вдобавок она щёлкнула Лизу по лбу, как делал иногда её брат, когда никто не видел.

На ночь Лизу уложили в кроватку, но она не могла спать, и впервые в жизни она попробовала встать, и у неё получилось, она перелезла через перила и спрыгнула, оцарапав фарфоровую ножку, но даже не заметила этого. С большим трудом Лиза открыла огромную дверь и, оказавшись на свободе, пошла по огромному коридору, слабо освещённому свечами. Было и страшно и радостно одновременно. Когда Лиза видела стражников, она совсем затихала, и кралась около них тихо-тихо, благо, что они спали на посту. Вот и лестница, по которой её несла принцесса. Лиза опустила ножку вниз, потом вторую – у неё

получилось преодолеть это ужасное сооружение, от которого у неё днем кружилась голова! Она дождалась, пока стражник откроет тяжёлую дверь, и выскользнула вслед за ним во двор. Во дворе продолжалось празднование, господа гуляли по парку, сверкали фейерверки. Лиза пряталась в тени деревьев, боясь, что её поймают и опять отнесут в комнату, чтобы посадить на надоевший комод. В одном конце парка она увидела танцующих слуг, они тоже праздновали свадьбу, что-то в их одежде было похожее на маму, и Лиза принялась искать её среди веселящихся, но маленьких девочек не было видно. Кукла устало села на траву, и стала ждать, когда опять появится мама. Празднующих людей становилось всё меньше, и к утру стало совсем тихо, Лиза уснула. Потом проснулась на руках у мамы, и это было большое счастье. Теперь ей стало спокойно и радостно, как бывает только у мамы на руках, когда не надо бояться, тревожиться, ждать, а можно просто закрыть глаза и окунуться в самый сладкий сон.

НЕЛЛИ

Нелли – девочка с большими грустными голубыми глазами. Она сирота, она не помнит папу, а вот маму, которая умерла полгода назад, девочка очень любила, и у неё никого не осталось на этом свете.

Она работает на кухне, хотя ей всего семь лет. Её мама была посудомойкой на королевской кухне, а Нелли такую работу пока не доверяют, да она и мала ростом: не достаёт до мойки. В обязанности девочки входит сбор отходов на кухне и остатков еды с тарелок. Она собирает очистки и относит их в свинарник, кости относит сторожевым собакам, а остатки королевской еды собирает для слуг, ещё она относит помой в помойную яму за изгородью дворца. Большие корзины и вёдра ей носить тяжело, поэтому Нелли приходится ходить по много раз, чтобы всё отнести маленькими частями. К концу дня Нелли так устаёт, что просто валится с ног, у неё не остаётся времени, чтобы поиграть с детьми. Когда вечером девочка ложится спать, она укладывает свою тряпичную куклу рядом, убаюкивая её. Мама рассказывала ей, что её отец, Неллин дедушка, был кукольный мастер и делал красивые кораблики, солдатиков и иногда кукол, которые продавал очень дорого, красивые куклы были и у Неллиной мамы, но потом дедушка получил богатый заказ из далёкой страны и отправился туда на корабле. Корабль так и не вернулся. Неллина мама больше не увидела своего отца, а потом последовали и другие несчастья, умерла Неллина бабушка, сгорел дом, а с ним и куклы. Неллиной маме ничего не оставалось, как идти искать работу, вот она и устроилась работать здесь в загородном дворце на кухне. Здесь Нелли родилась и выросла.

Мама сшила ей куклу из тряпочек, но ночами девочке снилась другая кукла, необыкновенно красивая, сделанная дедушкой для неё. Это была просто мечта, ведь настоящих дорогих кукол Нелли никогда не видела. Но мечты должны сбываться! Сегодня девочка встретила куклу своей мечты. Она оказалась такая же красивая, как во сне, она также умела говорить, как Нелли слышала во сне, умела двигаться и была похожа на её маму. Нелли заснула в слезах, а проснулась раньше, чем обычно, за окном каморки брезжил серый рассвет, Нелли было так одиноко и тоскливо, словно по сердцу кошки скребли, спать не хотелось. Девочка пошла на то же место, где вчера встретила прекрасную куклу, и неожиданно нашла её – в одной сорочке, спящей под кустом. Она взяла бережно свою дочку на руки, и та сказала: «Мама».

Девочка прижала свою дочку к лицу и заплакала от любви и счастья. Но хотя Нелли была и мала, она уже знала порядки во дворце и понимала, что куклу опять отнимут, а её обвинят в воровстве. Что же было делать? Она помнила случай с пропажей серебряной ложки: тогда всех обыскивали и искали даже в Нелиной каморке, а уж такую большую куклу не скроешь, и Нелли решила убежать. Она не знала куда, может быть, к родственникам, мама рассказывала ей про родственников, и у неё даже на бумажке было написано, где они живут, но Нелли ещё не умела читать, она знала кое-какие буквы, а вот соединять их в слова не умела. Но она кого-нибудь попросит прочитать слова на записке и обязательно найдёт родственников. Деньги у Нелли были – целые две монетки: одна досталась в наследство от мамы, а вторую дали всем детям в честь свадьбы принца. Нелли сидела с Лизой под кустами и рассуждала, что же они будут делать. Ещё вчера Нелли плакала, и жизнь казалась такой безнадежной, а сегодня утром было всё ясно. Неслучайно Неллина мама говорила: «Утро вечера мудренее».

Нелли проснула Лизу сквозь решётку изгороди дворца и велела ей спрятаться в густой листве и ждать, когда мамочка к ней подойдёт. Она прибежала в свою каморку, свернула вещи в узелок, положила бережно туда тряпичную куклу, потом побежала на кухню, взяла корзину с мусором, положила туда куски пирога, предварительно завернув их в салфетку, и снова помчалась в свою каморку, чтобы положить узелок в корзину с мусором и спрятать монетки в башмачок. И вот она уже за воротами дворца, мусор полетел в мусорную яму, корзина осталась около ямы, а Нелли идёт с Лизой на руках и узелком за спиной по тропинке вдоль большой дороги.

У Нелли началась новая жизнь, она отправились искать своих родственников, но сначала надо было уйти подальше от дворца. Идти с узелком и большой куклой на руках было тяжело, Нелли устала, и Лиза попросилась идти сама. Нелли вела её за ручку, и они шли медленно, ведь маленькими кукольными ногами быстро не побежишь. Радость переполняла их сердца, и они смотрели друг на друга с улыбкой.

Нелли совсем не удивлялась, что кукла сама ходит и говорит, ведь она не видела раньше настоящих кукол, а во сне ей снилась именно такая. Никогда девочка не ходила так далеко от дворца, она не знала, скоро ли будет город и не знала, как он выглядит, поэтому ей казалось, что город вот-вот появится за следующим поворотом дороги, и она готовила речь к незнакомым людям, которых встретит с просьбой прочитать записку. Но кругом был только лес, девочка устала, и Лиза устала, ведь сегодня обе не выпались.

Они решили отдохнуть на поляне. Нелли развязала узелок, разложила плащ, на который бережно положила Лизу и старую тряпичную куклу, и запела им колыбельную такую, как пела её мама: «Вот придёт к нам тетя фея и раскроет синий плащ, звёзды в синеву рассеет, чтобы сны нам навевать...», и тут Нелли сладко заснула, и Лиза тоже заснула, они спали сладко-сладко, и им снились хорошие светлые сны.

МАСТЕР

Мастера звали Дедал, так назвал его отец в честь легендарного мастера с Крита, который сумел сделать крылья для полёта. Отец хотел, чтобы его сын стал хорошим мастером. Он им и стал, крылья, правда, не сделал, но ещё в детстве научился делать кораблики, игрушечные пушки, солдатиков, игрушечную посуду и чудесные маленькие замки, по которым бродили бумажные дамы и кавалеры. А когда он вырос, стал очень известным человеком, все в городе знали и уважали мастера. Дети каждый день заходили в его лавку полюбоваться на игрушечное великолепие. Заказы поступали от родителей, дедушек и бабушек, он делал дорогие, очень затейливые игрушки, но для бедных детей, нет-нет, да и сделает что-то даром. И вот однажды отправил он свои игрушки с купцом в далёкие страны. Когда купец вернулся, он передал мастеру заказы от иноземных вельмож – сделать кораблики, деревянные пушки и сабли для своих детей. С детства Дедал мечтал отправиться в плавание и посмотреть родину своих предков, где в незапамятные времена жил легендарный мастер, в честь которого его называли, поэтому и мастерил он с малых лет кораблики, лелея мечту о плавании на далёкий остров. Мастер подумал-подумал, посоветовался с женой и решил отправиться в плавание: и на корабле поплавать, и Крит посмотреть, и денег заработать. Дедал был очень счастлив, когда корабль нёс его по синим волнам. Душу наполняли радостью и запах моря, и ветер в лицо, и солнечные блики на воде, играющие отблеском на загорелых лицах матросов, и закаты, и рассветы, когда слышно, как на горизонте кипит море. И даже морская болезнь была ему нипочём. На корабле он занимался любимым делом: делал и кораблик, и маленьких деревянных матросов, и игрушечного капитана. Как и дети, моряки обступали его, радуясь создаваемым шедеврам, и каждый обещал подарить по игрушке своим детям. Но вот однажды пришла беда: навстречу вышел пиратский корабль, настиг их, пираты взяли корабль на абордаж, многих убили, а мастера взяли в плен и продали турецкому султану.

Двадцать лет в плену Дедал делал игрушки для детей султана и шкатулки для его жён. Ему неплохо жилось, его хорошо поили, кормили и одевали, только уйти он никуда не мог. И здесь рядом с мастером были дети, благодаря которым он научился турецкому языку. Дети любили его и радовали. Но каждый час он вспоминал свою дочку – голубоглазую Агату. Во дворце запрещалось делать куклы, только бедные девочки делали себе кукол из тряпочек, а делать настоящие куклы считалось грехом, так как они похожи на человека, а изображать человека во дворце запрещалось. Поэтому куклу с голубыми глазами, похожую на его маленькую Агату, он сделал втайне. Так бы и была она тайно у мастера, но однажды её увидела дочка султана, и, хотя мастер просил её сохранить это в секрете, та рассказала матери и стала просить забрать у мастера эту куклу для неё. Так слух о кукле дошёл до главного распорядителя, и тот забрал её и хотел уничтожить, да больно та была красива, и он принёс показать её жене. Та решила спрятать куклу, но не смогла сохранить тайну, куклу отобрали, и, в конце концов, кукла попала к самому султану. Султана тоже поразила красота куклы. «Какое доброе и красивое лицо у этой куклы, – подумал султан, – рука не поднимается уничтожить». Неизвестно, какая судьба была бы у куклы, если бы не случилось важное событие, не имевшее никакого отношения к кукле: русские одержали победу в войне с Турцией, и при мирных переговорах султан решил подарить российской императрице через послов эту красавицу. «Какой я молодец, – сам себя похвалил султан, – и от куклы избавился, и императрицу умилостивил». Так кукла попала во дворец русской императрицы. Переговоры прошли хорошо, и султан решил отблагодарить Аллаха за помощь тем, что отпустил мастера на свободу, отправив его с торговым кораблём и даже дав денег на дорогу. По морю и по суше долго Дедал добирался до родного города. Непрерывно он представлял, как придёт к родному дому, откроет дверь и увидит свою весточку домой, жена могла решить, что его нет в живых, и может быть, у неё уже новый муж. Сердце его трепетало, и чем ближе приближался он к дому, тем всё больше волновался и тем меньше спал по ночам. И вот Дедал въезжает в родной город. Стало ещё тревожнее. Знакомые с детства улочки, где каждый дом знаком ему с детства... Он идёт пешком, сворачивает к родной улице, и что же? Он ничего не узнает, другие дома, другие вывески. Что же происходит? Он заблудился? Может быть, он просто спит, сейчас проснётся и снова окажется в каморке

султанского дворца? У Дедала пересохло горло, он прошёл всю улицу и ничего не узнал, он пошёл обратно, но ноги совершенно обмякли, сил не было, он увидел лавочку и сел, безнадежно глядя перед собой. К нему подошла молодая женщина и спросила участливо, как он себя чувствует, не случилось ли чего с ним и не принести ли ему воды, так как день был жаркий.

– Да-да, – сказал Дедал, – попить. – И пока пил маленькими глотками, спросил женщину, участливо глядевшую на него, что это за улица. И она назвала её.

– Скажите, – спросил мастер, – что же случилось на этой улице? Я не был здесь двадцать лет и ничего не узнаю.

И женщина рассказала о пожаре, который случился на этой улице, и о строительстве новых домов на месте прежних.

– Я жил на этой улице всю свою жизнь до отъезда, – сказал мастер. – А не знаете ли, что стало с моей женой и моей дочкой? – он назвал фамилию своей жены и описал свой дом. Женщина вздрогнула.

– Неужели вы, господин, мастер Дедал? Я ещё в детстве бегала в вашу лавку смотреть на игрушки. Отец купил мне в детстве славные саночки у вас и недорогую куклу. Как я была счастлива! Теперь мои дети катают куклу на этих саночках. Пойдемте, я накормлю вас обедом и всё подробно расскажу.

И рассказала женщина ему печальную историю, как ждала его жена, как потом она заболела, и умерла, как дочка его продавала вещи, чтобы выжить, и сама понемногу делала простые игрушки. Потом случилась беда, и дом сгорел, почти все дома на улице тогда сгорели, и дочка его поехала в королевский дворец искать работы. Однажды она написала ей письмо, в котором просила, если вдруг отыщется её отец, сказать ему, что она устроена хорошо, и работает на королевской кухне, что всегда сыта, и работа не тяжёлая.

– Я хочу вам сказать, – завершила свой рассказ женщина, – что, когда во время пожара люди выносили вещи из горящих домов, все дети вынесли ваши игрушки, и я тоже вынесла саночки и куклу. Для каждого ребёнка это было самое дорогое. Я рада предоставить вам кров.

Но Дедал лишь передохнул с дороги и поспешил в королевский дворец. Он отправился затемно, чтобы к утру успеть, ночью он не нашёл извозчиков и пошёл пешком. Рассвет встретил его в пути, раскрасив лес воль дороги в тёплые радостные тона. Он спешит, но идти пешком легче, чем ехать: когда быстро идёшь, кажется, и время идёт быстрее. Лес по бокам дороги, до боли родной, те же запахи, также просвечивают на солнце литые березы. Столько лет он тосковал по лесу в каморке во дворце султана, он согревает душу, утешает в горе! А на душе всё ж было тревожно. Что с ней, с его дочкой? Сейчас скоро будет виден дворец, надо присесть, успокоиться, он достал трубку, закурил и пошёл на полянку, светящуюся сквозь деревья и кусты малины. Солнце уже согрело воздух, золотом светилось в паутине, птички наперебой щебетали каждая свою песню.

Что же видит мастер на поляне? «Я, наверное, сошел с ума» – подумал мастер. На полянке спит девочка – его Агата – такая, какой она была двадцать лет назад, и обнимает его куклу, ту самую куклу, которую мастер сделал похожей на неё. «Горе делает человека сумасшедшим» – подумал мастер. Он сел около ребёнка и растерянно смотрел на него. Он пришёл в себя благодаря комарам, маленькие пищащие существа летали, несмотря на всю невероятность очевидного, садились на нежное лицо девочки и на него самого. Невольно пришлось отмахиваться. Дедал нежно смахивает веткой комаров с лица девочки, стараясь не задеть её нежной кожи. Всматриваясь в это лицо, мастер видит, что это не Агата, хотя и очень похожа. Комару не удалось укусить малютку, но, видимо, зачесался старый укус, ресницы её затрепетали, и она открыла свои большие голубые глаза.

– Агата, – невольно воскликнул мастер.

– Я Нелли, – ответили почти бесшумно губы девочки.

– Кто твоя мама? – почти также едва слышно спросил Дедал.

– Мою маму звали Агата, она работала на королевской кухне, мыла посуду, а ещё раньше она жила в городе и делала игрушки. А вы кто?

Что-то было тревожное в словах Нелли. Сначала мастер даже не понял, что. А потом, испугавшись догадки, спросил:

– Где сейчас твоя мама?

– Мама умерла.

Нелли давно не задавали такой вопрос, вновь скорбь охватила её, и она горько заплакала.

– Я твой дедушка, Нелли.

Дедушка крепко обнял внучку, и они плачут вместе, дедушка гладит её по головке, а Нелли уткнулась к нему лицом в грудь, и тут они увидели, что кукла тоже плачет. Как же был удивлён дедушка! А Нелли не удивилась, она перестала плакать и стала успокаивать Лизу. Ведь она не должна огорчать дочку, она будет её только радовать.

Измученному дедушке внучка рассказала свою историю, и Лиза иногда тоже что-то добавляла, как могла, ведь она только училась говорить. А мастер рассказал свою историю, и они вместе радуются тому, что нашли друг друга, и всё благодаря Лизе. А уж как радуется Лиза! Она даже прыгает от счастья!

И они отправились вместе искать родственников, чтобы начать новую жизнь...

Прошло несколько месяцев, на рождество во дворец принесли коробку, на которой было написано: «Для принцессы Эмильи». На коробке не было написано от кого, сказали, что её просто прислал посыльный. Когда раскрыли коробку, то увидели прелестную куклу, небольшую, с рыжими кудрявыми волосами, украшенными белыми аздалиями, в белом платье с кружевами. Кукла, когда Эмилиа брала её на руки, говорила: «Мама, я люблю тебя». Она не говорила это по-настоящему, как говорила Лиза, она могла говорить только благодаря механизму, что сделал мастер. Но принцессе всё равно было очень приятно. В чёрством сердечке девочки впервые встрепенулась нежность. Но более всего любви Эмилиа научила не кукла и уж тем более не бездушные люди, что её окружали, а её лошадка, но это уже другая история.

ИРИНА РЕМИЗОВА

ТИХИЕ МЕЛЬНИЦЫ БОЖЬИ

НАЙТИНГЕЙЛ

хоть поперёк, хоть вдоль
твоя дорога – сколь
верёвочку ни вей,
колокола ни лей –
ведёт в такую даль,
где даже соловей
зовётся найтингейл,
а может, нахтигаль;

где в голосе его
не золото, а тьма,
в которой плачет бес,
идуций на жнитво
в затихшие дома
с косою наперевес;

там люди-колоски,
от маковки до пят
спелёнутые мгой –
овсы и овсюги –
как будто с виду спят,
да всяк своей стегой
идёт из лубяной
избушки – к ледяной;

под щелканье и свист
выходит в ночь, рукой
незрячее окно
перевернув, как лист, –
чтобы не стать мукой,
а прорасти зерном.

ЦВЕТОК

вроде печалиться не о чем, но
стало прохладней внутри и неспешнее,
будто в груди распахнулось окно
и залетела вечерница вешняя.

режет спросонья лиловую тишь
рыжая бестия, мягкая молния –
и пропадает, но ты не грустишь,
а приучаешься слушать безмолвие:

как выпадают из облачных рук
пряжи лучей новолунного пострига,
как пролагает дорогу паук
по целине неподвижного воздуха, –

впрочем, и сам ты уже между строк,
между неплотно закрытыми ставнями,
словно высокий нескладный цветок,
кем-то в стакан вместо вазы поставленный.

ПАУТИНА

сколько сумрака ткачиха
наткала – а всё светло.
в этом доме слишком тихо,
чтобы в нём водилось зло,

оттого и сладко спится,
на какой ни ляжешь бок –
не застонет половица,
не запрыгает клубок.

за окном стоят иные
звёзды или времена,
и вращаются цветные
стёкла яви в трубке сна,

и в изменчивых узорах,
переплетших с правдой ложь,
жизнь отыщется, в которой
сам себя переживёшь,

и её полёт недлинный
не закончится, пока
неподвижна паутина,
словно око без зрачка.

ЧИТАЯ ФАУСТА

что осталось? вода и хлеб,
пфенниг на дне сумы.
доктор Фауст, увы, ослеп,
но не от слёз – от тьмы.

чья взяла? да ничья взяла –
не сочтено число.
доктор Фауст не помнит зла,
ибо не понял зло.

по расколотому стеклу
купленных кровью лет
доктор Фауст бредёт к теплу,
ибо тепло – где свет.

чьи-то шелест и беготно
слыша впотьмах с трудом,
доктор Фауст спешит к огню,
ибо светло, где Дом.

кто над бездной ладонь простёр,
чтобы туда пришёл
доктор Фауст, где есть костёр,
а над костром – котёл,

чтоб за тающей пеленой
жизни – и слепоты –
он увидел червей и гной,
ангелов и цветы?

РАНЕТ

...так спичкой чиркают. всполох –
и снова мрак.

всё тяжелее каждый вдох
и легче шаг,
как будто сделалось острее
времен стило,
и небо в норы мизгирей
с дождём ушло,
и червоточиною горчит
в саду ранет...

... и изнутри стучит-стучит
крылатый свет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

по ночному донушку
ходит кот-котёнушка –
по бузинову хребту,
по Калинову мосту
к вертограду-Вирею,
распевая «кирие».

подхватили куролес
чёрный бес да красный бес –
из незанятых посуд
тарабарщину несут,
блея-кукарекая,
слова не кумекая.

столько нам и маяться,
сколь стрела качается
в глубине подземных вод,
в толщине гнилых болот,
посреди дурного сна –
в сердце жабы вонзена.

справа явь, а слева навь.
коль не посуху, так вплавь
увела бы, отвела –
да кощеева игла
спшила пламенем и тьмой
берег твой и берег мой.

ВРЕМЯ МАРФЫ

военный барабан грозы
в домашнем шуме не расслышать:
бормочет прялка, тесто дышит,
гремят лужёные тазы,

но свет мерцает сквозь покров
вручную сотканного быта –
сестра беспечна, гости сыты
и веселы, и брат здоров.

ей хорошо внутри кольца
подённых радостей и мает –
и хлеб печёт, и пеленает
младенца или мертвеца.

пока она силком хлопот
насущенных спутана, как птица,
в кувшине время золотится –
кузнечик, угодивший в мёд.

покуда мёртвые мертвы,
живой живёт, пока живётся,
не зная, что вот-вот сорвётся
стрела с незримой тетивы.

СКРИПКА

...и когда оставалось немного
до обещанной светлой земли,
вдруг они потеряли дорогу
и в зловонную яму сошли –

с безмятежной шагали улыбкой
по крутой нисходящей стене
за лукавой невидимой скрипкой,
притаившейся где-то на дне.

их блазнила нечистая сила
и пугали исчадия зла –
лишь она ничего не сулила,
потому что беззвучной была,

но в тутой тишине небылого,
непостижной живому уму,
каждый слышал отчётливо слово,
обращённое только к нему.

СУШЬ

как тебе, девица, спится?
если несладко – не спи.

ходит высокая жница
по прирученной степи,
оборотясь к суховею
ржавым железным лицом.

пахнет пшеница шалфеем,
донником и чабрецом.
прячется хлеб по амбарам:
кто припозднится – сожгли.
смётаны накрепко жаром
серые губы земли.
что-то в небесной копилке
звякнет – и вновь ни глотка,
только трещотка кобылки
да щебетанье сверчка.

перемешались колосья
так, что своих не найдёшь.
лезвие свистнет – не спросит,
кто ты – ячмень или рожь.
дробью, а может быть, дробью
выбьют наружу – а тут
тихие мельницы Божьи
мелят, как будто прядут.

МАРИНА ЧИРКОВА

НЕЖНЕЙШЕЙ СУДОРОГОЮ РУК

ПИТЬ

Ты ведь не знаешь, *что* там.

С первого же глотка
лопнут горячим потом дойные облака.
Осы сосковых зёрен, бёдер нагар/прострел,
голос твой станет чёрен, станет зрачок твой – бел.
Встанешь, шагнешь по шпалам, даль это сталь колен.
Путь развернётся алым, зелень плеснёт из вен.
Две поднебесных нити снижут желток и синь.
Разве же ты – не птица? Только беги! Неси
дробью безумных пяток, мельницей ног и рук –
нерастворённый запах, неотражённый звук!
Скорый по взлётке рельсов, выше-гляди-сметёт!
Веткой срывая время, навзничь листая – всё:
та, что ещё разлюбит, вновь первый раз с тобой...
Станут слюдою губы и шоколадной – боль...
Канет закат на блюде, выплывет в бирюзе
дом, где тебя дождутся, где одному тебе
дальний ночник крылечка – ближе, теплее...

НЕТ!!

Это – ослепший встречный!.. И – оборвётся свет...

... Чашка с отбитым краем, трещинная змея.
Что в ней? Сама не знаю, яд или просто – я...

БАБЬЕ ЛЕТО

1

в горьких выюнах, пижмах,
головках чертополоха
лечь и молчать: вышит
выше, вишнёвей вдоха,

вырезан из ржавых
крыш жестяных, горячих –
кровным листом каштана...
(шёлковая иначе,
спряденная чужими,
сотканная вслепую
жилка, тропа ли в глине,
трещины тень?..) разуюсь:

розы густой бронзы,
мята глухих, мягких...
просто молчать. возле.
ежа, репей, мятлики...

2

нечаянная но закрой глаза
и весь собравшись на кромке губ
о как ты будешь ловить меня
и ждать во тьме чтобы вновь и вдруг
как вздрогнешь трогая где трава
уколы кончиков мокрый ворс
хвоинок спутанных стрекоза
блесной зависнет слезясь насквозь
чешуйка рыба не сколупнуть
поймал русалку терпи обняв
нежнейшей судорогою рук
и ног впивайся а вот слова
в которых знаю почти что груб
и небо навзничь легко легло
наждак загара волос овсюг
а мне нечаянно так тепло

3

где ночные-чёрные волосы твои
жёсткая неглаженная лебеда
если потеряюсь только не прогони
летнее ли ворохом и чехарда

порох тёплых тропок звон семян-узелков
пальцы разнимаю едва да едва
шёпотом в макушку выдыхать мотыльков
где слова не сломаны о слова

СМОРОДИНОВЫЙ ЛЕС

а солнце – сквозь смородиновый лес
по тёмно-красным, розовым и белым
упругим бусинам прихваченным губами,
упрямым косточкам прикушенным легко...

(а там по краю: ива наизнанку
за пыльной тучей вскинута вдогонку
и от беззвучных судорожных молний –
которые одни и гонят ветер
вперёд товарняков и вертолётов –
уже знобит, метёт озон безумья...
и бьётся телефон – живой пескаррик,
и оборвав натянутую леску
без плеска – в тишину, во тьму как в омут,
в расколотое зеркало как в сушь...
о нём, о немоте... в огне, во гневе...)

...утренним родинкам примятых летних ягод,
нет, мы другая половина неба,
где край листа двуручною пилою,
зелёным леденцом и двуязычным
блужданьем на просвет, на шёпот: слышишь,
садовник знает для чего привито,
а веткам незачем, им только дрогнуть
и прижиматься мокрым срезом к срезу,
и прирастать вживую, обнимая...
плести смородиновый лес... прилипших мошек,
мышей летучих с тонкими резцами,
грызущих нежный сахар полнолуныя
и распускающих одежду у влюблённых
до нитки, до последнего, до «кто ты?»

ПО КРАСНОЙ НИТИ

– Чего в такую рань? Эх ты. Легко ли
чём свет вставать, встречать идти старухе?
– Мне, бабушка, хотелось повидаться,
давно не говорили мы с тобою.
– А с дочками что не до разговоров?
– Да выросли они, живут отдельно,
к чему мешаться у чужого счастья,
я лучше к вам – ведь часто собиралась.
– Ну заходи. Дай поцалую... дылда.
Дом-от большой наш, и обняться есть с кем.
Мы все с тебя глаза-то не спускали,
не ждали правда рано так, но что уж.
– Что мама?
– Младшая моя краса и ныне!
Умней всех вас, всех лучше пьёт и вяжет –
светлее снега, легче паутинки!
Лишь тёплые ей вещи не даются.
– А папа?
– Нет, его ты не отыщешь.
Напрасный труд. Твой дядя тут пытался
свою сынка беспутного... соринка
во ста стогах. Но суть не в них, а вот где:
все, кто пришли – по кровной красной нити.
А белая не выдержит натяга.

– А как... не знаю, спрашивать...
– У нас он. Не толкошись, врачи сказали надо,
так им видней. А этот воздух лечит
и хвори, и обиды.
– Расскажи мне.
– Обычно здесь не любят нерождённых,
но твой весёлый. Мы назвали Ваней,
чтоб не забылось, каковы – дары.
Смотри-ко, вот и он. Беги, Ванюша,
встречай скорее маму. Зачерпни ей
пригоршню слёз, лицо умыть с дороги,
и молока грудного – ждаты и пом[нить].

КОНТУР

вымыто, стёрто. я – только контур.
 пробегая, его заполняют
 чужие собаки,
 мальчишки,
 мамашка с коляской и книжкой
 (как блестящие спицы),
 синие птицы – голубки на бульваре,
 в наушниках парень.

а рядом, чуть за угол –
 уголь,
 шаткая алкашня,
 смуглые грузчики
 ждут, жгущее солнце степей,
 недоумённое, сонное... эй, не пей!
 сор и асфальт.

альт –
 это уже река –
 даль-
 ше слышится. из ушка
 нитью упрямыца тянется.
 да, вода.
 ну куда?..
 сядо, как в дверь соседка,
 непрошенным лыком в строчку –
 не-видите-заперто-на-цепочку,
 придерживаю рукою – не беспокоить!..

нет, – синее и зелёное... незабелённое...
 «ты же была русалка, жалко...
 на, вспоминай –
 месяц, май...
 и не маши – дыши...
 камыши...»

часы протискиваются боком.

хватит, пора.
 эхом, охрой
 зеркальце поворачивается внутрь,
 прикрывается рисунком знакомым.

приветтики, вот я и тут, –
 дома.

БЕССОННИЦА

Совы... бесовские и – невесомые,
 вспомнятся: дрёмой плывёшь, но – коготь
 где-то с изнанки... Скажи мне сонное,
 то ли с английского, то ли – другого...
 Вдохом поймай, отпусти на выдохе –
 дёрнусь, но снова – ручные, ручьёвые
 волосы, полосы светлые... вылетит
 слово... моё ли, твоё или чьё оно?..
 Слово-совёнок, гнездо его – жжение,
 раж: на рожон через брайль многоточия
 буквой м(алой) – руки продолжением,
 снежным крылом – продолжением почерка...

СОФИЯ МАКСИМЫЧЕВА

В ПЕРИМЕТРЕ ОБЫДЕННОГО САДА

СОЛЬ

сладкая соль застывает во рту
так что промолвить мне неволю
птицы пустые и перья горят
я понимаю теперь что не сад

я выжигаю себя изнутри
господи хоть бы так ты говорил
это кипрей благосклонный на век
это пчела это ты человек

немочь пустая в цветочных листьях
горечь янтарная в божьих устах
я бессловесная в этом саду
та что совсем не горит на виду

ходит по стеблю как я муравей
белая кровь полошится под ней
сад умирает под страшной грозой
словно бы было ему не впервой

ну давай со мной поговорим
о горящем слое тех рябин
что ложились точно в ряд и в ряд
и стекал на них небесный яд

было страшно и сходила ночь
было этот сад не превозмочь
он всходил всей темнотой своей
мне казалось слышимым убей

горькую рябину в темноте
дерево качалось на кресте
жгло мне горло без пустой воды
только умирало в животе

дерево ли ветка слабый стон
тот кто был ко мне приговорён
пахло горько дымкой в темноте
я не понимала что не те

те которых надо быстро в жмых
господи пока ты не утих
говори со мной и не молчи
словно сад загубленный в ночи

мы умерли и нас не воскресить
в периметре обыденного сада
где мы казались добрыми людьми
пока горела Божия лампада

мы убивали каждый за своё
но плоть гнила и кажется напрасно
по родине гуляло вороньё
а девушки опять ходили в красном

ну и к чему придаться без молитв
пока всех бедных дев не закопали
где сад стоял но плечи оголив
для соловьёв слетающих едва ли

касающихся изредка их щёк
невыносимо царственно и долгих
что там на перекрестье всех дорог
всходил туман и был умершим волком

ПО ТЕМЕ ОСЕННЕГО

Охватит озноб пережнувших сюжет,
достаточно выхватить грубое слово.
Сквозь прорезь воздушную голос продет,
но вряд ли услышать его мы готовы.

По теме осеннего – сплин за окном,
короткое время для долгой разлуки,
где всполохи холода прут напролом,
чтоб мы разомкнули горячие руки!

Останется каждый один на один
с мигренью, бессонницей, тёмной дорогой;
упав, горизонт достигает глубин
земных сочленений в прослойке убогой.

Вот так в одночасье и сходят с ума,
где пенится щёлочь в колодезных срубах...
И в бедную волость приходит зима,
и снегом заносит упрямые губы.

МОЛИТВА

Старая книга, янтарный светильник,
долгая ночь в ожидании дня.
Бабочка крылья сложила бессильно
и потревожила этим меня.

Я осторожно её отпускаю
в тёмные окна, где маятный сад
под бормотание лиственной стаи
к слою земли худосочной прижат.

В этом ли времени кроется сила,
или в дождях, исходящих с небес?
Или в молитве, что я возносила,
но не во имя, а в противовес.

Бабочка тихо упала с ладони,
так вот и я незаметно уйду,
Господи, если меня ты уронишь,
похорони в незабвенном саду!

Шумной водой ороси мне могилу,
сад напои, где деревья растут.
Только оставшихся, Боже, помилуй,
всех, кто пока обретается тут.

молчит бессильная земля
где не случайны страх и старость
ты останавливаешь взгляд
на точном небе что осталось

всё наваждение и ты
едва ли двигаешься к саду
обрывки вящей пустоты
сон ниспадающей прохлады

когда в тяжёлое окно
вплывает ночь с дождливым всхлипом
где трав истёртое сукно
лежит в ногах просторной липы

где так невнятен голоса
чуть поддающиеся слуху
а ты утратив все слова
звучишь пространственно и сухо

из горла падает слеза
на почерневший слой бумажный
но ты выходишь всё же в сад
и всё становится не важным

и слабый свет и немота
в установившиеся сроки
и только с птичьего куста
дыханье слышимо сороки

Я выживаю, но в мартовской стуже
свет начинает по клавишам бить.
Время – короткую память утешить,
вспомнив, как птица щебечет «фьюить».

Вот и проталина воздухом дышит,
пласт обнажив изболевшей души;
загодя выпив весенних излишеств,
хочется выкрикнуть:
– Жизнь, не фальшивь!

Я, продолжатель эпохи иллюзий,
верую, словно не верить смогу,
но не пытайся зрочки мои сузить,
выпустив в небо раскатистый гул.

Там, на границе тепла и объятий,
плавится снег от горячих лучей...
Как же боюсь – не себя я утратить:
землю, которая станет ничьей.

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

ВАЛЕРИЙ БАЙДИН

«ПЕТЕРБУРГ» АНДРЕЯ БЕЛОГО И «ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ»

Опубликованный осенью 1913 – весной 1914 г. роман «Петербург», крупнейшее произведение русского символизма, не мог не привлечь внимания его убеждённых противников – авангардистов из петербургского «Союза молодёжи». По замыслу Белого, сюжет романа восходил к его наивысшей точке, к «центру чёрного, совершенного и атласом затянутого куба» – карете сенатора Аблеухова.¹ Белый признавался Павлу Флоренскому: «первичным образом, лёгшим в основу „Петербурга“, был чёрный куб <...>. Постепенно этот куб стал обрастать побочными образами и стал чёрной каретой, проезжающей по Невскому».² Предположительно, разговор писателя и философа состоялся в начале 1912 года, вскоре после завершения первоначальной версии романа, она была передана в издательство К.Ф. Некрасова и осталась неопубликованной.³ В этом тексте мотивы чёрного куба и квадрата выявлялись особенно настойчиво. Они появлялись на первых же страницах романа и объединялись в названии шестой главы «Квадраты, параллелепипеды, кубы».⁴ Сенатор укрывается «от уличной мрази» «в замкнутом кубе»;⁵ мистическая реальность куба предстаёт его сыну в сновидческой встрече с неким предком-туранцем: «старинная старина стояла небом и звёздами: и оттуда бил кубовый (иссиня-чёрный, чёрно-синий – В.Б.) воздух, настоящий на звезде».⁶ В главе «Страшный суд» Дудкин поначалу укрывается у себя в каморке, «в темно-жёлтый свой куб»;⁷ затем, готовясь к взрыву, пробегает мимо «кубами сложенных дров».⁸ Наконец, мирные «белые кубы» арабских домишек упоминаются в эпилоге романа.⁹

В первой главе дважды появлялся образ «чёрного, совершенного куба»: «Здесь, в карете, Аполлон Аполлонович наслаждался подолгу, без дум, четырёхугольными стенками, **пребывая в центре чёрного, совершенного и атласом затянутого куба <...>**», «вся государственная деятельность сенатора одушевлялась искренней любовью к ближнему, помещённому **в центре совершенного куба**».¹⁰ Пятая глава начиналась фразами: «Находившийся **в центре быстро летящего куба <...>**. **Между чёрных четырёх своих стенок** Аполлон Аполлонович предавался блаженству <...>».¹¹ Через несколько страниц Белый повторял те же образы: «Аполлон Аполлонович машинально поправил цилиндр и упорно **отдался любимому созерцанию кубов <...>**»,¹² в главе десятой они возникали вновь: дом «сенатора состоял для него: во-первых – **из стен, образующих квадраты и кубы**; во-вторых – собственный дом состоял **из симметрично прорезанных окон, образовавших – квадраты же <...>**».¹³

С той же настойчивостью в романе повторялся образ квадрата: квадрат «успокаивает» сенатора,¹⁴ это его «любимая фигура»,¹⁵ стены его дома «образуют квадраты и кубы».¹⁶ Гостиная в особняке сенатора Аблеухова «представляла собой строгий квадрат»,¹⁷ пол в нём также представлял собою «маленькие квадратики», блиставшие в «паркетном зеркале».¹⁸ Символ квадрата не только связывался с образом сенатора, он предвещал катастрофу. Белый проецирует его на «широкоплоское квадратное лицо» Липпанченко,¹⁹ его же «квадратную голову»²⁰ и «квадратную спину»,²¹ действие романа переносится в «чёткий дворик квадратный», в «чёткий дворковый квадрат» дома, где живёт террорист Дудкин,²² в «комнатный квадрат» его каморки.²³ Непонятная тревога вселяется в «квадратную узколобую голову» магазинного приказчика «похожего на Липпанченко», который силится понять происходящее «или... разлететься на части».²⁴ В последней главе романа, перед роковым взрывом пять раз упоминаются «квадратики» паркетных полов сенаторского особняка. Обе геометрические фигуры являлись истоками «мозговой игры» сенатора. В сирийском издании 1913-1914 годов слова «квадрат», «квадратный» упоминалось 24 раза, слово «куб» – почти 20 раз.

Дважды в романе упоминается «четвёртое измерение». О нём в бреду вспоминает Дудкин (туда уносили его душу бесы, там он прошёл «посвящение» во сне: «Петербург имеет не три измерения – четыре; четвёртое – подчинено неизвестности и на картах не отмечено вовсе, разве что точкою, ибо точка есть место касания плоскости этого бытия к шаровой поверхности громадного астрального космоса; так любая точка петербургских пространств во мгновение ока способна выкинуть жителя этого измерения <...>».²⁵ Синонимом четвёртого измерения в романе являлось выражение «второе пространство» – «вселенная странностей», «место свержения в бездну».²⁶ Это невысказанное пространство ощущал Николай Аблеухов в состоянии ужаса: некто «разбухая в громаду, из четвёртого измерения проникал жёлтый дом; и нёсся по комнатам; прилипал безвидными поверхностями к душе; и душа становилась поверхностью: да, поверхностью огромного и быстро растущего пузыря <...>».²⁷

Исследовательница Лена Силард обратила внимание на обозначенный в эпилоге романа «возврат к древнеегипетским истокам», который «есть возврат к общим исходным истокам восточной и западной культуры».²⁸ Выводы о том, что символы квадрата и куба связаны с личностью сенатора и противопоставлены символу египетской пирамиды, она уложила в неприемлемо простую схему: «вся семантика» романа «структурно организована этими двумя основными образами: куба как масонского символа совершенства, который предпочтён отцом, и пирамиды как преимущественно розенкрейцерского символа посвятельного пути, к которому в конце концов приходит сын».²⁹ Однако намёк на столкновение теософских убеждений сенатора и антропософских его сына вполне допустим.

Слово «пирамида» использовано в романе 13 раз и не столько противопоставляло, сколько внутренне связывало отца и сына, Аполлона Аполлоновича и Николая Аполлоновича. Для сенатора это не просто геометрическая фигура в числе других фигур, но и «светом наполненная пирамида», предстающая ему в медитации. Этот же символ всплывает в «пирамидальной» восточной шапке Великого Монгола – реинкарнации сенатора – в видении Николая Аблеухова.³⁰ Позже в его бреду возникает «пирамида событий», «раздробляющих душу»; ему кажется, что «в пирамиде есть что-то превышающее все представления человека: пирамида есть бред геометрии», «измеряемый цифрами», «есть цифровой ужас», но кроме того, «пирамида есть человеком созданный спутник планеты; и желта она, и мертва она, как луна».³¹ Эта загадочная фраза может быть истолкована, если предположить, что Белый имел в виду пирамиду тьмы, вершиной соприкасающейся с пирамидой света и подобно луне отражающей мертвенное свечение. Захваченный потоком отчаянных мыслей, когда в четырёх фразах слово «пирамида» повторяется семь раз, сын сенатора решает взорвать отца. Лишь в эпилоге, после раскаяния, Николай Аполлонович в Египте «сидит перед сфинксом часами» и рядом с ним переживает духовное озарение, привалившись «задумчиво к мёртвому, пирамидному боку».³²

Если принять утверждение Силард о розенкрейцерском «посвятельном пути», то судя по тексту романа, его начало возникает у подножия «мёртвой» пирамиды. Герою предстоит совершить восхождение на «спутник планеты», покидая землю, а иначе – отречься от мира и умереть плотью во имя иной жизни. «Светом наполненная пирамида», которая грезилась сенатору, так и осталась для него недостижимой, будто он жил в духовном параличе, который перед кончиной сковал его телесно. Николай Аполлонович решился преодолеть взрывоопасную «теософскую» тьму квадрата и куба в пирамиде. С каждым его шагом по ступеням «антропософского» восхождения и нисхождения она «наполняется светом» – ведёт к небу, а после достижения вершины – к людям.³³ В эпилоге романа Николай Аблеухов после посещения Назарета поселяется в родовом имении, где, как пишет Белый, он «гулял по лесам в поддёвке, с лопатообразной бородой и седой прядью, его видели в церкви, жил одиноко», «говорят, что в самое последнее время он читал философа Сквороду».³⁴ «Посвятельный путь» героя завершается его раскаянием, обращением к православию и русской религиозно-философской традиции.

Для Николая Бердяева важная особенность романа «Петербург» состояла в «совпадении космического распыления и космического вихря с распылением словесным, с вихрем словосочетаний».³⁵ В статье «Астральный роман» он отмечал у Белого «лишь ему принадлежащее художественное ощущение космического <...> распыления, декристаллизации всех вещей мира /.../».³⁶ Белый не был живописцем, но Бердяев вполне оправданно называл писателя-символиста «кубистом в литературе».³⁷ Два года ранее в статье «Пикассо», которую не могла не заметить русские авангардисты, Бердяев утверждал: «Пикассо – гениальный выразитель разложения, распластования, распыления физического, телесного, воплощенного мира». И далее: «Кризис живописи с неизбежностью приведёт к выходу из физической, материальной плоти в иной, высший план».³⁸ Бердяев, по сути, предсказал появление в 1915 году супрематизма – «распыления» живописи и её «выход в иной, высший план».

Прямое влияние идей П.Д. Успенского соединилось в эстетике Малевича с неявным – Бердяева и Белого. Сюжет романа «Петербург», начальные главы которого были опубликованы осенью 1913 года в первом выпуске петербургского альманаха «Сирин», опирался на символические образы «чёрного совершенного куба» и квадрата.³⁹ В теоретических писаниях Малевича и авторских комментариях к знаменитому «Чёрному квадрату» нет следов первоисточников, вдохновивших и создателя «Петербурга», и основополож-

ника супрематизма – «высшего», «совершенного» искусства. Найти их можно, если принять во внимание всеобщее увлечение оккультизмом в среде русских модернистов. Елена Блаватская в трактате «Тайная доктрина» (1888) писала о «Совершенном Кубе» универсума и «квадрате без формы – арупа», который являет собою «Вселенную». ⁴⁰ Суть учения была изложена ей в тексте «Ключ теософии. Вопросы и ответы», опубликованном по-русски летом 1911 года. В этом теософском катехизисе утверждалось: «религия мудрости» (теософия) «существовала уже за века до александрийских теософов, дождалась современных и переживёт любую другую религию и философию». ⁴¹ Блаватская повторяла в нём важнейшую идею «Тайной доктрины», выворачивающую наизнанку христианское учение о божественном свете: «Поистине мы можем перефразировать» стих из Евангелия от Иоанна: «И (абсолютный) свет (который есть темнота) во тьме (которая есть иллюзорный материальный свет) светит, и тьма не объяла его». ⁴² Это утверждение представляло собой многозначительную бессмыслицу («Тьма светит, и Свет тьму не объял»). Подобные *отрицающие утверждения* в принципе не имеют смысла. Предположительно, русских будетлян в теософском учении привлекала замена христианства религией космической бесконечности.

В декорациях Малевича 1913 года к «Победе над солнцем» мотив квадрата отсутствовал. В «Первом журнале русских футуристов» (1914) Михаил Матюшин упоминал о двенадцати декорациях Малевича для «футуристической оперы», видимо, имея в виду эскизы занавесей, одноцветных ковров и задников, которые «состояли из больших плоскостей – треугольники, крути, части машин». ⁴³ Завесы к 1-му действию, с «чёрным квадратом», о котором писал Малевич в 1915 году, попросту не существовало, как и завесы для 2-го действия с изображением чёрного усечённого конуса; ⁴⁴ по словам художника, он должен был изображать «момент поглощения солнца, усечённый конус поглотил весь огонь, и вот всё». ⁴⁵ В этом странном объяснении проглядывала попытка художника задним числом истолковать явно футуристический образ в соответствии со своим новым пониманием оформления давно сыгранной пьесы. Всё лишнее, шутовское отсеивалось, выявлялась символика квадрата.

По словам исследователя Е.Ф. Ковтуна, «в композиционном и световом решении задников первых трёх картин постановки лежит квадрат; в пятой картине задник представлял собой вполне „супрематический“ квадрат, решённый в чёрном и белом». ⁴⁶ С этим утверждением нельзя согласиться. Находясь под влиянием идей Успенского, Малевич в 1913 году попытался изобразить на плоскости четырёхмерный «типеркуб Хинтона» в виде квадрата в квадрате, произвольно поделив внутренний квадрат по диагонали на чёрную и белую части, что, судя по всему, должно было означать символическую завесу между видимым и невидимым мирами.

Теоретические писания и воспоминания Малевича свидетельствуют о прохождении им в 1913-1915 годах переходного периода от кубофутуристического «алогизма» к метафизической живописи и отказа от увлечения идеями Успенского. Малевич обратился к «оккультным первоисточникам»: к трактатам Блаватской. Новое искусство он решил создавать на понятиях «космическое пространство», «невесомость», «магнетизм», «зеркальность». В этом ему мог содействовать покровительствовавший «Союзу молодёжи» Левкий Жевержеев, обладатель крупнейшего в России собрания книг по оккультизму и отчасти Матюшин – начитанный, увлечённый эзотеризмом интеллектуал.

В мае 1915 года за полгода до появления «Чёрного квадрата», Малевич отослал Матюшину, якобы задумавшему новую постановку «футуристической оперы», три эскиза декораций к «Победе над солнцем». Сопроводительное письмо художника требует пояснений. Ссылка на неопределённые намерения Матюшина заново поставить пьесу выглядят лишь предлогом для посылки эскизов Малевичем, по его словам, «в том виде, какими они были сделаны в 1913 году». Приписывая авторство пьесы целиком другу и единомышленнику, он многозначительно добавлял (выделено мной – В.Б.): «то, что было сделано бессознательно, теперь даёт необычайные плоды», «всё многое, поставленное мною в 13 г. в **Вашей** / опере „Поб<еда> над С<олнцем>“, принесло мне массу нового, но только **никто не заметил**». ⁴⁷

«Заметить» нечто зарождавшееся в сознании Малевича было, разумеется, невозможно, поскольку лишь летом 1915 года, он «отчётливо сознаёт репающее значение своих эскизов в собственной творческой эволюции». ⁴⁸ Нельзя не согласиться с утверждением Е.Ф. Ковтуна: «тогда, в декабре 1913 года, сам Малевич ещё не догадывался о свершившемся в его творчестве решительном переломе». ⁴⁹ Способность Малевича изменять задним числом датировку и названия своих работ, а также перетолковывать их смысл хорошо известна. В упомянутом письме к Матюшину склонный к мистификациям художник относил зарождение супрематизма к осени 1913 года и спустя два года так объяснял смысл посылаемого эскиза занавеси к первой картине «оперы»: «Завеса изображает чёрный квадрат, <...> зародыш всех возможностей принимает при своём развитии страшную силу, он является родоначальником куба и шара, его распадаения несут удивительную культуру в живописи, в опере он обозначал начало победы». ⁵⁰ Под словами «страшная сила» Малевич, по всей видимости, понимал теургическую силу будетлянского «творческого акта». Его утверждения, что квадрат «является родоначальником куба и шара», а «его распадаения» несут «удивительную культуру в живописи», содержат явное противоречие: распадающийся на части квадрат не может стать «родоначальником куба», он является лишь его двухмерной проекцией на прямую плоскость. ⁵¹

Не сохранилось никаких эскизов к «Победе над Солнцем» со столь важным для Малевича мотивом «чёрного квадрата». Тем не менее его прообраз незримо присутствовал в спектакле. Он возникал в конце четвёртой картины, когда зрительный зал погружался во тьму и принимал образ «чёрного куба». Внутри него разыгрывалась световая мистерия пьесы, придуманная Малевичем. Трудно поверить, чтобы он не осознавал символизма своей замечательной пластической находки. Очевидец постановки Бенедикт Лившиц отмечал: «Вместо квадрата, вместо круга, к которым Малевич уже тогда пытался свести свою живопись, он получил возможность оперировать их объёмными коррелятами, кубом и шаром <...>».⁵²

Впоследствии, придавая квадрату основополагающее значение, Малевич пытался связать его с «началом победы», имея в виду будетлянскую «победу над солнцем» старого мира. Однако в пьесе символом «старого мира» выступал круг солнца, и «затмевал» его электрический свет «мира будущего», а не отсутствующая в 1913 году завеса в виде «чёрного квадрата». Утверждать, что прообраз «чёрного квадрата» возник в начальных эскизах к «Победе над солнцем», Малевич начал лишь в 1915 году, почувствовав себя вождём нового направления в живописи. Упорство художника объясняется возможными обвинениями его во вторичности. И для такого опасения были основания.

В том же письме к Матюшину ключевым является слово «теперь». Что же произошло за два года? Вокруг Малевича в 1915 году появились его молодые последователи, отошедшие от философско-эстетического кружка, руководимого Павлом Сергеевичем Поповым, студентом историко-филологического факультета Московского университета. Он возник в Москве в начале 1910-х годов и существовал несколько лет. В мастерской его сестры Любови Поповой, либо в «Башне» (мастерской Надежды Удальцовой на Кузнецком Мосту) собирались молодые художники левого лагеря: Владимир Татлин, Александр Веснин, Вера Пестель, Алексей Моргунов, Иван Аксёнов, Борис Шапошников, а также Фёдор Степун, философ и друг Андрея Белого, и Борис фон Эдинг, историк русского средневекового искусства. Предположительно, в то время все они находились под влиянием священника Павла Флоренского. Об этом косвенно свидетельствуют иконоподобные работы Поповой 1914–1916 годов.⁵³ Художник Лев Жегин вспоминал (со слов Веры Пестель), что «ещё в 1912–1914 годах Флоренский бывал в доме художницы-кубистки А.С. Поповой».⁵⁴

Часть именно этих молодых живописцев Малевичу удалось привлечь на свою сторону ещё до открытия выставки, «похоронившей» русский футуризм. 15 декабря 1915 года в «Башне» Удальцовой было образовано общество «Супремус» во главе с Малевичем, заявившее о возникновении новейшего движения в искусстве. К Удальцовой, Поповой и Пестель присоединились Иван Клёун, Ольга Розанова, Александра Экстер, Михаил Меньков, Иван Пунин и др.⁵⁵

В лагере русских модернистов к этому времени громкую известность приобрёл роман «Петербург» Андрея Белого. Малевич, несомненно, уловил эзотерическую суть «чёрного совершенного куба» кареты сенатора Аблеухова. Очевидной являлась связь этого образа с бомбой, запрятанной в «коробку-сардинницу» и призванной разрушить прежний мир. «Чёрный, совершенный куб» Андрея Белого, отсылавший к важнейшему символу «Тайной доктрины» Блаватской, превратился у Малевича в свою двухмерную проекцию на холсте – в знаменитый «Чёрный квадрат». Называя его «зародышем всех возможностей», который «принимает при своём развитии страшную силу», художник лишь повторял и сводил к двухмерному «взрывной» образ чёрного куба из романа Белого.

Официальное рождение супрематизма произошло 17 декабря 1915 года на петербургской «Последней выставке футуристических картин 0,10 (ноль-десять)». Чтобы завоевать доверие своих учеников, некоторые из которых уже испытали влияние иконописи и православной метафизики, Малевич должен был утвердить и своё первенство в художественном воплощении оккультного наследия Блаватской, и преданность идеям теософии – этой «науки мудрости», превосходящей все мировые религии. Сослаться при этом можно было лишь на несуществующие эскизы к «Победе над солнцем» и предъявить всем желающим их «авторское повторение» 1915 года.

Образование общества «Супремус» и выставка «0,10», на которой «Чёрный квадрат» был вызывающе вывешен в «красном углу» в качестве «теософской иконы», ознаменовали начало многолетней заочной полемики Малевича с Флоренским и художниками общества «Маковец».⁴⁶

Март 2020

Примечания:

¹ Белый Андрей. Петербург... Т. I. С. 21.

² Флоренский П.А. Письмо к А.М. Флоренской и детям. (№29, 5-6 сентября 1935 года) // Сочинения. В четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1998. С. 293.

³ См.: Белый Андрей. Книжная («некрасовская») редакция двух первых глав романа «Петербург». – ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 18. Дружеские отношения прервались в марте 1912 года, после отъезда Андрея Белого в Германию, где он стал рьяным адептом антропософии, в свою очередь, Флоренский годом ранее принял православное священство.

⁴ Здесь и далее цит. по: Белый Андрей. Петербург // Сирин (альманах). Т. I-III. СПб., 1913-1914. Т. I. С. 18 и сл. Белый настойчиво перечисляет геометрические фигуры: сенатор «подолгу предавался бездумному созерцанию: пирамида, треугольников, параллелепипедов, кубов, трапеций» (Там же. С. 21); сенатор пребывал «в созерцании <...> параллелепипедов, параллелограммов, конусов, кубов и пирамид» (Там же. Т. II. С. 191).

- ⁵ Там же. Т. I. С. 241.
- ⁶ Там же. Т. II. С. 205.
- ⁷ Там же. Т. III. С. 75.
- ⁸ Там же. С. 106.
- ⁹ Там же. С. 273.
- ¹⁰ Там же. Т. I. С. 21.
- ¹¹ *Белый Андрей*. Книжная («некрасовская») редакция двух первых глав романа «Петербург»... // URL: http://www.azlib.ru/b/belyj_a/text_0041.shtml
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Белый Андрей*. Петербург... Т. I. С. 21.
- ¹⁵ Там же. Т. III. С. 241.
- ¹⁶ Там же. Т. I. С. 42.
- ¹⁷ *Белый Андрей*. Книжная («некрасовская») редакция двух первых глав романа «Петербург»...
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Белый Андрей*. Петербург... Т. III. С. 48.
- ²⁰ Там же. С. 57, 65.
- ²¹ Там же. С. 207, 212.
- ²² Там же. С. 75, 93.
- ²³ Там же. С. 87.
- ²⁴ Там же. С. 108.
- ²⁵ *Белый Андрей*. Петербург... Т. III. С. 88.
- ²⁶ Там же. С. 50-53.
- ²⁷ Там же. С. 263.
- ²⁸ *Силард Лена*. Утопия розенкрейцства в «Петербурге» Андрея Белого // Силард Лена. Герметизм и герменевтика. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 262.
- ²⁹ *Белый Андрей*. Петербург // *Сирин* (альманах). Т. III. С. 263.
- ³⁰ Там же. Т. II. С. 204.
- ³¹ Там же. Т. III. С. 134-135.
- ³² Там же. С. 274-275.
- ³³ Приведём важное признание Белого-мемуариста, который восхождение на египетскую пирамиду в 1911 году называл «поворотным моментом всей жизни»: «пирамида видится повешенной в воздух планетой, не имеющей касанья с землей», «измененное отношение к жизни сказалось скоро начатым „Петербургом“; там передано ощущение стоянья перед сфинксом на протяжении всего романа». *Белый Андрей*. Воспоминания. Т. III, Ч. II (1910-1912) // *Литературное наследство*. Т. 27-28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 434. На образ восхождения-нисхождения по граням пирамиды могли повлиять оккультные писания Элифаса Леви, который в книге по истории магии особое внимание уделил пирамидам, сфинксам и «кубическим камням» (*Éliphas Lévi. Monuments magiques // Histoire de la Magie...* P. 159-164, etc.), а также мысли Вячеслава Иванова о творческом восхождении и нисхождении: *Иванов Вячеслав*. О нисхождении // *Весы*. 1905. №5. С. 26-36.
- ³⁴ *Белый Андрей*. Петербург... Т. III. С. 276.
- ³⁵ *Бердяев Николай*. Астральный роман. (Размышление по поводу романа А. Белого «Петербург»). М. 1916, С. 41.
- ³⁶ Там же. С. 39.
- ³⁷ Там же. С. 42.
- ³⁸ Он же. Пикассо // *София*. М.: Тип. К.Ф. Некрасова. 1914. №3. С. 57, 58.
- ³⁹ См. статью в настоящем сборнике: «„Петербург“ Андрея Белого и „Чёрный квадрат“».
- ⁴⁰ *Блаватская Елена*. Тайная доктрина. Т. I. [Рига, 1992]. С. 426, 146. Это сочинение было написано по-английски и опубликовано в Лондоне в 1888 году. Переводы на русский язык его отрывков и комментарии к нему печатались в петербургском журнале «Вестник теософии» с 1908 по 1918 год. Естественно, некоторые русские модернисты могли читать «Тайную доктрину» в оригинале.
- ⁴¹ *Блаватская Елена*. Ключ к теософии. Вопросы и ответы // Ребус. № 21. 3 июля 2011 года. СПб.; цит. по переизданию: М.: Сфера, 1996. С. 16. По сути Блаватская призывала приверженцев теософии к оккультизму: «оккультист практикует научную теософию, основанную на точном знании тайных трудов Природы; но теософ, использующий силы, называемые паранормальными, без света оккультизма, будет склоняться к опасной форме медунизма, потому что, хотя и придерживаясь теософии и её самых высоких этических принципов, он работает с этими силами в темноте, из искренней, но слепой веры». Там же. С. 37.
- ⁴² Там же. С. 101.
- ⁴³ *Первый журнал русских футуристов*. М. 1914. №1-2. С. 156.
- ⁴⁴ *Струтинская Елена*. Указ. соч. С. 178.
- ⁴⁵ *Письма К.С. Малевича М.В. Матюшину* // *Наше наследие*. 1989. № 8. С. 135.
- ⁴⁶ *Ковтун Евгений*. «Победа над солнцем» – начало супрематизма // *Наше наследие*. 1989. № 2. С. 127.
- ⁴⁷ Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁸ Там же. С. 135.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Малевич о себе...* С. 67.
- ⁵¹ Куб можно рассматривать как промежуточную форму при трёхмерном линейном расширении квадрата, превращающегося в бескончаемый параллелепипед; двухмерное расширение превращает его в даосский «великий квадрат, не имеющий углов», – в бесконечную ровную плоскость.
- ⁵² *Лифшиц Бенедикт*. Полутораглазый стрелец. М.: Изд. В. Секачев. 1933, С. 145.
- ⁵³ *Сарабянов Д.В.* Любовь Попова. М.: Галарт, 1994. С. 63-64.
- ⁵⁴ *Жегин Лев*. Воспоминания о П.А. Флоренском // *Вестник РХД*. Paris. 1981. № 135. С. 61.
- ⁵⁵ Общество активно существовало до ноября 1916 года, затем Удальцова и Попова сблизилась с Александром Весниным и перешла к живописному конструктивизму, а Розанова увлеклась цветописью. *Шатских А.С.* Казимир Малевич и общество Супремус. М.: Три квадрата, 2009. С. 137-189.
- ⁵⁶ См. анализ скрытой полемики П.А. Флоренского с теориями П.Д. Успенского и Малевича в кн: *Байдин Валерий*. Под бесконечным небом..., С. 212-216.

«ЛИТМУЗЕЙ»

ЛЮДМИЛА КОРНЕЕВА

СОНЕТНЫЕ МЕТКИ НА ПУТИ АДЕЛАИДЫ ГЕРЦЫК

Творчество Аделаиды Герцык (1872-1925), в контексте умножающихся публикаций и в свете интеллектуального движения Герцыковских чтений, раскрывается всё щедрее: всё осязаемее для души почитателя поэзии и всё доступнее для исследовательского осознания. В нём открываются новые смыслы и углубляется уже утвердившееся понимание, а образ самой Аделаиды Герцык серьёзно обогащается и уточняется.

Несмотря на внешнюю скромность её жизненного пути, нашим временем всё более глубоко осознаётся её принадлежность к тому никогда не многочисленному кругу людей, которые, по слову самой Аделаиды Герцык, не могут ограничивать свою жизнь эмпирическим уровнем, а «берут на себя тягость болеть и гореть о мудрых сокровенных вещах» [Герцык А., 2004, с.434].

Продолжает развиваться восприятие Аделаиды Герцык как «личности уникальной духовной организации» [«Sub rosa», 1999, с.5], проявившейся в атмосфере невиданного напряжения идейных и эстетических исканий эпохи. Начинает работать закономерная потребность в обобщении накопленного материала, впервые явленная монографией Натальи Бонецкой, в которой творческий путь А. Герцык рассмотрен в неразрывной связи с её духовным восхождением, а сама её жизнь представлена органичным соединением «христианского подвига с принятием культуры и творчества» [Бонецкая, 2006, с.252].

В последние годы активны разработки в русле бытийных связей А. Герцык с М. Волошиным. И это русло оказалось плодотворным. Например, в нём выявилось деятельное участие и влияние судакской поэтессы на оформление геопозитического образа Киммерии [Корнеева, 2018]. Но самым значимым открытием на перекрёстке современного герцыковедения с волошиноведением является осознание Аделаиды Герцык как «самой глубокой христианской души в русской поэзии» [Кошемчук, 2019]. И совершенно очевидно, что в центре исследовательского внимания по-прежнему остаётся духовная грань человеческого и творческого существа А. Герцык. И вовсе не случайно, а под влиянием энергии движения к пониманию всё новых граней духовности в волнующем явлении А. Герцык, наметился отдельный разговор о её сонетном творчестве.

Поскольку сонеты – жанр беспрецедентного сгущения экзистенциального и умозрительного опыта поэта, они всегда выделяются в общем пространстве авторского самовыражения и, как правило, наиболее явно обнажают его мировоззрение и поэтику.

В виде прелюдии к размышлению о значении сонета в жизни и творчестве Аделаиды Герцык вспомним, что именно в сонетном оформлении, исполненном Вяч. Ивановым, она взошла на отечественный литературный небосклон как яркий лирический феномен сущностного поэтического дара:

*Змеи ли шелест, шёпот ли Сивиллы,
Пль шорох осени в сухих шипах, –
Твой ворожащий стих наводит страх
Присутствия незримой вещей силы...*

*По лунным льнам как тени быстрокрылы!
Как степь звенит при алчущих звездах!
Взрывает вал зыбучей соли прах, –
А золот-ключ на дне живой могилы...*

*Так ты скользишь, чужда веселью дев,
Замкнувши на устах любовь и гнев,
Глухонемой и потаённой тенью,*

*Глубинных и бессонных родников
Внимая сердцем рокоту и пенью, —
Чтоб вдруг взрыдать про плен земных оков.*

1907

Вячеслав Иванов, как бы отвечая на поэтические «вещие сны» Аделаиды, обозначил в своём сонете убедительный и неотразимый образ «вещей девы», позже закреплённый в концептуальном разборе: «как самородный студёный ключ, из глубоких залежей мифического сознания бьёт чистая и сильная струя стихийно-пламенной родовой славянской речи, — а речь эта сама уже творит миф и деет чары...<...> Глубоко изменились представления о мировых силах и судьбах человеческих; но, как девичья и женская душа всё по-старому тоскует и любит, так по-старому ворожит и пророчит напевное слово...» [Цит. по: Герцук, 2004, с.508].

Общезвестно, что символистское художественное мышление сродни сонетному, и Аделаида Герцук, как и большинство современных ей поэтов-символистов, не осталась равнодушной к возрождению жанра. Выделив сонеты из общего контекста поэтического творчества А. Герцук, убеждаемся, что это довольно репрезентативный массив смысловых сгущений: десять произведений, два из которых — циклы по пять сонетов.

Первое обращение к сонету (судя по существующим изданиям поэтических произведений А. Герцук) относится к 1902 году, но этот первый опыт воспринимается всего лишь знаком неосознанного интереса к поэтической форме, которая изначально была воспринята как экзотический способ высказывания волнующего и тайного смысла. Но истинные возможности жанра начали открываться Аделаиде спустя много лет, когда она, не изменяя своей личностной закрытости, впервые ощутила сонет как чётко оконтуренное и плодотворное пространство для внутреннего диалога. И это определённо вычитывается в «СОНЕТЕ» 1911 года:

*Ты хочешь воли тёмной и дремучей,
Твой дух смущён, коснувшись души чужой,
И кажется тебе изменой и игрой
Случайный миг душевного созвучья.*

*В пустыне одинокой и зыбучей,
Не зная отдыха, в себе затаена,
Душа твоя сдуется пламенной тучей
И изольётся вдруг потоками дождя.*

*Иди ж туда, куда зовёт тебя твой гений,
Питайся родником своим, средь всех одна,
Никто не перейдёт черту твоих владений.*

*Но чую, что, когда засветит вновь весна,
За этой ночью тайных дерзновений
Сведёт нас вновь, волнуя, тишина.*

1911

Вероятно, это открытие было очень важным в художественном развитии поэтессы, потому что совсем скоро после этого к ней пришло осознание важнейших особенностей и незаменимости жанра для её собственного поэтического самовыражения. Этот момент творческой биографии ознаменовался созданием традиционного для всех поэтов, обращающихся к этой форме, сонета о сонете:

СОНЕТ

В стеснённый строй, в тяжёлые оковы,
В изысканный и справедливый стих
Мне любо замыкать позор свой новый
И стон подавленный скорбей своих.

Расчётливо касаясь слов чужих,
Искать из них единое то слово,
Что передаст безжалостно-сурово
Всю тьму бескрылых дум, всю горечь их.

Внести во всё порядок нерушимый,
Печатью закрепить своей, — потом
Отбросить стих, как призрак нелюбимый,

Замкнув его серебряным ключом.
И в стороне, склонившись на колени,
Безгласно каяться в своей измене.

1912

Мы видим, что сонет «люб» Аделаиде Герцк тем, что это хоть и «изысканный», но честный («справедливый») и объективный («безжалостно-суровый») стих. Как поэт она чувствует потребность в нём, потому что он способен усмирять («замыкать») «стон подавленных скорбей» и, главное — «внести во всё порядок нерушимый». Осознанная незаменимость сонета для А. Герцк — и в том, что нём важнейшие итоги размышлений можно «печатью закрепить своей», то есть, весткостью строгого итога.

В этом стихотворении явлена удивительная для начинающего сонетиста верность каноническому требованию парадоксальности резюмирующей мысли: автор в сонетном замке утверждает, что сознательно избирает сонет, хоть и понимает этот выбор как измену своему органичному способу выражения — привычному лирическому стиху (вот почему, отбрасывая свой родной стих «как призрак нелюбимый», она перед ним «кается»).

Именно этот сонет и задаёт направленность наблюдающего взгляда на сонетное творчество А. Герцк и понимается ключом к осмыслению всех её произведений этого жанра. Поэтому изберём в отношении сонетов А. Герцк, как наиболее смыслоносущий ракурс, рассмотрение их в качестве источника сведений о знаковых осознаниях автора на своём Пути.

Остановимся ещё на двух сонетах цикла 1912 года (II и V), обращённых к двум очень близким и значимым фигурам жизни Герцк: Вячеславу Иванову и Максимилиану Волошину:

На появление «*Cor ardens*» и «*Rozarium*»

Одна любовь под пламенною схимой
Могла воздвигнуть этот мавзолей.
Его столты, как рок несокрушимый,
А купола — что выше, то светлей.

Душа идёт вперёд, путеводима
Дыханьем роз и шёпотом теней,
Вверху ей слышны крылья серафима,
Внизу — глухая жизнь и рост корней.

Мы все, живущие, сойдёмся там,
Внимая золотым, певучим звонам,
Поднимемся по белым ступеням,

Учась любви таинственным законам.
О, книга вещая! Нетленный храм!
Приветствую тебя земным поклонам.

После посещения М. Волошина

*Всё так же добр хранитель умилений,
Всё с той же шапкой вьющихся кудрей,
По-прежнему влюблён в французский гений,
Предстал он мне среди моих скорбей.*

*Не человек, не дикий зверь – виденье
Архангела, когда бы был худей.
Всё та же мудрость древних сновидений
И невзмутённость сладостных речей.*

*И глядя мяккую, густую шкуру,
Хотелось мне сказать ему в привет:
«Ты лучше всех, ты светом солнц одет!»*

*Но хочется острее рога буй-туру,
И жарче пламень, и грешней язык,
И горестнее человечесий лик».*

1912

Острому сердцу Аделаиды Герцкы очевидны черты личностной дисгармонии обоих героев. Свою неприемлемость жизнетворческих концепций Вяч. Иванова она уже давно показала своим неподпаданием «башенным соблазнам», [Бонепкая, 2006, с.221], а о несогласии с его склонностью «поиграть людьми» она не однажды высказывалась в письмах этого времени, но этот сонет даёт понять, что её глубокая христианская сострадательность не позволяет ей усомниться в христианской сердцевине существа Вяч. Иванова, в его любящем сердце, и в сонетном ключе она безапелляционно утверждает за книгой Иванова, источающей любовь к её умершей жене, статус божественного пророчества: «О, книга вещь! Нетленный храм!».

В сонете Максимилиану Волошину – о его некоем выпадении из земной жизни и непроявленной мужественности – автор говорит итоговым высказыванием сонетного замка: «Но хочется острее рога буй-туру / И жарче пламень, и острее язык, / И горестнее человечесий лик». Это упование Аделаиды Герцкы на душевное углубление своего коктебельского друга рождается как провидящее ожидание неизбежного слияния неоспоримых личностных достоинств Максимилиана Волошина с его духовной лучезарностью («Ты лучше всех! Ты светом солнц одет!»). И это ожидание действительно оказалось пророческим... Придёт время, и в душе дорогого ей Макса заискрится мужественный огонь твёрдой и решительной позиции: «Те, кто знал его в эпоху гражданской войны, смены правительств, длившейся в Крыму три с лишним года, верно, запомнили, как чужд он был метанья, перепуга, кратковременных политических восторгов, как <...>, противостоял он вихрям истории, бившимся о порог его дома» [Герцкы, 1996, с.149]. Несомненно, что оба героя дороги Аделаиде, каждый – своим. И уровень духовного развития автора этих сонетных запечатлений позволяет высветить в обоих героях их незыблемые основания и высшие ценности, вплоть до существа личностной неповторимости. Так что не случайно у поэта возникла потребность закрепить это строгой печатью «справедливого» жанра.

Если помнить о чувственной зыбке, неопределённости слов, туманности высказываний и постоянном безадресном вопрошании в стихах А. Герцкы предыдущих лет, то цикл сонетов 1912 года может быть воспринят как несомненное свидетельство постижения автором поэтических возможностей жанра: в сонетах наблюдаются чёткие суждения, ясность мысли и ответы на поставленные вопросы. Естественно предположить, что в жизни поэтессы произошли какие-то важные изменения, и в её душе родилась потребность выделить, упорядочить и чётко обозначить точными именами («единьм тем словом») то новое, что поселялось в сознании как главное и незыблемое, то есть, «внести во всё порядок нерушимый». В следующих сонетах эта тенденция подтверждается ещё более показательно.

К примеру, в смысловой многослойности сонета «УЧИТЕЛЯ» важнейший излом в мировоззрении автора отразился по-сонетному чётко и конкретно. Выбор жанра снова был неслучаен. В письме Д. Романовской по поводу этого сонета А. Герцкы написала: «Так странно мне самой, что после такой полосы молчания избрала именно эту форму, и мне радостны её железные законы» [«Sub rosa», 1999, с.581].

УЧИТЕЛЯ

*Как много было их, – далёких, близких,
Дававших мне волнующий ответ!
Как долго дух блуждал, провидя свет,
Вождей любимых умножая списки,*

*Ища всё новых для себя планет
В гордыне Ницше, в кротости Франциска,
То ввысь взносясь, то упадая низко!
Так все прошли, – кто есть, кого уж нет...*

*Но чей же ныне я храню завет?
Зачем пустынно так в моём жилище?
Душа скитается безродной, нищей,*

*Ни с кем послушных не ведя бесед...
И только в небе радостней и чище
Встаёт вдали таинственный рассвет.*

1914

В повествовательной катренной части сонета Аделаида Герцык – с тёплым чувством, но без сожаления – оглядывается на свою прежнюю жизнь, когда её «дух блуждал», «вождей любимых умножая списки». Среди них – Ницше, прельстительность идей которого её душа уже распознала как «гордыню»... Увековечена и учительная роль Франциска Ассизского, ещё в ранней юности полонившего сердце своей «кротостью», через которого, как и через Святую Терезу Авильскую, она постигала экстагическую красоту католичества... Ясно также, что были и другие, не названные здесь учителя, с которыми её дух «то возносился ввысь», то «упадал низко»... Но теперь всё погасло («Так все прошли...»). И вдруг в терцетной оппозиции – сакраментальный вопрос: «Но чей же ныне я храню завет? / Зачем пустынно так в моём жилище?». И, так же – вдруг, магической силой сонетного замка, этот вопрос превращается в риторический. Вряд ли можно здесь обмануться, какой «таинственный рассвет» делает небо «радостней и чище»... Это было время, когда Аделаида Герцык уже была готова не только к полному приятию православной веры, но и её Церкви. В 1915 году она официально, под именем Софии, перейдёт из протестантизма в православие.

Для более точного понимания смысла сонетного замка важным представляется одно из умозаключений Н.К. Бонецкой: «она, порой искавшая „учителей“, всё же тяготела к духовному самостоянию: внутренний источник духа в ней всегда бил с такой силой, что оставалось только внимать и прислушиваться к нему» [Бонецкая, 2006, с.221]. И в сонете налицо этот «внутренний дух», восчувствовавший «рассвет» жизни.

В сонете с ярко выраженным крымским происхождением «ДОМ» зафиксировано ещё одно важнейшее обретение в жизни души А. Герцык, которое, по слову сестры Евгении, состояло в том, что «всегда лелеявшая страдания, бездомность – она захотела покоя, благополучия, уюта. Символом этого стал дом, который она строила в Судакe, рядом с нашим стареньким, отжившим своё»:

ДОМ

*Люблю пойти я утром на работу,
Смотреть, как медленно растёт мой дом.
Мне запах дёгтя радостно знаком,
И на рабочих лицах капли пота.*

*Тамся от стрел и солнечного гнёта,
Трепещет мир в сосуде голубом.
И слышится в усилки людском
Служения торжественная нота.*

*Благословен немой тяжёлый труд
И мирный быт. Присевши у ограды,
Я думаю, как нужен нам приют,*

*Чтоб схоронить в нём найденные клады.
И каюсь, и страшась земных уныний,
Уйти самой в далёкие пустыни.*

1914

Обращаясь к философской вескости формы сонета, А. Герцк (вероятно, откликаясь на жизнеустроительные идеи своего коктебельского друга) запечатлел вдруг пришедшее к ней в Судаке осознание вселенской истины о доме как приюте, в смысле – и как приюте для глубинной жизни души (*уйти самой в далёкие пустыни*).

Обратившись к конкретным примерам, мы смогли увидеть, что сонеты, в качестве своеобразных философских скреп зрелого творчества А. Герцк, помогали ей пролагать свой путь к духовной трезвости церковного православия, к более глубокому постижению мудрости мироустройства и духовной ценности человека, увековечению своих бытийных обретений. И в этом смысле последний цикл сонетов, написанных в драматической атмосфере 1919 года в Судаке, обязывает нас к акцентированному обозначению знаковости этого произведения – как в жизни, так и в творческой судьбе автора.

Учитывая предыдущий сонетный опыт Аделаиды Герцк, можем предположить, что в душе поэта родилось некое новое важное осознание, которое потребовало сонетного запечатления. Точный ответ можно найти лишь в глубине текста сонетов.

...Наступали суровые времена: война, революция, гражданская уособица... На долю Аделаиды Герцк, с 1917 года и до конца жизни прожившей в Крыму, выпали тяжкие испытания. Её Муза стала умолкать: в 1917 – ни одной поэтической строки, в 1918 – лишь несколько стихотворений... А в 1919 Аделаида вдруг разразилась поэзией, и какой!

Но, как известно, в творчестве не бывает «вдрут». Значит, все эти годы душа её продолжала работать. Как и прежде, собирала «мёд» с крымских реалий... Какой же мёд можно собрать с этих крымских «цветов» истории, когда там разворачивалась одна из самых жестоких трагедий всех времён: голод, унижения, массовое уничтожение безвинных людей, исход цвета нации в чужеземье... Однако же именно эти, последние годы жизни стали временем высшего духовного воплощения Аделаиды Герцк в поэзии.

Интересно проследить возрождение мотивации А. Герцк к творчеству, которое запечатлено в её эпистолярном наследии. Вот 30 августа 1917 года она риторически вопрошает М. Волошина: «Можете ли Вы искать краски и созвучия среди погибания?» [Сёстры Герцк. Письма. 2002, с.165]. И чуть позже, в декабре 1917 года в письме к М.Б. Гершензон снова задаёт (больше не адресату, а себе) риторический вопрос: «вообще разве может родиться верная, пророческая мысль или слово среди такого шума и грохота?! Только терпение и веру можно сохранить среди всего...» [Сёстры Герцк. Письма. 2002, с.243]. Волошин же в это время, и это хорошо отразилось в их переписке с А. Герцк, демонстрирует подъём духа и редкостную творческую активность: «Я живу очень уединённо и очень в работе: только так можно противопоставить себя свершающемуся во внешнем мире. Ничего нельзя видеть и понимать, находясь в кипении событий. А действительность можно заклинать только пониманием». В этом же письме М. Волошин подчёркивает сосредоточенность своей поэтической мысли на «алхимии зла»: «Какой комбинацией понимания и чувства зло можно превратить в чистое золото?» [Письма Волошина к А. Герцк, 2009, с.338]. В нескольких письмах находим, как упорно стремился Волошин заклясть русскую смуту своим поэтическим словом, как последовательно он работал над подготовкой поэтических книг к изданию. Общение с Волошиным в этот период оказалось для Аделаиды особенно плодотворным. Оно стимулировало её возвращение в родное поэтическое русло познания себя и мира. И вот уже в январском письме 1918 года, она отвечает Максимилиану Александровичу: «Мы с сестрой горячо сочувствуем Вашей идее издать книжку стихов о революции; <...> и она будет закалинием действительности, противопоставлением ей, ибо углубит её эзотерически» [Сёстры Герцк. Письма. 2002, с.167]. После этого вышел наружу и её собственный поэтический голос. Эту перемену, как мы уже знаем, она назвала «осознанием собственного перерождения внутреннего» [Сёстры Герцк. Письма. 2002, с.246]. Именно в период осознания «внутреннего перерождения» и появились сонеты 1919 года, в которых нельзя не увидеть резонансное созвучие со стратегией творчества Волошина этих лет, с его «эзотерическим углублением действительности» (определение Т.А. Кошемчук).

К сожалению, пока нет разысканий, относящихся конкретно к этому циклу. Однако, это произведение, в силу своей смысловой значительности, является, на наш взгляд, одним из ключевых событий творческого и личностного взросления А. Герцк. Памятуя о прежнем опыте поэтессы в её обращении к сонету, нужно думать, что и в этот раз она стремилась запечатлеть нечто новое и значительное в своей жизни. Что же?

СОНЕТЫ

I

*Всё строже дни. Безгласен и суров
Устав, что правим мы неумолимо
В обители своей, очам незримой,
Облекши дух в монашеский покров.*

*Не ждём ли знака от иных миров?
Где чаем встречи с братией любимой?
Когда мы, кротостью своей томимы,
Встаём с зарей под звон колоколов.*

*Единый есть из них, из меди алой,
Неумолимей всех гудит в тиши,
Грозит и милует и холодом металла*

*Сдвигает ритм замедлившей души.
II тонким пламенем, поднявшись выше,
Она горит молитвенней и тише.*

1919 Судаг

II

*В годину бед и страшного итога
Тебя коснулся он крылом своим,
Но тот, что раньше был неустрашим,
Стоит теперь смущённый у порога.*

*Глядит вперед задумчиво и строго,
Тоскою новой дух его томим,
Он мира не видал ещё таким,
Здесь нет ему готового чертога.*

*Но храмом может стать ему весь свет.
Вы, полюбившие на грани лет!
Ваш жребий жертвеннее и чудесней.*

*Вокруг сожжённые поля лежат —
Вам суждено всему сказать: воскресни!
II обратить пустыню в Божий сад.*

1919 Судаг

III

*Вчера в таинственной прохладе сада
Я ветку нежную сорвала, всю в цвету.
Был вечер тих, лил в сердце полноту,
Казалось мне, что ничего не надо.*

*Прекрасен мир и не нужна пощада.
Не радостно ль сгубить свою мечту
II миру вешиною отдать Христу?
Не в жертве ли нежнейшая услада?*

*Отныне буду я обнажена.
Долой зелёных листьев покрывало!
Но отчего растёт во мне вина?*

*Душа ль незримая затосковала? –
Так я стояла, сердцем смущена,
А мирта под ногой благоухала.*

1919 Судак

IV

*Вожатый, что ведёт меня измлада,
Склонился в тихий час и мне сказал:
«Пусть дни твои горят, как звёзд плеяда,
Как до краёв наполненный фиал!»*

*Пусть каждый будет полн любовью, страдой
II будет всё ж прозрачен как кристалл.
Нейди вперёд, не засветив лампы,
Чтоб каждый день в веках не угасал!»*

*Ах, дней моих безвестных вереница!
За то, что я не осветила вас, –
Увы! – стал каждый сам себе темницей!*

*Но мне из прошлого чуть слышный глас
Отвечает: «Ты нам воздашь стоицей
Тем светом, что зажжёшь в свой смертный час».*

1919 Судак

V. ОТЧАЯНИЕ

*Хор дней бредёт уныл и однолик,
Влача с собой расставшиеся звенья.
Лишённая пророческого зренья,
Забывшая слова священных книг,*

*Стою одна я в этот страшный миг.
В душе ни чаяний, ни умиленья.
– II чудится, что где-то в отдаленьи
Стоит, как я, и плачет мой двойник.*

*Утешной музы не зову я ныне:
Тому, чьи петь хотят всегда уста –
Не место там, где смерть и пустота.*

*II голос мой раскатится в пустыне
Один, безмолвием глухим объят,
II эхо принесёт его назад.*

1919 Судак

Самым очевидным циклообразующим признаком этих сонетов является настойчивая единообразная маркировка каждого из них – «1919 Судак», которой автор с самого начала утверждает значимость их происхождения, как плода её крымских осознаний в трагедийный 1919 год. После первого же чтения не остаётся сомнений, что это лирическая драма.

И при этом, ритм сонетов (5-стопный ямб), их строфика и рифменный строй (I-aBbA aBbA CdC dEE; II-AbbA AbbA ccD eDe; III-AbbA AbbA cDc DcD; IV-AbAb AbAb CdCdCd; V-aBbA aBbA Cdd Cee) демонстрируют классическую собранность и высокую каноническую дисциплину автора. Но более всего обращает на себя внимание верность внутренней форме сонетного канона, его диалектике и драматизму.

Хотя поэт не описывает конкретные события, о напряжении тех дней в Крыму мы можем судить по кратким обобщающим метам в разных местах цикла: «*все́ строже дни*»; «*в годину бед и страшного итога*»; «*вокруг сожжённые поля лежат*»; «*схоф дней бредёт уныл и однолик, влача с собой распавшиеся звенья*»; «*страшный мис*»... Но именно из этих вербально скупых, но многозначных мет складывается грозная картина бытийного неустройства в Крыму, которая с первого прочтения тоже воспринимается циклообразующим мотивом сонетов. Впервые в поэтическом произведении А. Герцык отразился такой масштаб мировидения.

Несмотря на то, что здесь выразительно звучит внешний трагический контекст, сразу понятно, что центральный образ этих сонетных медитаций – душа поэта, и повествуется здесь о внутренней жизни лирической героини, ведущим настроем которой слышится «оптимистическая трагедийность».

В представляемых сонетах, как позже в прозаических произведениях этого периода, А. Герцык не разбирает социально-политические аспекты революции и Гражданской войны. И отнюдь не столкновение антагонистических социальных сил видит она в жестоких событиях тех лет: следуя своему собственному миропониманию, в нещадном бурлении времени в Крыму она – сверху эсхатологических знаков реальности – стремится прозреть «высший смысл и вечную правду». Что и раскрывается при детальном рассмотрении цикла сонетов.

Первый из сонетов – столкновением всех своих внутренних смыслов – констатирует, что дух лирической героини уже не блуждает (он «*облачён в монашеский покров*»), ибо смирен высшим законом бытия, символизируемого образом колокола, который «*неумолимей всех*», и потому душа «*горит молитвенней и тише*».

Как затекст сонета звучит для нас умиряющее душу автора понимание причин происходящего: она со-вместливо имела в виду и свою вину, о чём недвусмысленно и не раз высказывалась в переписке с друзьями: «Принимаю всё как возмездие за наши вековые „буржуйные“ грехи и знаю, что больше, чем когда-либо, надо именно теперь остаться верной и не отречься ни от чего. Все за всех и во всём» [Сёстры Герцык. Письма. 2002, с.245].

Во втором сонете поэтесса открывает мир своих сокровенных переживаний. Безудержную социальную бурю, разразившуюся в родной стране, она называет «*страшным итогом*» и рассуждает о нём: «*итог*» так страшен, что даже «*тот, что раньше был неустрашим*», «*стоит теперь смущённый у порога*». Как видим, автор выстраивает своё рассуждение в сонете, отталкиваясь от образа, который даже не называет. Значит, была уверена, что её поймут*...

* Здесь нам нужно вспомнить, что в эпоху Серебряного века одним из ключевых образов, вокруг которого велась сложная полемика русских мыслителей (В. Соловьёва, С. Булгакова, Н. Бердяева, П. Флоренского, И. Ильина, Д. Мережковского, В. Розанова, Вяч. Иванова, М. Волошина и других), был образ Эроса. В ходе полемики, как резюмирует в своих работах Н.С.Джежер [Джежер, 2010], оформился синтезированный философско-религиозно-эстетический лик Эроса, воплотившего и «энергию древних языческих мифов», и платоновское представление об эротической любви как «стремлении мужского и женского начала к воссоединению», и «вечное стремление к прекрасному», и силу, направляющую «к духовной высоте», на которой «становится возможным <...> постижение высшей реальности». Аделаиде Герцык наиболее близким было обобщённое представление об Эросе как духовной силе, исходящей из любви, – направляющей, творческой и преобразовывающей [Бусыгина, 2013]. В рассматриваемом сонете А. Герцык Эрос предстаёт не как художественная идея, а как персона, действующее лицо истории. Из текста ясно, что и его, жизнетворца Эроса, «*коснулся страшный итог*». Очень многозначен стих «*Здесь нет ему готового чертога*», который понимается так, что вокруг не осталось ничего устроенного для жизни и для сохранения любви. Ещё нужно хорошо собрать мысли о том, где училась А. Герцык дышать «большим временем», но, несомненно, образ Эроса, этот устоявшийся и органичный образ её мировосприятия, позволил ей в столь скованном сонетном пространстве передать многое: и пафос трагедии, и убеждённости в неугасании жизни; и – главное – рассмотреть горестные испытания в перспективе возрождения, ведь «в древнегреческой мифологической традиции Эрос был первым богом, возникшим из Хаоса и вдохнувшим жизнь и душу в сотворённый им мир» [Джежер, 2010].

И вот в терцетной части сонета, после слов «*на грани лет*» – неожиданная и яркая оппозиция картине разрушенного мира: «*Но храмам может стать ему весь свет*». И далее сила созидательной любви, персонифицированная в образе Эроса, зримо перевоплощается в собирательный образ – «*Вы, полюбившие на грани лет*»*.

* Привлечём интересные наблюдения Ольги Обуховой во внутреннем пространстве поэзии А. Герцык: слово «грань», ключевое для поэтики символизма понятие «предельности», является тоже одним из ключевых понятий А. Герцык в её философском видении мира; оно внутренне связано со «сквозной темой поэзии Аделаиды Герцык – <...> темой поиска Высшего Абсолюта (Бога) в отдельной душе и в окружающем мире»: «земная жизнь бессмысленна, если лишена пути, путь имеет

смысла, если ведёт в Высший мир, к Богу, этот путь возможен только когда на нём есть преграды, и осуществим только по преодолении этих преград-границ. <...> лексемы «грань», «порог», «край» А. Герцык использует как экзистенциальный рубеж пути, и пространственного, и жизненного» [Обухова, 2002].

Опираясь на исследование Ольги Обуховой о понятии «предельности» во внутреннем пространстве поэзии А. Герцык, убеждаемся, что образ «*границ*» в рассматриваемом сонете Аделаиды Герцык – действительно рубеж, за которым – превращение мира в храм.

Представляя время разгулявшейся социальной стихии «*годиной Суда Божьего*» (в сохранившемся автографе этого сонета есть посвящение: «*Познавшим любовь в годину Суда Божьего*»), обозначая его «*гранью лет*», автор сонета чётко определяет место эпохи как экзистенциального испытания в непрерывном пути к Богу и в сонетном замке провозглашает жертвенную миссию своего поколения: «*Вам суждено всему сказать: воскресни! / И обратит пустыню в Божий сад*».

В третьем сонете лирическая героиня в ёмких символических образах открывает драматический момент внутренней, душевной, жизни – принесение личной жертвы Христу. А ведь совсем недавно, в мае 1919, в стихотворении «Господь собирает дань с Своих садов...» она печалилась, что «в душе бесплодной не созрели дары Ему...». По традиции, в противостоянии структурных частей сонета пытаемся найти сокровенную лирическую весть автора.

Благодаря образной красочности пространной катренной экспозиции сонета, открывается благостная картина готовности души принести жертву Христу. И венчается она риторическим вопросом: «*Не в жертве ли нежнейшая улада?*». В терцетах же эта благость нейтрализуется суровостью грядущих изменений, поскольку всплывает осознание, что значит эта жертва: лирическая героиня должна лишиться привычной укрытости и защищённости («*Отныне буду я обнажена. / Долой зелёных листьев покрывало!*»). И она полна сомнений, ведь такая жертва не может пройти без душевной «*тоски*» и сердечного «*смущения*».

В центре откровения – чарующий образ «*нежной ветки*», «*вешней мирты*», как символ отречения от прежней жизни, заимствованный в писательском мире Мэйбл Коллинз*.

* В теософском сочинении М. Коллинз «Когда солнце движется на север» есть такое высказывание: «Маленькое деревцо личной жизни срезано; оно лежит под стопами того, кто идёт, и при каждом его шаге оно издаёт невыразимо сладостное благоухание, которое никогда уже больше не покинет его. <...> Это благоухание исходит от смятых под ногами мирт; личность должна быть срезана, сброшена и попорана ногами – только тогда возникает это благоухание» [Коллинз, 1913].

Через этот образ из книги Мэйбл Коллинз можно понять всю многозначность сонетного замка – «*А мирта под ногой благоухала*»: здесь утверждается безвозвратное расставание с прошлым (благоухание возникает лишь тогда, когда прошлое попорано) и возмещается о реальном очищении души – через страдание и преодоление сомнений. Божественная любовь может быть лишь итогом подвига жертвования. Так, на чарующей ноте символического повествования («*А мирта под ногой благоухала*») поэтесса объявляет себе и людям о личной готовности к очищению через жертвенное преодоление прежней духовной обустроенности.

Не удивительно, что эта грандиозная бытийная новь в душе нашей героини – её готовность в годину испытаний к жертве – затребовала от неё сонетного закрепления.

Ответом на вопрос, рождённый сердечным «смущением» («*Но отчего растёт во мне вина?*»), становится четвёртый сонет, который являет внятное осознание главной причины чувства вины, постоянно удручающей душу Аделаиды Герцык. В повествовательной части сонета автор воспроизводит зов некоего «*Вожатого*», на который она не откликнулась. Кто понимается под этим красноречивым именованием?*

* Уместно вспомнить, что идейный вождь молодых символистов Вяч. Иванов в своих трактатах называл Вожатым Эрос, и это значило, что Эрос – через эротический восторг – ведёт личность к такой духовной высоте, на которой только и возможно постижение высшей реальности. Вспомним также, что Эрос – одно из ключевых философско-религиозно-эстетических понятий Серебряного века – издавна является одним из мировоззренческих опор Герцык, как образ великой творческой силы. Этот образ органично многозначен в её поэтическом мире.

В контексте сонета Эрос понимается как Вожатый на пути к Христу. Здесь слышатся отголоски Вячеславовича Иванова, но образ Вожатого использован в качестве общепризнанной художественной идеи, и, думается, это тот случай, о которых пишет Т.А. Кошемчук в своём исследовании духовности русской поэзии, когда языческий образ не враждебен христианской вере. Ведь главным в этом сонете видится символический образ лампы, традиционно понимаемый у христиан как «вечный огонь веры в Христа, разгоняющий тьму зла и неверия». Его многозначность позволяет поэтессе признать свою

жизнь греховной (тьма неверия помешала ей откликнуться на зовы засветить лампаду, «*чтоб каждый день в веках не угасал*»), и этот же образ позволяет понимать духовные блуждания как искупление греха. Это и подтверждается в сонетном итоге, являющем духовный итог жизни – «*свет*» «*смертного часа*» в вере.

Сонет «ОТЧАЯНИЕ», несомненно, ударная смысловая часть цикла. Поэтесса, не прибегая ни к какой поэтической изысканности, заявляет, что отныне она лишена привычного самосознания и иллюзий предыдущей жизни («*Утешной музы не зову я ныне*», «*Лишённая пророческого зренья, / Забывшая слова священных книг*»), её душа обрела трезвый взгляд на мир («*В душе ни чаяний, ни умиленья*»). И вдруг неожиданный итог – совершенно парадоксальный жест отчаяния в сонетном замке: «*II голос мой раскатится в пустыне, / Один, безмолвием глухим объят, / II эхо принесёт его назад*». Важно понимать, о каком отчаянии идёт речь. Разве это психологическое состояние человека как социального существа? Это высказывание, идущее вразрез с христианскими осознаниями предыдущих сонетов цикла, больше похоже на трагедийное мироощущение поэта, осознающего свою подвластность закону духовности мироздания: истина о мире может прийти только через страдание. Как видим, трагизм реальности дал душе поэта силу взлёта до высоты духовного озарения.

Здесь уместно резюмировать знаковую роль сонетной формы вообще в процессе творческого развития Аделаиды Герцык. В общем пространстве её дымчатых стихов и «недовоплощённых образов» довоенных лет сонеты выглядят островками смысловой и художественной определённости, опорами созидания всеобъемлющего взгляда на мир. Парадоксально, но столь изысканная поэтическая форма оказалась незаменимой и для упорядочивания грубого и хаотичного проявления жизни в годы социальных бурь. Видимо, невозможно было произвольным стихом извлечь смыслы из картины социального абсурда. Да и «суровая школа» новых социальных отношений требовала от поэтессы эмоциональной и умственной собранности. В одном из писем этой поры она замечает о себе: «*Закаляешься внутри, собираешься в одно ядро, и прежняя расплывчатость исчезает*» [Сёстры Герцык. Письма. 2002, с.245].

Ещё раз прочитывая сонеты как цельный текст, проникнутый единством мысли и настроения, понимаем, что это – настоящее откровение о человеческой душе, о её устройении в тяжкую годину испытаний. В сонетах перед нами проходят этапы обустройства души конкретной личности – поэтессы Аделаиды Герцык, когда мир разрушен, а нужно жить. И душа лирической героини, обращённая к Богу, справляется с задачей. Она избирает не путь романтического самообмана, а позицию трезвого религиозного взгляда на реальность. Отныне вся поэзия Аделаиды являет откровение истинной молитвы, высшим воплощением которых стали духовные гимны: «*В них мы уже не найдём ни причудливых и вместе с тем смутных – „сновидческих“ образов, характерных для раннего творчества, ни философских реминисценций и усилий ловить в слове тончайшие душевные движения; <...>. В поздних стихах А. Герцык есть лишь измученный человек – и Бог...*» [Бонеецкая, 2006, с.250].

Проведённый экскурс по судакскому сонетному циклу 1919 года показывает, что именно этим произведением заканчивается предшествующая творческая эпоха Аделаиды Герцык, то есть по нему проходит тот рубеж, который Н. Бонеецкая обозначает как конец Сивиллы и явление миру поэта с глубинным православным мировидением [Бонеецкая, 2006, с.240], а Ольга Обухова подобные грани во внутреннем поэтическом пространстве А. Герцык называет экзистенциальными рубежами.

Значит, неслучайным было появление сонетов у молитвенно настроенного судакского поэта. Уже потому, что здесь не однажды поэты разных времён усмиряли беды, и общие, и личные, гармонизирующим строем сонета. Нужно думать, и Аделаида Герцык не нашла более адекватного языка, чем строгий и стройный сонетный слог, чтобы нейтрализовать разорительное действие грозного времени, заковать хаос и уравновесить жизнь своей души. Сонет чутко откликнулся на её зов. И мы свидетели, как сонетный метроном, поверх искажающих реалий, отмерил на Пути поэта новое осознание – важнейший закон мироустройства: истина о мире может прийти только через страдание.

Программность цикла сонетов 1919 года очевидна. В «ширящем душу» крымском пространстве грозных времён Гражданской войны душа поэтессы получила мощный импульс экзистенциальной энергии, которая, оплодотворившись строгой глубиной сонетной формы, дала жизнь кристальному мотиву её поэзии – мотиву духовной сути страдания, органично влившемуся в крымскую сонетяну.

После этого молитвенная поэтика Аделаиды Герцык, зародившаяся в период её обращения в православие (1911), воплотилась в особой форме поэтической простоты – духовных гимнах. Обнаружив в пространстве сонетов сходение важнейших смыслов миропонимания поэтессы, можно предположить, что как раз опыт аскетичного сонетного воплощения мудрости был насыщенно необходим поэтессе, чтобы укрепить настрой на мудрую простоту последующих откровений и молитвенных гимнов. Поэтому цикл сонетов 1919 года воспринимается неким моментом истины на творческом пути А. Герцык, когда озарение экзистенциальным огнём русской трагедии обернулось важнейшей метаморфозой поэтики, вызвавшей позже к жизни шедевр поэтического откровения – стихи «Подвальные».

И вот, после всего здесь упомянутого, понимаем, что между чутким настроением на тайны бытия, явленным в поэтических достижениях раннего творчества (1907-1910), и стоическим обладанием литой

православной вескостью «Подвальных» (1921) сонеты Аделаиды Герцык исполнили бесценную работу поэтического опознавания и осознанного декларирования спасительных мировоззренческих устоев, благодаря которым совсем скоро, здесь, в судакской «пустыне», достигнет её, в недвусмысленном и нетуманном слове, осознание той «несотворённой, безумной истины, по которой так долго «горела душа»: «Здесь тише плоть, душа страдальней, / Но в ней – покой. / И твой Отец, который втайне, – / Он здесь с тобой» («Подвальные», 6-21 января 1921, Судак).

Так циклом сонетов Аделаиды Герцык получила самобытное сонетное развитие сквозная тема русской поэзии – о влиянии крымских бытийных впечатлений на духовное взросление личности.

Список литературы:

1. Бонецкая Наталья. Русская Сивилла и её современники. Творческий портрет Аделаиды Герцык. – М., 2006. 297 с.
2. Бусыгина Е.А. Вячеслав Иванов и круг молодых петербургских литераторов в 1900-е годы // Автореф. дисс.к.ф.н. – Киров, 2013.
3. Герцык Аделаида. Из круга женского. – М., 2004. 553 с.
4. Герцык Евгения. Воспоминания. – М., 1996. 405 с.
5. Джежер Н.С. Русский Эрос в религиозной эстетике Серебряного века: от «родового пола» к теургии // Вестник Ленинградского Государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб, 2010, №2.
6. Колинз Мэйбл. Когда солнце движется на север. – СПб, 1913 // URL: <http://www.theosophy.ru/lib/coll-sun.htm>
7. Корнеева Людмила. О бытийном сотрудничестве Аделаиды Герцык с Максимилианом Волошиным в её постижении судакской Киммерии // Серебряный век в Крыму: взгляд из XXI столетия // Материалы десятых Герцыковских чтений в Судак, 2017. – Москва-Симферополь, 2018. С. 563-570.
8. Кошемчук Т.А. Максимилиан Волошин: через антропософию к России // Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций: опыт «русского пути» // Конференция посвящена 25-летию серии «Русский путь: PRO ET CONTRA». – СПб, 2019. С. 162-179.
9. Обухова О. К проблеме пространства в поэзии Аделаиды Герцык. Образ грани // Материалы вторых Герцыковских чтений. Судак, 2001. – Симферополь, 2002. С. 123-130.
10. Сёстры Герцык. Письма. – М., 2002. 759 с.
11. Письма М. Волошина к А. Герцык 1917-1919 годов из фондов Дома-музея М. Волошина в Коктебеле // Материалы Пятых Герцыковских чтений в Судак, 2007. – М-Симферополь, 2009.
12. «Sub rosa»: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьёва, Черубина де Габриак // Сост., коммент. Т.Н. Жуковской, Е.А. Калло. – М., 1999. 768 с.

«СЕТЧАТКА»

МАРИЯ КОЗЛОВА

ПОЭТ ШЕСТОГО ЧУВСТВА

о Николае Шатрове

«Дело в том, что мне приснилась во сне Анна Андреевна Ахматова. Я где-то задержался в Москве, поздно уже, надо было за город ехать, электрички уже не было. И я как-то фантастически к ней пришёл. Стучусь в дверь. Открывается дверь. Две таких голубых комнатки – одна под углом к другой. И я в совершенном отчаянии говорю: „Анна Андреевна, простите, пожалуйста! Это ужасно, хамство дикое. Но я опоздал на все поезда, на весь транспорт. Ну, что мне делать?! Приютите! Я могу на полу спать, одну ночку, несколько часов до первой электрички“.

И Анна Андреевна, качая головой, величаво говорит: „Да, да. Увы, увy. Я теперь в том возрасте, когда совершенно бесстыдно можно ко мне ломиться с подобными предложениями. Ну, что делать с Вами? Вот диванчик, можете здесь расположиться до семи часов утра. Не топайте ногами и дверью не хлопайте, как будете уходить“.

И я в полном блаженстве, трепете скорчил на рококо-диванчике каком-то таком изогнутом. И, вдруг, смотрю на лакированном столике около диванчика две какие-то атласные страницы – стихотворения Анны Андреевны, два. Я их читаю. Она вышла уже там к себе. Такое блаженство, такое совершенство изумительное, что я от восторга просыпаюсь от своего сна! Просыпаюсь и ещё твержу последнюю строфу второго стихотворения. И тут, вдруг, к ужасу осознаю, что ведь это сон, стихов нет, это всё внутри, сейчас испарится, как спирт, как эфир! И всё, действительно, испаряется. И только схватываю за хвост две последних строки, записываю их. И вот реконструкция сна. Я сочинил стихотворение, и в конце две последние строки, как два бриллианта, – строки ахматовские из этого сна. И всё стихотворение как бы подножие этих стихов. Вот, вот эти стихи. Всё моё, кроме последних двух строк.

КОНЦЕРТ НА ДВА ГОЛОСА РЕКОНСТРУКЦИЯ СНА

На чёрной площади Восстания
В асфальт впечатана мечта.
Плащегитарная Испания
Кончается вкусом рта.

Так кисло-укусно пах порох
Разрывов, ставших облака.
И ты во всех моих позорах
Светилась, прочно далека.

Не знаю, Ангел ли хранитель
Спасал круговращенье дня.
Любимые, похороните
На белой площади меня.

Я памятникам негативен,
Гробница вскрытая пуста.
Одним затверженным мотивом
В асфальт впечатаны уста.

Звучанье музыки в концерте
Пришло к бескровному концу.
**Но бьет дыхание и сердце,
Как будто розы по лицу».**

Я слушаю голос, сохранённый на пленке. Голос певучий, эмоциональный, с необыкновенно приятным тембром. Это голос поэта Николая Шатрова (1929-1977). Как отмечали многие, лучше самого Шатрова его стихов никто не читал. Поэзия должна не просто читаться глазами, поэзия должна звучать. В случае Шатрова эта аксиома особо убедительна.

В джаз-клубе «Синяя птица» на Малой Дмитровке, открытом осенью 1964 года, у поэта была возможность иногда выступать. «Зная, что там будет читать стихи Шатров, народу столько набивалось, что люди буквально в улах и на стенах висели. Всё было набито до отказа», – вспоминала Валерия Шитикова – подруга нашей семьи (семьи художника Алексея Козлова) и Николая Владимировича. Тембр, ритмика, мелодия его голоса – колдующая, завораживающая – привлекала людей на эти вечера. А сами стихи! В них за простотой и классической ясностью формы открывалось то, чего так не хватало людям того времени, – дыхание свободы и дух религиозного, мистического осмысления жизни.

Чуть ранее – во второй половине 50-ых – возможность читать свои стихи была у молодого поэта в Доме-музее Александра Скрябина, где он работал на ставке лектора. С музеем Шатров познакомил и своих близких друзей – поэтов «Мансарды окнами на запад». Большинство из них были студентами Иняза, обладающими уже в те, молодые годы, недюжинными познаниями в отечественной и зарубежной литературе. А приглашал их Николай на концерты блистательного пианиста Владимира Софроницкого. Между маститым музыкантом и молодым музейным сотрудником сложились очень тёплые, дружеские отношения.

Вот как вспоминал о тех вечерах один из поэтов «Мансарды» – Валентин Хромов (1933-2020): «Играл Софроницкий. Больше ничего в объявлении не сообщалось. Даже ещё не закончив концерт, Владимир Владимирович говорил: „Вы знаете, давайте послушаем стихи. Мне кажется, они прекрасно корреспондируют с фортепьянной музыкой. Давайте послушаем поэта, на мой взгляд, очень интересного. Попросим: „Николай Владимирович Шатров!“». «Постоянным посетителем этих концертов, – продолжал Валентин Хромов, – был Борис Леонидович Пастернак. И когда в зале было много публики, он предпочитал место поскромнее и поскрытнее. Он садился на стул у двери, ведущей в зал. Когда начинался концерт уже не Софроницкого, а Шатрова, Борис Леонидович вставал и садился в зале. И аплодировал Коле, как никто другой. И это вызывало у некоторых даже вопросы и недоумение. Как он ценит такого молодого поэта?! И в аудитории ихтиозавров русской культуры он, действительно, был самым молодым поэтом».

А это уже воспоминания ещё одного члена поэтического кружка – Олега Грищенко (1936-2013): «Пастернака как-то спросили: „Кто сейчас крупный поэт в России?“». Первое, что он сказал: „Ну, вот наш Коля, например“. Наш Коля!»

Любопытен рассказ хозяйки «Мансарды» Галины Андреевой (1933-2016): «Николай мне как-то поведал такую вещь. Было так: он читал стихи Борису Леонидовичу. Пастернак его слушал, слушал, смотрел на него. А потом сказал: „Вот я смотрю на Вас, Вы такой красивый! Шли бы Вы в актёры!“».

А как же заканчивались те музыкально-поэтические вечера? Оставившие послушать стихи знали, где висит пальто Шатрова. Это было такое художническое пальто, в котором ходил Николай, живший более чем скромно. Ценители молодого таланта клали в карман пальто денежку. И когда Шатров доставал из кармана кушнору достоинством 5 рублей, он говорил: „А, это Пастернак!“ . Когда же доставал 10 рублей, то произносил: „А, это Софроницкий!“».

Как-то в музей в Большом Николопесковском переулке позвонила молодая француженка – славистка Жаклин де Пруайяр. Дверь ей открыл молодой человек. Это был Николай Шатров. Он пригласил гостью зайти в музей через день, когда давал концерт Софроницкий. И она приехала. А ещё через несколько дней француженка уже сидела на московской кухне, где открыла для себя настоящую Россию. В интервью кинорежиссёру Наталье Назаровой славистка рассказала: „Мне сказали, что я должна познакомиться с Пастернаком. Иначе моё путешествие в Россию не имеет никакого смысла. ... Я настаиваю на том, что Коля Шатров привёз меня к Пастернаку. Борис Леонидович уже знал, что на родине не издадут роман, и решил найти возможность издать его на Западе. Так у меня оказалась машинопись „Доктора Живаго“. Коля Шатров её взял у меня, отвёз к Пастернаку, чтобы тот ещё раз проверил, не осталось ли каких ошибок. Поэтому впоследствии сам Пастернак писал, что „мой единственный экземпляр –

это экземпляр для Жаклин!». Вот так был проложен путь к «Нобелевской премии», к международному признанию писательского таланта Бориса Пастернака. Признания, обернувшегося на родине – в Советском Союзе – травлей поэта.

«Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовётся». Разве мог предположить Борис Леонидович, посылая в Семипалатинск бандероль с большим томом гётевского «Фауста» с надписью: «Вместо напутствия», как это откликнется в будущем? А бандероль эта была отправлена в самом конце 40-ых юному Николаю Шатрову, осмелившемуся послать в Москву любимому поэту письмо с одним своим стихотворением.

В Москву – к себе на родину. Именно там, в столице, в 1929 году 17 января родился первенец в семье врача-гомеопата Владимира Михина и актрисы Ольги Шатровой. Семья жила на Арбате в доме 28, выходящем своим торцом в тот самый Большой Николопесковский переулок, где за семь лет до рождения поэта – в 1922 году – был открыт Музей Александра Николаевича Скрябина. Через дорогу в переулке, также фасадом на Арбат, находился и находится по сей день знаменитый театр им. Вахтангова, неоднократно менявший свой архитектурный облик с 1920 года.

В год рождения сына Владимир Александрович стал одним из учредителей и членом правления Московского филиала Всесоюзного общества врачей-гомеопатов. Филиал этот располагался в «Частной электролечебнице Михина» на Арбате, 28 – в красивом трёхэтажном доме с высокой мансардой, построенном в 1902 году по проекту архитектора А. Остроградского. Гомеопаты даже в советское время были частники, интеллигенты, составляли особую касту. Другом врача Михина стал первый нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. Раз в неделю Владимир Александрович устраивал бесплатные приёмы и давал бесплатные обеды. В приёмной висела касса. Все нуждающиеся из неё могли брать деньги. О том, что отец Николая был уважаемым гомеопатом, рассказывали многие: и Маргарита Димзе (жена Шатрова), и близкие друзья поэта. А вот то, что он в том же доме до 1929 года практиковал как терапевт, хирург и патологоанатом, как-то никто не говорил.

Высшее медицинское образование Владимир Александрович получил в Харькове, где и родился в 1883 году. До 1917 он был практикующим хирургом в городе и прозектором в Императорском Харьковском университете. А параллельно с основной профессией увлёкся новым для начала XX века искусством – синематографом. В качестве кинооператора Владимир Шатров принимал участие в съёмке двадцати сюжетов. И в течение десяти лет – с 1907 по 1917 – был владельцем и директором харьковского кинотеатра «Модерн». Вот такой размах интересов!

Такими же широкими были и интересы его старшего брата – Бориса Александровича, 1881 года рождения. Разница в возрасте около двух лет. Борис Михин как доброволец ушёл на русско-японскую войну, во время Первой мировой был награждён за храбрость Георгиевскими крестами. Получив юридическое образование в Харьковском университете, он с увлечением занялся живописью и скульптурой, изучал историю искусств. В 1910 г. Борис Александрович уже в Москве работает скульптором-художником Московского художественного театра. А с 1913 года начинается его успешная карьера в кино: работа в «Торговом доме А. Ханжонкова», затем в кинофирме А.Г. Талдыкина. В 1917 г. совместно с Ивоными снял свой первый фильм «Царь Николай II. Самодержец Всероссийский». Был постановщиком ряда немых кинолент. В 1924-1925 гг. Борис Михин уже директор 1-й фабрики Госкино. Именно он в те годы привлёк к работе Сергея Эйзенштейна, открыв его миру. Борис Михин по праву считается одним из основателей «Мосфильма». День премьеры его полнометражного фильма «На крыльях ввысь» принято считать днем рождения киностудии – 30 января 1924 года. Блестящий профессиональный взлет прервался первым арестом 1926-го по делу 16 руководящих работников «Госкино» и «Пролеткино». Через полгода его оправдали. И от беды подальше Борис Александрович уехал из столицы и трудился на площадках национальных студий, где поставил ряд историко-этнографических картин. Но в 1934, когда он работал на Бакинской кинофабрике, вновь был арестован. После освобождения предпочёл уйти в тень. Лишь в конце 40-х – начале 50-х Борис Шатров вновь в родной киностудии «Мосфильм». На этот раз в качестве начальника костюмерного цеха. Умер Борис Александрович в Москве в 1963 году.

Отец Николая развёлся с его матерью, которая была намного моложе своего мужа, когда их сын был ещё ребенком дошкольного возраста. Мальчику фамилию отца сменили на материнскую. Так он стал Николаем Шатровым. Судя по всему, прервались и родственные контакты по отповской линии. А жаль! Ни от кого ни разу не слышала, что у поэта был такой необыкновенный дядя! О Владимире Михине говорили, что он был также репрессирован, но точных сведений и доказательств этому нет. Умер отец Николая значительно раньше своего старшего брата – в 1942 году в Тбилиси. Как и почему он оказался в Грузии? Возможно, но это только лишь мои предположения, размышления, Владимир Михин развёлся с Ольгой Шатровой и уехал подальше из столицы СССР, чтобы не ставить под удар молодую жену и маленького сына. Времена были такие, что после ареста одного из членов семьи или ближайших родственников, шли, как цепная реакция, аресты и остальных.

Далеко за примером не надо ходить. Так случилось в семье жены Николая Шатрова, жившей также в одном из арбатских переулков – в Денежном переулке. Сперва был арестован и расстрелян в 1938 году

в Коммунарке глава семьи – видный советский политический и военный деятель Рейнгольд Иосифович Берзин. Следом арестовали и отправили на восемь лет в Карагандинский лагерь его жену – Гильдегарт Яковлевну Димзе. И две их дочери – Ария девятнадцати лет и восемнадцатилетняя Маргарита – остались одны. Заметим, что у Маргариты была фамилия матери – Димзе, а не расстрелянного отца – Берзин.

Маргарита, жена поэта, в своих воспоминаниях говорила, что Николай князь по крови – «потомок Калитъ». Говорила, скорее всего, со слов самого Шатрова. Но подтвердить это никак не возможно. Если же взглянем на древо рода Михиных, то самые старинные сведения об этом рязанском дворянском роде относятся к концу XVI – началу XVII века. Имел ли отец поэта эти дворянские, а может, и княжеские корни на самом деле, не столь важно. Самое ценное то, что Владимир Михин воспитывал сына своего в вере, привил с самых ранних лет живую любовь к Живому Богу. «Самым первым в детстве осмысленным осознанием жизни было: я есть, я существую, и это была радость бытия», – рассказывала Маргарита. Зёрна этой живой веры к Создателю проросли стихами. «С тех пор как научился писать, стал записывать то, что сочинил», – говорил в беседе с моей мамой, искусствоведом Диной Безруковой, Николай Шатров. А писать он научился в четыре года! Школьные годы, юность, зрелые годы. Талант набирал силу, креп, искрился, расцветал. И всё, что входило в поле поэтического восприятия Шатрова, всё переживалось и осмыслялось в Боге. В 1961 году поэт пишет стихотворение, последнюю строфу которого можно назвать «Символом веры от Николая Шатрова»:

*Я верю, верю – Боже мой!
Ты – Жизнь! Ты – Свет! Ты – путь прямой!
А если нет Тебя – не надо
Ни этих звёзд, ни этих слёз...
О, если не воскрес Христос,
То солнце – крематорий ада!*

И в том же году стихотворение «Равенство» заканчивается такими двумя четверостишиями:

*Неверующий есть самоубийца!
Бездарно заворочалась земля,
И люди стали на себя молиться,
Свой разум высшей властью наделя.*

*Но небо в нас, пока мы служим небу!
Иначе нет свободы от судьбы.
И Олимпийцы без Христова хлеба –
Бессменные, бессмертные рабы.*

В воспоминаниях говорится именно о том, что отец привил сыну с младенчества любовь к Богу. Но родители расстались, как мы знаем, когда Коля был ещё маленьким ребёнком. Несомненно, молодая мама – актриса Ольга Дмитриевна Шатрова этот огонёк веры хранила и оберегала. В очень коротенькой автобиографии 1952 года Николай пишет: «Детство я провёл в Москве и в городах средней полосы России». В эти города его брала с собой мама, когда ездила на гастроли. В октябре 1941 года Коля вместе с мамой эвакуировался в Казахстан. Там Ольга Дмитриевна стала актрисой, а затем ведущей актрисой и режиссёром Русского драматического театра, получила звание заслуженной артистки Казахской ССР. В эвакуации путешествия Николая с труппой продолжались: Омск, Нижний Тагил, Березники, Тюмень, Семипалатинск, Алма-Ата. Среднюю школу Николай закончил в 1945 году в Семипалатинске. Шатров в разговоре с сотрудником Третьяковской галереи Диной Безруковой вспоминал: «В детстве меня мама часто брала в театр на спектакли. Так вот, когда я стоял там, за кулисами, среди громадных занавесей, и слышал непонятные мне тогда, маленькому ребёнку, звуки шекспировских монологов, мне думалось, что это язык, каким должны говорить все, когда вырастут, и я сам тогда же складывал таинственные для меня слова, радуясь их фантастическому звучанию».

Интересен факт, сказанный преданным другом поэта – Феликсом Гонеонским. Он как-то упомянул, что Ольга Дмитриевна была родственницей знаменитой актрисы Государственного академического Малого театра – Елены Митрофановны Шатровой (1892-1976), прослужившей в этом театре с 1932 года всю свою жизнь. А начинала свою блестящую театральную карьеру Елена Шатрова в театре Н.Н. Синельникова в Харькове, где проработала до 1918 года, закончив перед этим в 1912 году частную театральную школу. А, как мы с вами знаем, с 1907 по 1917 в Харькове Владимир Михин был владельцем и директором кино-театра «Модерн». Что-то мне подсказывает, что люди одного культурного поля встречались в одних кругах. Смело предположить, что свою будущую жену Ольгу Владимир Михин мог узнать через Елену Шатрову.

Также интересен факт, озвученный в фильме «Если бы не Коля Шатров...» (2011). В нём не указан источник информации, но сказано, что родственником Николаю Шатрову приходился знаменитый военный музыкант и композитор, автор вальса «На сопках Маньчжурии» Илья Алексеевич Шатров.

В период с апреля по июль 1976 года появилось стихотворение, отражающие сны поэта о родителях. Привожу здесь 3,4 и 5 строфы.

*Мать покойная живей на вид,
Чем случалось пред кончиной быть, –
«Передай мне мыло, – говорит, –
Собираюсь голову помыть...»*

*А отец приснится каждый раз
Перед переменою в судьбе.
Мёртвый, он меня от смерти спас
Многokrатно, не позвав к себе.*

*И когда я вижу эти сны,
Я не верю в чей-либо конец,
Чую, как земля, тепло весны
За зимой остывших сердец.*

Все мы родом из детства. И театральное кочевье Николая продолжилось в кочевье студенческом: год учёбы в Педагогическом институте им. Н.К. Крупской на филологическом отделении в Семипалатинске, два года на заочном отделении факультета журналистики Казахского Госуниверситета в Алма-Ате, в 1950 году принят вне конкурса в Литературный институт при Союзе писателей на отделение поэзии. «В настоящее время являюсь студентом заочного отделения Московского Госуниверситета им. Ломоносова (факультет журналистики – III курс, факультет философии – I курс)», – пишет в своей автобиографии, датированной 18 ноября 1952 года, Николай Шатров. На этих факультетах он отучился года два.

Перекочевать вновь на родину – в Москву – помог, если можно так сказать, вот такой случай. «Отъезду способствовали обстоятельства, связанные с неудачной постановкой спектакля „Любовь Яровая“, который режиссировала Ольга Дмитриевна Шатрова. После премьеры в областной газете „Прииртышская правда“ появилась рецензия, подписанная для вящей весомости группой товарищей, в которой новая работа Русского драматического театра была признана политической ошибкой, так как белые на сцене выглядели выразительно, а красные, наоборот, блекло. Ольге Дмитриевне подсказывали добрые люди, что для восстановления своего прежнего престижа ей срочно надо поставить на сцене что-нибудь высококачественное и злободневное. Воспитанная на классике, на высоких образцах искусства, она на дух не переносила конъюнктурные и „маловысокохудожественные“ пьесы Софроновых и Суровых. А именно они заполняли современный репертуар театров страны. Ольга Дмитриевна оказалась не у дел: ставились новые и новые спектакли, но без её участия. Так что отъезд был предреши́т всей обстановкой, сложившейся вокруг неё», – так поведал о тех событиях друг семипалатинской юности Николая Шатрова и на всю жизнь – журналист, писатель Рафаэль Александрович Соколовский.

Шёл 1950 год. В Очакове, тогда ближайшем Подмоскowie, Ольга Дмитриевна стала работать в народном театре. И ей выделили в общежитии две комнатки. В одной из них вскоре поселилась молодая семья – с Урала вслед за мамой приехал Николай с женой Лилианой. Вскоре на свет появилась дочка, которую назвали, как и маму новорождённой, Лилианой. Так было положено начало кочевью московскому. Через восемь лет Николай разводится с супругой. В 1961 году он женится на Маргарите Димзе. И вместе с Маргаритой они сменили в Москве четыре квартиры. Последнюю квартиру получили на улице Авиационной в доме №74, что неподалеку от станции метро «Щукинская». Вот как вспоминала об этом Маргарита: «Стоим на пригорке. Он мне: „Я здесь умру. Это мой четвёртый дом. **Моё число четыре, / Со знаком минус, плюс. / В космической цифири, / Как дважды два четыре, / Я на три не делюсь**“. Это стихи Коли». Так и случилась. В 48 лет 30 марта 1977 года поэт покинул этот мир.

«Что-то в нём было цыганистое, когда мы с ним познакомились», – так описывал внешность Шатрова Феликс Гонеевский. А друг по поэтической группе «Мансарда окнами на запад» Валентин Хромов говорил: «Образ в молодости – байронический тип. А когда стал стареть, то под Сальвадора Дали отпустил усы». А вот сам поэт о себе в августе-сентябре 1976:

*Я был украден, подменён
Самим собою в древнем детстве.
Отсюда этот миллион
Терзаний, наслаждений, бедствий.*

*Есть расстоянья для людей.
Я странствую сквозь состояния:
То блудодей, то чародей,
Так начинаются цыгане...*

*Но надо в духе осознать
Присягу царственного слова,
Тогда ты – подлинная знать
И можешь не рождаться снова.*

*Когда ты истинный поэт,
Тебе до истины нет дела!
Ты пишешь потому, что свет
Твоё переполняет тело!..*

Менее чем за год до смерти Николай Шатров написал стихотворение «Откровение». Его последние две строфы:

*Кто меня на жизнь заговорил
В этом образе полуживотном?
Родственники вымерших горилл
Держат душу на захвате плотном.*

*И не вывернуться из-под спин,
Из-под животов почти мохнатых;
Бог-Отец, доколе мучусь, сын –
Рыцарь в неснимающихся латах!*

Вот таким странствующим «рыцарем в неснимающихся латах» прошёл по Земле или проскакал на небесном Пегасе поэт милостью Божией – Николай Шатров. «Поэт милостью Божией» – название одного из последних стихотворений Шатрова. А вот ещё одно из них, без названия:

*Я – звезда! Понимаю прекрасно,
Сердцем выше обид...
Лишь когда на земле я погасну,
К вам мой свет долетит.*

*Кто сидел, кто лежал на диване,
Кто работал в цеху...
Я – горел! Это тоже призванье:
Пригвождённый к стиху.*

«Он себя вёл так: почувствовал себя поэтом. И решил эту роль играть до конца», – вспоминала о нём красавица хозяйка «Мансарды» – переводчик, стюардесса, редактор Галина Андреева. «Я не стихотворец / Я – поэт», – писал Николай Шатров. Поэтическая речь для него была как дыхание. Шатровым она воспринималась как естественная речь человека. Он был поэтом по своей природе. И как он мог приспособиться к этому миру, как он мог в него встроиться? Зарабатывать где-то деньги, приходить домой, садиться за стол и стихи писать?! Он так не мог! Николай Шатров поэтом был во всем: в быту, в личной жизни и в целом – в жизни. Он был поэтом во всех своих проявлениях. И как он мог писать то, что требовала конъюнктура? Соловей поёт так, как поёт соловей, а не как канарейка! Шатров понимал, что он гениальный. Он понимал, что он отмечен Богом:

*Каждый человек подобен чуду.
Только гений – тихая вода.
И меня как смертного забудут,
Чтоб потом вдруг вспомнить навсегда.*

Не гордыня ли это? Нет. Так бывает, что нам дано понять – этот дар у нас есть! Понимая высшее происхождение этого дара, Шатров не умалчивал об этом в поэзии.

Поэт ценил дружбу. Россыпи стихов посвящены друзьям. В том числе и моему отцу – живописцу Алексею Никифоровичу Козлову (1925-1977). Друзья – мужчины и женщины – необычайно талантливые и необыкновенно красивые! Но я заметила такую интересную особенность: каждый из друзей Николая Шатрова воспринимал его уж очень по-своему. Такое складывается впечатление, что был не один Шатров, а много, очень много Шатровых! Одни его видели и видят мистиком, мистиком теософского порядка, христианином-эзотериком и даже оккультистом. Он мог исцелять людей словом и делом, предвидел судьбы людские и свою тоже. Другие в нём видели и видят православного христианина, верующего церковного человека. Не зря отец Александр Мень собирался его похоронить прямо за алтарём Сретенской церкви в Новой Деревне. Третьи говорят: «Никакого мистицизма в нём нет. Не надо особо увлекаться теми стихами, где он говорит о религии, о Боге. Он был человеком любящим жизнь во всех её проявлениях, был светским человеком». «Коля – ёрник, шутник, балагур!», «Он Дон Жуан с манерами Дон Кихота!» – вторят им иные вослед. Многие его стихи, особенно ранние, можно отнести к острой политической сатире. И даже удивительно, что он не был арестован, как, например, лидер «Мансарды окнами на запад» поэт Леонид Натанович Чертков. «Нет, диссидентом он не был», – слышишь от других. Общаясь с друзьями Шатрова, с поклонниками и ценителями его творчества, я заметила, что между ними существует какое-то ревнивое чувство друг к другу. Так, кто же он – Николай Владимирович Шатров?

Передо мной живописный портрет Николая Шатрова, принадлежащий кисти художника Алексея Козлова. Написан он был в 1972 году, когда мой папа работал над циклом «Мои современники». Лицо поэта, словно расплавленное золото – высокий, пронизанный светом лоб, глубокие, почти чёрные, с синевой глаза, красные губы и словно опалённая огнём изящная борода, за копной чёрных волос мерцающий свет, как на поздних рембрандтовских полотнах, красными всполохами этот свет чуть трогает пряди волос, тёмное одеяние. Таинственно, величаво перед нашим взором лицо превращается в лик. Перед нами возникает образ человека необычайно цельного.

А вот пожелтевший от времени лист с почерком и автографом поэта, датированный 4 июня 1964 года. Коктебель. Туда два друга – поэт и художник – отправились вместе. Волошинский Крым, волошинский дом, поэзия Максимилиана Волошина. Встречи с замечательными людьми. На фотографиях мы видим художника Козлова, поэта Шатрова и трёх, как их шутя, по-доброму называли, «коктебельских старух»: филолога Ирину Константиновну Антонову, сестру советского авиаконструктора Олега Антонова, на чьих «аннушках» мы летали всё наше советское детство; Риту Яковлевну Райт-Ковалеву – выдающуюся переводчицу и писательницу; Ирину Януарьевну Шереметеву – супругу конструктора небесных парусников-планеров Бориса Шереметева.

На раритетном листе, которому без года шестьдесят лет, стихотворение «Баллада Часов». И «P.S. Ирине Константиновне в знак доброго расположения переписывает автор – Ник Шатров». Мы видим какой-то удивительный, летящий почерк. Даже кто-то, помнится, сравнивал почерк Шатрова с почерком Пастернака. С одной стороны – летящий, а с другой – как всё четко, ясно, соразмерно! Почерк отражает характер человека. В личности Николая Шатрова была эта ясность, мощь, и вместе с ней – вдохновенное стремительное движение. Это стихотворение, дорогие читатели, публикуется впервые.

БАЛЛАДА ЧАСОВ

*Ах, у Шаха Хаоса в гареме
Жен не счесть: мгновений и минут.
Убежало маленькое время, –
Тут же сторожа его вернут.*

*Лишь одна прекрасная Секунда
Ход имеет к мужу своему:
У неё подошвы из корунда,
Громче всех стучат они в дому..
Хаоса безжалостный владыка
Как ребёнок маленький при ней.
И влюблённо шепчет: – Тикай, тикай..
Шлёт ещё даров – ночей и дней..*

Но Шахиня Шаху изменила.
Приковал её невольник Миг.
И она шепнула «Милый, милый!»
И они бежали в тот же миг.

Повелитель только сдвинул брови.
Даже ничего не произнёс.
А уже лежали в лужах крови
Трупы между зубчатых колёс...

И с тех пор не знает счастья Хаос,
Не бывает в доме темноты...
...И когда я ночью задыхаюсь,
Это значит, что со мною ты

Для меня Шатров – это, в первую очередь, любящий Бога поэт-философ. И о чём бы он ни писал: о вере в Бога, о мистической, таинственной жизни души, о природе творчества, о современных ему научных и нравственных реалиях, о политике, о России, о дорогих ему поэтах Серебряного века, о женщинах, которых он безмерно и безумно любил, о друзьях, – всегда идёт этот срез: верх – низ, светлое – тёмное, Бог – дьявол; человек – его судьба здесь, его судьба Там, в мире горнем.

Неверующих – тьма.
Их убедить – пустое!
Им горе от ума!
Пять чувств... Но Бог – шестое!

9 апреля, в день Входа Господня в Иерусалим, после причастия, в конце службы меня посетила мысль: купить вербы и поехать на Новодевичье кладбище. Снег уже стаял. Найти плиту, убедиться, что на ней имя Шатрова. Так и поступаю. На месте, показанном литератором Львом Алабиным на видео, вижу три плиты. На левой плите читаю: «Каужен Эдит Карловна 1866-1957». Выше этого имени должно быть выгравировано «Шатров Николай Владимирович». Но надписи нет! Неужели Лев Алабин выдал желаемое за действительное? – промелькнуло в голове. И тут же: надо протереть плиту! Омываю плиту водой, и... Вглядываюсь, вчитываюсь, промываю ещё и ещё раз. Начинают проступать буквы. Да, ясно проглядывает – «Шатров». Ниже, менее четко – «Николай». И третья строка – еле-еле «...мирович». Чуть правее процарапанного, видимо, вдовой поэта Маргаритой, имени проступают цифры «29/77». Да, найдено место захоронения урны с прахом поэта! Маргарита закопала урну тайно в могилу родственников по отцовской линии много лет спустя после смерти мужа. Кладу вербы в изголовье могильного холмика, молюсь.

ПОСТСКРИПТУМ

Молись обо мне днём и ночью,
Я славы небесной достиг.
К ней лестницы нету короче
Стремлянки неизданных книг.

Что было, что будет – не знаю,
Не прочен и облачный слой,
Но точно, что слава земная
Кончается вместе с землёй.

Март 1976

Мария Козлова, кандидат искусствоведения, крестная дочь поэта Николая Шатрова
Москва. 23 апреля, 2023. Первое воскресенье после Пасхи – день св. апостола Фомы

ЕЛЕНА ТИТОВА**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ИСТОКИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

*Я новый мир хотел построить,
Да больше нечего ломать.*

Владимир Друк. Эпитафия

Возникновение русской концептуальной поэзии в конце 1970-х годов было обусловлено причинами общекультурного и эстетического характера. Тогда явно обострилось желание авангардных художников преодолеть идеологические барьеры и приобщиться к западным течениям искусства. Многие из этих художников испытывали уже настоящую тоску по поэтическому буму начала 1960-х, по массовым поэтическим праздникам, эстрадно-концертной форме бытования художественного слова. Разумеется, концептуализм в СССР был подготовлен и самиздатской литературой, которая помимо открытия новых имён в современном искусстве восстанавливала важнейшую контекстовую часть XX столетия – поэзию Серебряного века. Особой притягательной силой обладали опыты футуристов и обэриутов, поскольку демонстрировали предельную дерзость поэтических приёмов и форм, допустимость и даже необходимость бытовых, повседневных тем, а также широкие возможности обновления языка искусства за счёт смешения стилей.

Новое направление стало складываться и оформляться благодаря тому обществу молодых художников, поэтов и философов, которое в конце 70-х годов собиралось на квартире московского врача А. Чачко для обсуждения новинок западного искусства. Никаких политических целей у данного объединения не было, однако вполне естественно, что реалии и литературный официоз застойного времени вызывали у участников собраний ироническую реакцию, провоцировали желание освободить себя и других от идеологических стереотипов «развитого социализма». Окружающая действительность, насыщенная лозунгами, девизами, призывами, вся история советского общества обнаруживали оторванность идеи от жизни, понятия от вещи, слова от предмета. Захотелось вернуться к реальности, очищенной от штампов, и устроить как в живописи, так и в поэзии «мрачно-весёлое погребение тех идей, которые долгое время терзали народную душу тщетой невероятной власти, счастья, единства, победы» [15: 235].

Сторонники и создатели нового поэтического искусства тогда же, в конце 1970 – начале 1980-х, стали выступать на публике и печататься на Западе: в журналах и альманахах «А – Я», «Ковчег», «Эхо», «Шрайб-нефт», «Культурпаласт», «Каталог», а также в самиздатской периодике: «37», «Обводный канал». 8 июня 1983 года на поэтическом вечере в Центральном доме работников искусств в Москве концептуализм (а наряду с ним и метаметаморфизм, или метареализм) уже был объявлен магистральным направлением в поэзии «новой волны». Выступивший на этом вечере Михаил Эпштейн, который стал вскоре главным теоретиком направления, объяснил, что в понимании зачинателей русского концептуализма любые ценностные обозначения являются мнимыми, ущербными, абстрактные же понятия, «пришпиленные к вещи наподобие ярлыка» [8: 516], используются авторами современных произведений прежде всего ради иронического или гротескного эффекта. Концепт представляет собой идею, которая уже настолько далека от жизни, что воспринимается как пустая или извращённая. Согласно определению Эпштейна, «концептуализм – это поэтика голых понятий, самодовлеющих знаков, нарочито отвлечённых от той реальности, которую они вроде бы призваны обозначить, поэтика схем и стереотипов, показывающая отпадение форм от субстанций, смыслов от вещей» [8: 516]. К создателям концептуальных текстов критик отнёс Всеволода Некрасова (1934–2009), Дмитрия Пригова (1940–2007) и Льва Рубинштейна (год рождения –1947).

Следует заметить, что в отношении первого из этой триады автора возникла парадоксальная ситуация: «Некрасов – отец русского концептуализма, не принадлежащий этому направлению» [16: 12]. Поэт был связан с авангардистами так называемой «Лионовской школы», обвиненной ещё в 1960-е годы в формализме; о своей симпатии к концептуалистам он не заявлял, а в одной из деклараций 1990-х годов даже позволил себе следующее сопоставление:

*я-то помню
момент был мой
а не рубинштейна
верней наверно
сказать так*

*никак
никак
не менее мой
выдался момент
нежели и рубинштейна
и пригова [3:10].*

Нетрудно, однако, заметить даже по этому небольшому отрывку из книги «Дойче бух», насколько свободно Всеволод Некрасов пользовался тем материалом, на котором вырос концептуализм (банальными выражениями, речевыми клише), насколько равнодушен он был к традиционной графике стихотворного текста и пунктуации. Читателям ленинградского журнала «37» в конце 1970-х не менее вызывающим по содержанию и оформлению показался и центонный текст Всеволода Некрасова:

*Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение

Люблю тебя Петра творенье

Кто написал стихотворенье

Я написал стихотворенье [9:104].*

Приём центона (от латинского cento – одежда или покрывало, сшитое из разнородных материалов), помогающий здесь обыграть знакомые пушкинские строки, дополнен утверждением: текст, сложенный из чужих слов, является новым художественным произведением нового автора. Концептуалисты, а вслед за ними и создатели иронической поэзии, воспользовались приёмом центона прежде всего для обнаружения того хрестоматийного глянца в культуре, который так же, как и политические лозунги эпохи, обусловил известные стереотипы сознания.

Публикуя в советских изданиях лишь стихи для детей, Всеволод Некрасов одновременно смело осваивал языковой материал, считавшийся непоэтическим. Он сочетал обыденные слова и идеологические термины, активно вводил в поэзию служебные части речи, стал настоящим мастером паронимических и ономастических конструкций, широко использовал новые приёмы графического оформления текста: подчеркивания, вычеркивания, сноски, геометрические фигуры. Впрочем, многие его произведения, при всей их внешней и внутренней новизне, как будто иллюстрировали ряд футуристических заявлений: «Мы распатали синтаксис», «Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонической характеристике» [8: 147], «Нами уничтожены знаки препинания», «Богатство словаря поэта – его оправдание» [8: 148]. Ещё в 1910-е годы петербургский эгофутурист Василиск Гнедов указывал на необходимость консонансов понятий (кормысло – дуга) и диссонансов понятий (кормысла – смысла), полагая, что именно они «впоследствии станут главным строительным материалом» [2: 63]. По дороге такого эксперимента и пошёл Всеволод Некрасов:

*Кашей бессмертный
слуга покорный
Голодный Бедный
Будённый Горький
большой учёный
великий кормчий
и гениальнейший
зодчий
проект проспекта
субъект со съезда
отсюда вывод [9:120].*

Это и была та игра словами-понятиями, которая увлекла концептуалистов. Общие принципы её выглядели по стихам Всеволода Некрасова так: соединение смыслов, не связанных в действительной жизни (Кашей Бессмертный – слуга покорный), выявление понятийной противоположности на фоне звукового и графического сходства (субъект со съезда), использование смысловых, стилистических и композиционных повторов; разрушение читательских ожиданий при помощи последней строки, которая не укладывается в схему повторов и заставляет размышлять («отсюда вывод» – какой?). Последний принцип Всеволод Некрасов даже возвёл в абсолют, создав следующее произведение: на четверти белого листа он поместил

слово «Однако», поставив перед ним точку. Это утверждение бесконечности сомнений и возражений все-му, что сказано и завершено, это обыгрывание пустоты тоже невольно отсылают нас к опытам Василиска Гнедова: одна из его поэм состояла из буквы «Ю», другая – из слова «Шипш», а завершался его сборник «Смерть искусству» (1913) так называемой «Поэмой конца», представлявшей собой чистый лист бумаги.

Сочетание внешней простоты и смысловой утонченности, иронии и сарказма, да и в целом все лингвистические эксперименты Всеволода Некрасова не могли не воодушевить более молодых в 1980-1990-х годах авторов: Дмитрия Пригова и Льва Рубинштейна. Каждый по-своему, они пошли по пути создания неофициального конкретного искусства, которое удивляло и даже шокировало любителей классики и приверженцев социалистического реализма.

Популярность в конце XX века Дмитрия Пригова, несомненного лидера русской концептуальной поэзии, объясняется многообразием его имиджей и точным воспроизведением реалий эпохи в его произведениях. Табуированные эмоции советского обывателя, стоящего в очереди за колбасой и болеющего за «Спартак» или «Динамо», а также либерального интеллигента, регулярно смотрящего программу «Время» и читающего газету «Правда», обнажились в поэтической «болтовне» Пригова, в его «Картинках из частной и общественной жизни», в «Банальных рассуждениях на банальные темы»:

*Дело к вечеру идёт
Уже праздный и лукавый
Честный и трудолюбивый
Усмиряется народ*

*Да и ты душа моя
Занятая слов сляньем
Уже дремлешь под влияньем
Своего веретена [11: 35]*

*Восток – он всё время на Запад глядит
А Запад – глядит на Восток
А кто это там посередке сидит? –
А это сидит СССР [11: 40]*

*Только вымоешь посуду
Глядь – уж новая лежит
Уж какая тут свобода
Тут до старости б дожить
Правда, можно и не мыть
Да вот тут приходят разные
Говорят: посуда грязная –
Где уж тут свободе быть [11:130].*

Задуманная интонация, причудливая смесь из классических строк, повседневные темы кухонных разговоров советской интеллигенции «застойного» времени, оперативный отклик на любое, даже самое заурядное и бытовое, но зато знакомое каждому явление жизни сделали поэтику Пригова столь привлекательной, что читатель, а больше, конечно, слушатель, прощал ему эпатаж и демонстративную независимость от публики, потакал самоменному автору, невольно соглашаясь и с такими, например, рассуждениями:

*Когда я размышляю о поэзии, как ей дальше быть
То понимаю, что мои современники должны меня
больше,
чем Пушкина любить*

*Я пишу о том, что с ними происходит, или происходило,
или произойдёт – им каждый факт знаком,
И говорю им это понятным нашим общим языком*

*А если они всё-таки любят Пушкина больше, чем меня,
так это потому, что я добрый и честный: не поношу его,
не посягаю на его стихи, его славу, его честь
Да и как же я могу поносить всё это, когда я тот самый
Пушкин и есть [11: 59].*

Творческий импульс Пригова был импульс нигилиста, разрушающего любой порядок вещей, подрывающего изнутри любые мало-мальски закрепившиеся в сознании нормы и правила. Не случайно главными концептами в поэзии Пригова стали Пушкин, Милицанер и Москва. Имитируя мышление и ходульный язык обывателя, делая текст предельно доступным для восприятия каждого читающего, он смеялся и над тем искусством, которое занимается подделкой образов под идеи, и над самими идеями, «показывая их бесплодность и внеобразность» [15: 228]. При этом он намеренно сокращал дистанцию между собой и массовым читателем, заменяя коллизию «поэт и толпа» на коллизию «поэт из толпы, поэт в толпе». Более того, Пригов и в творчестве, и в интервью постоянно указывал на свой имидж носителя официально-фольклорного сознания и на то, что его способ самореализации в литературе и его поведение отнюдь не поэтические. В первом же «Предупреждении» к книге «Советские тексты, 1979-1984» он определил свой стиль как «совитализм» и пояснил: «Этот стиль имеет своим предметом феномен, возникающий на пересечении жесткого верхнего идеологического излучения и нижнего, поглощающего, пластифицирующего всё это в реальную жизнь, слоя жизни природной» [11: 24]. Отсюда своеобразное творческое кредо Пригова: отзываться на всё, говорить обо всём и активно входить сознанием в современные социокультурные ситуации. Отсюда и его неожиданное на фоне «отрицательной» эстетики авангарда признание:

*Заражён бациллой модернизма
Что б разрушить – я вокруг лягу
От христьянства до социализма
Что б разрушить, всё внутри ношу*

*А пока ношу – то забываю
Что разрушить собственно хотел
Уж не разделяю наших тел –
Всё своё люблю и обожая [11: 225].*

То, что Пригов стал автором вездесущим и всеотзывчивым, непрерывно пишущим (к 1993 году создал около 15 тысяч текстов), не в последнюю очередь объясняется его образованием и различными видами творческой деятельности: он окончил отделение скульптуры художественного института, был принят в Союз художников, десять лет руководит театром в МГУ, сам сочинял пьесы, играл и занимался режиссурой, являлся одним из редакторов журнала «Вестник новой литературы». Кроме того, он всегда активно исполнял собственные произведения, предпочитая выступление публикациям, и вслед за Эпштейном много писал об искусстве андеграунда.

В статье Пригова «Что надо знать» содержится и определение концептуализма. По сути, эта статья – своеобразное самоопределение, комментарий собственного творчества, хотя и без отсылки к произведениям. Основные положения данного манифеста таковы, что легко могут быть проиллюстрированы конкретными примерами и цитатами, в том числе приведёнными выше. По мысли Пригова, концептуализм – это прежде всего напряжённые взаимоотношения предмета и языка описания, сведение в тексте различных языковых слоев: высокого государственного, культурного, религиозно-философского, научного, бытового, низкого; а также особое режиссёрское отношение поэта к тексту: «Автор видимо отсутствует на сцене между персонажами, но имплицитно присутствует в любой точке сценического пространства» [12: 419], он созерцает логосы языка, улавливает их, регистрирует, но не создаёт. Привычный художественный образ автора теория концептуализма заменила на авторский жест, имеющий внелитературное значение.

Пригов не исповедовался в своих произведениях – он обнаруживал один из пластов языкового сознания ради определения своей позиции в культурном пространстве. А поскольку процесс языкового постижения бесконечен, то и позиции не поддаются подсчёту. Постоянное «слежение культурного контекста, взаимодействие и взаимоотношение с ним» [12: 420] порождает особенности читательского восприятия. Узнавая язык, ситуацию, некое общее умонастроение (истерию, потерянность, ностальгию, досаду, патриотическое воодушевление), мы невольно включаемся в игру концептов, почти полностью отождествляя текст с собственным речевым поведением, а значит, становимся действующим лицом произведения. Жест Пригова невольно превращался в наш собственный жест, даже если в тексте фиксировались детали биографии автора: «Центральный Комитет КПСС, Верховный Совет СССР, Советское правительство с глубоким прискорбием сообщает, что 30 июня 1980 года в городе Москва на 40-м году жизни проживает Пригов Дмитрий Александрович» [11:143].

Как видим, клишированию в концептуальном тексте подлежат не только строка, интонация и элементы сюжета, но и жанры. И здесь также используется приём цитатона: в цитированном выше произведении соединяются куски официального некролога и автобиографической справки. Результат данного жанрового

смешения – выявленная и доведённая до гротеска ситуация культурного размежевания и противостояния автора и власти. Собственно, на поэтическое произведение этот тип высказывания похож очень мало, вот почему сам Пригов предпочитает называть свои творения «текстами», а не «стихами».

Ещё более активным и последовательным «пользователем» словесных схем прагматического, утилитарного и повседневного языка стал Лев Рубинштейн. Библиотекарь по образованию, Рубинштейн не только писал стихи, но и занялся так называемым «регулярным письмом»: он фиксировал высказывания на карточках. В созданном им каталоге обнаруживаются фрагменты традиционных литературных форм (бытового романа, лирического стихотворения, драматической пьесы), но в целом этот свод напоминает эссе или является, по определению критика, «жанровой фикцией внежанровой системы» [1: 30]. Поток информации внешне организован: он направлен по руслу какой-либо клишированной темы (например, по руслу темы «Всюду жизнь» или «Мама мыла раму»), иногда привязан к какому-то слову (например, к слову «можно» в «Каталоге комедийных новшеств») или соотнесён с известным утверждением (например, с утверждением Н.А. Островского «Жизнь даёт человеку только один раз, и прожить её надо так...»). Повторяемость формы, цифровые определители (каждая карточка имеет свой номер) автоматизируют восприятие. Вот почему действующий здесь закон «остранения» (знакомые понятия, идеи вводятся в новый культурный контекст) преследует всё же иную, чем у обэриутов, цель: не обновить представление о жизни, а убедить читателя в том, что любое сложившееся представление является умозрительным и должно быть отброшено. В карточках Рубинштейна есть, кстати, и своеобразные определения поэтики концептуализма:

«Можно беседовать о чём угодно и сколь угодно долго, проявляя интерес лишь к самой фактуре речи» [13:13];

«Можно бесконечно удаляться от объекта или приближаться к объекту, не унижаясь при этом до каких бы то ни было обобщений» [13:15];

«Всю ночь мне снились пограничные области бытия. Простувшись, я сумел вспомнить только что-то между водой и сушией, молчанием и речью, сном и пробуждением и успел подумать: „Вот она эстетика неопределённости. Вот и снова она...“» [13:39].

Эстетика неопределённости, о которой заявил Рубинштейн, действительно господствует на всех уровнях структуры концептуального текста: тематическом, языковом, стилистическом, субъектном, жанровом, интонационном. Отношение к традиции в поэтике концептуализма также многопланово: «От сознательного заимствования до происходящего как бы помимо авторской воли узнавания, от механического воспроизведения до благоговейного переписывания, от кражи как разновидности художественного стиля до изучения прошлого ради его забвения» [10: 84]. Концептуализм предполагал тотальное стирание границ между традицией и новаторством, стихами и прозой, образом и понятием, личным и ролевым поведением автора, жанровыми и стилистическими ориентирами, между визуальным и вербальным искусствами, духовной культурой и бытом.

Связь данного направления с конкретным историческим временем тоже неотчётлива. Первоначально концептуальная поэзия реагировала лишь на идейность социалистической эпохи, помогая расстаться с идолами нашего сознания, с образцами, навязанными именно этой идеологией. Поэтому казалось, что Пригов и Рубинштейн – это создатели мощного контраргумента соцреализму и борцы со всем, что мешало строить новый мир и новое искусство. Их бунт напоминал бунт футуристов. Но уже в середине 1980-х стало ясно, что между концептуалистами и их предшественниками есть существенная разница, заключающаяся в самой направленности отрицания. Футуризм отвергал прошлый опыт и сбрасывал его «с корабля современности» ради реализации великого проекта будущего. Концептуализм же стал отрицанием не идеологии какого-то строя или эпохи, а идеологического сознания вообще, поэтому для Пригова и Рубинштейна время и культура не делились на прошлое, настоящее и будущее: это было единое поле, в котором естественную реальность обгоняли идеи, ограничивая человеческую жизнь и превращая её в абсурд. Отсюда вся экспроприация чужих слов и текстов: «поглощая» их, концептуалисты демонстрировали, как стародавнее и вроде бы отжившее торжествовало в сегодняшнем дне на уровне знака и лозунга, примера и модели. Если футуристы сокрушали во имя изменения и обновления, то концептуалисты, обнаружив утопически-идейную традицию и обнажив её, ни к чему не призывали, а утверждали лишь саму необходимость отрицания всех этих «во имя» и «ради».

Но в такой стратегии заключалась не только сила концептуальной поэтики (сила неустанного преодоления, отстранения, отчуждения), но и её уязвимость. Концептуалисты были привязаны к формам отживающей культуры, ибо для них это источник творчества. Соблазн же свободой, в конечном счёте, увёл их от художественной литературы, а тотальное стирание границ – от образной специфики искусства слова. Уничтожилась лирическая интонация в стихотворном произведении, а этическое и эстетическое содержание текста оказалось заслонено прагматизмом и экспериментальностью.

Популярность концептуализма, достигнув пика в 1989 году, пошла на спад. К началу XXI века читатели и слушатели пресытились концептуальной игрой: их уже не увлекало разгадывание центонных текстов, а выступления концептуалистов потеряли свою остроту, поскольку андеграунд вышел на поверхность и литература перестала делиться на официально разрешённую и запрещённую. В 1993 году Пригову

была присуждена Пушкинская премия, его и Рубинштейна стали публиковать в толстых, солидных журналах, издавать отдельными книгами. Сами же авторы от поэтических текстов всё чаще «уходили» к прозе (Пригов Д.А. Живите в Москве. Рукопись на правах романа. – М., 2000), к научно-популярной литературе (Рубинштейн А.С. Случаи из языка. – СПб., 1998), им захотелось больше и серьёзнее говорить о себе как о представителях новой культуры. Закат концептуализма не в последнюю очередь объясняется отсутствием самоиронии и монополией на истину о самих себе, рефлексией по поводу собственного творчества, желанием доказать, что создание имиджей гораздо важнее, чем создание художественных образов. Всё это привело к тому, что о концептуалистах перестали спорить к середине 1990-х годов, а к концу XX века уже поставили под сомнение и значимость написанного ими: «От поэта остаются тексты. А что останется от Пригова? Пляски и песни матёрого литературного генерала на виртуальном корабле современности, проволирующие поэтов помоложе сбросить певца Милицанера в воду» [3:10].

Концептуалисты в поэзии сменились концептуалистами в прозе, которая открывала не меньше возможностей для переворачивания и «остранения» соцреализма. В произведениях Владимира Сорокина образ абсурдной действительности оттенялся клишированными советской литературой формами: патетическими повествованиями о первопроходцах и героях, геологах и комсомольцах, деревенской «лирической прозой» о «малой родине». На отсылках к известным классическим романам и повестям, на реминисценциях и аллюзиях построены произведения Владимира Маканина. Принял участие в создании концептуальной прозы и Виктор Ерофеев. Однако широкого читательского резонанса такая проза уже не вызвала.

И всё же, говоря об истории концептуализма, не следует торопиться с выводом: «Эта история завершилась». Более верным будет другое суждение: «Концептуализм умер, но во всех нас он разлит наводнением» (подобное в 1915 году утверждал Маяковский, имея в виду футуризм). Концептуальная поэтика через открытое Приговым и Рубинштейном окно словно вырвалась в пространство массовой культуры. Её приметы на рубеже XX-XXI веков очевидны в рекламе («Она придёт совсем внезапно, когда её совсем не ждёшь» – о героине фильма «Зена – королева воинов»), в названиях телевизионных программ (авторская телепередача «Однако» Михаила Леонтьева), в шутках радиоведущих («Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе с красным?» – Николай Фоменко), в эстрадных песнях («Гондурас, Гондурас? Мы с тобой в тревожный час?» – в исполнении А. Арканова и Л. Милавской). Смещение культурных пластов и языков стало обычным явлением нашей жизни, естественной реакцией на социальное, политическое, национальное разделение.

На уровне же формального эксперимента творчество концептуалистов вызвало интерес не только у узких специалистов, но и у поэтов, принадлежащих другим направлениям, идущих другой дорогой. Так, Инна Лиснянская в интервью 1997 года заметила: «Карточки Рубинштейна могут в дальнейшем дать что-то новое в литературе. Мне это чуждо, но я осознаю, что в развитии русской поэтики этот эксперимент может быть полезен» [7: 243]. Воздействие этого эксперимента можно ощутить в названиях и в некоторых особенностях таких романов Виктора Пелевина, как «Чапаев и Пустота» (1996), «Generation „П“» (1999) и сборника «Диалектика переходного периода. Из ниоткуда в никуда» (2003), в подхвате самыми разными поэтами мотива и образа пустоты: даже далёкий от концептуалистов Александр Тимофеевский свою книгу, изданную в 2014-м году, назовёт «Поговорить бы с пустотой...».

Во многом благодаря представителям концептуальной поэзии, «цитатничество» на эстраде и в литературе, пародирование и шаржирование самых разнообразных явлений действительности, перформансы стали привычным делом. К этому можно относиться положительно, можно – отрицательно, однако не признать важнейшей роли концептуалистов в создании филологического стиля целого поколения нельзя. Поэтика концептуализма стала в 1990-е годы точкой отсчёта для начинающих или непризнанных художников слова, и многие из них выросли в серьёзных авторов, преодолевая увлечение Приговым и Рубинштейном. Тот, кто не пошёл по пути обычного умножения и тиражирования известных приёмов, а, приняв их к сведению, подчинил новым задачам и новой эстетике, только выиграл и обрёл самостоятельность. Здесь прежде всего следует назвать создателей саркастической и иронической поэзии – Игоря Губермана, Игоря Иртеньева и Владимира Вишневого, которые, смешивая стили, интонации и темы, стремятся в своём творчестве к взвешенной оценке как прошлого, так и настоящего русской культуры и утверждают в поэзии определённые аксиологические основы, отсутствовавшие у концептуалистов. Очевидно движение таких авторов от постлитературы к собственно литературе, от текста – к художественному произведению, к индивидуальному, лично окрашенному поэтическому слову. Самое яркое тому подтверждение – Тимур Кибиров, которого, вопреки довольно распространённому и уже закрепившемуся в отдельных статьях и учебных пособиях мнению, нельзя отнести ни к представителям, ни к последователям концептуализма, хотя ценный характер его творчества не подлежит сомнению. Как заметил Олег Чухонцев, это «поэт, почитатно прошерстивший и вылуцивший всю мало-мальски внятную русскую уху старую и новую классику» [14: 263]. Но в цитатности Кибирова гораздо больше естественного начала, поскольку его ирония не является лишь средством «остранения» и отчуждения, она ещё и способ самопознания. Его отдельные стихотворения и крупные вещи отличаются лирической

и лиро-эпической цельностью: в них нет ничего общего с дискретными высказываниями и «поэнными развалами» концептуалистов. Кибиров слишком лиричен, слишком самоироничен, исповедален и воодушевлен для концептуализма. Он и сам на этой лиричности настаивает (см., например, книгу «Интимная лирика», 1998). Его горячность и искренность только усиливаются языковой раскованностью, а обращение к формам элегического послания и сонета не позволяет отнести его к литературным разрушителям и эклектикам. Кибиров, в отличие от Пригова и Рубинштейна, предпочитал не объясняться, а шутить по поводу основных положений концептуальной эстетики:

*Если ты ещё не в курсе,
я скажу тебе, читатель:
всё зависит от контекста,
всё буквально, даже я! <...>*

*Это в общем очевидно,
хоть досадно и обидно.
Оскорбительно зависеть
от такой вот хреноты.*

*Это всё вполне понятно,
хоть подчас и неприятно,
но контекст не выбирают,
так же, впрочем, как тебя [4:30].*

В предисловии к сборнику автор специально оговорил, что «в помощь неутомимым исследователям проблем интертекстуальности» [4: 6] он привёл в конце список использованной им литературы. При всём же почтении к своим наставникам и друзьям (Пригову и Рубинштейну Кибиров посвящал стихи и поэмы, упоминал он и Всеволода Некрасова), поэт предпочитал размышлять не столько о своём соответствии времени и эпохе, сколько о литературной перспективе вообще:

*Дайшь деконструкцию! Дали.
А дальше-то что? – А ничто.
Над кучей ненужных деталей
Сидим в мирозданье пустом [4: 37].*

*А писатель всё пишет и пишет,
никаких он вопросов не слышит,
никаким он вопросам не внемлет,
духом выпененным Русь он объёмлет
и глаголет, глаза закативши,
с каждым веком всё круче и выше.
И потоками мутных пророчеств
Заливает он матушку-почву.
Так и так, мол. Иначе никак.
Накричавшись, уходит в кабак.
Постепенно родная земля
пропитается, заколосится,
и пожнёт наконец он ответ –
свой же собственный ужас и бред [5: 3].*

Образный строй заключительных строк (матушка-почва, родная земля, заколосится, пожнёт) этого стихотворения в контексте последующих творческих решений Кибирова воспринимается как пролог к его прозе «Лада, или Радость» (2010), в которой он обыгрывает концепт «деревенской темы».

Вседозволенность приёма, темы и способа подачи литературного текста, языковая разнужданность, фрагментарность речевого потока, иногда намеренное отчуждение автора от текста и от читателя или усиленное игровое начало – таковы были явные последствия концептуализма в начале XX века. Но помня о циклическом характере развития культуры, трудно отрицать возможность возвращения и актуализации данной поэтики на этапе очередного изживания накопленного литературного опыта, на этапе нового слома и перестройки сознания. На такую возможность, в частности, уповал и Пригов. Относя себя к поколению, которое «артикулировало» свои идеи в начале 1970-х и полностью реализовало себя в конце

1980-х, он замечал: «Культура, к счастью, вещь огромная и подвижная. <...> Для кого-то мы кончили, а для других ещё и не начинались» [6:124].

Определяя значение и место концептуализма в культурном процессе, следует заметить главное: данная поэтика наглядно представляет, что происходит с творческой личностью и массовым общественным сознанием в тот момент, когда одна система ценностей уже опорочена, а другая ещё просто не создана. Концептуальная поэзия предупреждает о неизбежном в этом случае провале в пустоту и примитивизм, в тавтологию, эклектику и литературный цинизм.

Литература:

1. Абдулаева З. Титры: Заметки о творчестве Л. Рубинштейна // Искусство кино. – 1993. – № 3.
2. Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия; Сборник справочных и теоретических материалов / Сост. А. Очертянский, Дж. Янечек, В. Крейд. – Нью-Йорк – СПб., 1993.
3. Кольмагин Б. Это вам пригушки: Концептуальный Миллиционер в хороводе постмодернизма // Литературная газета. – 1998. – 4 ноября.
4. Кибиров Т. Интимная лирика. – СПб., 1998.
5. Кибиров Т. Нищая нежность: Стихи // Знамя. – 2000. – № 10.
6. Курицын В. Поэт-миллиционер // Октябрь. – 1996. – №6.
7. Лиснянская И. Из первых уст // Вопросы литературы. – 1997. – № 9.
8. Литературные манифесты от символизма до наших дней / Сост. и предисловие С.Б. Джимбинова. – М., 2000.
9. Некрасов Вс. 27 из «37» // Вестник новой литературы. – Вып. 2. – Л., 1990.
10. Останин Б. Новая поэзия?? Конечно!! // Лабиринт / Эксцентр. – 1991. № 1.
11. Пригов Д. А. Советские тексты, 1979 – 1984. – СПб., 1997.
12. Пригов Д. Что надо знать // Молодая поэзия 89: Стихи. Статьи. Тексты. – М., 1989.
13. Рубинштейн Л. Регулярное письмо. – СПб., 1996.
14. Чухонцев О. Имя поэта // Вопросы литературы. – 1995. – № 6.
15. Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. – 1989. – № 12.
16. Янечек Джеральд. Всеволод Некрасов – мастер-паронимист // Русская речь. – 1996. – № 2.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

В ТРЁХСТАХ ШАГАХ ОТ ЯРОСТНОЙ ЗИМЫ

(София Максимычева, *Дурочка. Стихотворения*. – Волгоград: Перископ-Волга, 2021. – 100 с.)

Дурочка – слово, которое чаще всего используют, чтобы подчеркнуть наивность, доверчивость и бесхитрость женщины. В эпоху ярко выраженной эмансипации представительницы «слабого пола» отчаянно хотят быть равными мужчинам, тщательно маскируют свои подлинные чувства и желания. Художественный мир Софии Максимычевой – глубоко личное, камерное, даже интимное пространство. Это мир женщины – хрупкий, уязвимый и одухотворённый любовью. Название книги, такое бесхитростное на первый взгляд, говорит о многом и характеризует автора как человека глубоко искреннего.

Лирическая героиня Софии способна подкупить читателя тем, что она не боится быть слабой – напротив, ей в своём творчестве важно подчеркнуть исконную особенность женской природы, мягкой и восприимчивой, чувствительной и открытой для мира мужчины. В простой мифологеме женского счастья, ограниченного уютом домашнего очага, есть высшая мудрость и высшая правда. Множество «личин», сопровождающих женщину в её повседневной жизни – не более чем маски, за которыми прячется беззащитная маленькая девочка, желающая только одного – любви и понимания.

С первых строк книги читатель чувствует особую доверительную авторскую интонацию, приглашающую если не к диалогу, то к совместному проживанию понятного всем душевного состояния:

*Поперёк души – страница,
вдоль страницы – тишина,
если дурочке не спится,
значит дурочка одна.*

*Слышишь, дудочка заводит:
– Что ты, дурочка, фрустишь?
В женской маятной природе
разве что-то разглядишь?..*

Жизнь в любви и вне её, неизбежное столкновение с миром мужчины, чреватое как новым созиданием, так и разрушением – сквозные темы поэзии Софии Максимычевой. Она убеждена, что подлинная сила женщины – в её слабости, способности полностью отдаваться чувству, без которого мир становится немым и опустошённым. Отсюда и единство образного ряда, и повторяющиеся мотивы, выполняющие роль смысловых скреп в поэтической ткани книги. В ней нет разделов, да они и не нужны. Это нескончаемое повествование с одним, а максимум двумя лирическими героями, которых можно условно назвать Он и Она.

Художественное пространство сборника выверено очень тщательно. Лишённое эпической масштабности, оно чаще всего ограничено двумя объектами – домом и садом. Очевидно, что сад – хорошо знакомая не только русской, но и мировой культуре метафора, используемая многими поэтами и писателями золотого и серебряного века. У Максимычевой сад – проекция самой лирической героини, чьё стихийное существование так же, как и любой природный объект, подвержено любым внешним воздействиям. Её душа – яблоня в этом саду. Она может плодоносить или засыхать при отсутствии ухода, мужской заботы и внимания:

*Всё в нашей жизни предсказуемо,
где сад стареет не случайно.
Мне стать тобой неопишуемой,
не год, не два хранившей тайны.*

*Ведь ты советуешь мне – яблоне –
вцепиться намертво корнями.
Но плоть моя тобой разграблена,
подведена к глубокой яме...*

«Квиты: вами я объедена...», – невольно вспоминаются цветаевские строки. Такова и лирическая интонация Софии Максимычевой, чьё творчество продолжает традиции серебряного века.

Образы дома и сада составляют единое художественное пространство книги – одно продлевается в другом, проявляется в другом наподобие сообщающегося сосуда. Иногда они становятся символом уюта и цветения женской души, орошённой любовью, но нередко дом оказывается пустым, а сад – заброшенным и разграбленным. «Женщине, как диковинному цветку, требуется постоянный уход», – как будто говорит нам автор. Но мужчина, обманом проникающий в мир доверчивой женщины, подчас способен растоптать этот цветок, разорить гнездо, разрушить надежды. Наличие или отсутствие в жизни любви прямым образом влияют на мир лирической героини и пространство вокруг неё. Художественными средствами выразительности, разной системой образов автор демонстрирует, насколько различны между собой мир счастливой, влюблённой, женщины и мир женщины одинокой. Так, счастье разделённой любви напрямую связано с темой материнства, плодоношения и созидания:

*И трубочист плывёт, как сом,
среди расставленных столетий.
Он точно знает обо всём:
и о тебе, и наших детях,*

*которым – время не пришло
на этот белый свет явиться,
но ты меня целуешь в лоб,
и в чреве зреет чечевица.*

Плодотворное зерно любви, из которого рождается космос новой жизни – это личная вселенная героини. И только этой новой жизнью может прирастать пространство, созданное для двоих. Но в целом оно не стремится к расширению – напротив, чем ограниченнее оно, тем острее космос внутри, тем крепче объятия и слаще поцелуи:

*...сухая почва, низкий потолок,
тяжёлая листва и покрывало.
от нежности ты ночью изнемог,
где не прикосновений было мало
<...>
где нам уже не двинуться... зачем?
пьям запах чабреца и зверобоя;
и кажется, что я не надоем
субам твоим, не знающим покоя...*

Совсем иначе обретает себя женщина в пространстве нелюбви. В поэзии Софии Максимычевой тема одиночества сопровождается ключевыми образами-символами. То, что ещё совсем недавно было частью мироздания, живым и дышащим микрокосмом для двоих, становится безводной пустыней, бесконечной зимой.

*Куда ты смотришь? О чём мечтаешь?
Вокруг разломы и снег лежалый.
Легко одета, как будто в мае,
так, словно зябнуть ты перестала.*

*Вот так неистово ждут любимых
и тех единственных – с кем не страшно,
и потому проседают зимы,
когда вздыхают под снегом пашни.*

На смену ветхозаветному раю для Адама и Евы приходит «пространство личного балкона». Идеи материнства и домашнего очага противопоставлены мотиву одиночества, бесприютности и бездетности. Отсюда образы кукушки и лисицы-кицунэ, которая в японской мифологии может быть как добрым, так и хитрым, лукавым, духом, ассоциативно связанным с темой разлуки, осени, предательства:

*По можжевелевой тропе
бежит лисица Кицунэ...
<...>
И лисий дом, и дальний свет,
и дым кострищ в закатной гуше,
к земле склоняемая ветвь,
когда-то яблони цветущей...*

Осени, наряду со всеми прочими сезонами, лирическая героиня Максимычевой явно отдаёт предпочтение. И для неё это – не обязательно пора грусти и разочарования. Скорее, это время духовной зрелости, когда на смену необузданным страстям приходит обретенная с годами мудрость, желание сохранить лучшие крупинки воспоминаний и простить случайные обиды. Зрелость природы и человеческой души: благодаря такому психологическому параллелизму возникает образ женщины – жрицы, доброго духа домашнего очага, трепетно хранящего огонь любви, его, пусть даже и угасающее со временем, тепло:

*голубое свечение сада
и замедленный танец осы.
Время позднему яблоку – падать,
хлопотливому времени – стыть.*

*Напоследок, губами сжыми
дни считая один к десяти,
повторять зачарованно имя,
словно осени жертву нести.*

Жертвенность и нежность, способность ко всепрощению, желание во что бы то ни стало сохранить сад и «дом, подверженный любви» – таковы штрихи портрета лирической героини Софьи Максимычевой. Любовь – её единственный бог, заменяющий все прочие ценности, поэтому так важно сохранить её во что бы то ни стало, даже «в трёхстах шагах от яростной зимы»:

*А если так – уверовать в закон,
незыблемую летопись и сжиму,
где голос расстояньем искажён,
ранжируя святых и одержимых?
Почувствуй, как дрожит озябший лист
от холода, возлюбленный мой пастырь!
Отверженное время одалиск
и птичья эмиграция горластых.
В трёхстах шагах от яростной зимы
иллюзия тепла одной ладони –
твои калифорнийские холмы
и глаз луны навывкате драконий.*

СВЕТ И ТЬМА, ОБВЕДЁННЫЕ МЕЛОМ

(Геннадий Калашиников, *Ловитва*. – М., *Летний сад*, 2022. – 216 с.)

Ситуация, когда автор говорит со своим читателем разными, но в равной мере убедительными голосами, встречается довольно редко в прозе и тем более в поэзии. Читая книгу Геннадия Калашиникова «Ловитва», по ассоциации вспоминаю оригинальную задумку, осуществлённую автором «Кладбищенских историй». Это экспериментальная работа, написанная одновременно и от имени Григория Чхартишвили, и от его псевдонима Бориса Акунина. Пока Чхартишвили с искренней любовью к деталям и дошностью журналиста воссоздаёт реальный облик пяти известнейших акрополей мира, его «двойник», любитель мистических историй, придумывает леденящие душу «страшилки», погружающие читателя в иные измерения.

Вот так же, в соавторстве с самим собой, Калашников выпустил большой сборник – своеобразный итог творческой деятельности, в пространстве которого столкнулись его столь непохожие друг на друга ипостаси. В книге несколько частей, но по сути их две – поэтическая и прозаическая, состоящая из коротких эссе-воспоминаний о жизни в отчем доме, о литературной учёбе и творческой работе в столице. Поэзия поражает масштабностью и всеохватностью авторского мышления. Здесь нет никакого очевидного указания на подробности личной жизни, на конкретных людей или конкретные события. Да и личность самого повествователя кажется весьма условной и предельно абстрактной. Это не совсем человек и даже не совсем писатель – скорее деминург, некая стихийная субстанция, пребывающая в неразрывном единстве с окружающим миром.

В то же время прозаическая часть знакомит нас с собственно Геннадием Калашниковым, уроженцем мало кому известного села Ровно, учеником знаменитого Бориса Слуцкого, сотрудником московской газеты «Литературная Россия».

Думается, что подобная антитеза, ставшая краеугольным камнем композиции книги, более чем оправдана. Из этих видимых противоречий складывается целостное представление о человеке, чьё творчество является естественным продолжением и неотъемлемой частью биографии и частной жизни. И впервые это связующее «звено» мы обнаруживаем в рассказе-предисловии, где объясняются истоки творчества Геннадия Калашникова. Поэзию как стихию, овладевшую им изнутри, автор осознал в момент разлива реки Оки, при сложном переходе по напряженной тяжёлыми льдинами воде: *«И вот в разгар этой разгорячённой, сосредоточенной ходьбы что-то, как пишут в франах, шевельнулось во мне; в такт шагам, на помощь им возник какой-то непонятный, но мой, я это сразу почувствовал, ритм, требующий слов, да не просто слов, а каких-то особых и рифмующихся слов».*

Лирический герой этих строк – натурфилософ и в жизни и в творчестве, его муза черпают свою неиссякаемую силу из четырёх стихий – огня, воздуха, воды и земли. Анализируя более подробно поэтическую часть книги, следует отдать должное Иосифу Фридману – автору послесловия к «Ловитве». Даже не послесловия, а научной статьи, дающей мощное теоретическое обоснование не только поэтике и художественному мировоззрению Калашникова, но и современному литературному процессу в целом. Именно Фридман, апеллируя к книге «В центре циклона», назвал её создателя натурфилософом, чьё художественное видение – отнюдь не дань древним и утратившим свою актуальность учениям, а напротив – *«уникальное поэтическое пространство, в котором между взглядами философов-постмодернистов и установками досократиков обнаруживается «избирательное сродство».*

После такой, предельно объективной и предельно точной характеристики поэзии Геннадия Калашникова трудно сказать что-то принципиально новое, но имеет смысл дополнить картину собственными впечатлениями. Автор не просто совмещает в себе «человека Гераклита» и «человека постмодерна», пребывающих в вечном поиске сотериологических, духовных опор мироздания, либо ещё не найденных, либо уже потерянных. Он мыслится нам ещё и человеком Возрождения, в душе которого живёт апокалиптическая тревога, связанная с реальной угрозой распада Единой Цепи Бытия, с пониманием необходимости регулярно вправлять «вывихи вселенной», разлад в которую вносит именно человек. Однако творец эпохи Возрождения, «совращённый» творцом эпохи постмодерна, никак не может помыслить себя средоточием мира и отводит себе в общей картине мироздания весьма скромное место: *«в правом нижнем углу».* И всё же даже в этом хрупком, подверженном всякого рода влияниям пространстве, сохраняется нечто, благодаря чему жизнь не может мыслиться как поступательное движение к абсолютному распаду. Это сила противодействия, вера в теорию равновесия добра и зла. При самом неблагоприятном раскладе остаётся надежда обрести свет – хотя бы «огонёк папиросы», понять, что всё не случайно, в силу твоего существования на этой земле:

*Ты тёмную реку переходил вброд,
ища во тьме огонёк папиросы,
словно на берегу тебя встречает тот,
кому задаёшь и на чьи отвечаешь вопросы.
<...>*

*Мы живём впотьмах, впотыхах, и весь этот мир,
где досужий крестьянин успел обновить свой полоз,
всего лишь эхо, неясный, зыбкий пунктир,
надтреснутый, запинаящийся, неграмкий голос,*

*говорящий чудную, чудную весть
о том, что ты здесь и уже с пути не собьёшься...*

И всё же главной надеждой автора – той самой противостоящей энтропии «диссипативной структурой», о которой, ссылаясь на лауреата Нобелевской премии Илью Пригожина, пишет И. Фридман, является слово. Оно – тот самый «пятый элемент», который равнозначен спасительному свету, эфирному веществу. Тяготением к слову как творческому акту во многом объясняется и название книги. Её автор – ловец и добыча, живущий у берегов словесной реки. Пока на него «охотятся высшие силы», готовые призвать к себе в любую минуту, он сам непрерывно ищет противоядие, обретая его в поэтической речи. Только поборов эту стихию, творец обретает право на бессмертие и силу противодействия земному притяжению:

*Как жука из коробки,
достаю очередное слово
с усиками суффиксов,
рогами приставок,
золотым хитиновым корнем,
перламутровым окончанием.
По всем законам физики
оно не может летать.
И всё же взлетает,
оставляя стремительный росчерк,
и зудит, и жужжит, и стрекочет.
<...>
Всё остановится. Всё перестанет длиться.
А оно всё будет летать, трепетать, светиться...*

Стихи изобилуют образами-скрепами, лингвистическими маячками, позволяющими легко ориентироваться в художественном пространстве книги, не теряя «ариадной нити» повествования. «Острие стрелы», «хомут и подпруга», «трепетанье, удилище творца согнувшее дугой», «сутулый поплавок», что «увяз в воде по плечи» – всё это ключевые элементы общего ассоциативно-смыслового поля, сводящегося к центру, к семантическому ядру, указанному в заглавии: ловитва, охота, в которой каждый попеременно является то преследователем, то добычей. Кстати, свон «охотничьи трофеи» автор щедро демонстрирует чуть ли не в каждом стихотворении. Некоторые из них уже имеют статус исторического раритета. Зерно постмодернистского сознания Калашникова дало такие потрясающие всходы потому, что неустанно «удобрялось» традицией. Вот «*ноздри демона, вдыхающего ветер*», и «*кремнистый путь*», который «*над бездною блестит*» – интертекстуальная дань лермонтовскому романтизму. А вот тютчевские мотивы ночной стихии – той самой «бездны с её страхами и мглами», которая обнажена перед человеком во всей своей подлинной сути:

*Что-то вдруг прамелькнёт в суете,
с суетою настойчиво споря,
так ревущий прибой в темноте
говорит об ограмности моря.
<...>
Тяжкий рокот ночной, этот вой
перемен и несчастий предвестье.
А наутро посмотришь – покой,
каждый камешек вроде на месте.*

Иногда со страниц книги вспархивает «смуцавшая душу Фету» сверхзвуковая ласточка, «*чёрно-белая, как судьба*». Вопреки заявленной теме, вряд ли она когда-нибудь станет добычей «*фыжжего кошуна*», смотрящего на мир «*круглым оптическим глазом*».

Но вот мы переходим ко второй части книги, где автор, долгое время вещавший что-то из-за «жулис» своих образов, как великий Гудвин, неожиданно возникает перед читателем в своём подлинном облики. Велико ли наше удивление? Думается, что нет. Эта прозаически-эссеистская составляющая «Ловитвы» воспринимается как приквел к озвученной ранее «натурфилософской истории». Два раздела – «Каво люблю» и «То что было» – не просто погружают нас в мир авторских воспоминаний. Они становятся логическим обоснованием его поэтики. Любовь к стихии (природной ли, творческой ли) – вот подлинное «начало» жизни Калашникова как творца. Увлекательные рассказы о любви к лошадям и установке водоканала, повествование о замечательном поэте и педагоге Борисе Слуцком, воспоминания о работе сотрудником еженедельника «Литературная Россия» – в сущности, что это? Адаптированные к уху простого читателя и слушателя истории о покорении какой-либо мощной силы: лошадиного норова, воды,

слова, даже государственной системы, в противостоянии с которой нередко рождается творческая искра. Это переломные моменты жизни автора, в ходе которых он, одержав верх над очередной стихией, покорив её себе, постепенно становится творцом, кузнецом новой реальности. В этой реальности нет заданных форм, чётких очертаний Бога и человека, определённых ответов на вопросы – есть только ощущение пути, поиска слова и смысла, благой и неблагой силы, данных в исчерпывающей себя формуле: «*свет и тьма, обведённые мелом*»:

*Никогда не пофа,
ни в ночи, ни с утра,
погоди у воды, ледяным повернувшейся боком.
Кто-то смотрит на нас,
словно тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком.
<...>
Ведь запомнит вода
у запруды пруда,
что не входят в поток её дважды,
то, что свет – это тьма,
что открылись с холма
горизонта с полями пространные тяжбы*

ОТ ЧЕРНОЗЁМА К ДВЕРИ НЕБОСВОДА

(Роман Смирнов, *В городе: Стихи.* – [б.м.]: Издательские решения, 2019. – 72 с.)

Количество городов, обозначенных на географическом атласе мира, неисчислимо – даже статистика тут не поможет. Но это только те, про которые мы знаем. А знаем далеко не обо всех и далеко не всё. Ведь у каждого свой город – индивидуальный и неповторимый. Петербург Мандельштама, Пастернака, Бродского, Достоевского совершенно не похожи друг на друга. Они – дети разных родителей.

Вот и поэт Роман Смирнов, рождённый в Электростали, подарил читателю свой город, ставший естественным продолжением его лирического героя. У этого города – особый характер и особая система координат. Он опоэтизирован и одухотворён, наделён внутренней жизнью, на первый взгляд незаметной для окружающих. Лёгкий налёт провинциальности, присущий всем маленьким городам, придаёт ему особое обаяние, создаёт атмосферу лёгкости и простоты, приглашая к диалогу.

И это диалог не только с читателем. В художественном пространстве книги, как я уже отмечала в одной из рецензий, «*как минимум, два лирических персонажа – это сам автор и его идеальная проекция*». Эти двое постоянно полемизируют, усложняя жизнь своему создателю, в котором попеременно побеждают то простой обыватель, корнями вросший в свою малую родину, то по-хорошему амбициозный творец, стремящийся выйти за пределы ограниченного пространства. Отсюда столь противоречивые настроения книги: тут и провинциальная робость, и неожиданная дерзость, и привязанность к быту, и неожиданный полёт фантазии. Ощущения автора меняются – и город меняется вместе с ними. В сущности, это даже и не город, а маленькая вселенная, универсум, в котором каждый объект и каждая вещь наделены особым смыслом. Поскольку центральной осью, приводящей в равновесие всё это хрупкое мироздание, и главной точкой отсчёта становится сам лирический герой. Ему совсем не обязательно совершать географическое перемещение, чтобы выйти за пределы слегка уже наскучившего, однообразного городского пейзажа. Достаточно заглянуть «по ту сторону» очевидного, по-конфуциански превратив любую бытовую подробность в наделённое значение действие, сделав внешне непритязательный объект порталом в иную реальность. Склонность к алхимическому преобразованию физики в метафизику превращает автора в настоящего романтика «*мелкотемья*». Поэтический метаурбанизм – ведущая стилевая черта книги и одновременно её визитная карточка:

*Палят над городом клубы
из восклицательной трубы.
Они всегда такого цвета,
ну, кровь с прокушенной губы.*

*А я по городу иду.
Моя среда вошла в среду,
когда до пятницы читаешь,
что написали на роду.*

«Среда, вошедшая в среду» – идеальный образ органического сосуществования автора и его постоянного окружения. Высокие притязания человека, наделённого особым талантом, испытывающего каждодневную, потребность «чаще запрокидывать голову и при этом не закрывать глаза», не равнозначны здесь снобистскому презрению к бытовому и повседневному. Здесь нет и намёка на традиционную оппозицию «столица-провинция». Напротив, герой Смирнова крайне внимателен ко всему, что его окружает. Он не сосредоточен на самом себе – ему интересно в подробностях и деталях, с пытливецостью репортёра изучать текущую хронику дней. Отсюда фактографичность, объективность, даже некоторая маргинальность авторского стиля. В его поэтический объектив попадают и парковая лавочка (один из центральных образов-маячков книги), и прохожие, снующие вдоль платформы «Серп и Молот», и птички, которые над головой «гадят и гадят», и незатейливая история соседа Вовки, которому за жалобный рассказ не грех и на водку дать:

*...был профиль – и гордость и слава,
 И волосы – львиная грива,
 А ныне хоть слева, хоть справа,
 Плешивенько как-то и криво...
 <...>
 Так слушал соседа я Вовку,
 и плакал он сквозь глаукому.
 Добавил ему я на водку.
 А как отказать? No comment...*

Возможно, другим искателям новых ощущений и нужно осваивать новые страны, покорять пространство больших городов, но здесь иной случай. У поэта достаточно внутренних, духовных резервов для того, чтобы ощущать себя счастливым в границах малой родины, совершать каждодневное путешествие, не сходя с привычного места и даже не выходя из дома: можно спокойно помечтать о чём-нибудь в кресле, даже написать о нём оду – при этом как бы невзначай, мимоходом, «вытащить наружу пришедшую во сне строку», не покалечив её об иное измерение. Стоит ли убивать время и силы на дальность расстояния, если можно следовать простому принципу: omnia mea mecum porte (всё своё ношу с собой).

Привычная для Романа Смирнова атмосфера жизни, общения, повседневного бытования не убивает и не калечит душу – она преобразуется в нечто иное и становится формой самоидентификации. Провинциальный город в его повседневных реалиях – естественное продолжение самого лирического героя. Лиши его этих привязок – и духовная опора рухнет, поэтическая сила иссякнет. Но всё же речь идёт даже не о конкретной географической локализации – речь об особом взгляде. Взаимоотношения поэта с миром выстраиваются в особой плоскости: это не профанная горизонталь, а духовная вертикаль, поступательное движение не вперёд, а вглубь, в область непостижимого, которое «всегда непощадимо и не ново».

Это отражено и в композиции книги. От деталей, частных, бытовой конкретики и повседневной рефлексии движение мысли осуществляется в сторону глобального, общекультурного: туда, где поэту, возможно, уже отведены иное место и иная роль. Здесь уже границы пространства и времени расширяются настолько, что утрачивают всякое значение и смысл. Здесь спокойно, с пастернаковским размахом, ведётся диалог о вечном:

*О это лето – влёт, по-жеребьячи –
 когда впервые от восторга слёг,
 в грудном бреду, в беспамятстве, рыбача
 у вечных вод выуживая слог,
 нет, не забыть. Печатью узнавань.
 Широком шрамом, меткой на груди
 предназначенья, знаково, заранее:
 о клякках зим, о святках, но гуди!*

А в сущности, что есть настоящий поэт? Выражаясь словами самого Романа Смирнова, «хорда от маргинального до сакрального», путь «от чернозёма к двери небосвода». Потому что нельзя пренебречь земным во имя небесного: они неразрывно связаны и находятся на противоположных сторонах одной звенящей струны. И тем звонче эта струна, чем зорче взгляд по отношению к тому, что рядом, в непосредственной близости от тебя. К тому, что «крутится, вертится, гуглится», живёт и рождает особенных людей – мальчиков с футлярами, неравнодушных ко всему на свете:

*Мир крутится, вертится, гулится,
и прячутся в «лайки» эмоции,
но... мальчик идёт по улице.
Мальчик будущий Моцарт.*

<...>

*Я помню «...земля ещё вертится...»
и капли «датские». Даром ли?
Спрошу. Мне никто не ответит за...
но... мальчики ходят с футлярами.*

МЕЖДУ ЗВЕРЕМ И БОГОМ

(Григорий Князев, Живые буквы. Книга стихов для взрослых и отчасти для детей. – М.: АСПИ, 2022. – 124 с.)

Книга Григория Князева стала для меня одним из самых приятных и неожиданных открытий. Неужели в эпоху постмодерна, где каждый автор стремится к предельной изощрённости и необычности слога, ещё есть такие поэты – способные чистым, предельно ясным языком объяснять явления высшего порядка?

Однако не будем заблуждаться на сей счёт и вслед за Еленой Крюковой согласимся, что эта поэзия «не так уж проста, как может показаться на первый взгляд». Я бы даже добавила, что она совсем не проста и в основе своей амбивалентна. Пожалуй, это главная черта художественного мышления Григория. Он – «житель небес», пишущий о вполне земных вещах, но под особым углом зрения. Каждый стих – пытливое заглядывание за грань, непрерывный диалог или даже переключка двух миров – «близкого» и «дальнего» голоса, находящихся в разных измерениях, но всё же соположенных друг другу:

*Слышишь, как птицы шифруются-прячутся
В кронах черёмухи, вязов и лип?
Нечто за «фьюи» и «тьюи» их значит,ся,
Если наречие перевели б.
<...>*

*Мне далеко до Франциска Ассизского.
Целые ночи и дни напролёт
Почта крылатая голоса близкого
Дальнему голосу музыку шлёт.*

Поэт постоянно терзается масштабными вопросами мироздания, продолжая развивать традиции русской классической литературы. В каждом земном объекте и явлении ему видится прообраз «мира горного». Внезапная смена оптики взгляда – и границы реального исторического пространства начинают плавно перетекать в пространство мифологическое, где время застывает, существуя по иным законам. Преодолев географическое расстояние «между Волгой и Окой», лирический герой Князева мысленно оказывается «посредине Стикса», тайне надеясь, что не сможет забыть того, «чем на земле проникся». В отличие от своих великих предшественников Лермонтова и Тютчева, талантливый уроженец Великого Новгорода хочет примирить внутри себя две ипостаси – низшую, неотделимую от телесной оболочки, и высшую, связанную с существованием в тех сферах, где можно «уловить и шёпот Бога»:

*Мне дано в ощущениях многое –
И земных, и небесных даров.
То тактильно, то мысленно трогаю
Мириады соседних миров.*

*Я – геном, но над шифрами этими,
Над цепями, к которым я глух,
С бесконечными клетками-клетями –
То, что названо древними «дух»!*

Но иногда мучительные противоречия неизбежны, и в момент осознания трагического несоответствия земного пути высшему предназначению у поэта рождается тема двойничества. Мир лирического героя распадается на две половины: в одной жизнь – не более чем биографическая схема, в другой – высший замысел творца. Для процесса самоидентификации крайне важно распознать свой подлинный голос среди «великой разноголосицы» ложных и временных голосов:

Что знаю о себе, и надо ли,
 Две бездны – жизнь и смерть – тая,
 Куда слова и сны попадали,
 Встречаться мне с моим же «я»?
 <...>
 Касаясь своего предплечья,
 Свои же кудри теребя,
 Что если никогда не встречу я
 И не услышу сам себя?

Автора этих строк пугает перспектива «шагнуть в небытие», «в чёрный вакуум», не оставив о себе никакой памяти, не продлив свет стихотворной строкой, оставшись зверем в темноте квартирной норы. Но вопреки тревожным предчувствиям, книга полна проблесков надежды, веры в то, что «*Всё творится и всё творимо, / Всё друг друга тайно творит. / Повторится неповторимо / И себя во всём повторит!*». Надежда рождается от непрерывного ощущения своей причастности вечному, от осознания своего места в общей картине мироздания, «в цепочке следов», которые есть связь между поколениями. Тема смерти логически преобразуется в тему памяти о предках, и близких и далёких. Нередко упоминаемое в стихах Григория Князева кладбище становится особым пограничным пространством, где уживаются сразу все времена и отчётливее слышен голос истории, начиная с её самого раннего, ветхозаветного, периода:

Чистим наши могилки
 С мамой каждой весной.
 Вот к прабабке развилка,
 Дальше – дедушка Ной.

За табличкой – табличка,
 И приходит на ум
 Всех имён переключка:
 Я – Натан, я – Наум...

Только в этой «переключке» отдалённо родственных друг другу голосов, в преемственности эпох и поколений – залог бессмертия. Поэтому лирический герой Князева, пусть даже с некоторой долей осторожности, с неизбежным ощущением тревоги, оставаясь один на один со своими собственными шагами, всё же продолжает обживать родственную Блоку урбанистическую территорию с неизменным фонарём, аптекой и ночной улицей. Обживать и верить – всё повторится «как встарь», на новом витке истории:

Иду в аптеку за полночь –
 Шагов своих пугаюсь.
 Проспекты обездвижили,
 Погасли светофоры.
 Вновь тяжело заболела ты.
 Недуг приносит хаос.
 Из трёх лекарств считалочка.
 Не дозволюсь до скорой.

Тривиальный поход за лекарством для любимой на глазах читателя развёртывается в масштабный путь духовных исканий, со всеми характерными признаками: острое чувство одиночества в атмосфере ночного города, «до ужаса пустого», неизменная рефлексия и очередная смена декораций – когда в привычном будничном интерьере, под влиянием эффекта внезапного *déjà vu*, обнаруживается портал в другое временное измерение: священник-провизор и чумное молчанье отсылают «от времени новейшего назад, к Средневековью».

Такое ретроспективное, масштабное видение мира позволяет автору ощущать свою причастность не только всем эпохам, но и всем формам жизни, начиная с микроорганизмов. Доброта и милосердие – отличительные черты лирического героя Григория Князева. Он хочет научиться понимать птичье наречие, хочет верить в то, что и у зверей есть свой собственный рай, куда они попадают по заслугам, имея прямое отношение к высшему, божьему, промыслу:

Пусть люди судят: мол, звери – в раю,
 Судьбы, мол, характера – нет,
 Но глажу тёплую кошку свою
 И вижу в глазах её свет.

*Глаза её умным светом горят,
Мерцают, как твой изумруд.
Так жалко преданных милых зверят –
Неужто бесследно умрут?*

Таким же безграничным чувством милосердия пронизаны и детские стихи Григория. Впрочем, не совсем они и детские – в них поставлены всё те же неразрешимые вопросы бытия. Но особый взгляд на мир, где всё связано незримыми нитями родства, где каждый объект уникален и бесценен, свойствен именно ребёнку. Ему, несущему в своём сердце мудрость философа, гораздо легче интуитивно постичь взаимосвязь между человеком и бабочкой: их жизнь одинаково хрупка и обречена на угасание:

*Мы сами словно куколки,
Мы хрупкие тела.
Нас дома ждут родители,
Домашние дела.*

*Нас ждут ещё сто тысяч дней,
Ещё сто тысяч встреч.
Едва ль мы сможем краткий миг
С той бабочкой сберечь.*

Стоит ещё добавить, что главной причиной авторского беспокойства, которым пронизана вся книга, является осознание двойственной природы человека. С одной стороны, он причастен высшим мирам, способен слышать голос Бога, но с другой – подобно зверю, живёт в ограниченном пространстве собственного двора и дома, не испытывая потребности в духовной связи с окружающими:

*Неужели и мы – туиковая ветвь?
Целых девять мозгов для чего осьминогам?
Век – с вещами на выход, с надеждой на свет –
На границе стоим между зверем и Богом...*

Задаваясь подобным онтологическим вопросом, автор заранее находит ответ на него: он верит в то, что всё не случайно, что в конечном итоге зверь, живущий в человеческой душе, будет побеждён желаниями высшего порядка:

*Если люди как звери, откуда у нас
Вера в то, что царит демиург или демон,
В сотни тысяч – пассивный словарный запас,
И на кладбище крест, точно плюсик, – зачем он?*

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ НЕПУТАНОЕ СЛОВО

(Владислав Китик, *Светлое время дня: стихотворения*. – Одесса: Астропринт, 2022. – 152 с.)

Владислав Китик относится к той категории поэтов, мысль которых часто обращена не к остролюбодневному вопросам, а к проблемам общечеловеческого масштаба. Он размышляет о жизни и смерти, о юности и зрелости, о подлинных ценностях человеческой жизни.

Казалось бы, в книге «Светлое время дня» внимание должно быть сосредоточено исключительно на смыслах вневременного характера. Однако первое же стихотворение начинается со строк о грядущем: «С чего бы? И всё же не стану всегда просыпаться в грядущем...». Китик воспевает и сиюминутное (*Меня пугает участь мотылька, Но мне сиюминутное дороже*). Однако важно понимать, что поэт не отождествляет текущий момент жизни с чем-то временно актуальным – ему гораздо важнее увидеть в краткосрочном нечто неизменное, регулярно повторяемое в природе и лишённое социальных привязок: «прозрачность крыл над свежим лепестком», бабочек-однодневок, которые «амоложиют вечность». Примирить эти величины, отказаться от преходящего, наносного ради того, что остаётся важным в любые времена и эпохи – вот в чём поэт видит свою основную задачу:

*Найти ли этот звонкий стук?
Поймать ли ветер вездесущий?
Вернуть неповторимый миг,
Который был тобой унесен?..*

Тем не менее, главным инструментарием, с помощью которого Владислав Китик выстраивает свой созерцательный взгляд на мир, становится прошлое. Для него воспоминания – источник вечных образов-констант, противопоставленных текущим остросоциальным проблемам.

Подобные образы, заставляющие автора постоянно обращаться к воспоминаниям детства и юности, обретают цвет и плоть, движение и звук, наделяются особым смыслом, становятся универсальными, принадлежат особой системе координат, где всё вечно и неизменно. Важное место в этом художественном пространстве принадлежит старой Одессе. Для Китика это город его детства – здесь всё остаётся не тронутым временем. Башни и мосты, одесские дворы, которые *«то молчаливы, то сварливы, но – добры»*, дома и подъезды, акации – всё это реанимировано авторским воображением, и читатель окунается в атмосферу далёких лет, слушает гул базаров и площадей, в которых ощущаются неповторимые, присущие только этому городу, обаяние и шарм. Сами поэтические строки словно пропитаны особым акцентом – в них «звучит» причудливый говорок, унаследованный от коренных одесситов:

*Послушай город, словно отчий зов,
Крадущуюся поступь сквозняков
В его подъездах, сочное арго
Базаров, криминальное танго
Листья, впитавшей горечь октябрей
И горловое пенье сизарей.*

Апофеозом симфонии становится звук трамвайчика – того самого, который, связывая незримой нитью прошлое и настоящее, не устаёт звенеть на улицах и мостовых родного города Веры Зубаревой, поэта и землячки Владислава Китика. И мы понимаем, что нет на свете такой силы, которая могла бы остановить его движение – он будет неуклонно двигаться по одному и тому же маршруту, всегда останавливаясь на одних и тех же станциях.

Первая любовь и первая дружба, первая боль и первая большая радость, первое столкновение с неизбежным – всё это образы-константы, связанные со значимыми этапами духовного взросления человека. Их Владислав Китик тоже забирает с собой из мира детства и юности. Одновременно это и главные лейтмотивы книги. Подобные темы затрагивали буквально все классики русской и зарубежной литературы. Китик, наследуя их традиции (как, впрочем, и традиции золотого века), всё же находит свою неповторимую интонацию, отличающую его от великих предшественников. Щемлящая ностальгическая нотка растворяется в гармонии поэтического текста, организованного повторами и созвучиями:

*И в холода не нужно огорчаться.
Погашен свет, уснули домочадцы,
Разлёгся на полу уютный кот,
Как снег, спускаясь неслышно с табурета.
Берёт сомненье, что пройдёт и это,
Хоть несомненно то, что жизнь пройдёт.*

Отдельно хочется сказать и о композиции книги. В заголовках разделов прослеживается путь авторской мысли: от печали по утраченному до состояния духовного катарсиса, связанного с осознанием того факта, что подлинно ценное утрачить невозможно – оно навсегда остаётся с человеком. «Вернуть неповторимый миг», «Сквозь межреберье стен и лет», «Лучшее сбывается сейчас», «Свет очистительной печали», «С мыслью о воскресеньи» – каждый новый шаг как будто приподнимает автора над землёй, вселяет в него надежду, что жизнь прожита не зря. И не стоит тосковать о прошлом, потому что его нет – есть только настоящее вневременное, единственно возможное место нашего пребывания:

*Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.*

Грамматически такое состояние подчёркивается употреблением глаголов в переносном значении – о том, что когда-то было пережито, Китик говорит так, как будто испытывает аналогичные ощущения в текущий момент речи. Вот как, например, описаны в книге курсантские годы поэта:

*Бахаолка. Вре́мя осеннее.
С ветрам трудно сыграть вничью.
Тельник свой за сборник Есенина
Я снимаю и отдаю.*

В этом и заключается универсализм художественной мысли автора. Где бы ни был его лирический герой, он всегда пребывает дома, он близок к своим истокам и независим от неумолимого времени, потому что всё подлинно ценное не имеет срока давности. Сравнивая себя прошлого и нынешнего, автор понимает, что фактически ничего не изменилось, как будто и не существовало прожитых лет:

*Что тот школяр, что выросший двойник!..
Опять, усвоив правила нечётко,
На подпись, будто вечный ученик,
Несу свою досадную зачётку.*

И всё же детство и юность, как главные судьи и хранители внутреннего света души, сопровождают лирического героя Китика на протяжении всей жизни. Перед ними он держит отчёт о ценности своего пребывания на земле, перед ними же произносит свою главную человеческую исповедь, в которой – самые сокровенные чувства, мысли, чаяния. И всё потому, что в современном мире почти не осталось места для созидания – оно убывает по мере того, как текущие, временные смыслы, обретая актуальность, убивают смыслы вечные. Иной раз эти откровения кажутся тривиальными сетованиями по поводу того, что мир не совершенствуется и некому ныне «глаголом жечь сердца людей»:

*Почтовые ящики нам заменил интернет.
Ужася словарь, и почти не осталось газет,
Разбросаны камни, и для созиданья камней
Почти не осталось. Как тени в театре теней,
Слова потеряли значенье, отбились от строк,
Отправились по миру, сделали сытью дорог.
А жгучесть глагола, питавшего, как молоко,
Забывалась легко. Но о ней вспоминать нелегко.*

Вроде бы и сетования... если бы не одно «но» – то важное «но», в котором – ключ к разгадке художественного метода Владислава Китика. В его поэтическом мире на теневой, неяркой стороне оказалось настоящее. Оно кажется тусклым и серым, как чёрно-белые кадры кинофильма, но на этом непривлекательном фоне сильнее слышен голос издали. Тот голос, на зов которого автор неуклонно идёт много лет, и каждый раз идёт по правильному маршруту. А что же является конечным пунктом назначения? Всё то, что принадлежит тому «светлому времени дня», который заменяет собой все времена одновременно и в котором всегда будут живы и великие строки Пушкина, и несорасеяемые рукописи «Мёртвых душ», и самые важные воспоминания каждого из нас.

*Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманною Савранью,
Коней саврасых табуны.*

*Там время дремлет на цепи,
Живёт неуганное слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.*

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

УМКА: «ПРЕВРАТИТЬСЯ В СЛОВА»

- Аня Герасимова (Умка). Кирпич на кирпич. Дневники. Том 1. 1980 – апрель 1985. – М., Умка-Пресс, 2022. – 144 с., ил.;*
Аня Герасимова (Умка). Кирпич на кирпич. Дневники. Том 2. май и лето 1985. – М., Умка-Пресс, 2022. – 188 с., ил.;
Аня Герасимова (Умка). Кирпич на кирпич. Дневники. Том 3. Осень 1985 – 1989. – М., Умка-Пресс, 2022. – 80 с., ил.)

Далеко не каждый человек и даже не каждый писатель ведёт дневник. А из тех, кто дневник всё-таки ведёт, не каждый ведёт его так подробно и дотошно, как вела его долгие годы Аня Герасимова. С годами выяснилось, что всё это может представлять широкий интерес. Поэтому, конечно, здорово, что дневники Ани увидели свет. Дневников в принципе издаётся мало. Ане Герасимовой удалось открыть новый тип дневника: рефлексия, поиски себя, поток сознания, преодоление комплексов, несексуальные влюблённости, зашкаливающие откровенности, алкогольные похождения, пассионарность как образ жизни, тотальное проживание текущего момента. Этот дневник – автопортрет автора и литературный памятник поэтическим тусовкам восьмидесятых. Умка мечтала «превратиться в слова». Теперь, при живом человеке, её книга – памятник собственной юности. Жизнь человека как музыкальная импровизация, как поиски понимания. Формат А4 позволяет легко читать длинные гобелены текста, которые воспроизводят калейдоскоп событий.

Аня Герасимова, которая и сама по себе – человек-оркестр, обладает ещё одним редким и незаурядным талантом. Она умеет составлять книги из разрозненных частей, из случайных записей. Именно так она составила итоговую книгу знаменитого поэта-обэриута Александра Введенского. Издание собственных текстов продолжает эту творческую линию, хотя Умка всячески открепивается от своей принадлежности к писательскому сословию. Впрочем, это неважно, всё равно она уже состоялась как лицо и феномен русского музыкального андеграунда. Интересно, что задолго до Пригова Умке все друзья-товарищи величали по имени-отчеству: Анной Егоровной. При том, что по паспорту она – Георгиевна.

Дневники Ани писались для себя и никогда не мыслились как «литература». Но вот они полежали немного в столе – и вдруг выяснилось, что это – особый жанр словоизъявления, что их нужно публиковать. Может быть, писать «в стол» даже лучше для автора? «Кирпич на кирпич» – это здание жизни, которое строит сам человек, в данном случае – дипломированный лингвист, выпускник Литинститута. В «Кирпиче» много личного, порой не совсем справедливого по отношению к коллегам. Но временная дистанция так или иначе сглаживает эти шероховатости. Зато в дневниках много молодой и задорной жизни, бьющей через край.

Что мне представляется самым ценным в публикации этих дневников? Они несут в себе дух эпохи, которая уже ушла, хотя многие персонажи, её творившие, ещё живы. Литературная тусовка восьмидесятых обросла легендами. Люди легко знакомились, ночевали у новых друзей, там, где застигла их ночь. Выпивалось немислимое количество горячительных напитков. Утром никто не мог предположить, где и как закончится новый день. Такова была жизнь литературной богемы. Денег почти ни у кого не было, но никто по этому поводу особо не парился, поскольку насыщенная и интересная жизнь была сама себе наградой. Дневники Ани Герасимовой – хронология «весёлого» образа жизни целого поколения московских студентов. Эти записи хорошо передают дух эпохи и мировоззрение двадцатилетних-тридцатилетних.

Литературное общение давало молодым людям неоспоримые преимущества, которые ими даже не осознавались. Ничего не читая и не интересуясь новинками культуры, невозможно было выжить и преуспеть в литературном социуме. Ноблесс оближ. Жизнь молодых писателей была довольно сумбурной, но все

так или иначе стремились получить образование. Друзья и знакомые Ани, даже некоторые преподаватели Литинститута, были в достаточной степени «неформалами». «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», – писал Пушкин. Это «чему-нибудь и как-нибудь» в советское время имело достаточно высокий уровень. Преподавание было качественным, а не знать поэзию и литературу было просто стыдно.

В дневниках автора мы найдём много непричёсанных мыслей. Зато читать это интереснее, чем заранее обдуманное и логически выстроенное. В юные годы у человека вообще много в душе сумбура. Особенно это касается отношений между мужчиной и женщиной. Натасканность литературными знаниями даже мешает человеку разобраться в своих чувствах: у него нет ещё внутреннего стержня. Вот как об этом пишет Аня Герасимова: «Люблю, не люблю» – для молодой девушки почти как «быть или не быть»: легко запутаться в своих чувствах. «Я хочу жить здорово, вот так, я хочу жить на полную катушку, чтоб и больно, и смешно, и мать не грозилась бы в окно». В другом месте Аня цитирует Петрушевскую: «надо прожить так, чтобы не было мучительно больно, а было мучительно хорошо». У Ани Герасимовой постоянно звучит тема чистоты и одиночества. Молодые люди плохо готовы быть верными, но одиночками. И потому живут, согласно автору дневников, «в грязи».

В текстах бросается в глаза музыкальная одарённость Умки. Речь её ритмична. Она даже мыслит будто бы в свинговых ритмах. Умка – человек универсально одарённый: она свободно владеет иностранными языками, реализовала себя в музыке, в литературе, в исполнительском искусстве. Не лишена она и способности к анализу. Она анализирует не только произведения мировой культуры, но и особенности своего характера, порой по реакции других людей. Чтобы найти себя и распознать других, кто есть кто, необходимы, на мой взгляд, интуиция и понимание. И, кажется, они у Ани Герасимовой есть. В чём ещё состоит занимательность чтения её дневников? У читателей спонтанно возникает масса ассоциаций. Например, встречаю слово: «апсирон», и тут же возникает ассоциация: Анаксимандр! А с этим философом у меня свои особые отношения. Или вот возникает в разговоре датский экзистенциалист Кьеркегор, и мы с автором одновременно восклицаем: «Или – или». Впрочем, чему удивляться: мы – люди одного круга общения.

Дистанция между созданием дневников и их нынешней публикацией позволяет Ане смотреть на свою молодость, «как смотрят души с высоты на ими брошенное тело». У Василия Розанова в «Мимолётном» и «Уединённом» тоже есть множество нюансов: мысль ветвится, а верхушку дерева даже не видно. У дневников Ани Герасимовой общее направление – розановское, но ответвлений так много, что Розанов в сравнении с «Кирпичами» (вышло уже три тома, на подходе – четвёртый) просто отдыхает. Конечно, главный интерес у читателей дневников – вычитать в них что-нибудь тайное и запретное о жизни известных поэтов. Даже просто узнать о какой-то памятной, но забытой с течением времени тусовке, о присутствовавших на ней литературных и музыкальных персоналиях – несомненная удача.

Умка талантлива разносторонне: у неё есть способности и к языкам, и к музыке, и к философии, и ко многому другому. У неё прекрасная память, первооснова всего. Ей посчастливилось общаться с талантливыми людьми. В дневниках Ани, среди описаний студенческих походов, проговаривается немало важного. Например: «Почему только невероятное совпадение может заставить человека уверовать во что угодно? Сама по себе жизнь есть великая тайна и невероятнейшее совпадение». Вдумайтесь только! Жизнь каждого человека – цепочка большого количества совпадений. Поэтому мы, встречаясь в жизни с совпадениями, легко начинаем верить во что-то, к чему подталкивают нас эти совпадения. И таких глубоких мыслей в дневниках Ани немало. «Кирпич на кирпич» – это ещё и духовные поиски. «Я не знаю, что такое Бог, но я в него ВЕРЮЮ», – пишет Аня Герасимова.

Пишет она в это время и стихи:

*Увы, я не русская и не еврейка,
Не аристократка и не плебейка,
Не трачу, не плачу, не льщу и не мщу
И там нахожусь, где совсем не ищу.*

*Большая рука, но удачная ножка,
Для этого дама, для этого крошка,
Охотно встаю и охотно ложусь
И, в общем, совсем никуда не гожусь.*

У Ани ироничный и «вкусный» язык, не чуждый сленгу, неологизмам и метафорам. «Забываю любимого всухую». «Потом я стала уходить, почувствовав глубокий безмазник, безвыходность и морокообразность своих притязаний». «Советский человек – это стоик, скептик и эпикуреец одновременно. Он готов вынести что угодно, ни во что не верит и стремится к удовольствиям во что бы то ни стало». Здесь Аня Герасимова цитирует своего мужа Егора Радова. Умка – весёлая, причём это какая-то особая весёлость, ни на чью не похожая. «Сто лет не пила коктейлей – а ведь бывало ух! ни дня без строчки – откуда только

деньги брались!» – говорит она. Иногда стоит читать эту дневниковую прозу только ради сочного языка автора и ощущения этой беспшашной весёлости. Весёлость дружит у Ани с пассионарностью. «Никак не уймусь», – сетует она на себя. Даже издательство она, ничтоже сумняшеся, «переименовала» – «ИМКА-Пресс» в «Умка-Пресс».

В своих дневниках автор проявляет себя и как незаурядный литературовед. Например, она пишет, что в пародийных стихах метафориста Александра Ерёмченко – «не пустое, а наполненное отрицание, которое ведёт вперёд». К своим текстам как тоже подходит как исследователь: расшифровывает записи, поясняет, кого именно имеет в виду, если в тексте указаны прозвища или аббревиатуры. В дневниках много рефлексии, причём Аня умеет посмотреть на себя как бы со стороны. Сами «Кирпичи» смотрятся достаточно оригинально: это тот же журнальный формат, в котором издавалась «Роман-газета». Я даже подумал, что такие дневники – это и есть новая форма романа. Каждый из журнальных «кирпичей» Ани Герасимовой заканчивается множеством чёрно-белых фотографий, и такой видеоряд здорово дополняет повествование, материализуя его в конкретных лицах.

НЕИСТОВЫЙ ВАДИМ

(Вадим Ковда, Валун. – М., Стеклограф, 2021. – 362 с.)

Эту итоговую книгу, которая вышла в издательстве Даны Курской, ушедший от нас 1 октября 2021 года поэт Вадим Ковда собирал сам. Он периодически летал в Германию на бесплатные уколы в сетчатку глаза, чтобы лучше видеть на бумаге и на экране компьютера свои тексты. Разбушевавшаяся пандемия ковида закрыла ему путь обратно в Россию. Он вернулся на Родину только прахом. Вадим был человеком сложным и мятущимся, но со своими стойкими убеждениями. Его отец был известный почвенник – нет, не славянофил – Виктор Ковда занимался проблемами почвы, в прямом смысле этого слова. Сам Вадим, как мне кажется, тоже был почвенником, но уже в переносном смысле. Вот только почвенничество у него было очень странным, почти диссидентским. Он воспринимал горбачёвскую гласность слишком буквально, выискивая в истории страны нелицеприятные страницы и требуя, чтобы они котировались наравне со славными и героическими. В этом, конечно, был свой смысл: Вадим хотел, чтобы у нас перед глазами были постоянные примеры, как приличной нации вести себя нельзя. И в этом была его заветная фронда. Вот, например, стихотворение, которое поэт озаглавил «Непрощаемое преступление»:

«I нам доступно вероломство».
А. Блок, «Скифы».

*В общем, выхода не видно –
лжи и дикости разгул...
Родина! Тебе не стыдно?
Калка – круче, чем Кабул!*

*Конский топот, рёв моторов...
Эхо старое – свежо.
Убивать парламентарёв,
видит Бог, не хорошо!*

*II потомков гордых жалко –
Совесть куцая у них
Не желают знать про Калку –
жжёт их мой упрямый стих.*

*Я к истории ревную.
Как забыть её дела –
эту битву роковую,
что монголов привела?*

*Вечность нам покажет фигу.
То злодейство не избыть.
Заслужили это ИГО?!
Даже страшно говорить...*

*Меж собой дрались бездарно...
Дурь и чванство – о-го-го!!...
В нас сидит дурная карма,
И она в нас глубоко.*

*Мы-то знаем, что, не редко
скрыты тёмные дела...
Нашим пращурам и предкам
подлость свойственна была?*

*Больно мне – я протестую!
Мчусь по гиблым временам,
вижу истину простую:
подлость свойственна и нам!*

*И скажу я вам не спяну
зная свой родимый дом:
по убийству, и обману –
всех, быть может, превзойдём...*

*Не с той битвы ли доньне
дремлет зёрнышко Катюши?*

Согласно Вадиму Ковда, надо всё время говорить только правду, ничего не скрывая, – и о хорошем, и о плохом. Мне, правда, было не совсем понятно, зачем искать примеры так далеко, когда и нация ещё не сформировалась – существовали только отдельные княжества, которые часто воевали друг с другом. Неужели мы несём какую-то ответственность за их деяния? Нам бы с сегодняшним днём разобраться! Но у Ковды был зоркий исторический глаз. Думаю, нынешние украинские события не были бы для него совсем неожиданными, поскольку подобное уже не раз бывало в прошлом.

Невзирая на свой бурный темперамент, Вадим был человеком пытливым и глубоким. Он старался выбраться на свет из философских дебрей: «Никто на свете не бывал счастливым. / Всем то или это не было дано. / А то, что Бог считает справедливым, / для нас несправедливо и темно. / А если в дебрях истины уютной / о чём-нибудь задуматься всерьёз – / всё будет шатко, муторно и мутно. / И нет ответа на любой вопрос». Вот она, удивительная честность Вадима. Почвенника, привыкшего иметь точку опоры, пугает шаткость мироздания, о которой замечательно говорил философ Лев Шестов в работе «Апофеоз беспочвенности». Ковда не притворяется, что нашёл ответы на мучащие его вопросы. Он понимает, что Божественная справедливость не совпадает с человеческой, переживает по этому поводу и не желает мириться с напрягающей ум и сердце двойственностью миропорядка. Любовь к жизни помогает поэту преодолеть кажущиеся неудачи своих духовных поисков. «Жизнь люблю больше смысла её», – признаётся Вадим в стихотворении «Снег. Деревья. Белёное солнце...». (На самом деле он всё чётко понял, сформулировал и даже немного покритиковал «уютные истины»).

Ковда, как и любой человек, был пленником своей природы. Холерик по природе, он неистовствовал в стремлении к правде. Ругал он не только наших предков. Досталось от Ковды и советским инициаторам афганского похода. Сам Вадим пару раз был в Афганистане, когда там находились советские войска. Он часто ругал меня за то, что в моих стихах мало критики действий государства. Когда же я возражал, что критика – это не дело поэзии, он активно не соглашался. Ковда фактически продолжил дело Белинского, только не в критике, а непосредственно в поэзии. И причина тому – идеализм, который не проходил у Вадима даже с годами. Высокая моральная планка. «Лучше покаяться за плохие дела своей страны, нежели их замалчивать», – считал поэт. При этом патриотизм у него был настоящим: «Пусть предаёт тебя страна, / блатная и хмельная, / не предавай её: она – / родная и больная». Он относился к стране так, будто она – тоже человек.

*Я вновь отвергаю бессилье.
И вижу: в глухом полусне
Вздыхается сфинксом Россия
Вдали, предо мной и во мне.*

Вадим сотрудничал с журналом «Наш современник» и всё время грозился познакомить меня со Станиславом Куняевым, чему я, признаться, страшно противился. Вадим почему-то решил, что знакомство

с Куняевым может быть полезным для нас обоих, точнее, и для меня, и для журнала «Наш современник». Он утверждал, что антисемитизм главреда «Нашего современника» сильно преувеличен, и он, как еврей, может за него поручиться. Такая позиция логически вытекает из знаменитого стихотворения Ковды «Еврей, прости антисемита...». А в человеческом плане всё очень просто. Представитель радикальных взглядов почему-то начинает относиться к тебе с нескрываемой симпатией, печатает, делает для тебя добрые дела. И ты тоже начинаешь искать в нём хорошее. Кто ищет, тот всегда найдёт. В России почему-то быть государственным похвально, а быть либералом – постыдно. Либерализм считается непатриотичным, хотя это просто другой вектор развития страны. «Люблю отчизну я, но странною любовью» – писал Лермонтов. Ещё более странной любовью любит отчизну Вадим Ковда:

*Только страха избылье,
только совесть взаперти!
С мясам выломали крылья –
Крыльев нет – одни культы.*

*Растеряла мощь и силу...
Криво всё и бед не счесть...
Всё равно – тебя, Россия,
Я люблю, какая есть.*

Так сложилось, что в последние годы жизни Вадима Ковды я общался с ним, может быть, чаще других. Приложил руку к тому, чтобы книга «Валун» обрела издателя. Хочется, чтобы эта книгашла и своего читателя: она того достойна. Предисловие к «Валуну» написал Лев Аннинский. «Ковы Ковды» – так озаглавлен текст Аннинского. «Ковы Ковды – на грани общепринятой сегодня дилеммы: это ощущение выбора между добром и злом». Мы видим на примере сегодняшних событий, что сделать этот важный для каждого человека выбор бывает сложно, поскольку зло тоже объявляет себя добром и выступает от имени добра.

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

(Эльдар Ахадов, Хары-бюльбюль. – Баку, Шаф-Гарб, 2023. – 100 с., ил.)

Русский поэт Эльдар Ахадов, живущий в Красноярске, гордится своим азербайджанским происхождением. Эльдар выступил в Москве впервые после тяжёлой операции на сердце и долгого лечения в родном Баку. Мне запомнился ролик о дне рождения поэта, где коллектив азербайджанских танцоров произвёл фурор среди его красноярских друзей. На вопрос собравшихся «Кто эти люди?» поэт ответил просто: «Это мой народ». В жизни важно не забывать свои корни. Эльдар Ахадов не стал русифицировать своё азербайджанское отчество: в российском паспорте у него стоит *Алихас оглы*, а не Алихасович, как можно было бы подумать. Всё это благородно, высоко, поэтично и бесстрашно. Это связывает народы крепкой нитью самоуважения. На московских вечерах Ахадов презентовал свою новую книгу, изданную на двух языках, русском и азербайджанском.

У Эльдара есть талант фундаментализировать духовную историю самых разных народов. Он умеет обобщать, делая действительно ценное важным для всех людей. Он – хранитель памяти. Вспомним его «пантеонь» – ненецкий, кельтский, державный. Недавно поэт побывал в Грузии, после чего у него родилась эпическая сага об истории этой страны и о её выдающихся представителях. А до этого, в начале года было завершено сказание о родном Азербайджане. «Хары-бюльбюль» – это, в сущности, азербайджанский пантеон, написанный катренами и дополненный картинками самых известных азербайджанских художников. Впрочем, в новой книге для обозначения её жанра автор использует другое слово – «дастан». И мне понятно, почему: у северных народов, о которых раньше писал Ахадов, такого жанра не существует. Дастан – эпическое произведение в фольклоре или литературе Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии. Обычно дастаны являются фольклорной или литературной обработкой героических мифов, легенд и сказочных сюжетов. Дастан широко использовали в своём творчестве такие известные поэты, как Низами, Фирдоуси, Навои. В этом жанре хорошо работается поэтам, которые легко пишут в ритму и чётко чувствуют ритм. Дастан как литературный жанр особенно важен в эпоху становления народов, формирования государств.

Хары-бюльбюль – это цветок, азербайджанская орхидея, символизирующий чистоту и любовь к отечеству. Согласно одной из легенд, название цветка хары-бюльбюль является символом сказочной истории любви между соловьем и прекрасной розой. Два из трёх лепестков цветка напоминают крылья, а один, в центре, по форме напоминает голову птицы с клювом.

*Сколько их, героев и поэтов?
Обо всех поведать я могу ль?
Обо всех весёлым нежным цветом
По весне поёт Хары-бюльбюль...*

Интересно, что тексты ахадовского «Хары-Бюльбюля» написаны тем же размером, что и песенные строки Лебедева-Кумача: «Широка страна моя родная». Это ёмкие, афористичные строки:

*Бейбутов, Бюльбюль и Магомаев,
Ниязи, семья Бадалбейли...
Их сердце мелодиям внимая,
Бог прощает жителей Земли.*

Действительно, эти известные люди высоко несут звание человека. В гостях у жителей Баку я слышал имена, которые приводит в своём эпосе Эльдар Ахадов. Их ценят и любят в каждом азербайджанском доме. А уж Муслима Магомаева, наверное, знают все народы на постсоветском пространстве!

Азербайджан – страна многонациональная. Многие народности внесли весомый вклад в азербайджанскую культуру. Например, одна бабушка Магомаева была татаркой, другая имела адыгейские и русские корни, а дедушка был турком – тем не менее, сам он считал себя по рождению азербайджанцем, поскольку, как и Эльдар, родился в Баку. Ахадов тонко чувствует, кто из деятелей культуры и искусства входит в золотой фонд азербайджанской культуры. Это те, кто там родился, кто вскормлен этой землёй. Здесь, на мой взгляд, автором использован тот же принцип, что и в его стихотворении «Русские»: людей других национальностей, воевавших в Отечественной войне против Гитлера, тоже называли русскими.

Конечно, в длинном перечне имён выдающихся людей у Ахадова есть авторская пристрастность. Туда вошёл, например, виолончелист Мстислав Ростропович, тоже родившийся в Баку. Всемирно известный виолончелист изображен в книге Ахадова художником Таиром Салаховым. Всего в новой книге поэта использованы работы пяти выдающихся современных азербайджанских художников.

Я участвовал в международном поэтическом фестивале «ЛиФФт», который проходил в 2019 году в Баку. Этот фестиваль был посвящён Всемирно известному поэту Имадеддину Насими, поскольку проходил в юбилейный год 800-летия со дня его рождения. В «Хары-бюльбюле» Эльдара Ахадова читаем о Насими:

*Пой, поэт, звучи повсюду, лира!
Смерти нет, и ты непобедим.
Насими, вместивший оба мира,
Мы с тобой, Сеид Имадедин!..*

«Хары-бюльбюль» – это не лирика в привычном смысле слова. Это торжественная, одическая поэзия, которая закрепляет в веках достижения народа. Удивительно, но Эльдар Ахадов, ярчайший лирик современности, блестяще владеет и торжественным стилем письма. А ведь он ещё и прозаик, и сказочник, автор афоризмов и лирических миниатюр. Можно признать его полстилистом. Разнообразный творческий инструментарий помогает поэту увидеть и запечатлеть цветущую сложность мира. «Всё во мне, и я во всём» – эти тютчевские строки как нельзя лучше отображают склад души и мировоззрение Эльдара Ахадова. Поэт не боится перегрузить книгу малознакомыми именами и топонимами. В иноязычном звучании имён слышится авангардная музыка сфер. След азербайджанской культуры обнаружен археологами и антропологами даже в далёкой Сибири. Об этих священных знаках пишет в своей новой книге Эльдар Ахадов:

*То клубясь под солнцем, то бледнея,
Облаков колышется тесьма
И таит в верховьях Енисея
Руны древнетюркского письма.*

МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

(Галина и Павел Барышниковы, *Мост для императора*. Роман. – СПб, Алетейя, 2022. – 506 с., ил. – (История в лицах))

Литература – дело достаточно индивидуальное и эгоистичное, поэтому дуэты и тандемы встречаются среди авторов сравнительно редко. У Галины и Павла Барышниковых совместное авторство, безусловно, идёт им в плюс. Почему? В отличие от братьев Вайнеров и братьев Стругацких, авторы «Моста» – мужчина и женщина. Известный критик Лев Аннинский говорил, что Павел привнёс в прозу Галины «крепкий мужской стержень». И это действительно так. Кроме того, в романе объединены мужская и женская точки зрения на разные события и проблемы мироустройства. Женщины и мужчины – очень разные, и важно, чтобы присущие их взглядам отличия прозвучали и были услышаны другой стороной. Ведь романтические отношения не могут быть поверхностными и односторонними, им нужен объём. «Мост для императора» – это роман о настоящих людях, увлечённых, страстных, болеющих за своё дело. У супругов Барышниковых хорошо получается создать в романе интригу и увлечь читателей.

Помимо гендерного различия, у каждого из авторов есть в писательском деле личные козыри. Так, Павел Барышников – биолог. В романе много страниц, где природа увидена именно глазами биолога. Вот и герои-охотники тоже позволяют автору блеснуть знанием биологии. Есть в романе и эксклюзивные, парадоксальные биологические теории, которые, безусловно, принадлежат перу Павла Барышникова. Например, осенней порой, после того, как опали листья, в солнечный день становится теплее. Почему? Листья забирают часть солнечного тепла. Их отсутствие даёт солнцу возможность непосредственно воздействовать на нас, людей, прямыми лучами. Безусловно, занимательная биология от Павла оживляет роман. Мы уже не пролистываем пейзажи, как это случается при чтении произведений Льва Толстого. Что касается Галины Барышниковой, соавтора Павла и его супруги, ей хорошо знакомы всевозможные литературные мифы, малоизвестные истории из жизни наших классиков. Осмелюсь допустить, что Павел пишет «биологические» страницы, а Галина – «литературные». Получается настоящая литературная семья, где каждый член семейства привносит в общий проект что-то своё, качественное и не дилетантское. От этого выплывает всё произведение.

«Мост для императора» – часть задуманной авторами тетралогии «Связь времён». Поэтому не удивительно, что в романе есть сквозные сюжеты, словно бы позаимствованные из других произведений Барышниковых, входящих в тетралогию. Вот, например, туркменский след в биографии главной героини романа Майи. В Туркмению, мы знаем по роману этих же авторов о блокадниках Ленинграда, отправляли детей войны. «Мост» – роман молодой и задорный. Его главные герои, студенты Иван и Майя, полны энтузиазма. Увлечённые исследованиями Отечественной войны 1812 года, они то и дело встречают людей, которые также интересуются этой эпохой. И такое совпадение не выглядит у Барышниковых нарочитым: как известно, на ловца и зверь бежит!

Двухвековая дистанция позволяет взглянуть на эпоху Кутузова и Наполеона с высоты птичьего полёта, из-под крыла летящей птицы. История 1812 года переживается героями романа так, как будто всё это происходит здесь и сейчас. Словно бы на наших глазах происходит духовная реконструкция того памятного времени. Многие известные исторические события открываются в романе заново под пристальным взглядом молодых исследователей. «Мост», в сущности, является романом-исследованием. Этим он и интересен. В нём затронуты малоизвестные страницы истории, например, повествующие о борьбе Наполеона с Папой Римским, об отлучении знаменитого полководца от католической церкви. Что импонирует в молодых людях из романа Барышниковых о Наполеоне? Они – ищущие, увлечённые, неравнодушные, постоянно идут навстречу приключениям. Это не та молодежь, что сидит, уткнувшись в гаджеты. Иван и Майя – живые, из плоти и крови. В романе существует общность старшего и младшего поколений. Отцы и дети всё время вместе и стараются, насколько это возможно, понять друг друга. Понять и помочь.

В историческом облике Наполеона, в его проекции на русскую действительность много странного и удивительного. Вроде бы тиран и захватчик – а его боготворили многие великие русские писатели. Не правда ли, странно? Роман Барышниковых пытается ответить нам и на этот вопрос. Любовные письма Наполеона свидетельствуют о том, что он мог бы стать не полководцем, а поэтом. У этого невысокого француза была огромная воля, он обладал множеством разных талантов. При этом он был не лишён и человечности. Известен случай, когда при оккупации Вены Бонапарт просил своих артиллеристов не стрелять в направлении квартала, где жил композитор Гайдн. «Иначе меня проклянут в веках», – говорил он. Полководец хорошо, сжато и афористично умел выражать свои мысли: «Из всех моих сражений самое ужасное – то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». Не правда ли, язык Наполеона впечатляет? «Во мне живут два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить молчать эту струну, которая теперь не издаёт у меня уже никакого звука», – говорил

Наполеон в одну из редких минут откровения. Мы узнаём из романа, что Наполеон «отменил приоритет крови и возвёл личные качества в основную движущую силу». Это и обеспечило ему широкую поддержку разных слоёв населения Франции.

Мы заново переживаем в романе перипетии судеб Наполеона и его главного русского оппонента Кутузова, которые словно бы накладываются на любовные отношения главных героев, Ивана и Майи. Возникает роман в романе. От того и от другого невозможно оторваться. Диалоги поражают искрометностью. Герои Барышниковых, и не только молодые, обладают отменным чувством юмора. Например, бабушка Майи ночью за рулём перепутала педаль газа с педалью тормоза – и чистосердечно в этом признаётся. Приведу ещё несколько забавных цитат из романа. «Отец на радостях, что сын перестал искать взрывчатку минувшей войны, был готов разрешить ему искать хоть сокровища Юлия Цезаря, хоть Александра Македонского, хоть самого Аттилы». «Твой папа-биолог придёт к нам, так она ему про мамонтов рассказывать будет, да ещё письма папы-мамонта к сыну цитировать». «Я бабушке сказала, что привезла серьёзного парня, а не шпану замоскворецкую». «Откуда у твоей бабушки такое отчество – Иосифович? – От папы, разумеется. Он был Иосиф Виссарионович». «Мужчины – это всегда жертвы... женской красоты».

В романе много военных историй, рассказанных от первого лица. На войне особенно важна вера – намного больше, чем в мирное время. В военном деле успех порой приносят абсолютно иррациональные действия, вроде оставления Москвы в той давней войне с французами. Книга даёт всесторонний исторический охват столетий российской истории. Некоторые события переданы в письмах, которые читают герои, в интервью, которые они берут у реальных известных людей. И всё вместе – люди и документы – создаёт «бородинскую панораму» художественного произведения. В романе интересно и то, что авторы переплетают в нём вымышленных героев с реальными людьми. Я лично знаю, по меньшей мере, двух людей из «Моста». Герои среди нас – эта простая мысль проходит через всё повествование. Порой персонажи романа – такие, как художник Ренат Шафиков, инок Киприан, влияют на авторов, и возникает обратная перспектива.

«Мост для императора» – настоящий полифонный роман, из которого каждый может что-то взять для себя. Например, вот это: «Не живи удобно. Живи по-настоящему. Наша беда в том, что мы все стремимся к удобству. Мы все заражены вирусом удобства. Беги от компромисса и удобства. Будь собой. Будь живой». Роман пропагандирует жизнь открытую, истовую, значимую для людей. Некоторые страницы читаются нами как откровение – малоизвестные факты про уроки живописи, которые брал Лермонтов у художника Заболотского, рассказ о реальных героях лермонтовского стихотворения «Бородино». Мне показалось, что авторы ничего не сочиняют, а с высокой степенью доверительности и достоверности рассказывают нам свою личную историю. Это подтверждается тем обстоятельством, что в эпилоге Иван и Майя начинают вместе писать книгу. И это очень похоже на историю самих авторов, суругов Барышниковых.

Важен и этический посыл романа: авторы показывают нам норму поведения, что в нашей жизни может быть правильным и естественным. Никого не идеализируя, Барышниковы показывают нам, к чему стоит стремиться, чтобы не было «мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы». «Мост» учит нас быть пытливыми и бережными друг к другу, растить своё генеалогическое древо: «Люди, как деревья, живут корнями: родами, семьями, кланами. И пока у нас есть корни, у нас будет будущее».

ВЫГОВАРИВАНИЕ ЗВУКА

(Александр Воловик, *Он это я. Стихи 2018 – 2022 гг.* – М., *Плавучий мост*, 112 с.)

Что-то сдвинулось в нашем сознании. Если раньше жизнь поэта была ограничена тридцатью семью годами, то теперь и в восемьдесят лет творческая жизнь стихотворца не только не затухает, но и, бывает, разгорается ещё ярче. Поэзия теперь не укорачивает, а удлиняет жизнь человека. Есть яркий пример восьмидесятилетнего патриарха русского авангарда Константина Кедрова, который каждый год выпускает новую книгу, написанную с нуля. Творчество Александра Воловика, ровесника Кедрова, тоже вписывается в этот мысленный ряд. «Он это я» – книга стихов пяти последних лет. Никаких пересечений с прежними текстами. Причём это далеко не все тексты, написанные поэтом за последнее время – только избранные. Название книги – несколько переиначенное и русифицированное индуистское изречение на санскрите: тат твам аси. Я – это ты, ты – это я. В этом крылатом изречении слышится общность отдельного индивидуума с окружающим миром. Вычитывается в заглавии книги и такой смысл: «он» – это тоже «я», только в несколько другом, изменённом состоянии. Например, в стихах Александр Воловик всё же несколько другой, чем в жизни. Все эти сведения можно почерпнуть в его творчестве. «Бессобытийный» поэт то «удручающе нормален», то, наоборот, он «честный одиночка-маргинал». Возможно, как раз бессобытийность жизни и побуждает поэта идти на разные ухищрения, иронизировать, заниматься весёлой самокритикой. Александр легко шутит на темы возраста, национальности, жизни и смерти.

«Стайер» по жизни, Александр Воловик закончил в своё время мехмат МГУ. Раньше для поэзии это было приговором: физикам не позволялось быть с лириками на равных. Но в России поэту нужно жить долго. С течением времени всё перевернулось: теперь физика лирике только помогает, делая её яркой и лексически богатой. В стихах Александра Воловика – большой объём бытия, вытекающий из сочетания в душе поэта противоположных начал. «Трубадур скабреза, но раб приличий», – шутит он о себе. Иногда и сам человек не знает тайну своей души, но пытается её исследовать. И творчество, конечно, помогает в таких исследованиях. Воловик – рыцарь поэзии. Для него писать так же естественно, как и дышать.

Словотворчество – тоже важная вещь для поэта: «Я ранний вставахер. / Я поздний ложухер». Возможно, именно бессобытийность жизни помогает Александру изобретать слова. На что ещё обращаешь внимание в новой книге? У Александра Воловика – редкий ритмический дар. Бывает, у других поэтов все стихи написаны одним и тем же размером. А вот у Александра всё не только разнообразно, но и даже изысканно в плане ритма стихотворений: «И вдруг дошло: меня вела ж – блажь. / Кто я такой? Таких велик клан. / И не лежит, куда ложил, глаз. / А ведь я клал его туда, клал!». Без врождённого чувства ритма так не напишешь. Ритм – это и есть «правда» стихотворения. Это звук в квадрате. Именно разнообразный ритм в сочетании с необычной лексикой представляется мне главенствующим элементом в поэтике Воловика.

Александр считает, что поэзия – это, прежде всего, звук. Одно из стихотворений в новой книге так и называется «Не ум, а звук». Впрочем, все авторы почитают главным в поэзии то, что сильнее всего выражено у них в собственной лирике. Например, Рильке полагал, что поэзия – это судьба. Вознесенский говорил, что поэзия – это понимание. Александр Воловик идеально чувствует звук. Мало кто способен найти общее, например, у митрополита и метрополитена. А общее – звучание этих слов. Приведу ещё один фрагмент из новой книги о важности акустики в стихах: «Мы себе позволяем резвиться, / из-за звука вызванивать звук». Вот ещё один: «Выговаривая звук, / можно думать ни о чём». Мы понимаем, что звукопись действительно важна в поэзии Александра Воловика.

*Разбойных вёсен свесив завязь
разнузданно и несуразно,
дремучий бор стоял у яуз,
и лоси по болотам вязли.*

*Пилы не знали ели. Еле
кольши листьями, берёзы
как будто тенью скрыть хотели
непрошенные сосен слёзы.*

*Но бездорожью и безлюдью
уже готовилась расправа,
шли лесорубы, словно судьбы
и грамыхали топорами.*

*Варяги в греки шли с товаром
и зачарованно глядели,
как стены крепкие вставали
и башни грозной цитадели.*

Поскольку у Александра есть чутьё на звук, рифмы в его творчестве также играют важную роль. «Завязь – яуз», «глазу – плаза», «взоры – взорван», «аптеки – аптеки», «сила ботаники – в силлаботонике», «политика – поллитры как», зван – звон» – тут вам и корневые рифмы, и составные, и ассонансные. Цветущее разнообразие! Ещё один формообразующий для поэтики Александра элемент – нестандартный взгляд на окружающий мир. Если весь мир – театр, то играют в нём не только люди, но и вещи. Например, разные фасоны одежды: «Раз, весёлою походкой / выйдя на дорогу, / кимоно с косовороткой / повстречали тогу. / Угостили тогу водкой, / подивились смогу, / и продолжили дорогу / шаткою походкой. / А вокруг в снегу сновали / армяки, шинели, / паши шёлково шуршали, / фески пламенели... / Я же, лёжа, гол и бос, / это вот в мобильник внёс». Александр – редкий лирик, который сам пишет об особенностях своей стилистики. Тем самым, конечно, он изрядно облегчает задачу рецензентов:

*Сиди, объденность, в потёмках,
не тормози мою работу!
Я не люблю писать о чём-то.
Меня не вдохновляет что-то.*

*А я люблю писать про нечто.
Про взгляд и нечто. Но такое,
чтобы звенело, как колечко,
о подстаканник, золотое.*

*И чтобы тонкие глаголы
витами, цацкались и пели,
и звуков лёгкие уколы
ознобом отзывались в теле.*

*Летя стрелглав, как света кванты,
чтоб в цель они ложились кучно...
– Так Вы творите как новатор?
– Ну да, и складно, и нескучно.*

Стихия Александра Воловика, по его собственному признанию, – «буквы спаривать со звуками интимно / в соответствии взаимно-однозначном». Воловик не входит ни в какие литературные объединения. Однако жизнь его неразрывно связана с поэзией: «Я живу в первичном мире, / в том, который был всегда. / Тут не мчат автомобили, / не роятся города. / Тут не избы, а чертоги, / не сараи, а дворцы. / И живут тут только боги. / Только боги и творцы».

В новой книге Александра много стихов авангардных и новаторских. Вот, например, его посвящение Велимиру Хлебникову:

*смеюнчик верлимифней хлебника
кривотосклив оскаламбурен
прелюбогамной младоступности
куздраслевая в смотрофон
харфрасментарий гуинпленником
непринудист но в терем торем
перепалачен шлепом пупочки
фрибольно зубам в солдафонд*

На мой взгляд, этот текст Воловика больше напоминает не Хлебникова, а тексты нашего современника и друга Вилли Мельникова, увы, от нас ушедшего. Но именно Велимир был первым русским поэтом, который широко начал использовать в стихах изобретённые им слова. Александру Воловику одинаково хорошо удаются как авангардные стихи, так и классические. Складывается впечатление, что он способен писать их одновременно, и это очень редкое явление в современной поэзии. Автор ориентирован на поиски новых форм ради вечного обновления: «Ав- / густ: / трав / куст, / днд- / жей / дож- / дей». «Средь дыр был щами», – шутит поэт, перефразируя Алексея Кручёных.

В лирике Александра я нередко слышу внутренние диалоги с классиками. Например, у Пушкина Сальери говорит – «Поверил алгеброй гармонию». У Воловика – «гормоны алгеброй смирял, нырял в источник». У Пушкина – «народ безмолвствует», у Воловика – «народ согласен». Что, если вдуматься, почти одно и то же: народ согласен с властью – и именно потому безмолвствует, и безмолвствовать ему почему-то не позорно. Есть у Александра и своё «нет, я не Байрон, я другой». Это стихотворение «Ни внутренне, ни подкожно».

Представлены в новой книге и стихи о пандемии. Пандемия ушла, а стихи об этом странном времени остались. Важно, что в стихах Воловика, даже самых отвлечённых, пульсирует время. Поэт нетривиально говорит о событиях на Украине. Он не кричит и не молчит – он... проговаривается об этом в стихах на другие темы. Нечаянные обмолвки свидетельствуют о важности вопроса для автора, и при чтении это впечатляет больше, нежели крик. Через всю книгу проходит горечь поэта о потере близкого друга – Владимира Герцика. «Нет, весь я не уйму!» – говорил Герцик, перефразируя Пушкина. Стихотворением Александра Воловика памяти Герцика я и хочу закончить свой обзор.

*Я тоскую без Герцика...
Всюду постные лики.
Без Володи – без перца как
или как без аджики.*

*Он усердствовал яростно
по несбыточным целям,
от галёрки до ярусом,
максимален и целен.*

*Бил то хокку, то «блямсами»,
точно в бубен меж буден,
островзглядно-неглянцевиый,
неуёмнен и труден.*

*И всегда – а иначе как! –
читать и помнить я буду
бородатого мальчика,
просветлённого Буддой.*

Книга Александра Воловика «Он есть я» доступна в интернет-магазинах «Озон», «Читай-город», «Book-24» и других книжных магазинах.

ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ И ХВОСТ МОРКОВКОЙ

(Елена Данченко, Морковка для лошади Синтер Клааса. Повесть. Рассказы. Очерки. – Киев, Друкарский двор Олега Фёдорова, 2021 – 196 с.)

Дневниковая экзистенциальная повесть Елены Данченко никого не оставляет равнодушным. В моём лице писательница обрела благодарного читателя. Дело в том, что я провёл около трёх лет в госпиталях и знаком с больничными условиями не понаслышке. Но лечили меня ещё в советских больницах. А что происходит в современных лечебных заведениях за рубежом? Например, в Европе? Книга Елены Данченко даёт нам возможность побывать в непривычной для отечественного пациента обстановке. При чтении книги у читателей возникает ощущение почти физического присутствия в нидерландской больничной палате. «Морковка для лошади Синтер Клааса» – это авторская исповедальная проза, которая вызывает прилив сострадания к людям, помещённым в больничные условия. Книга очень личная, выстраданная, прожитая.

Елена Данченко обладает незаурядным литературным талантом. Она превращает сагу о человеческих страданиях в незабываемое путешествие, в котором наслаждаешься и языком автора, и живописными, часто сатирическими персонажами, которые проходят перед глазами главной героини. Тем не менее читателю может показаться, что героиня попала не в лечебное заведение, а в дурдом. (Написал – и улыбнулся: ведь сумасшедший дом – тоже вполне себе больница!). Елена описывает больничные будни с изрядной долей сарказма и чёрного юмора. Когда человек нездоров, у него обостряются все чувства, тонкой кожей он чувствует любую несправедливость, а голландская больница – заведение довольно строгого режима.

Экзотично уже то, что в тамошних лечебных заведениях для мужчин и женщин существуют... общие палаты. Такое у них понимание гендерного равенства. Это создаёт бытовые проблемы для пациентов, особенно для женщин. Врачебные процедуры, начиная с поликлиники, напоминают хождение по мукам. Пациента «динамят», говоря языком сленга, поскольку анализы и обследования, абсолютно необходимые для операции, предлагают делать в разных больницах, но не в той, где, собственно, операцию будут проводить. Вдобавок ко всему, у автора, Елены Данченко, а она и есть главная героиня повести, очень подвижная нервная система, что часто свойственно творческим людям. Поэту, попавшему в лапы эскулапов, тесны любые рамки, а деятельность лечебных учреждений повсюду регламентируется строгими законами, которые к тому же повсеместно нарушаются самими медиками. Любая малость, любая деталь может вывести пациента из себя. Но любая малость может и обрадовать, и укрепить дух. Однажды Елена увидела в душе больничной палаты шахматный пол и сразу подумала: это мама помогает с небес. Мама писательницы была сильной шахматисткой, входила в состав сборной Молдавии по шахматам. Когда родилась Елена, маме пришлось оставить шахматы: она не могла ездить по соревнованиям, поскольку не с кем было оставить ребёнка. Темперамент Елены Данченко, унаследованный ею от матери, часто вредит ей, но часто и выручает, когда нужно постоять за себя и за свои права.

Люди, даже одной национальности, все разные. То, что одному человеку представляется важным, другому кажется ничтожным, и на этой почве даже между здоровыми людьми возникают конфликты. Как же нам быть? «Быть или не быть? – вот в чём вопрос». Жизнь учит нас терпимости. Однако терпимость и толерантность – вещи разные. В толерантности велика доля политики, поэтому она часто бывает со знаком «минус». И об этом повествует в «Морковке для лошади Синтер Клааса» Елена Данченко.

Споры между россиянами и голландцами идут вокруг пресловутой политкорректности, младшей сестры толерантности. Есть кардинальные различия между русским и европейским менталитетом. Нам кажется, что у них всё вывернуто наизнанку. Прикрываясь ложными представлениями о приличиях, уроженец Нидерландов ведёт себя вроде бы мягко, но неестественно и издевательски, проявляя, по выражению Елены Данченко, «нежный фашизм». Иноплеменницу гнобят за то, что она не местная, но делают это в рамках закона. Не подкопаешься. В основном это свойственно врачебному персоналу голландских больниц. Вначале мне показалось, что такова местная специфика. Но такой же «весёлой» и негостеприимной для Елены, со своими «прибамбасами», оказалась и больница в испанской Андалусии. Исторически сложилось, что в этой испанской провинции жили цыгане. И, видимо, «цыганщина» вкралась и в быт местных больниц. По закону Андалусии, пациент может подселить к себе в палату здоровых родственников. Для этого в палатах предусмотрены специальные кресла. Родственники больного могут остаться в палате на ночь, они могут даже жить там вместе с пациентом до выписки. Чем не цыганский табор? Русского человека, конечно, это шокирует. Больному-сердечнику хочется тишины, внимания и, если не любви, то хотя бы покоя, тем более, что покой совершенно необходим для этой категории больных.

Помимо «Синтер Клааса», в книге Елены Данченко представлены тринадцать рассказов и два очерка. Два рассказа из тринадцати, «Анна из Верхних Альп» и «Бабочка», обладают, на мой взгляд, потенциалом повестей. Читая новую книгу Елены Данченко, я сделал неожиданное открытие. Одну и ту же историю Елена рассказывает два раза: первый раз – как постороннюю, с чужими иноязычными персонажами, а затем как свою собственную, глубоко личную. Ни у кого из писателей я не припомню такого драматургического хода. Конечно, в рассказе «Вот такое кино» акцент перемещается на образ отца героини, о котором в «Анне из Верхних Альп» сказано вскользь, что он был добрее матери. На боевой характер мамы писательницы, возможно, повлиял страшный концлагерь Равенсбрюк, в котором ей пришлось мучиться три с половиной года. Мамин концлагерь и дочкины больницы – два пика человеческих страданий в новой книге.

Рассказы Елены образуют с повестью о Синтер Клаасе смысловое единство. Тяжёлые испытания часто пробуждают у человека скрытые до поры до времени возможности. Пример Елены Данченко и её родителей подтверждает: Господь наградил нас самыми разнообразными талантами, которые долго могут находиться в «спящем» состоянии. Так, например, шахматные способности у мамы Елены открылись уже в зрелом возрасте. Испытания и утраты компенсируются и уравновешиваются пробуждёнными способностями. «Просто выжить на войне – уже подвиг», – говорит в своём монологе мама Елены. Характер человека закаляется в борьбе с неблагоприятными условиями. Но надо держать хвост морковкой, даже если морковка предназначена для лошади!

Название книги – «Морковка для лошади Синтер Клааса» – звучит непривычно для русского слуха. Но в таком названии, мне кажется, есть свой резон. Писательница словно бы подчёркивает своё положение иностранки среди аборигенов, «чужой», которую местные люди постоянно норовят задеть из-за её акцента, «лошадки», перед носом которой держали «морковку» – символ операции, которую пришлось буквально выгрызть у равнодушной системы. «Морковка для лошади Синтер Клааса» – книга о человеческом достоинстве, о том, чего нельзя купить ни за какие деньги. Книга Елены Данченко помогает нам преодолеть искривлённость нашего мировоззрения: мы по старинке думаем, что везде в мире хорошо, и только у нас – плохо. Но это совсем не так, поэтому такие честные книги нужны. Они воодушевляют и побуждают нас не сдаваться в сложных ситуациях, которые нам то и дело подбрасывает жизнь. «Бороться и искать, найти и не сдаваться», – вспоминаются слова Альфреда Теннисона, которые высечены на могиле полярного исследователя Роберта Скотта.

«КОНКРЕТИКА ОТ КРИТИКА»

НАРИНЕ ЭЙРАМДЖЯНЦ

РОМАН-ЖИТИЕ СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО «ДУРОЧКА»

Роман «Дурочка» Светланы Владимировны Василенко входит в число самых известных произведений русской литературы XX века. Работу над романом С.В. Василенко начала в 1993 году, работала над ним несколько лет. В 1998 году произведение было отмечено премией журнала «Новый мир». В 2000 году издательством «Вагриус» в серии «Женский почерк» был выпущен сборник «Дурочка», в который вошли избранные произведения Светланы Василенко. Иллюстрации для «Дурочки» по просьбе автора создал Виктор Голпе. Роман переведён несколько языков, удостоен нескольких литературных премий.

«Дурочка» обозначена автором как «роман-житие», что напоминает о принятой в христианской культуре жизнеописаниях святых и мучеников. Образы главной героини Наденьки и её близнеца из альтернативной реальности Ганны несут в себе многие черты, присущие христианским святым, а также персонажам более ранних мифологий.

Действие романа происходит в двух измерениях. Первое из них имеет точное временное и пространственное обозначение: 1962 год, военный городок Капустин Яр. Второе измерение также располагается в Капустинском Яру и даже приблизительно датировано – «193...». Наденька попадает туда чудесным образом, приплывает на плоту младенцем, и оттуда также уходит по реке, возвращаясь к родителям и к брату Марату, от имени которого ведётся повествование в начале и в конце романа.

Если обратиться к хронологии событий, раскрытой в разных частях романа, то мы получим следующую картину: в семье военного рождается девочка с ментальными проблемами. Посчитав её появление постыдным, мать кладет её в колыбель на малиновую подушечку и пускает по реке. Река уносит Надю в тридцатые годы, где её отлавливают мужики по просьбе тётки Харьты. Когда в деревне настает голод, Харьта везёт девочку всё в тот же Капустин Яр, только тогда он ещё не городок, а большой посёлок. Там, в кельях бывшего монастыря, расположен приют для детей репрессированных, которым управляет суровая коммунистка Тракторина Петровна. Из этого мира тридцатых Надя-Ганна возвращается тоже по реке, уже взрослой приходит к родителям. В финале романа детей городка эвакуируют из-за опасности ядерного взрыва. Воспитатели, производящие эвакуацию детей – постаревшая Тракторина Петровна и жительница Капустина Яра Мария Боканёва, которая заменила Харьту. Ганна возносится, превращается в белый свет, рождает новое солнце.

«Житие» и русское странничество. В романе переплетаются народная тема странничества и жизнеописаний христианских святых. Старинная традиция, сохранившаяся вплоть до советского периода, занимала важнейшее место в русской культуре, в народном самосознании. Хотя, если рассмотреть явление странничества в широком его смысле, то наверняка найдутся сильно видоизменённые его формы советского периода. Возможно, отголоски древней культуры стали в разрушительной его форме «бродяги» из преступного мира и туристы из мира социализированного.

Древние странники несли миссию богоугодных подвижников, посвятивших свою жизнь бесконечному путешествию. Их с радостью принимали в купеческих домах, как часто писал Островский в своих пьесах. Принимали как посланников судьбы или Бога. В СССР мрачная и злоеющая культура криминального мира несколько превзошла понятие преступности, понятное и принятое до этого. В числе изгнанных из социума оказались те, кто крайне редко туда попадал в иные эпохи: добропорядочные граждане, виновные лишь в одном, в своём социальном успехе. Или в происхождении. Таким образом мир советских

изгоев наполнился светлыми умами, трудолюбивыми руками волевых людей, перестал быть в полной мере тем, чем был раньше – приютом только лишь потерявших человеческий облик. Советский криминал не часто, но всё же удивлял своим благородством, милосердием к скрытым и убогим. Частью этого мира является каста бродяг: людей, которые приносят обет скитания. Не будем героизировать всю их массу, отметим лишь, что разнообразие характеров этого пласта было следствием репрессий, раскулачивания и других антигуманных действий.

Среди образованных, физически развитых советских людей становились популярными разные «бесполезные» с точки зрения обывателя увлечения. Был среди них и туризм. Молодых людей бесконечно тянуло в горы, в походы. Возможно, так русское странничество разделилось, уйдя в тёмный и светлый миры. Обращаясь к теме странничества, Василенко раскрывает всенародную трагедию тридцатых, посылая жителям Капустина Яра блаженную странницу Ганну.

«Житие» – это история странницы Ганны, чудесным образом пришедшей на землю, приходящей к страдающим, к покинутым и столь же чудесно покинувшей землю, чтобы родить солнце, как в «Апокалипсисе».

Образ Наденьки-Ганны. Главная героиня наделена чертами чудесного героя, обладает многими качествами волшебных персонажей устного народного творчества. Это неудивительно. Обе исторические плоскости романа относятся к тревожным временам, особенно период тридцатых годов, да и шестидесятые полны страха, хоть и иного рода. В разные периоды жизни человека или тем более целого народа естественно обращение к необычному герою как к возможному спасителю.

С другой стороны отношение к людям с особенностями ментального развития в народной культуре всегда было специфическим. Особенных людей считали посредниками между миром проявленным и мирами незримыми. Это убеждение оказалось в народе настолько твёрдым, что сохранилось и в более поздней христианской культуре, с небольшими трансформациями. В новой христианской культуре юродивых стали возводить в ранг святых, но связанные с юродивыми легенды носили явный отпечаток более раннего исторического периода, что часто отображалось в русской литературе.

Так, у Пушкина в «Борисе Годунове» устами блаженного Николки с царём будто говорит сам Бог, напоминая царю об убийстве царевича. Пушкинский Николка, несомненно, близок Наденьке больше, чем, например, Лизавета Смердящая из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Устами Николки с царём говорит сама Судьба, которая указывает царю на совершённые им дела и сообщает, что за него нельзя молиться, потому что «Богородица не велит». Наденька не говорит, но, несомненно, является посланницей неких высших сил. Наденьке известна их воля, неведомая людям – именно поэтому некоторые её поступки кажутся непонятными: она отказывается вылечить больную и дважды спасает опасную для неё самой Тракторину.

Из своего времени в тридцатые Надя попадает по реке и точно так же возвращается к родителям. В устном народном творчестве по рекам можно попасть в иные миры. В индийской мифологии боги, решив воплотиться в человеческом обличии, порой не рождаются у земных женщин. Их находят в образе младенцев в земле или в воде.

Юродивая Наденька-Ганна не разговаривает. Но она умеет передавать свои мысли телепатически и поёт, причём не просто воспроизводит мелодии, а поёт так, что люди порой не верят в её немоту.

Ганна приносит с собой новые события. А ещё она приводит с собой Богоматерь. В первый раз это Харыта Савельевна, земная женщина, которая растила Ганну, а потом в голодный год решила отдать её в детский дом, чтобы спасти от голода. Харыта остаётся в детском доме и начинает выполнять функции матери для всех сирот – кормит их, учит отмечать старые праздники. Харыта – как воплощение Богоматери.

После ареста Харыты Марат решает отравить Тракторину. Но Ганна не даёт ей съесть отравленную лепешку. Марата убивают. То есть Ганна губит Марата и почему-то спасает Тракторину. В дальнейшем, получив дар исцеления, Ганна отказывается вылечить ребёнка, но исцеляет Тракторину, восстанавливает её способность ходить. Действия Ганны не подвластны простой логике, она действует по закону, известному ей одной. А если учесть, что роман-житие написан «в лоне» христианской этики, становится очевидным, что, не позволив Марату совершить убийство, Ганна спасает его от совершения греха.

После гибели Марата ей нужно бежать из лагеря, чтобы не погибнуть самой. Уходит она по реке. Так начинается уже самостоятельное путешествие Ганны в мире тридцатых.

Отдельного внимания заслуживает сказка об Ахтубе. Ганну вылавливают рыбаки и принимают её за ханскую дочь Тубу, именем которой названа была впоследствии река Ахтуба. Звал её безутешный жених «Ах, Туба! Ах, Туба!». Так и называли в честь её саму реку. Сюжет о подводном царстве занимает в романе-житии значимое место и требует отдельного, более детального разбора. Он занимает важное место в романе, уводит действие в волшебное пространство. При этом связь с реальностью у жития довольно крепкая. Персонажи Мария Боканёва, Марат, Тракторина появятся через тридцать лет, когда Ганна вернётся Наденькой в семью военного.

В сцене после убийства Марата тоже происходит чудо. Тракторина и сторож замечают Ганну на дереве и решают срубить дерево, чтобы поймать её. Но дерево не падает, пока Ганна не прыгает с него, а упав, калечит Тракторину.

Финальная сцена, где Надя рождает новое солнце, объединяет христианскую и дохристианскую культуры. Босая Надя возносится на небо. Вознесение в небо и подробное описание стоп Нади создают характерный для христианского мировоззрения образ святой мученицы. «Грязные пятки от того, что она всегда ходила босиком». А в небе Надя «рождает новое солнце». Сцена напоминает не только о солнце-поклонничестве и причудливых старых мифах. Надя в небе напоминает видение Иоанна, описанное в Апокалипсисе о видении девы в небе. Сцена рождения нового солнца – аллегория ядерного взрыва, после которого Наденька заберёт всех с собой на небо. Также новое солнце – символ часто использовавшийся в поэтическом языке большевиков – новое солнце, новый восход знаменовал новый уклад жизни.

Эпизод, в котором Ганну вылавливают из реки сетями, выступает метафорой настроений в обществе, отношения людей к материальным благам, их преданности убеждениям. Рыбацкая артель напоминает общество первых апостолов, которые пошли вслед за Христом.

Повернулся к остальным Пётр, закричал:

– Эй! Рыбаки! Вставайте! Андрей! Иван! Яков старший да Яков младший! Семён! Фаддей! Филипп! Матвей! Варфоломей! Фома! Айда на лодки!

Их даже зовут, как христовых рыбаков.

Кто-то предполагает, что Ганна русалка, а кто-то уверен, что это сама Туба, дочь царя Мамаю, которая стала речной царницей после того, как утопилась из-за тоски по русскому князю Дмитрию. История принцессы Тубы – местная легенда, которую автор включает в роман-жизни не только из любви к родному краю. В обсуждении истории проявляются мотивы членов рыбацкой артели.

Рыбак Рябой хочет сдать Ганну властям, чтобы рассказала, где лежит золото.

– А ведь правда она это! Туба! Ханская дочь! – изумился Чубатый. – Вишь, услышала про своего Дмитрия и заплакала.

– Ханская? – переспросил Рябой. – Тогда надобно сдать её властям!

– Это зачем же? – удивился Чубатый.

– Хан – по-нашему будет – царь, – сказал Рябой. – Ведь так?

– Ну, так, – согласился Чубатый.

– А раз так, то она по-нашему – царская дочка. Так?

– Ну, так, – опять согласился Чубатый.

– Вот и выходит, – сказал торжественным голосом Рябой, – что мы царскую дочь у себя укрываем!..

Диалог показывает характерное для «современных» реалий явление: любая легенда, любое убеждение или явление можно было попытаться, слегка додумав, «вписать» в советскую идеологическую действительность.

По свидетельству автора, у Наденьки-Ганны есть прототип, подруга детства Светланы Василенко. Девушка обладала особенностями ментального развития и стала прототипом в трёх романах писателя – это, собственно, «Дурочка», «Охота за сайгаками» (Люба) и рассказ «Город за колючей проволокой». Надя скончалась в 2011 году.

Кто встретился на пути Ганны. Харыта привозит Ганну в детский дом, который располагается в бывшем монастыре и называется «Рогатая школа». Упоминание рогов – отсылка к чертям. В СССР в ранние годы было принято давать подобные названия бывшим церковным объектам. В качестве примера приведу основание колхоза «Безбожный» в Армении на землях, принадлежавших когда-то монастырю Эчмиадзин. Возле школы Харита и Ганна встречают Марата, который ловит рыбу. На его голове выбрит крест.

Острижение волос крестом – часть инициационного обряда, приёма в монастырскую общину. Точно так же остригут и Ганну. Директор детского дома Тракторина Петровна говорит, что стрижка у них вместо паспорта. Это важный аспект. В «рогатую школу» принимают детей и формально закрывают глаза на отсутствие документов, им ставят «метку» в виде особой стрижки, чтобы показать принадлежность к заведению. А прошлого у них нет, оно стёрто. Именно потому «прощается» отсутствие документов.

При этом Тракторина постоянно славит советскую власть и ругает детей за «старорежимные привычки». Но для «метки» использует как раз старый порядок, характерный для монастыря. Так старое место диктует свои порядки новым обитателям.

Марат несёт рыбу трём сестрам – Вере, Наде и Любе. У сестёр имена святых покровительниц. Вера, Надежда и Любовь утешают тех, кто проходит через трудности. И получается, что у Марата из тридцатых есть сестра Надя, как и в шестидесятые. Возможно, Марат из тридцатых – дядя Марата, от имени которого ведётся повествование.

Харыта как воплощение Заступницы. Встреча Хариты на рынке с отцом Василием и Марией Боканёвой одна из важнейших сцен в романе. Отец Василий калмык и Харита даже спрашивает: «Да нашей ли ты веры?». Узнав, что он священник, Харита начинает давать отцу Василию наставления:

– И не пей больше, батюшка, – строго, как мать, выговаривала тетка Харыта ему. – Ты здесь службу несёшь, тебя здесь сам Господь поставил, – и зашептала в его ухо что-то.

Загорелся огонь в узких глазах отца Василия. Дослушал, из тележки встал:

– Спасибо, матушка...

– Так-то, батюшка, – ответила.

Позже отец Василий начинает бить в колокол, у которого вырван язык и пойдёт слух, что звонить ему велела сама Богородица. А мы помним, что Харыта шептала ему что-то на ухо.

В 1962 году рядом с поседевшей, но такой же бойкой Тракториной не будет Харыты. Хотя как на это посмотреть. На смену ей пришла Мария Боканёва. Она взяла на себя функции Харыты и даже разговаривает, как она. Не боится нисколько Тракторину Петровну и защищает от неё детей.

– Ну-ка отойди, Тракторина, – сказала баба Маня. – Пропусти мальчика в автобус! И её, душу живу. Это тебе не детдом! Да и время другое!

И баба Маня пошла на Тракторину Петровну сродью.

Тракторина Петровна нехотя отодвинулась и, что-то записав в свой листок, пропустила нас с Надькой в автобус.

– Ты, Марья Боканёва, как была подкулачница, так и осталась! – сказала она в сердцах бабе Мане. – И торьма тебя не исправила!

– Зато могила всех исправит! И тебя тоже! – легко сказала баба Маня, залезая в автобус вслед за нами.

Далее мы видим, как в автобусе, переполненном эвакуированными детьми, повторяется диалог из тридцатых:

– Баба Маня, скажи: где я буду, когда умру?

Баба Маня не успела мне ответить.

– Нигде! – сказала, будто мстя мне, Тракторина Петровна. – Превратишься в молекулы!

В «Рогатой школе» тридцатых Харыта крестит мальчика Чарли после того, как он спрашивает, что с ним будет после смерти. Марат и Ганна становятся крестными родителями всех детей, которых Харыта крестит за компанию. Явившимся напоследок чекистам Харыта говорит:

– Бесы прилетели. Опоздали. Они теперь не ваши.

Затем она обращается к Ганне:

– Мы ещё увидимся, Ганна, с тобой. Не на земле, так на небе. Не плачь! Марат, береги Ганну...

Богородица в облике Харыты пытается утешить даже Тракторину Петровну. Она подходит к отвергнутой любовником директорше и называет её Ариной, Аринушкой. Тракторина отвергает поддержку.

– Арина! – Руку на плечо положила. – Аринушка!

Оглянувшись та, лицо заплакано:

– Я!

– Случилось что?

– Следил за мной? – Слезы у Тракторины Петровны сразу высохли.

– Мимо проходила, помочь тебе хотела, Арина.

– Какая я тебе Арина?! – закричала. – Тракторина я.

– Ты ж человек, – сказала тетка Харыта. – И имя у тебя должно быть человеческое, какое при крещенье дали, – сказала тетка Харыта.

Богородица приходит в утешение ко всем, в том числе и к злодеям – они же люди...

Образ Марата. В «романе-житии» два Марата. А возможно, это один и тот же мальчик, который является чтобы помогать Ганне-Наденьке, служит ей как рыцарь служит Прекрасной Даме. Роман начинается от первого лица, Марат смотрит, как Наденька раскачивается на качелях и будто размышляет вслух. Язык размышлений Марата напоминает язык, которым написана «Школа дураков» Саши Соколова. Он спрашивает Наденьку откуда она взялась. И Наденька отвечает ему телепатически, что её зовут Ганна. После этого действие переносится в тридцатые годы, где Ганна попадает в Рогатую школу и встречает там другого Марата, наловившего рыбки для сестёр Веры, Нади, Любы. Марат сразу начинает опекать Ганну, защищает её от мальчишек.

Как-то вечером дети разыгрывают сцену из семейной жизни. Рыжая Конопушка изображает мать семейства, сёстры – детей. Но Марат выбирает на роль жены Ганну. Она начинает опекать детей, накрывает для них стол. Марат изображает, как он пришёл с работы. Ганна начинает мыть ему ноги и пытается выпить воду.

– Не пей! – закричал на не Марат. – Не надо, это грязная вода...

– Раньше древние жены мыли ноги мужу и эту воду пили, – сказала Конопушка. – Я сама читала.

– Мы же не древние! Зови Чарли и Булкина! – Конопушка выбежала за дверь.

Чарли и Булкин изображают «чёрный портал», разыгрывают сцену ареста Марата. По поведению детей очевидно, что все они хорошо знакомы с этой процедурой. Но Ганна накидывается на мальчишек и отбивает у них Марата.

...Марат и Ганна проникают на мельницу.

Белая, как туман, мука висела в воздухе.

– Встань и стой! Пусть мука на тебя садится! – шептал Ганне на ухо Марат. Встал сам, разведя руки в стороны. Показывал Ганне. Ганна встала рядом, подняла руки.

Стояли, покрываясь мукой. Бородатый краснорожий мельник, весь в муке и солнце, их увидел. Красноармеец к нему подошёл. Мельник подмигнул Ганне, увёл красноармейца подальше.

Выползли на свет божий – Марат и Ганна – белые, все в муке, даже ресницы. Шли осторожно, разведя руки в стороны, чтобы мука не оседала.

Спена на мельнице напоминает описание городка из «Школы дураков», на который постоянно оседала белая меловая пыль.

Харьта крестит умирающего мальчика Чарли, а вместе с ним и всех пионеров Рогатой школы. Она нарекает Марата и Ганну крестными родителями для новокрещённых, закрепляя их союз.

Харьту увозят вызванные Тракториной Петровной благодетели порядка. И Марат решает отомстить – подмешивает яд в лепешку Тракторине. Но Ганна не даёт ей съесть лепешку. Марата убивает сторож.

Спена убийства Марата заслуживает особого внимания.

Огромная спина сторожа ворочалась перед окном. То наклонялась, то выпрямлялась. Ганна от каждого движения спины пряталась за ветку.

Наконец спина отодвинулась, отошла.

Прямо на неё смотрел мёртвый Марат, повешенный сторожем.

Лицо Марата было заплакано.

Ганна закричала так, что задрожали листья.

Сторож подошёл к окну, невидяще вглядываясь во тьму. Потом побежал вниз, громыхая сапогами.

– Ганна! Слезай! – услышала Ганна голос Тракторины Петровны. – И не кричи так. Ребят разбудишь. Слезай, кому говорю!

Ганна обхватила дерево ещё крепче. Затаилась. Услышала тихий разговор внизу:

– Он мёртв? Ты проверял? Она видела всё? Что будем делать, Егорыч? Её убирать надо...

Сторож подошёл к дереву, изо всех сил потряс его. Дерево закачалось, словно в буре. Ганна крепко прижалась к стволу. Потряс ещё. Ушёл.

– Слезай, Ганна! Ты же хорошая девочка. Ты добрая честная девочка. Ты мне жизнь спасла. Я тебя не трону. Чего ты испугалась? Что Марат умер? Так он сам виноват. Зачем он хотел отравить меня? Вот он и повесился от страха! От страха перед наказанием. Он сам, сам повесился! Сам! Слезай, Ганна. Слезай, детонька...

Ганна залезла ещё выше.

Дерево вдруг вздрогнуло от удара топора. Ещё раз и ещё.

Сторож яростно рубил дерево.

Ганна испуганно посмотрела вниз. Тракторина Петровна ей с земли кричала:

– Слезай, дрянь! Я тебя собственными руками задушу! И никто не спросит! От холеры умерла, скажу! Подойти побоятся!

Ганна прыгает, дерево падает на Тракторину и делает её инвалидом. Начинается следующее путешествие Ганны, в результате которого она возвращается в шестидесятые к новому Марату.

Заметно, что мальчики разные, их объединяет только функция защитника Ганны. Марат из тридцатых похож на романтического книжного героя. Он ведёт себя как молодой мужчина – заботится о сёстрах, говорит с Ганной о женитьбе, опекает её, решает на убийство и принимает смерть по вине Ганны. И только когда Ганна видит его повешенным, на его глазах блещут слёзы.

Марат из шестидесятых – это ребёнок. Он тоже защищает Наденьку, злится на Тракторину из-за неё, но в реакции остаётся мальчиком. Марат хочет ударить Тракторину камнем, его удерживают, а потом в автобусе он повторяет про себя «Дура! Дура!».

Беременность сестры для него скрыта деликатным покровом иносказания:

Моя сестра Надька забеременела от тополиного семени.

Тогда пух летел как снег, с юга дул горячий ветер, и была жара и белая метель, пух прилипал к мокрой от пота коже, и всё чесалось, и ей этим южным ветром надуло. Надьке ветром надуло, говорили, и живот её осенью стал раздуваться, как воздушный шар, если его надувать насосом от велосипеда.

И даже растущий живот Нади для Марата – нечто волшебное. Разглядывая его в душевой, его воображение будто предрекает скорое вознесение Нади.

... этот шар становится с каждым днём больше и больше, и я всё боялся, всё боялся, что натянутая кожа не вытерпит и лопнет, – но он всё рос, этот шар, и я стал тайком ждать, что однажды в один из дней этот воздушный шар поднимет Надьку, мою сестру, туда, вверх, откуда идёт дождь, туда, где курлы-курлы, – и она повиснет над нашим серым военным печальным городом и будет лежать в небе, как азростат или как солнце, и улыбнется оттуда с неба своей дурацкой бессмысленной улыбкой, от которой хочется разреваться. И может, тогда наступит на земле жалость и счастье.

Он превратил беременность Нади в некое волшебное явление, скрыв от собственного сознания страшное событие.

Но совсем скоро это детское восприятие Марата будет растоптано Тракториной.

Тракторина Петровна – несчастная женщина, которая «нашла приют» у Советской власти, заменившей ей семью. Она служит идее, как холодная машина. И как становится ясно в конце романа – Тракторина посвятила своему делу всю жизнь, посев в пионерском галстуке.

В начале романа Тракторина говорит Харыте, что они со сторожем Егорычем «как мамка и папка в большой рабоче-крестьянской семье». Но в этой семье детей бьют, наказывают голодом и даже убивают, как Марата.

Призывая детей не обижать Ганну, Тракторина говорит:

Я покажу вам, как издеваться над Ганной! Запомните: Ганна – дурочка! Она – сумасшедшая! Понятно? Она – не как вы! Она – как животное! Она – как собака. Разве можно мучить животных? Бегом! Не обижать её! Ганна – больная!

В деревне она чужая. Тракторина – представитель силы, нарушившей привычный уклад жителей. Несмотря на то, что у неё есть какая-то власть и сила, Тракторина остаётся изгоем. Школа, которой она руководит, находится в бывшем монастыре, то есть в месте, куда раньше люди уходили от мира.

Её железное сердце не трогает горе сирот, она остаётся жестокой, даже постарев.

– Это её солдаты изнасиловали? – допытывалась она.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Нет, – сказал я.

– Ну как же? Ещё письмо из отдела образования в школу приходило. Зимой в Салдатском парке Надю Сидорову, умственно отсталую девочку, трое солдат завели в водонапорную башню и изнасиловали...

– Никто её не насиловал! – заорал я.

– Ну да, ну да, – улыбнулась она ехидно, глядя выразительно на Надькин живот. – Как же! Ветром надуло...

Деликатное положение Наденьки, которое замаскировано на протяжении всего романа, не называется открыто в потоке мыслей Марата. Тракторина с лёгкостью вскрывает «правду» на словах, не щадя переживаний мальчика. Она даже отказывается впустить Надю в эвакуационный автобус вместе с другими детьми:

– Пропустите! – сказал я.

Тракторина Петровна заслонила дверь собой.

– Нет. Она не поедет! Её нет в списке! – злобно сказала она.

– Как – не поедет? – не поверил я. – Ведь она здесь погибнет одна?

– Таких, как она, – с ненавистью сказала Тракторина Петровна, – ещё в роддомах уничтожать надо. Она не человек! Пусть остаётся...

Положение спасает решительная Мария Боканёва, перед праведной волей которой бессильна даже она, Тракторина.

– Ты, Мария Боканёва, как была подкулачница, так и осталась! – сказала она в сердцах бабе Мане. – И тюрьма тебя не исправила!

– Зато могла всех исправить! И тебя тоже! – легко сказала баба Маня, залезая в автобус след за нами.

Единственный эпизод, в котором Тракторина проявляет живые эмоции – в мире тридцатых, когда Харыта застаёт её отвергнутой сторожем-любовником. Но даже плача от обиды, Тракторина не принимает сочувствия и отказывается от «человеческого» имени Арина, которым её называет Харыта.

Она легко принимает решение убить Ганну, поняв, что девочка видела убийство Марата. В ней нет и тени сомнения, даже несмотря на то, что Ганна спасла ей жизнь. И впоследствии, получив от Ганны «исцеление», Тракторина остаётся верна себе.

Отошла Ганна, взглядом приказала Тракторине Петровне: вставай!

Как замороженная Тракторина Петровна встала, пошла к Ганне.

Стояли, глядели друг на друга.

– Так это ты святая? – сказала Тракторина Петровна. – Я всегда знала, что ты плохо кончишь.

Образ Тракторины знаком многим, чьи школьные годы пришлись на советское время. Верившие в новые идеалы педагоги были уверены, что несут добро и правду. И что, приобщив своих учеников к этой правде, они сделают их лучше, честнее, правильнее.

Змея в романе-житии выступает важным, хоть и очень кратковременным персонажем. Она запускает цепь важных событий, необратимых и роковых. Но появляется змея только два раза. Первый раз – в начале романа, когда Марат вспоминает эпизод в поле. Надя собирала в поле красные тюльпаны и её укусила змея, которая затем уползла. Марат начал высасывать яд из раны, а потом в больнице пугал её змеиным шипением.

Собранные Надей тюльпаны дети вместе с отцом относят к памятнику Ленину. Позже, увидев их засохшими, Надя начинает плакать. В этом, казалось бы, простом эпизоде просматривается символизм. Надя оплакивает засохший букет цвета крови, который лежит у ног Ленина, как символ прерванных жизней.

Второе появление змеи – в тридцатые годы. Марат ловит змею, выцеживает её яд и поменявшись с другим мальчиком в дежурстве на кухне, подмешивает его в лепешку для Тракторины. Но в результате гибнет сам Марат.

Этот эпизод очень напоминает характерную для советского времени ситуацию: попытки выступления против действующей власти были обречены. И часто из-за святой простоты таких же угнетенных граждан.

Заключение. Роман-житие «Дурочка» написан в 1993-1998 годах. Это время возрождения религии, массового обращения советских граждан к вере после длительного официального запрета. Также это было время переосмысления советского периода истории, время, когда озвучивались события, о которых ранее полагалось молчать.

Роман является важным памятником русской литературы по ряду причин. И самая важная из них – осмысление пережитого исторического опыта. Автор обращается к драматическим событиям истории, раскрывает их с позиции простого человека, ход судьбы которого безвозвратно изменён переменами, перед которыми он бессилён. Эпизоды из жизни крестьян Капустина Яра будто написаны по подлинным воспоминаниям, в них много деталей и невыдуманных эмоций.

Форма изложения истории Наденьки-Ганны современна, при этом открыто обращена к историческим жанрам: к средневековым народным историям странников, к житиям святых, к текстам Достоевского, посвящённым этической проблеме морального выбора героя. Главная героиня не терзается вопросом, имеет ли она право совершать тот или иной поступок, но её действия вызывают вопросы у читателя.

При этом, как в классической литературе, в романе присутствуют идеально добрый и идеально злой персонажи – Харыта и Тракторина.

Особую ценность роману придаёт личный жизненный опыт автора, столкновение с важными историческими событиями.

Главной темой романа выступает переживание Апокалипсиса, конечности бытия, хрупкости человеческой жизни и всего мира в целом. Особый драматизм истории придаёт её преломление сквозь восприятие ребёнка, для которого кошмар событий опутывается туманом сказочности.

Финал романа-жития «Дурочка» можно назвать открытым. После того, как Надя рождает в небе солнце, остаётся непонятным, что же именно принесла она в мир – новую надежду или радиоактивную погибель...

«ШШКАФ»

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(Александр Руднев, Путешествия по литературе. Сборник очерков, статей, рецензий – М., Серебряные нити, 2023 – 272 с.)

Имя Александра Петровича Руднева на протяжении многих десятилетий известно читателям газет «Слово» и «Литературная Россия», журнала «Южное Сияние». И вот в издательстве «Серебряные нити» вышел довольно большой сборник статей, очерков, рецензий под общим названием «Путешествия по литературе».

А.П. Руднев – сын Петра Александровича Руднева, его отец был видным филологом, специалистом в области теории стихосложения. Он преподавал в Коломне, в Тарту, где сотрудничал со знаменитым учёным, академиком Ю.М. Лотманом, последние двадцать три года жизни в Петрозаводске. После смерти литературоведа преданные ученики и почитатели приняли участие в научном сборнике, посвященном его памяти. Так что отношение к филологии, словесности, литературной критике тут «потомственное».

Эта книга, написанная достаточно увлекательно, популярно, живым пером, подаёт тем не менее серьёзные литературные темы – начиная с Лермонтова и Льва Толстого автор быстро ступает на излюбленную свою колею, пишет о писателе и драматурге Серебряного века Леониде Андрееве, критике и публицистике которого была посвящена его успешно защищённая им диссертация. Долгие годы А. Руднев сотрудничал с ИМЛИ, участвуя в издательских проектах этого солидного научного учреждения, чья деятельность для отечественной науки имела и имеет большое значение.

А. П. Руднев пишет о К. Чуковском и как о некрасоведе, исследователе биографии и творчества Н.А. Некрасова, и тут же вспоминает Корнея Ивановича как живого человека, общение с ним – в мемуарном очерке – «Переделкинский патриарх –

К.И. Чуковский». Этот очерк, наполненный непосредственными сценами, читается с большим интересом и ценен как для широкой читающей публики, так и для Дома-музея К. Чуковского, близ которого, в Доме творчества писателей и происходила непосредственно описанная встреча будущего литератора с патриархом русской литературы в 1967 году.

Книга Руднева «компасно» указывает на огромный, в 900 страниц том Ф.Ф. Фидлера – «Из мира литераторов: характеры и суждения». Этот собиратель анекдотов из жизни литературных знаменитостей был учителем немецкого языка в гимназии, писал свой дневник по-немецки, по наблюдению Руднева, сухо и педантично. Кстати, Фидлер был учителем и гимназиста Н. Гумилева, о котором отзывался плохо. Слухи и сплетни, «интимные подробности» эпохи несомненно представляют интерес...

Немало страниц посвящено Алексею Толстому. Среди них – «Алексей Толстой: хождение по мукам в реальной жизни и в литературе» и даже «Принципы построения биографии А.Н. Толстого: книги Ю.А. Крестинского, В.И. Баранова, В.В. Петелина, А.Н. Варламова, Ю.М. Оклянского». Даже только из названия статьи ясно, сколь широк исследовательский охват темы, которая близка исследователю-критику, который рецензировал также и книгу-сборник «Алексей Толстой: диалоги со временем» (Вып. 2).

Как и в случае с К. Чуковским, в книге есть и также мемуарный очерк – «Последняя жена Алексея Толстого», в нём описано общение А.П. Руднева с «четвёртой по счёту и последней женой Алексея Николаевича...», Людмилой Ильиничной Толстой. И тут вновь обаяние непосред-

ственности, свежесть и искренность венчают текст.

Литературоведы-профессионалы могли бы заметить некоторое сходство (по составу) книги А. Руднева и книги Ивана Толстого «Курсив эпохи. Литературные заметки» (СПб, Издание «Пушкинского фонда», 1993). Тут тоже драгоценно поблескивает богатая россыпь имён поэтов русского зарубежья, литераторов Серебряного века.

Тематически новационными материалами, нам кажутся, в частности, статья-глава «Что я запомнил о доме С.Н. Дурылина», «Усадьба Шервинских – коломенская аномалия»; рецензия на книгу рано погибшего молодого немецкого поэта Георга Фитингофа фон Шея. К тому же ряду относится отклик на выпуск альманаха «Александровская

слобода» (2022), названный – «Скрещение судеб в старом русском городе». В нём много страниц посвящено представителям семьи Цветаевых, особенно Марине и Анастасии Цветаевым. Той же теме отданы страницы рецензии на книгу Юрия Гурфинкеля «Ещё легка походка... А. Цветаева в жизни». Текст таинственно назван «Подземная река».

Книга не исчерпывает всего многомерного разнообразия статей, исследований, рецензий, опубликованных автором книги в периодической печати, но многое весомое и ценное, адресованное знатокам и любителям литературы, в неё вошло и составит познавательное чтение для культурного читателя.